

Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт
Кафедра класічнай філалогіі

STUDIA PHILOLOGICA

ФІЛАЛАГІЧНЫЯ ШТУДЫ

Зборнік навуковых артыкулаў
Выпуск IX

Мінск
2020

УДК 80(082)
Ф 513

Рашэнне аб дэпаніраванні вынес:
Савет філалагічнага факультэта
2 красавіка 2020 г., пратакол № 6

Рэдакцыйная калегія:
В. Г. Пракапчук (гал. рэд.),
К. А. Тананушка (нам. гал. рэд.),
А. В. Гарнік, А. У. Кірычэнка

Рэцэнзенты:
А. А. Кожынава, доктар філалагічных навук, прафесар,
прафесар кафедры тэарэтычнага і славянскага мовазнаўства БДУ;
Н. А. Круглік, кандыдат педагагічных навук, дацэнт,
загадчык кафедры лацінскай мовы БДМУ

Філалагічныя штудыі = *Studia philologica* : зб. навук. арт. Вып. 9 / БДУ,
Каф. класічнай філалогіі ; [рэдкал.: *В. Г. Пракапчук* (гал. рэд.) і інш.]. —
Мінск : БДУ, 2020. — 247 с. : іл. — Бібліягр. у тэксце.

У дзявятым выпуску зборніка «Філалагічныя штудыі» прадстаўлены артыкулы, прысвечаныя праблемам класічнай філалогіі, рэцэпцыі антычнай культуры ў еўрапейскую, грэка-лацінскай тэрміналогіі, а таксама пераклады і рэцэнзіі.

Прызначаецца шырокаму колу чытачоў.

КАФЕДРЫ КЛАСІЧНАЙ ФІЛАЛОГІІ БДУ – 25 ГАДОЎ

Errant, qui in prosperis rebus impetus fortunae
in omne tempus fugisse se putant.

Rhetorica ad Herennium

Памыляюцца тыя, хто ў часы дабрабыту
мяркуе, што назаўсёды пазбавіўся ад нягод.

Рыторыка да Герэнія

2020 год – год юбілею кафедры – не просты для краіны і ўсяго свету, але няпростым для Беларусі быў і 1995 год, калі мы заснавалі першую ў краіне кафедру класічнай філалогіі. Паступова мы стварылі беларускую школу класічнай філалогіі, якую ўжо добра ведаюць калегі з іншых краін. Нам ёсць, чым ганарыцца. Але перш за ўсё хочацца з вялікай падзякай узгадаць асобу, якая заклала падмурак нашай кафедры, асобу, якая прысвяціла сваё жыццё справе стварэння і станаўлення калектыву кафедры, – яе першую загадчыцу Галіну Іванаўну **Шаўчэнка**. У 2017 годзе мы святкавалі юбілей Галіны Іванаўны – 70 год, з якіх 50 гадоў свайго жыцця яна аддала служэнню Беларускаму дзяржаўнаму ўніверсітэту, і цяпер працягвае па-мацярынску падтрымліваць нас.

Гэтыя 25 гадоў былі нашым шчаслівым юнацтвам. Успомнім, як гэта было...

Да адкрыцця кафедры, у 1990–1994 гадах, падрыхтоўка спецыялістаў са спецыялізацыяй па класічных мовах ажыццяўлялася на аддзяленні рускай мовы і літаратуры. У падрыхтоўцы першых спецыялістаў прынялі ўдзел кандыдаты філалагічных навук, дацэнты Галіна Іванаўна **Шаўчэнка**, Антаніна Васільеўна **Гарнік**, Людміла Мікалаеўна **Мушчынiна**, Андрэй Зіноўевіч **Цісык**, старшы выкладчык Галіна Раманаўна **Налівайка**. У 1994 годзе на кафедры сталі працаваць выкладчыкамі выпускнікі, якія атрымалі дыпламы са спецыялізацыяй па класічных мовах: Арына Уладзіміраўна **Кірычэнка** (цяпер кандыдат філалагічных навук, дацэнт), Наталля Віктараўна **Пратасевіч** (старшы выкладчык), Юлія Анатольеўна **Сядзініна-Баркоўская** (старшы выкладчык) і іншыя.

У 1999 годзе ў шэрагі супрацоўнікаў кафедры ўліліся першыя выпускнікі аддзялення класічнай філалогіі, якія атрымалі дыпламы з адзнакай і мелі некаторы досвед навукова-даследчай працы. Так, на кафедры пачалі працаваць

Вольга Генрыхайна **Пракапчук** (цяпер загадчык кафедры, кандыдат філалагічных навук, дацэнт), Дзмітрый Мікалаевіч **Гоман** (кандыдат філалагічных навук, дацэнт), Вольга Сяргееўна **Зарэмба** (вядучы спецыяліст кабінета грэчаскай філалогіі, кандыдат філалагічных навук, дацэнт), Кір Аляксеевіч **Тананушка** (дацэнт).

Крыху пазней на кафедру прыйшлі ў якасці супрацоўнікаў і некаторыя іншыя яе выпускнікі: Дзмітрый Генадзьевіч **Мінкевіч** (старшы выкладчык), Кацярына Віктараўна **Стрыга** (кандыдат філалагічных навук, дацэнт), Ягор Уладзіміравіч **Прыстаўка** (кандыдат філалагічных навук, дацэнт), Настасся Уладзіміраўна **Давыдава** (выкладчык), Марыя Валер'еўна **Залатар** (вядучы спецыяліст).

За 25 гадоў існавання кафедра падрыхтавала ўжо шэсць выпускаў «класікаў». Больш за 30 выпускнікоў працуюць па спецыяльнасці. Выпускнікамі кафедры абаронена 10 кандыдацкіх і 1 доктарская дысертацыя.

Вялікая ўвага на кафедры надаецца навуковай працы студэнтаў. Студэнты спецыяльнасці «Класічная філалогія» далучаюцца да яе з першага курса, прымаючы актыўны ўдзел у штогадовых факультэцкіх, універсітэцкіх і міжвузаўскіх канферэнцыях. Так, у рамках даследавання навуковай тэмы кафедры «Класічныя мовы ў кантэксце беларускай культуры» студэнты 2 курса спецыяльнасці «Класічная філалогія» ў 2018 годзе распрацавалі праект «Лацінамоўныя надпісы ў храмавай культуры Беларусі», дзе прадставілі калекцыі лацінамоўных надпісаў, сабраных у каталіцкіх храмах сваіх родных рэгіёнаў. Ідзе праца над праектам «Лацінамоўныя надпісы ў Нацыянальным гістарычным музеі», у выніку якога плануецца выдаць з перакладам і навуковым каментарыем малавядомыя шырокай аўдыторыі карты і гравюры з фондаў Музея. Нашы студэнты атрымліваюць гранты на навуковыя і вучэбныя стажыроўкі ў Польшчу, Грэцыю, перамагаюць у рэспубліканскіх і міжнародных конкурсах навуковых работ студэнтаў.

У сакавіку 2019 года на кафедры пры падтрымцы Ганаровага консульства Грэцыі быў адкрыты кабінет грэчаскай філалогіі. Кабінет мае сучаснае мультымедыйнае абсталяванне і выкарыстоўваецца для больш эфектыўнай падрыхтоўкі спецыялістаў па класічнай філалогіі і аптымізацыі распрацоўкі новых формаў навукова-даследчай работы студэнтаў. На базе кабінета працуе кінаклуб «Грэкаманія», праводзяцца курсы навагрэчаскай мовы, заняткі ў студэнтаў спецыяльнасці «Класічная філалогія», а таксама розныя мерапрыемствы.

Сёння кафедра па сутнасці з'яўляецца агульнаўніверсітэцкай. Да стварэння кафедры класічнай філалогіі лацінская мова вывучалася толькі на філалагічным і гістарычным факультэтах. З 1997 года гэтая дысцыпліна ўвайшла ў навучальныя планы васьмі ўніверсітэцкіх факультэтаў:

філалагічнага, гістарычнага, юрыдычнага, міжнародных адносін, філасофіі і сацыяльных навук, сацыякультурных камунікацый, біялагічнага, хімічнага, – і юрыдычнага каледжа БДУ. Старажытнагрэчаская мова, акрамя спецыяльнасці «Класічная філалогія», чытаецца на спецыяльнасці «Славянская філалогія», а таксама на спецыяльнасці «Філасофія» на факультэце філасофіі і сацыяльных навук. Для магістрантаў спецыяльнасці «Мовазнаўства» прафесарам кафедры Нінай Барысаўнай **Мячкоўскай** чытаецца курс «Грэка-лацінская лексіка ў сучаснай гуманітарнай тэрміналогіі».

Новы статус латыні ў БДУ прывёў да неабходнасці стварэння новых падручнікаў і дапаможнікаў, якія адлюстроўваюць спецыфіку кожнага факультэта. Са спісам асноўных выданняў кафедры прапануем азнаёміцца ніжэй.

Запрашаем на наш сайт (<http://graecolatini.bsu.by>; лютэтка: <http://graecolatini.by>), на старонку кафедры на сайце філалагічнага факультэта БДУ (<http://philology.bsu.by/by/kafedry/classichnaj-philologii>), у нашы групы ў сацыяльных сетках (<https://www.facebook.com/graecolatini/>, https://vk.com/classica_bsu).

Упэўнена, што мы стаім на пачатку змены адукацыйнай парадыгмы. З вялікай хуткасцю ідуць працэсы анлайн-адукацыі, інтэрнацыяналізацыі і камерцыялізацыі вышэйшай школы. Якія будуць наступствы гэтых змен, пабачаць ужо нашы нашчадкі. Ведаю адно: тое, што робіш, рабі *bona fide*. Наша кафедра заўсёды працавала і будзе працаваць сумленна на карысць студэнтаў і Бацькаўшчыны.

В. Пракапчук¹

¹ **Вольга Генрыхіўна Пракапчук** – загадчык кафедры класічнай філалогіі БДУ, кандыдат філалагічных навук, дацэнт (prokorchuk@bsu.by).

АСНОЎНЫЯ ПРАЦЫ КАФЕДРЫ КЛАСІЧНАЙ ФІЛАЛОГІІ БДУ

1996

Studia philologica: сб. науч. ст. / науч. ред. Г. И. Шевченко. – Вып. 2. – Минск: БГУ, 1996. – 93 с.

Гарник, А. В. Учебное пособие по латинскому языку для студентов юридического факультета / А. В. Гарник, Г. Р. Наливайко. – Минск: БГУ, 1996. – 78 с.

1997

Гарник, А. В. Учебное пособие по латинскому языку с элементами римского права для студентов юридического факультета / А. В. Гарник, Г. Р. Наливайко, Г. И. Шевченко. – Минск: БГУ, 1997. – 113 с.

Наливайко, Г. Р. Краткая грамматика латинского языка: учеб. пособие для заоч. отд-ний филол. и ист. фак. / Г. Р. Наливайко. – Минск: БГУ, 1997. – 78 с.

1998

Studia philologica: сб. науч. ст. / под общ. ред. Г. И. Шевченко; [редкол.: А. В. Гарник и др.]. – Вып. 3. – Минск: БГУ, 1998. – 111 с.

Цисык, А. З. Основы латинского языка и медицинской терминологии: учеб. пособие для учащихся мед. училищ / А. З. Цисык. – Минск: Выш. шк., 1998. – 157 с.

1999

Гарник, А. В. Практическое пособие по древнегреческому языку / А. В. Гарник. – Минск: БГУ, 1999. – 92 с.

Цисык, А. З. Дверь в латинский язык и биологическую терминологию = *Janua in linguam Latinam et terminologiam biologicam*: учеб. пособие / А. З. Цисык, Г. И. Шевченко; науч. ред. В. В. Лысак. – Минск: БГУ, 1999. – 115 с.

2000

Гарник, А. В. Введение в латинский язык = *Janua in linguam Latinam*: учеб.-метод. пособие по латин. яз. для студентов ЕГУ / А. В. Гарник, Г. Р. Наливайко, Г. И. Шевченко. – Минск: ЕГУ, 2000. – 106 с.

2001

Studia philologica: сб. науч. ст. / [под общ. ред. Г. И. Шевченко]; редкол.: А. В. Гарник [и др.]. – Вып. 4. – Минск: РИВШ, 2001. – 126 с.

Гарник, А. В. Латинский язык с элементами римского права: учеб. пособие для юрид. специальностей / А. В. Гарник, Г. Р. Наливайко, Г. И. Шевченко. – Минск: БГУ, 2001. – 138 с.

2002

Studia philologica: сб. науч. ст. / под ред. Г. И. Шевченко; [редкол.: А. В. Гарник и др.]. – Вып. 5. – Минск: БГУ, 2002. – 202 с.

Вечные истины = *Aeternae veritates*: сб. латин. изречений для студентов фак. права и других специальностей гуманитар. профиля / сост.: А. З. Цысик, О. Е. Давыденко. – Минск: ЕГУ, 2002. – 59 с.

Гарник, А. В. Латинский язык: учеб. пособие для студентов юрид. специальностей вузов / А. В. Гарник, Г. Р. Наливайко, Г. И. Шевченко. – Минск: БГУ, 2002. – 148 с.

Кириченко, А. В. Практическое пособие по латинскому языку: для студентов фармацевт. отд-ния / А. В. Кириченко, Е. В. Кейзик. – Минск: БГУ, 2002. – 113 с.

Латинско-русский словарь / авт.-сост. К. А. Тананушко. – Москва: АСТ; Минск: Харвест, 2002. – 1037 с.

Латинско-русский словарь / авт.-сост. К. А. Тананушко. – Минск: Харвест, 2002. – 1342 с.

Русско-греческий разговорник / авт.-сост. Кир Тананушко. – Москва: Мартин, 2002. – 286 с.

Сединина, Ю. А. Латинский язык: учеб.-метод. комплекс для студентов заоч. и дистанц. формы обучения, обучающихся по специальности 1-24 01 02 «Правоведение» / Ю. А. Сединина. – Минск: ФУСТ БГУ, 2002. – 77 с.

Сединина, Ю. А. Словарь латинских дериватов в английском, немецком, французском и итальянском языках / Ю. А. Сединина, Н. В. Протасевич, Д. Н. Гомон; под ред. Г. И. Шевченко. – Минск: БГУ, 2002. – 112 с.

2003

Сединина, Ю. А. Латинский язык: учеб.-метод. пособие для студентов заоч. формы обучения, обучающихся по специальности 1-24 01 02 «Правоведение» [Электронный ресурс] / Ю. А. Сединина. – Минск: БГУ, 2003. – 82 с.

2004

Гарник, А. В. Латинский язык = Lingua Latina: учеб. пособие для студентов филол. и ист. специальностей учреждений, обеспечивающих получение высш. образования / А. В. Гарник, Г. И. Шевченко. – Минск: БГУ, 2004. – 246 с.

2005

Conspectus grammaticus linguae Latinae = Краткая грамматика латинского языка: учеб.-метод. пособие / сост.: Ж. В. Некрашевич-Короткая, Д. Г. Минкевич, Т. В. Федосеева. – Минск: Мисанта, 2005. – 68 с.

Studia philologica = Филологические штудии: сб. науч. ст. / под ред. Г. И. Шевченко, К. А. Тананушко; [редкол.: А. В. Гарник и др.]. – Вып. 6. – Минск: БГУ, 2005. – 146 с.

Латинско-русский словарь / авт.-сост. К. А. Тананушко. – Минск: Харвест, 2005. – 1037 с.

Латинско-русский словарь / авт.-сост. К. А. Тананушко. – Минск: Харвест, 2005. – 1342 с.

Цисык, А. З. Античная метрика / А. З. Цисык, И. А. Шкурдюк. – Минск: БГУ, 2005. – 34 с.

Шевченко, Г. И. Фразеологизмы античного происхождения в славянских языках / Г. И. Шевченко. – Минск: БГУ, 2005. – 210 с.

2006

Зарембо, О. С. Древнегреческий язык: учеб. пособие для студентов гуманитар. фак. БГУ / О. С. Зарембо, К. А. Тананушко; под ред. А. В. Гарник. – Минск: БГУ, 2006. – 193 с.

Зарембо, О. С. Латинский и древнегреческий языки: учеб. пособие для студентов специальности «Философия» / О. С. Зарембо, О. Г. Прокопчук. – Минск: БГУ, 2006. – 42 с.

Краткая грамматика латинского языка: учеб.-метод. пособие / сост.: Ж. В. Некрашевич-Короткая, Д. Г. Минкевич, Т. В. Федосеева]; 2-е изд., испр. и доп.. – Минск: Мисанта, 2006. – 68 с.

2007

Гомон, Д. Н. Новогреческий язык: пособие для студентов филологического факультета БГУ / Д. Н. Гомон. – Минск: БГУ, 2007. – 102 с.

Учебник латинского языка / сост.: К. А. Тананушко, Н. В. Адамчик. – Минск: Харвест, 2007. – 447 с.

Шевченко, Г. И. Словарь латинских дериватов в языках восточных и западных славян / Г. И. Шевченко, А. В. Гарник, А. В. Кириченко; под ред. Г. И. Шевченко. – Минск: БГУ, 2007. – 108 с.

2008

Латинско-русский словарь / авт.-сост. К. А. Тананушко. – Минск: Харвест, 2008. – 1037 с.

Латинско-русский словарь / авт.-сост. К. А. Тананушко. – Минск: Харвест, 2008. – 1342 с.

Некрашевич-Короткая, Ж. В. Латинский язык: сб. упражнений и текстов для лингвист. анализа: для студентов гуманитар. специальностей / Ж. В. Некрашевич-Короткая, Т. В. Федосеева. – Минск: БГУ, 2008. – 170 с.

Русско-греческий разговорник / авт.-сост. К. А. Тананушко. – Москва: Мартин, 2008. – 286 с.

Цисык, А. З. Латинский язык для биологов: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений по биол. специальностям / А. З. Цисык, Г. И. Шевченко; под ред. В. В. Лысака. – Минск: БГУ, 2008. – 123 с.

2009

Studia philologica = Филологические штудии: сб. науч. ст. / под ред. Г. И. Шевченко, К. А. Тананушко; редкол.: А. В. Гарник [и др.]. – Вып. 7. – Минск: БГУ, 2009. – 163 с.

Гарник, А. В. Словарь греческих дериватов в языках восточных и южных славян / А. В. Гарник, А. В. Кириченко, О. Г. Прокопчук; под ред. А. В. Гарник. – Минск: БГУ, 2009. – 139 с.

Сединина, Ю. А. Латинский язык: учеб.-метод. комплекс: для студентов высш. учеб. заведений заоч. формы обучения по специальностям 1-21 05 01 «Белорусская филология», 1-21 05 02 «Русская филология», 1-21 03 01 «История», 1-23 01 12 «Музейное дело и охрана историко-культурного наследия», 1-23 01 13 «Историко-архивоведение» / Ю. А. Сединина. – Минск: БГУ, 2009. – 146 с.

2010

Гомон, Д. Н. Латинский язык: учеб.-метод. пособие для студентов гуманитар. фак. специальности 1-21 06 01 «Современные иностранные языки» / Д. Н. Гомон, А. В. Кириченко, О. Г. Прокопчук; под ред. Г. И. Шевченко. – Минск: БГУ, 2010. – 178 с.

Некрашевич-Короткая, Ж. В. Латинский язык: пособие для студентов специальности 1-21 06 01 «Современные иностранные языки»

(по направлениям)» / Ж. В. Некрашевич-Короткая, Т. В. Федосеева; науч. ред. А. З. Цисык. – Минск: БГУ, 2010. – 215 с.

Прокопчук, О. Г. Латинский язык: тесты для студентов 1–2-х курсов филол. фак. / О. Г. Прокопчук. – Минск: БГУ, 2010. – 61 с.

2011

Зарембо, О. С. Латинский язык: учеб.-метод. пособие для иностр. студентов высш. учеб. заведений, обучающихся по специальности 1-21 05 02 «Русская филология»: (с прил. CD) / О. С. Зарембо, О. Г. Прокопчук; под ред. Г. И. Шевченко. – Минск: БГУ, 2011. – 170 с.

2012

Гарник, А. В. Латинский язык = Lingua Latina: учеб. для студентов учреждений высш. образования по филол. и ист. специальностям / А. В. Гарник, Г. И. Шевченко. – Минск: БГУ, 2012. – 263 с.

Прыстаўка, Я. У. Лацінскі трактат Мацея Казіміра Сарбеўскага «Аб васстрыні і досціпе» (1619/1623 гг.) і яго месца ў гісторыі ведаў аб мове і камунікацыі / Я. У. Прыстаўка. – Мінск: БДУ, 2012. – 163 с.

Шаўчэнка, Г. І. Лацінская мова: вучэб. дапаможнік для студэнтаў устаноў высш. адукацыі па гуманітар. спецыяльнасцях / Г. І. Шаўчэнка, А. В. Гарнік, К. А. Тананушка. – Мінск: БДУ, 2012. – 342 с.

2013

Зарембо, О. С. Древнегреческий язык: учеб. пособие для студентов учреждений высш. образования по гуманитар. специальностям / О. С. Зарембо, К. А. Тананушко; под ред. А. В. Гарник. – Минск: БГУ, 2013. – 351 с.

Кириченко, А. В. Латинский язык: учеб.-метод. пособие для студентов учреждений высш. образования по специальности 1-48 02 02 «Технология лекарственных препаратов» / А. В. Кириченко, Н. В. Протасевич. – Минск: БГТУ, 2013. – 185 с.

Кириченко, А. В. Латинский язык = Lingua Latina: учеб.-метод. пособие для студентов, обучающихся по специальностям 1-31 05 01–03 «Химия (фармацевтическая деятельность)», 1-31 05 01–04 «Химия (охрана окружающей среды)» [Электронный ресурс] / А. В. Кириченко, Н. В. Протасевич; под ред. Г. И. Шевченко. – Минск: БГУ, 2013. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

Прыстаўка, Я. У. Latina aeterna: зб. тэкстаў і практыкаванняў па лацін. мове / Я. У. Прыстаўка. – Масква: Букстрим, 2013. – 72 с.

2014

Древнегреческий язык: хрестоматия: для студентов учреждений высш. образования по специальности «Классическая филология» / сост. К. А. Тананушко; науч. ред. А. В. Гарник; авт. предисл. и ст. Г. И. Шевченко. – Минск: БГУ, 2014. – 207 с.

2015

Studia philologica = Філалагічныя штудыі: зб. навук. арт. / пад рэд. Г. І. Шаўчэнка, К. А. Тананушкі; рэдкал.: А. В. Гарнік [і інш.]. – Вып. 8. – Мінск: РІВШ, 2015. – 130 с.

Латинско-русский словарь / авт.-сост. К. А. Тананушко. – Минск: Харвест, 2015. – 1342 с.

Гарник, А. В. Греческие лексические заимствования в латинском языке: учеб. материалы / А. В. Гарник. – Минск: БГУ, 2015. – 56 с.

Цисык, А. З. Латинский язык для биологов = *Lingua Latina ad biologiam*: учебник / А. З. Цисык, Г. И. Шевченко; под науч. ред. В. В. Лысака. – Минск: БГУ, 2015. – 127 с.

Латинский язык: учебник: [для студентов учреждений высш. образования по юрид. специальностям] / А. В. Гарник, Г. И. Шевченко, А. В. Кириченко, Г. Р. Наливайко. – Минск: БГУ, 2015. – 175 с.

Латинский язык: хрестоматия / сост. К. А. Тананушко; авт. предисл. и ст. Г. И. Шевченко; науч. ред. А. В. Гарник. – Минск: БГУ, 2015. – 291 с.

2016

Кириченко, А. В. Древнегреческий язык: учеб. пособие для студентов заоч. формы получения образования по специальности «Богословие» / А. В. Кириченко, К. А. Тананушко. – Минск: Изд-во Минской дух. акад., 2016. – 108 с. – (Учебные издания Минской духовной академии, № 1).

2017

Кириченко, А. В. Древнегреческий язык: учеб. пособие для студентов спец. «Богословие» / А. В. Кириченко, К. А. Тананушко. – Минск: Изд-во Минской дух. акад., 2017. – 400 с. – (Учебные издания Минской духовной академии, № 2).

Зарембо, О. С. Латинский язык = *Lingua Latina* (с электронным приложением): учеб. пособие / О. С. Зарембо, О. Г. Прокопчук; под ред. Г. И. Шевченко; ред. электрон. прил. К. А. Тананушко. – Минск: БГУ, 2017. – 204 с.

2018

Кириченко, А. В. Латинский язык = *Lingua Latīna*: учеб. пособие для студентов учреждений высш. образования по специальностям «Химия лекарственных соединений», «Химия (по направлениям)», «Химия (фармацевтическая деятельность)» / А. В. Кириченко, Н. В. Протасевич. – Минск: БГУ, 2018. – 166 с.

2019

Приставко, Е. В. Классические языки / *Lingua Latina*: учеб.-метод. пособие / Е. В. Приставко, О. Г. Прокопчук. – Минск: БГУ, 2019. – 200 с.

Протасевич, Н. В. *Lingua Latina* = Латинский язык: учеб.-метод. пособие [для студентов заоч. отделения специальностей «Биология», «Биоэкология», «Биохимия», «Микробиология»] / Н. В. Протасевич, Е. В. Стриго, К. А. Тананушко. – Минск: БГУ, 2019. – 111 с.

Падрыхтавалі В. Зарэмба¹, К. Тананушка²

¹ **Вольга Сяргееўна Зарэмба** – кандыдат філалагічных навук, вядучы спецыяліст кабінета грэчаскай філалогіі БДУ (o-zar@mail.ru).

² **Кір Аляксеевіч Тананушка** – дацэнт кафедры класічнай філалогіі БДУ (tananushka@bsu.by).

КАФЕДРА КЛАСІЧНАЙ ФІЛАЛОГІІ БДУ Ў СРОДКАХ МАСАВАЙ ІНФАРМАЦЫІ

- Филологи Галина Шевченко и Дмитрий Минкевич рассказали о ценности классической филологии в программе «УТРО» [↗](#)

Інтэрв'ю загадчыка кафедры класічнай філалогіі Г. І. Шаўчэнка і старшага выкладчыка Д. Г. Мінкевіча каналу СТВ. 30.09.2015.

- «Мои сокурсники до сих пор правят этой страной». Завкафедрой филофака БГУ о латыни и своих учениках [↗](#)

Інтэрв'ю загадчыка кафедры класічнай філалогіі Г. І. Шаўчэнка парталу TUT.by з нагоды 70-годдзя. 25.03.2017.

- Міфы вакол нас. Фільм беларускіх студэнтаў выклікаў цікавасць даследчыкаў розных краін [↗](#)

Артыкул у газеце «Універсітэт» пра фільм, зняты студэнтамі спецыяльнасці «Класічная філалогія». 28.05.2018.

- Філалагічны дом Вольгі Пракапчук [↗](#)

Інтэрв'ю загадчыка кафедры класічнай філалогіі В. Г. Пракапчук «Настаўніцкай газеце». 01.10.2018.

- Адкрыты ўрок па латыні [↗](#)

Артыкул у газеце «СБ. Беларусь сегодня» пра студэнцкі даследчыцкі праект «Латінамоўныя надпісы ў храмавай культуры Беларусі». 19.10.2018.

- БГУ в лицах. Новый взгляд | Ольга Прокопчук [↗](#)

Ролік на канале Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта пра загадчыка кафедры класічнай філалогіі В. Г. Пракапчук у рамках праекта «БГУ в лицах. Новый взгляд». 26.03.2019.

- В БГУ готов к открытию кабинет греческой филологии с Троянским конем [↗](#)

Артыкул у газеце «СБ. Беларусь сегодня» пра адкрыццё кабінета грэчаскай філалогіі. 11.03.2019.

- В БГУ открывается кабинет греческой филологии [↗](#)

Артыкул на сайце інфармацыйнага агенцтва «Интерфакс-Запад» пра адкрыццё кабінета грэчаскай філалогіі. 12.03.2019.

- Кабинет греческой филологии открыли сегодня в БГУ [↗](#)

Рэпартаж канала БТ-1 пра адкрыццё кабінета грэчаскай філалогіі. 12.03.2019.

- Вечерние курсы по новогреческому языку планируется открыть в БГУ [↗](#)
Артыкул на сайце інфармацыйнага агенцтва «БЕЛТА» пра адкрыццё кабінета грэчаскай філалогіі. 12.03.2019.
- Кабінет грэчаскай філалогіі адкрыўся на філфаку ў БДУ [↗](#)
Артыкул у газеце «Звязда» пра адкрыццё кабінета грэчаскай філалогіі. 12.03.2019.
- В БГУ открыли кабинет греческой филологии [↗](#)
Артыкул на сайце медыяпраекта «Рэформация» пра адкрыццё кабінета грэчаскай філалогіі. 12.03.2019.
- В БГУ открыт кабинет греческой филологии [↗](#)
Рэпартаж канала Беларусь-24 пра адкрыццё кабінета грэчаскай філалогіі. 13.03.2019.
- В БГУ открыли кабинет греческой филологии [↗](#)
Артыкул на сайце «Белновости» пра адкрыццё кабінета грэчаскай філалогіі. 13.03.2019.
- Verba magistri. Як падрыхтаваць рэдкага спецыяліста? [↗](#)
Інтэрв'ю загадчыка кафедры класічнай філалогіі В. Г. Пракапчук газеце «Універсітэт». 01.10.2018.

Падрыхтавалі В. Зарэмба¹, К. Тананушка²

¹ **Вольга Сяргееўна Зарэмба** – кандыдат філалагічных навук, вядучы спецыяліст кабінета грэчаскай філалогіі БДУ (o-zar@mail.ru).

² **Кір Аляксеевіч Тананушка** – дацэнт кафедры класічнай філалогіі БДУ (tananushka@bsu.by).

A. Borghini

Politecnico di Torino, Torino, Italia

«HARPAGATUM EST» E IL NOME DI LYCONIDES: NOTA ALL'AULULARIA PLAUTINA

L'attenzione è rivolta sull'espressione «harpagatum est» che ricorre in Plauto Aulularia 201 «aurum mihi intus harpagatum est»: l'immagine «harpagatum est» starebbe in rapporto 'privilegiato' col nome del giovane, Lyconides.

Parole chiave: Plauto, Aulularia, harpagatum est, Lyconides.

A. Borghini

Polytechnic University of Turin, Turin, Italy

«HARPAGATUM EST» AND THE NAME OF LYCONIDES: NOTE TO AULULARIA PLAUTINA

Attention is turned back to the expression «harpagatum est», which occurs in Plauto Aulularia 201 «aurum mihi intus harpagatum est»: the image «harpagatum est» has probably a relation with the name of the young man, Lyconides.

Keywords: Plautus, Aulularia, harpagatum est, Lyconides.

Autore:

Alberto Borghini – professore di Antropologia Culturale presso il Politecnico di Torino.
alberto.borghini@polito.it

Author:

Alberto Borghini – professor of Cultural Anthropology at the Polytechnic University of Turin.

Accentriamo brevemente l'attenzione sull'espressione «harpagatum est» che ricorre in Plauto Aulularia 201 «aurum mihi intus harpagatum est». Nostra ipotesi è che l'immagine «harpagatum est» possa in qualche modo essere posta in relazione col nome del giovane, Lyconides, che di tutta evidenza richiama il 'lupo'.

In altre parole, ipotizziamo un rapporto fra «harpagatum est» e il 'lupo' (presente appunto nel nome di Lyconides); rapporto che ci è suggerito da un passo di Vegezio in cui si dice di harpagonas di ferro chiamati 'lupi': «legio habet ferreos harpagonas, quos lupos vocant» (mil. 2, 25). Sulla stessa linea possiamo situare un passo di Isidoro in cui si legge: «Lupus... ferreus harpax, quia, si quid in puteum decidit, rapit et extrahit» (orig. 20, 15, 4).

Insomma, harpagonas/lupos e harpax/lupus.

Dunque, un rapporto fra i termini-immagine harpagonas/harpax e il 'lupo' potrebbe fare da sfondo linguistico a un analogo rapporto (letterariamente realizzato)

anche per l'*Aulularia* plautina: fra l'*harpagatum est* di «*aurum mihi intus harpagatum est*» e il nome del giovane *Lyconides*.

Altrimenti detto, l'immagine «*harpagatum est*» di *Aul. 201* parrebbe 'contenere', linguisticamente, il rapporto col 'lupo', attivo a sua volta nel nome stesso del giovane *Lyconides*. Ciò renderebbe ancora più stringente il rapporto fra il nome del giovane e la scena, densamente comica, del fraintendimento per cui il vecchio *Euclione* ritiene che il giovane stia confessando di avergli rapito la pentola con l'oro e di volersela tenere.

А. Боргини

Политехнический университет Турина, Турин, Италия

«HARPAGATUM EST» И ИМЯ LYCONIDES: ПРИМЕЧАНИЕ К КОМЕДИИ ПЛАВТА «КЛАД»¹

Обращается внимание на глагольную форму *harpagatum est*, которая встречается в 201 строке комедии Плавта «Клад» («*Aulularia*») – «*aurum mihi intus harpagatum est*»; использование глагола *harpago*, вероятно, связано с именем *Lyconides* 'Ликонид'.

Ключевые слова: Плавт, «Клад», *harpagatum est*, Ликонид.

А в т о р:

Альберто Боргини – профессор культурной антропологии Политехнического университета Турина.

Мы кратко остановимся на форме *harpagatum est*, которая встречается у Плавта в комедии «Клад»: «*Aurum mihi intus harpagatum est*» (*Aulularia*, 201). – «Золото стащили дома, и теперь он, знаю я, / В дележе сойтись со мною хочет» (пер. А. Артющкова [2]).

Наше предположение заключается в том, что форму *harpagatum est* можно каким-то образом соотнести с именем молодого человека – *Lyconides* 'Ликонид', которое, со всей очевидностью, восходит к греч. *λύκος* 'волк'.

Другими словами, мы предполагаем аллюзию между *harpagatum est* 'было похищено' и *λύκος* 'волк' (корень, присутствующий в имени *Lyconides*); предполагаемое соотношение есть у *Вегеция*² во фрагменте, в котором он говорит, что железные гарпагоны³ называют *lupi* ('волки'): «*Legio habet ferreos harpagonas, quos lupos vocant*» (*De re militari*, 2, 25). – «В числе легионного

¹ Перевод с итальянского и комментарии **Ольги Прокопчук**. Автор выражает благодарность переводчику за включение цитат литературных переводов на русский язык.

² Публий Флавий Вегеций Ренат (*Publius Flavius Vegetius Renatus*) (кон. IV – нач. V в.) – римский военный историк, автор трактата «*De re militari*» (390–410).

³ Гарпагоны (*harpagones*) – «длинные деревянные шесты (*longurii*), снабженные на конце железным крюком; посередине они перевязывались канатом, повешенным на подмостках, имеющих вид висельницы. Железным крюком задевали за зубцы стен и старались их сорвать, притягивая другой конец шеста» [1].

оборудования находятся железные крючья (гарпагоны), которые называют волками» (пер. С. П. Кондратьева [3]).

Также наше предположение подтверждает фрагмент из Исидора¹, где мы читаем: «Lupus... ferreus harpax, quia, si quid in puteum decidit, rapit et extrahit» (*Etymologiae*, 20, 15, 4). – 'Волк... железный крюк (гарпакс), потому что, если что-либо в яму падает, он подхватывает и извлекает'.

Как видим, *harpagonas = lupos* и *harpax = lupus*.

Таким образом, связь между терминами-образами *harpagonas/harpax* и *lupus* ('волк') могла бы служить лингвистическим фоном для аналогичной связи (реализованной буквально) также и в комедии Плавта «Клад»: между *harpagatum est* в строке «*aurum mihi intus harpagatum est*» и именем юноши *Lyconides* ('Ликонид').

Иначе говоря, форма *harpagatum est* (Aul. 201), как нам кажется, «содержит» образную связь со словом *lupus* ('волк'), присутствующим, в свою очередь, в имени *Lyconides* ('Ликонид'). Это продемонстрировало бы связь между именем молодого человека и весьма комической сценой недоразумения, когда старик Эвклион считает, что молодой человек признался в похищении горшка с золотом и желаний оставить его себе.

Литература

1. Гарпагон // Реальный словарь классических древностей / под ред. Й. Геффкена, Э. Цибарта. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lubker/4641/%D0%93%D0%90%D0%A0%D0%9F%D0%90%D0%93%D0%9E%D0%9D>.

2. Плавт. Клад / пер. А. Артюшкова // Плавт. Комедии: в 2 т. Т. 1 / пер. с латин., коммент. И. Ульяновой. Москва, 1987. С. 139–190.

3. Флавий Вегетий Ренат. Краткое изложение военного дела / пер. С. П. Кондратьева // ВДИ. 1940. № 1. URL: <http://xlegio.ru/sources/vegetius/book-2.html>.

¹ Исидор Гиспальский (Севильский) (Isidorus Hispalensis) (между 560 и 570–636) – архиепископ Гиспалы (Севильи), последний латинский отец Церкви, основной труд которого – «*Etymologiae, sive Origines*» в 20 книгах.

А. В. Гарник

Кафедра классической филологии, Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь

ГИБРИДНЫЕ КОМПОЗИТЫ В ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются гибридные композиты латинского языка, образованные из греческих и латинских компонентов. Они характеризуются со структурной и функциональной точек зрения.

Ключевые слова: словообразование, композит, гибридный композит, греческий язык, латинский язык, словообразовательный компонент.

A. Harnik

Department of classical philology, Belarusian State University, Minsk, Belarus

HYBRID COMPOSITES IN LATIN

The article discusses hybrid composites of the Latin language, formed from Greek and Latin components. They are characterized from a structural and functional point of view.

Keywords: word formation, composite, hybrid composite, Greek, Latin, word formation component.

Автор:

Антонина Васильевна Гарник – кандидат филологических наук, профессор кафедры классической филологии БГУ.
garnyk@bigmir.net

Author:

Antanina Harnik – PhD in philology, professor of the department of classical philology, BSU.

Словосложение представляет собой одну из разновидностей словообразования, которая состоит «в морфологическом соединении двух или более корней (основ)» [9, с. 469]. Словообразование довольно поздно выделяется в отдельную лингвистическую дисциплину. Лингвистический энциклопедический словарь относит его становление к концу 60-х гг. XX в. [9, с. 468]. В. В. Виноградов в своей статье «Словообразование и его отношение к грамматике и лексикологии» (1952) отмечает, что понятия словоизменения и словообразования часто смешиваются, и настаивает на их разграничении. Он выделяет разные виды словообразования, в том числе и словосложение [3, с. 207–209]. Э. Бенвенист в работе «Синтаксические основы именного сложения» (1967) утверждает, в отличие от тех ученых, которые считают именное словосложение процессом морфологического характера, что его источником являются синтаксические конструкции. «Именно синтаксическая модель открывает возможность для появления морфологического сложного имени

и производит его путем трансформации» [2, с. 255]. Е. С. Кубрякова, анализируя в разделе «Словообразование» коллективной монографии «Общее языкознание» (1972) положение этого пласта исследований языка, отмечает, что «фундаментальные расхождения по поводу его (словообразования. – А. Г.) статуса, разная трактовка связей словообразования с другими дисциплинами... все это отрицательно сказывалось и продолжает сказываться на разработке основ теоретического словообразования» [7, с. 345]. Вместе с тем она указывает на наличие во многих языках практических работ, описывающих разные способы образования новых слов в языке. Что касается латинского языка, то, как отмечает В. Ф. Новодранова в своей монографии «Именное словообразование в латинском языке и его отражение в терминологии», «не существует специальной работы, предметом которой была бы система именного словообразования латинского языка в целом» [11, с. 10]. Одной из причин этого автор считает отсутствие разработанной методики словообразовательного анализа на момент создания лучших грамматик латинского языка [11, с. 11]. В учебниках латинского языка, в которых затрагиваются вопросы словообразования, такой раздел в основном представляет собой списки примеров. Не всегда при этом четко различаются словосложение и аффиксация. В частности, в грамматиках Я. М. Боровского, А. В. Болдырева и С. И. Соболевского примеры на словосложение включают слова, образованные с помощью префиксов: *inter-rex*, *co-(g)nomen* [2, с. 130], *in-gratus*, *per-facilis* [13, с. 124]. В некоторых учебниках в разделе словообразования словосложение вообще не рассматривается. Ср. А. Н. Попов, П. М. Шендяпин [12, с. 287–289], А. В. Гарник, Г. И. Шевченко [4, с. 80–84]. Вместе с тем большинство авторов, рассматривающих вопросы словообразования, отмечают непродуктивность словосложения как способа образования новых слов. Например, в учебнике Я. М. Боровского, А. В. Болдырева по поводу словосложения отмечается, что «в латинском языке этот тип словообразования сравнительно мало распространен» [2, с. 129]. Эта же мысль повторяется и в некоторых других учебниках. Ср.: «В латинском языке этот вид словообразования представлен сравнительно мало» [8, с. 114], «Словосложение как способ образования новых слов в латинском языке классического периода было непродуктивным» [10, с. 219]. Такое же мнение высказывает И. М. Тронский, противопоставляя в этом отношении латинский язык греческому [14, с. 103]. Этой точке зрения возражает В. Ф. Новодранова, отмечая в своей монографии: «Вопреки общепринятому мнению, словосложение занимает большое место в словообразовательной системе латинского

языка» [11, с. 158]. Ее выборка материала включает 2720 сложных имен чисто латинской структуры [11, с. 161], а кроме того, еще 1462 именных композитов греческого происхождения [11, с. 181].

Объектом рассмотрения в данной статье являются гибридные греко-латинские и латино-греческие композиты в латинском языке. В «Латинско-русском словаре» И. Х. Дворецкого нами было выделено свыше 80 сложных слов такого типа. Они представлены разными частями речи, но основную массу составляют существительные (36) и прилагательные (40). Гибридные глаголы встречаются сравнительно редко, только 6 среди наших примеров.

Очень небольшая группа гибридных композитов относится к общей лексике и отмечается в словаре с отсылкой к разным авторам. К таким узуальным композитам можно отнести слова *tyrannicida* *тираноубийца* и *tyrannicidium* *тираноубийство*, которые образованы от греческого существительного *τύραννος* *тиран* и латинского глагола *caedo* *убивать*. Они встречаются у разных авторов I в. н. э.: Сенеки, Плиния Старшего, Светония, а также у Овидия [5, с. 1041]. Или сложное прилагательное *scepterifer* *скипетроносный* (< *σκῆπτρον* *скипетр* и *fero* *нести*), которое встречается в основном у поэтов разных периодов: Овидия, Стация, Силия Италика. В большинстве случаев сложные слова такого рода характерны для какого-то одного автора и имеют скорее окказиональный характер. Например, Плавт создает шутовское обозначение римлян *pultifagus* (= *pultiphagus*) *поедатель полбы*, используя латинское существительное *puls*, *pultis* *ф. каша из полбы* и корень греческого глагола *-fag-* (*-phag-*) со значением *ест* (*ἔφαγον* аор. от *ἐσθίω*). Вообще Плавт автор многих подобных гибридных композитов, образованных *ad hoc*. Например, у него встречаются варианты сложных слов, образованных по одной модели, но одно из них представляет собой гибридный композит, а другое – чисто латинский: *ferritribax* образовано от латинского существительного *ferrum* *железо* и корня греческого глагола *τρίβω* *тереть, изнурять*, а *ferriterus* состоит из того же существительного и корня латинского глагола *tero* *тереть, изнурять*, которые имеют шутовское значение *кандалник*. По похожей модели Плавт создает еще одно шутовское существительное *flagritriba* *кнутоломатель*, вторым компонентом которого также является корень греческого глагола *τρίβω*, а первый восходит к латинскому существительному *flagrum* *бич, кнут*. Обращает на себя внимание грамматическая вариативность компонента, образованного от греческого глагола: *-tribax* образует существительное 3-го скл., а *-triba* – 1-го. В разных комедиях у Плавта встречается немало подобного рода шутовских композитов,

образованных из латинских и греческих слов. Например, *inanilogista пусто-меля* (лат. прилагательное *inanis пустой, бессодержательный* и греч. существительного *λογιστής*, но с отсылкой к глаголу *λογίζομαι думать, считать*); *mantiscinor вещать, прорицать* (шутл. по созвучию с *vaticinor прорицать, предсказывать*), которое состоит из греческого существительного *μάντις прорицатель* и латинского глагола *cano* в значении *прорицать, предсказывать*. Как видим, в данном случае гибридный композит создан по образцу уже существующего в языке чисто латинского сложного слова. Такого же рода шуточный неологизм обнаруживаем у Петрония: *sortoplacenta пирог*, который представляет собой тавтологическое образование, состоящее из заимствованного греческого и латинского существительного одного значения: *sorta* (< *κοπή*) *сухой пирог* и *placenta пирог*.

Греко-латинские композиты в какой-то степени можно считать принадлежностью поэтического языка. Многие из них засвидетельствованы именно у римских поэтов. Например, у Овидия встречаются композиты: *corymbifer* (< *κόρυμβος гроздь, кисть* и *fero нести*) – *украшенный гирляндой из плюща* (о Вакхе), *cupressifer* (< *κυπάρισσος кипарис* и *fero нести*) – *поросший (усаженный) кипарисами* (о холме), *palmifer* (< *παλάμη ладонь* и *fero нести*) – *богатый пальмами* (об Аравии). Последний композит засвидетельствован также у Проперция и Силия Италика. Греко-латинский композит встречается и у Вергилия: *ostrifer* (< *ὄστρεον устрица* и *fero нести*) – *обильный устрицами* (о городе Абидос). У Авсония мы отмечаем сложное слово *ignicomans* (= *ignicomus* < *ignis огонь* и *κόμη волосы*) – *огненнокудрый* (о Солнце). В этом случае мы опять видим варианты составные элементы, восходящие к существительному *κόμη*: *comans* и *comus*, образующие производные разных грамматических типов. У Валерия Флакка – *aegisonus* (< *αἰγίς, ἴδος эгида, щит* и *sono звучать, бряцать*) – *эгидозвещающий, бряцающий панцирем* (о груди).

Судя по словарю И. Х. Дворецкого, создателем гибридных композитов был Августин. Со ссылкой на него в словаре приводятся несколько однотипных образований с греческим глаголом *θέλω хотеть*: *thelodives* (< *θέλω* и *dives богатый*) – *старающийся прослыть богачом*, *thelohumilis* (< *θέλω* и *humilis смиренный, скромный*) – *прикидывающийся смиренным*, *thelosapiens* (< *θέλω* и *sapiens мудрый*) – *выдающий себя за мудреца*. Впрочем, у Августина есть греко-латинские композиты и другой структуры, например, *daemonicola* (< *δαίμων божество*, получившее впоследствии негативную коннотацию, и *colo* в значении *почитать*) – *почитатель демонов, язычник*.

Встречаются гибридные композиты и в юридических текстах позднеантичного периода. В кодексах Юстиниана и Феодосия употребляется сложное слово *limitrophus* (< *limes, itis* граница и *τρέφω* кормить, содержать), которое в сочетании с существительным *fundus* образует выражение *limitrophii fundi* приграничные военные поселения. Кроме него в кодексе Феодосия употребляются сложные греко-латинские слова: *conchy(li)legulus* (= *conchyliolegulus* < *κογχύλιον* (пурпурная) улитка и *lego* собирать) – ловец (пурпурных) улиток, *dinummius* (< *δῖς* дважды и *nummus* монета, деньги) – пошлина в 2 денария. Первый из композитов, как мы видим, отличается еще и вариативностью формы, т. е. начальный компонент сложного слова представлен в нескольких разновидностях.

Следует отметить, что среди гибридных композитов встречаются как греко-латинские по своей структуре, т. е. с первым греческим компонентом, так и латино-греческие, с первым латинским. Например: *margaritifer* (< *μαργαρίτης* жемчужина и *fero* нести) – содержащий жемчужину и *altithronus* (< *altus* высокий и *θρόνος* трон, престол) – высоко восседающий.

По своим словообразовательным характеристикам гибридные композиты чаще всего соответствуют правилам образования сложных слов в латинском языке. Для него характерно использование в качестве соединительного гласного на стыке двух основ *-i*, в то время как в греческих композитах в этой функции выступает гласный *-o*: *fundi-balus* (< *funda* праща и *βάλλω* бросать) – метательная машина, *psalmi-cen* (< *ψαλμός* псалом и *cano* петь) – псалмопевец. Впрочем, встречаются и композиты, построенные по греческому образцу, например: *lino-stemus* (< *linum* лен и *στήμων* ткань) – полульняной, *mono-loris* (< *μόνος* один и *lorum* ремень, тонкий гибкий побег) – с одной (пурпурной) полосой.

Некоторые основы отличаются особенной активностью в образовании гибридных композитов. К ним относится корень *-fer*, образованный от глагола *fero* нести. Он встречается в 10 словосложениях. Кроме уже названных, можно привести еще следующие примеры: *peltifer* (< *πέλτη* щит и *fero*) – вооруженный щитом, *turifer* (< *tus, turis* филлиам (от греч. *θύος* благовонные курения) и *fero*) – богатый курительными благовониями. С помощью этого словообразовательного компонента образуются прилагательные 1–2 склонения как чисто латинского, так и греко-латинского происхождения. Легкость его соединения с первым греческим компонентом в сложных словах можно объяснить созвучием его с греческим глаголом того же значения *φέρω*. Но при этом

греческий глагол в составе заимствованных композитов имеет форму -phorus, например, phosphorus (< φῶς свет и φέρω нести) – *утренняя звезда (светоносец)*, trapezophorum (< τράπεζα стол и φέρω нести) – *подставка стола*. Синонимичным компонентом словообразовательного элемента -fer выступает -ger, основа латинского глагола gero, имеющего в композитах то же значение, что и fero. Например, pharetriger (< φαρέτρα колчан и gero) – *носящий колчан*.

Еще одним частотным словообразовательным элементом являются числительные, как латинские, так и греческие. Среди композитов такой структуры больше всего слов с латинским числительным bis *дважды*, их в нашем списке 6: bigamus (< bis и γαμέω *жениться*) – *дважды женатый*, bisyllabus (< bis и συλλαβή *слог*) – *двусложный*. Есть гибридные композиты и с его греческим эквивалентом δίς, например, diloris (< δίς и logum *ремень*) – *двухременный*. Встречаются в составе композитов также числительные μόνος (mono-linum *ожерелье из одной нитки жемчуга*), πέντε (pente-remis *судно с пятью рядами весел*), quattuor (quadri-gamus *четырежды женатый*) и некоторые другие.

В словообразовании проявилось влияние греческого языка на латинский. По мнению В. Ф. Новодрановой, это отразилось в том, что латинский язык заимствовал «прежде всего легкость и свободу комбинирования элементов, характерные для греческого языка в области именного словосложения» [11, с. 187]. Проявлением этого и являются гибридные композиты. Свобода их образования вызвана, очевидно, и тем, что греческие словообразовательные элементы являются заимствованными лексемами и часто уже не воспринимаются как чужие.

Однако в целом подобные сложные слова представляют собой в большинстве случаев окказиональные образования и не выходят за рамки единичных авторских словоупотреблений. В разряд узуальных вошло очень немного подобных гибридных композитов¹.

Хронологически гибридные композиты относятся преимущественно к архаическому и постклассическому периоду в истории латинского языка. И встречаются преимущественно в поэтических (Плавт, Овидий, Марциал) или научных текстах (Варрон, Плиний Старший). Что подтверждает мнение, высказанное И. М. Тронским по поводу латинского языка, что «сложение слов свойственно главным образом высокому стилю или пародийно-шутливому» [14, с. 103].

¹ Окказиональный, авторский характер многих композитов в русском языке отмечает Е. А. Земская. См. [6, с. 238 и сл.].

Проанализированный материал с еще одной стороны подтверждает влияние греческого языка на латинский. В этом случае оно проявляется не только в лексической системе языка, но и в словообразовательной.

Литература

1. Бенвенист Э. Синтаксические основы именного сложения // Э. Бенвенист. Общая лингвистика: пер. с фр., под ред. Ю. С. Степанова. Москва, 1974. Гл. XIX. С. 241–256.
2. Боровский Я. М., Болдырев А. В. Учебник латинского языка для гуманитарных факультетов университетов. Изд. 4, доп. Москва: Высш. шк., 1975. 479 с.
3. Виноградов В. В. Словообразование и его отношение к грамматике и лексикологии // Избранные труды: Исследования по русской грамматике. Москва, 1975. С. 166–220.
4. Гарник А. В., Шевченко Г. И. Латинский язык = Lingua Latina: учебник. Минск: БГУ, 2012. 263 с.
5. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. 2-е изд. Москва: Рус. яз., 1976. 1096 с.
6. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование: учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Флинта: Наука, 2005. 328 с.
7. Кубрякова Е. С. Словообразование // Общее языкознание. Внутренняя структура языка / отв. ред. член-кор. АН СССР Б. А. Серебренников. Москва, 1972. С. 344–393.
8. Латинский язык: учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.» / под общ. ред. В. Н. Ярхо, В. И. Лободы. 3-е изд., перераб. Москва: Просвещение, 1983. 319 с.
9. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. Москва: Сов. энцикл., 1990. 685 с.
10. Мирошенкова В. И., Федоров Н. А. Учебник латинского языка / 2-е изд. Москва: Изд-во МГУ, 1985. 288 с.
11. Новодранова В. Ф. Именное словообразование в латинском языке и его отражение в терминологии. *Laterculi vocum Latinarum et terminorum* / Рос. академия наук; Ин-т языкознания. МГМСУ. Москва: Языки славянских культур, 2008. 328 с.
12. Попов А. Н., Шендяпин П. М. Латинский язык. Изд. 5-е. Москва: Высш. шк., 1970. 432 с.
13. Соболевский С. И. Грамматика латинского языка. Ч. 1 (теоретическая): Морфология и синтаксис. Москва: Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1948. 432 с.
14. Тронский И. М. Очерки из истории латинского языка. Москва, Ленинград: изд. АН СССР, 1953. 272 с.

А. У. Кірычэнка

Кафедра класічнай філалогіі, Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь

**ДЗЕЯСЛОЎНА-ІМЕННЫЯ АПІСАЛЬНЫЯ ЗВАРОТЫ
Ў ДЗЕЯННЯХ СВЯТЫХ АПОСТАЛАЎ:
АСАБЛІВАСЦІ БЕЛАРУСКІХ ПЕРАКЛАДАЎ**

У артыкуле прааналізаваны структурна-семантычныя і сінтаксічныя асаблівасці двух беларускіх перакладаў дзеяслоўна-іменных апісальных зваротаў у Дзеяннях Святых апосталаў: Біблейскай Камісіі Беларускай Праваслаўнай Царквы і Секцыі па перакладзе пры Канферэнцыі каталіцкіх біскупаў Беларусі.

Ключавыя словы: фразеалогія, дзеяслоўна-іменны апісальны зварот, Дзеянні Святых апосталаў, грэчаскі арыгінал, асаблівасці перакладу.

A. Kirychenka

Department of classical philology, Belarusian State University, Minsk, Belarus

**VERBAL-NOMINAL DESCRIPTIVE EXPRESSIONS
IN THE ACTS OF THE HOLY APOSTLES:
FEATURES OF BELARUSIAN TRANSLATIONS**

The structural-semantic and syntactic features of two Belarusian translations of verbal-nominal descriptive expressions in the Acts of the Holy Apostles are analyzed in the article: of the Bible Commission of the Belarusian Orthodox Church and of the Translation Section at the Conference of Catholic Bishops of Belarus.

Keywords: phraseology, verbal-nominal descriptive expression, Acts of the Holy Apostles, the Greek original text, features of translation.

Аўтар:

Арына Уладзіміраўна Кірычэнка – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры класічнай філалогіі БДУ.
arinak@tut.by

Author:

Aryna Kirychenka – PhD in philology, associate professor of the department of classical philology, BSU.

Сучасная беларуская мова валодае рознымі спосабамі выражэння дзеяння, працэсу ці стану: з дапамогай аднаслоўнага дзеяслова (напрыклад, *згаджацца, верыць, агледзець*) і з дапамогай дзеяслоўна-іменных апісальных зваротаў (*даць згоду, мець веру, зрабіць агляд*). Апошні спосаб уяўляе сабой канструкцыю, якая складаецца з семантычна спустошанага дзеяслова (часцей за ўсё *даваць, мець, рабіць, прымаць* і да т. п.) і абстрактнага назоўніка с прыназоўнікам ці без. Вучоныя-фразеологі па-рознаму называюць такія канструкцыі: перыфразычныя звароты (Ш. Балі), апісальныя выразы (В. У. Вінаградаў), дзеяслоўна-іменныя апісальныя звароты (І. Я. Лепешаў), фразеалагічныя спалучэнні аналітычнага характару (В. М. Тэлія), дзеяслоўна-іменныя фразеалагізмы

(М. М. Шанскі, М. М. Капыленка) і г. д. «Фразеологические сочетания аналитического характера формируются, как правило, за счет контрастирующего сочленения отвлеченной лексики... из которой черпаются семантически ключевые слова для сочетаний слов, и лексики конкретной, придающей этим сочетаниям семантическую специфику и их связанность: питать надежду, приходит к решению...» [8, с. 16]. Асаблівасцю дзеяслоўна-іменных апісальных зваротаў з'яўляецца канцэнтрацыя лексічнага значэння ў субстантыўным кампаненце і ў большасці выпадкаў наяўнасць аднаслоўнага сіноніма-дзеяслова, аднакарэннага з назоўнікам у складзе апісальнага выразу: *аказваць дапамогу – дапамагаць, прымаць удзел – удзельнічаць, мець намер – намервацца* і г. д. Наяўнасць такога сіноніма сведчыць пра цэласнасць значэння зваротаў, што дазваляе адносіць іх да фразеалагічнага корпуса беларускай мовы. Аднак не ўсе лінгвісты лічаць дзеяслоўна-іменныя апісальныя злучэнні фразеалагізмамі, за рамкі фразеалогіі іх выносяць, напрыклад, В. У. Вінаградаў і І. Я. Лепешаў.

Дзеяслоўна-іменныя апісальныя звароты – з'ява ўніверсальная, уласцівая розным мовам: ст.-грэч. *ἔχειν χρεῖαν* 'мець патрэбу', *διδόναι ζῶην* 'даваць жыццё', лац. *iter habēre* 'здзяйсняць шлях, ісці', *spem habēre* 'мець надзею, спадзявацца', ням. *Rast halten* 'адпачываць', *Schluss machen* 'скончыць', англ. *make peace* 'заключаць мір, мірыцца', фр. *remporter une victoire* 'атрымаць перамогу', польск. *mieć nadzieję* 'мець надзею, спадзявацца', рус. *отдать приказ, вести борьбу, оказать помощь*, бел. *трымаць слова, рабіць памылкі, мець намер*, укр. *давати бій, дати уявлення* і г. д.

Большасць дзеяслоўна-іменных апісальных выразаў мае значэнне ўрачыстасці, патэтыкі і таму выкарыстоўваецца ў мове публіцыстыкі, мастацкай літаратуры, афіцыйна-дзелавой сферы. Шмат такіх канструкцый ужываецца ў тэксце Бібліі, у прыватнасці, Новага Завету, як у мове арыгінала, так і ў перакладах. Раней намі былі разгледжаны дзеяслоўна-іменныя апісальныя звароты ў грэчаскім тэксце Евангелляў, у Сінадальным перакладзе на рускую мову і перакладах Евангелляў розных аўтараў на беларускую мову (гл. [1], [2], [3], [4], [5]). Далей мы прааналізуем ужыванне гэтых канструкцый у тэксце Дзеянняў Святых апосталаў і параўнаем спосабы іх перакладу на беларускую мову, які выканалі Беларуская Біблейская Камісія Рускай Праваслаўнай Царквы (БК БПЦ) [6], створаная па ініцыятыве Мітрапаліта Філарэта, і Секцыя па перакладзе пры Канферэнцыі каталіцкіх біскупаў Беларусі (ККББ) [7].

Як тэкст Евангелляў, так і тэкст Дзеянняў Святых апосталаў утрымліваюць у сабе значную колькасць дзеяслоўна-іменных апісальных зваротаў з рознымі

дзеяслоўнымі кампанентамі, што абумоўлена больш вялікімі семантычнымі, сінтаксічнымі і стылістычнымі магчымасцямі такіх перыфрастычных спалучэнняў у параўнанні з аднаслоўным дзеясловам.

Дзеясловамі, якія ўтвараюць апісальныя канструкцыі ў Дзеяннях Святых апосталаў, з'яўляюцца $\delta\acute{\iota}\delta\omega\mu\iota$ 'даваць', $\epsilon\check{\chi}\omega$ 'мець', $\rho\omicron\iota\epsilon\acute{\omega}$ 'рабіць', $\pi\acute{\iota}\mu\pi\lambda\eta\mu\iota$ 'напаўняць', $\lambda\alpha\mu\beta\acute{\alpha}\nu\omega$ 'атрымліваць' і некаторыя іншыя.

Існуюць шмат прыкладаў, калі грэчаскі зварот літаральна і аднолькава перакладаецца ў абодвух беларускіх варыянтах: ... $\epsilon\lambda\pi\acute{\iota}\delta\alpha$ $\epsilon\check{\chi}\omega\nu$ $\epsilon\iota\varsigma$ $\tau\acute{\omicron}\nu$ $\Theta\epsilon\acute{\omicron}\nu$, $\eta\tilde{\nu}$ $\kappa\alpha\iota$ $\alpha\upsilon\tau\acute{\omicron}\iota$ $\omicron\upsilon\tau\acute{\omicron}\iota$ $\rho\rho\sigma\delta\acute{\epsilon}\chi\omicron\nu\tau\alpha\iota$... (24:15) – ...*маючы надзею на Бога, якую і самі яны падзяляюць*... (БК БПЦ) – ...*і маючы надзею на Бога*... чаго яны і самі чакаюць... (ККББ). І ў наступных выпадках мы назіраем аднолькавы пераклад дзеяслоўна-іменнага апісальнага спалучэння, цалкам эквівалентны грэчаскаму арыгіналу: $\pi\alpha\rho\alpha\gamma\gamma\epsilon\lambda\acute{\iota}\alpha\nu$ $\lambda\alpha\mu\beta\acute{\alpha}\nu\epsilon\iota\nu$ (16:24) – *атрымаць загад*, $\epsilon\check{\zeta}\omicron\upsilon\sigma\acute{\iota}\alpha\nu$ $\lambda\alpha\mu\beta\acute{\alpha}\nu\epsilon\iota\nu$ (26:10) – *атрымаць уладу*, $\delta\iota\delta\acute{\omicron}\nu\alpha\iota$ $\epsilon\check{\zeta}\omicron\upsilon\sigma\acute{\iota}\alpha\nu$ (8:19) – *даць уладу*, $\delta\iota\delta\acute{\omicron}\nu\alpha\iota$ $\zeta\omega\eta\tilde{\nu}$ (17:25) – *даць жыццё*, $\rho\omicron\iota\epsilon\acute{\iota}\nu$ $\kappa\alpha\kappa\acute{\alpha}$ (9:13) – *учыніць зло*, $(\acute{\alpha}\rho\omicron)\delta\acute{\epsilon}\chi\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$ $\tau\acute{\omicron}\nu$ $\lambda\acute{\omicron}\gamma\omicron\nu$ (2:41, 11:1, 17:11) – *прыняць слова*, $\pi\lambda\eta\sigma\theta\eta\tilde{\nu}\alpha\iota$ $\theta\acute{\alpha}\mu\beta\omicron\upsilon\varsigma$ $\kappa\alpha\iota$ $\epsilon\kappa\sigma\tau\acute{\alpha}\sigma\epsilon\omega\varsigma$ (3:10) – *напоўніцца жахам і здзіўленнем*, $\pi\lambda\eta\sigma\theta\eta\tilde{\nu}\alpha\iota$ $\Pi\nu\epsilon\acute{\upsilon}\mu\alpha\tau\omicron\varsigma$ ($\text{A}\gamma\acute{\iota}\omicron\upsilon$) (4:8, 4:31, 9:17, 13:9) – *напоўніцца Духам (Святым)*, $\pi\lambda\eta\sigma\theta\eta\tilde{\nu}\alpha\iota$ $\zeta\eta\lambda\omicron\upsilon$ (13:45) – *напоўніцца зайздрасцю*, $\epsilon\check{\chi}\epsilon\iota\nu$ $\pi\acute{\iota}\sigma\tau\iota\nu$ (14:9) – *мець веру*, $\epsilon\check{\chi}\epsilon\iota\nu$ $\acute{\alpha}\sigma\theta\epsilon\nu\epsilon\acute{\iota}\alpha\varsigma$ (28:9) – *мець хваробы*, $\tau\upsilon\chi\acute{\alpha}\nu\epsilon\iota\nu$ $\epsilon\pi\acute{\iota}\kappa\omicron\upsilon\rho\acute{\iota}\alpha\varsigma$ (26:22) – *атрымаць дапамогу* і г. д.

Дзеяслоўна-іменны апісальны зварот $\acute{\alpha}\rho\omicron\delta\acute{\epsilon}\chi\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$ $\tau\acute{\omicron}\nu$ $\lambda\acute{\omicron}\gamma\omicron\nu$, які выкарыстоўваецца ў гэксце Дзеянняў, існаваў у старажытнагрэчаскай мове і раней: яго фіксуе «Старажытнагрэчаска-рускі слоўнік» І. Х. Дварэцкага са значэннем «успрымаць слова» (у Платона).

Не ўсе спалучэнні, якія былі прыведзеныя вышэй, аднолькава перадаюцца аднымі і тымі ж перакладчыкамі. Напрыклад, у перакладзе ККББ у спалучэннях з дзеясловам $\pi\lambda\eta\sigma\theta\eta\tilde{\nu}\alpha\iota$ ($\pi\lambda\eta\sigma\theta\eta\tilde{\nu}\alpha\iota$ $\Pi\nu\epsilon\acute{\upsilon}\mu\alpha\tau\omicron\varsigma$ ($\text{A}\gamma\acute{\iota}\omicron\upsilon$) і $\pi\lambda\eta\sigma\theta\eta\tilde{\nu}\alpha\iota$ $\zeta\eta\lambda\omicron\upsilon$) для перадачы дзеяслоўнага кампанента ў беларускай мове выкарыстоўваецца прыметнік *поўны*: *поўны Духа Святога* (11:24) і *поўныя зайздрасці* (5:17). Гэта прыклад перакладу іншай сінтаксічнай канструкцыяй, магчыма, з прычыны таго, што прыметнік больш кароткі ў параўнанні з дзеясловам.

У некаторых выпадках пераклады БК БПЦ і ККББ адрозніваюцца дзеяслоўным ці іменным кампанентам: $\epsilon\upsilon\rho\acute{\iota}\sigma\kappa\epsilon\iota\nu$ $\chi\acute{\alpha}\rho\iota\nu$ (7:46) – *знайсці благадаць* (БК БПЦ) – *знайсці ласку* (ККББ); $\epsilon\check{\chi}\epsilon\iota\nu$ $\lambda\acute{\omicron}\gamma\omicron\nu$ (19:38) – *мець скаргу* (БК БПЦ) – *мець справу* (супраць) (ККББ); $\rho\omicron\iota\epsilon\acute{\iota}\nu$ $\tau\acute{\alpha}$ $\theta\epsilon\lambda\eta\mu\alpha\tau\alpha$ (13:22) – *здзейсніць жаданні* (БК БПЦ) – *выканаць жаданні* (ККББ); $\rho\omicron\iota\epsilon\acute{\iota}\nu$ $\delta\upsilon\nu\acute{\alpha}\mu\epsilon\iota\varsigma$ (19:11) – *тварыць*

цуды (БК БПЦ) – *рабіць цуды* (ККББ). Розніца ў перакладах, на наш погляд, абумоўлена наступнымі прычынамі: па-першае, уплывам на пераклад БК БПЦ царкоўнаславянскага і, магчыма, рускага Сінадальнага перакладаў (7:46, 19:11), па-другое, існаваннем сінонімаў (13.22), па-трэцяе, немагчымасцю дакладнага перакладу і неабходнасцю канкрэтызаваць семантыку дадзенага спалучэння (19:38 – грэчаская лексема λόγος вельмі шматзначная, таму перакладчыкі БК БПЦ абралі варыянт *скарга*, магчыма, пад уплывам рус. *жалоба*, а ККББ – *справа*, дадаўшы прыназоўнік *супраць*, каб падкрэсліць юрыдычны аспект).

Таксама існуюць прыклады розных перакладаў абедзвюх частак спалучэння: ἔχειν εὐχὴν (21:23) – *мець абет* (БК БПЦ) – *даваць абяцанне* (ККББ); ποιεῖν κοπετόν (8:2) – *правіць галашэнне* (БК БПЦ) – *чыніць плач* (ККББ); ἔχειν ἄνεσιν (24:23) – *даваць паслабленне* (БК БПЦ) – *пакідаць пэўную свабоду* (ККББ). Амаль усе прыведзеныя прыклады адрозніваюцца ад грэчаскага арыгінала перакладам менавіта дзеяслова, што можа пацвердзіць думку пра сканцэнтраванасць значэння звароту ў іменным кампаненце.

Адной з прыкмет дзеяслоўна-іменнага апісальнага звароту як фразеалагічнай адзінкі з’яўляецца цэласнасць значэння, наяўнасць аднаслоўнага сіноніма-дзеяслова. Гэтая акалічнасць дае магчымасць перакладчыкам перадаваць грэчаскую канструкцыю адным дзеясловам: ποιεῖν χαράν (15:3, літ. ‘рабіць радасць’) – *радаваць* (ККББ), ποιεῖν τὴν συνωμοσίαν (23:13, літ. ‘рабіць змову’) – *паклясціся* (ККББ), ἔχειν ζητήματα (25.19, літ. ‘мець пошукі’) – *спрачацца* (ККББ). Такі спосаб выбралі толькі перакладчыкі ККББ, у той час як аўтары перакладу БК БПЦ дадзеныя звароты імкнуліся перадаць бліжэй да арыгінала, хоць і з некаторай лексічнай заменай, якую патрабавалі законы беларускай мовы: *прыносіць радасць, учыніць змову, мець спрэчныя погляды*.

У той жа час шмат аднаслоўных дзеясловаў перакладзена дзеяслоўна-іменным апісальным зваротам у абодвух варыянтах ці толькі ў адным з іх: ἀγαθοῦργεῖν (14:17) – «дзеючы дабро» (БК БПЦ) – *чыніць дабро* (ККББ), ὀχλοποιεῖν (17:5) – *учыніць натоўп* (БК БПЦ) – *сабраць натоўп* (ККББ), какоῦν (7:19, 12:1, 18:10) – *чыніць/рабіць зло* (БК БПЦ) – *рабіць зло* (ККББ), βούλεσθαι (12:4) – *мець намер* (БК БПЦ і ККББ), κατασεῖν (12:17, 13:16, 19:33, 21:40) – *даваць знак* (БК БПЦ і ККББ) і г. д. Як *даваць знак* таксама перакладзены дзеяслоў νεύειν у тэксте БК БПЦ: Ἀπεκρίθη τε ὁ Παῦλος νεύσαντος αὐτῷ τοῦ ἡγεμόνος λέγειν... (24:10) – *Павел жа, калі правіцель даў яму знак гаварыць, адказаў...* (БК БПЦ). А перакладчыкі ККББ, магчыма, зыходзячы з жадання

спрасціць сінтаксічную канструкцыю, у складзе якой ёсць зварот *genetivus absolutus*, перадалі два дзеяслова *νεύσαντος* і *λέγειν* іншым дзеяслоўна-іменным апісальным спалучэннем: *Тады намеснік даў слова Паўлу, і ён сказаў...*

Прычынай перакладу дзеяслова спалучэннем таксама з'яўляецца і адсутнасць у беларускай мове аднаслоўнага эквіваленту кампозітным грэчаскім лексемам (*ἀγαθοῦργεῖν* = *ἀγαθός* 'добры' + *ἔργον* 'праца', *ὀχλοποιεῖν* = *ὄχλος* 'натоўп' + *ποιεῖν* 'рабіць') і не толькі кампозітным: *μαθητεύειν* (14:21) – *прыдбаць вучняў* (БК БПЦ і ККББ). Але і пры наяўнасці аднаслоўнага дзеяслова перакладчыкі часта выбіраюць апісальны зварот: *θύειν* (14:13, 14:18) – *прынесці ахвяру* (БК БПЦ і ККББ), *παθεῖν* (17:3) – *прыняць пакуты* (БК БПЦ), *μαρτυρεῖν* (10:22, 15:8) – *даць сведчанне*, *med.-pass. мець сведчанне* (БК БПЦ), *ἐκψύχειν* (5:5, 5:10, 12:23) – *выпусціць/спусціць дух* (БК БПЦ) – *аддаць духа* (ККББ), *ἡγεῖσθαι* (15:22) – *мець старшынства* (БК БПЦ) і г. д. На наш погляд, менавіта стылістычная афарбоўка апісальных канструкцый, узнёслы характар іх значэння ў параўнанні з аднаслоўнай лексмай прымушае перакладчыкаў выкарыстоўваць дзеяслоўна-іменнае спалучэнне.

Цікава, што часцей дзеяслоў перакладае апісальным зваротам БК БПЦ, а ККББ знаходзіць аднаслоўны эквівалент: *παθεῖν* (17:3) – *цярпець*; *μαρτυρεῖν* (10:22, 15:8) – *засведчыць*; *κακοῦν* (7:19, 12:1) – *крыўдзіць/пераследаць*; *ἀπειλεῖν* – літ. 'пагражаць, *med.* пад страхам пакарання забараняць' (4:17) – *накласці суровую забарону* (БК БПЦ) – *забараніць* (пад пагрозаю) (ККББ). У апошнім прыкладзе мы бачым трохчленае спалучэнне, з азначэннем пры іменным кампаненце. Ва ўрыўках 16:40, 20:1, 20:2 дзеяслоўна-іменным спалучэннем *даць настаўленне* перадаецца дзеяслоў *παρακαλεῖν* у абодвух перакладах, а ў 16:39 гэты ж дзеяслоў мае эквіваленты *напрасіць прабачэння* (БК БПЦ) і *перанпрасіць* (ККББ); мы бачым, як аўтары перакладаў улічваюць кантэкст.

Два грэчаскіх аднаслоўных прыметніка перакладзены дзеяслоўна-іменным спалучэннем: *ἐνδεής* (4:34, літ. 'пазбаўлены, які жыве ў нястачы') – *цярпець нястачу* (БК БПЦ і ККББ), *ὀμότεχνος* (18:3, літ. 'які займаецца той жа справай, які працуе ў той жа галіне) – *валодаць аднолькавым рамяством* (БК БПЦ). На наш погляд, прычынай гэтага з'яўляецца немагчымасць знайсці ў беларускай мове аднаслоўны, цалкам адпавядаючы сэнсу арыгінала, спосаб перакладу. У двух выпадках прыметнік *πλήρης* 'поўны' ў спалучэнні з назоўнікам перадаецца дзеяслоўна-іменным зваротам: *πλήρης πίστεως* (6:5) – *напоўнены вераю* (БК БПЦ), *πλήρης θυμοῦ* (19:28) – *напоўніцца лютасцю* (БК БПЦ) – *напоўніцца гневам* (ККББ).

У адным выпадку беларускае дзеяслоўна-іменнае спалучэнне *зрабіць ласку* і ў перакладзе БК БПЦ, і ў перакладзе ККББ адпавядае грэчаскаму назоўніку χάρις ‘ласка, паслуга’: ... αἰτούμενοι **χάριν** κατ’ αὐτοῦ ὅπως μεταπέμψηται αὐτὸν εἰς Ἱερουσαλήμ... (25:3) (літ. «якія прасілі ласку ў адносінах да яго, каб выклікаць яго ў Іерусалім») – ...*і прасілі зрабіць ласку і выклікаць яго ў Іерусалім...* (БК БПЦ) – ...*прасілі яго зрабіць ласку і прыслаць Паўла ў Ерузалем...* (ККББ). Магчыма, жаданне перакладчыкаў растлумачыць сэнс фрагмента зрабіла немагчымым пакінуць літаральны пераклад.

Вельмі цікавым нам падалося выкарыстанне ў абодвух перакладах дзеяслоўна-іменнага спалучэння *ўчыніць змову* там, дзе ў арыгінале мы бачым сінтаксічны зварот genetivus absolutus: ... γενομένης ἐπιβουλῆς αὐτῷ ὑπὸ τῶν Ἰουδαίων... (20:3) – ...*а калі Іудзеі ўчынілі супраць яго змову...* (БК БПЦ) – ...*юдэі ўчынілі супраць яго змову...* (ККББ). Перакладчыкі абсалютна змянілі сінтаксічную структуру грэчаскага тэксту з-за адсутнасці такога звароту ў беларускай мове і з лагічнага дзейніка ἐπιβουλῆς зрабілі залежны субстантыўны кампанент спалучэння. Яшчэ адзін прыклад ужывання дзеяслоўна-іменнага спалучэння на месцы іншай сінтаксічнай канструкцыі з падобнымі кампанентамі мы бачым ва ўрыўку 27:24: Τῶν δὲ στρατιωτῶν βουλὴ ἐγένετο ἵνα τοὺς δεσμώτας ἀποκτείνωσιν ... (літ. ‘Воінаў жа намер быў, каб вязняў забіць...’) – *Воіны мелі намер пазабіваць вязняў...* (БК БПЦ). Назоўнік βουλή мае значэнні ‘воля, рашэнне, намер, нарада’, і перакладчыкі аддалі перавагу таму значэнню, якое больш за ўсё падыходзіць па кантэксте.

Як дзеяслоўна-іменны апісальны зварот *даваць згоду* ў абодвух перакладах перададзена фразеалагічнае адзінства катаφέρειν ψῆφον ‘падаваць голас, літ. уносіць каменьчык пры галасаванні’: ... ἀναιρουμένων τε αὐτῶν **κατήνευκα ψῆφον...** (26:10) – ...*і калі забівалі іх, я даваў згоду...* (БК БПЦ) – *Калі іх забівалі, даваў згоду* (ККББ). Перакладчыкі ў дадзеным выпадку растлумачылі сітуацыю, якую сучасны чытач можа не зразумець, а не пераклалі літаральна.

Існуюць прыклады, калі грэчаскі дзеяслоўна-іменны зварот перакладаецца свабодным словазлучэннем ці іншай сінтаксічнай канструкцыяй: πλησθῆναι τῆς συγχύσεως (19:29, літ. ‘напоўніцца збянтэжанасцю’) – быць ахопленым смутай (БК БПЦ) – «ахапіла хваляванне» (ККББ); οὐδεμίαν αἰτίαν φέρειν (25:18, літ. ‘не несці ніякага абвінавачвання’) – не назваць ніякай віны (БК БПЦ); αἰτιώματα катаφέρειν (25:7, літ. ‘уносіць абвінавачванні’) – выказваць абвінавачванні (БК БПЦ і ККББ). У гэтых выпадках літаральны пераклад на беларускую мову немагчымы.

Такім чынам, у тэксце Дзеянняў Святых апосталаў ужываецца шмат дзеяслоўна-іменных апісальных зваротаў, як у грэчаскім арыгінале, так і ў беларускіх перакладах БК БПЦ і ККББ. Стылістычная маркіраванасць такіх канструкцый, іх больш вялікія сінтаксічныя і семантычныя магчымасці спрыяюць таму, што перакладчыкі часта літаральна перадаюць іх у сваіх перакладах. Канешне, і жаданне як мага бліжэй да арыгінала данесці слова Божае вымушае аўтараў перакладаў выкарыстоўваць аналагічныя спалучэнні. Але ёсць і прыклады несупадзення з грэчаскай канструкцыяй. Прычынамі несупадзення з'яўляюцца: немагчымасць літаральных перакладаў, неабходнасць улічваць кантэкст, жаданне растлумачыць асобныя фрагменты, стылістычная афарбоўка апісальных зваротаў у параўнанні з аднаслоўнай лексмай.

Літаратура

1. *Кириченко А. В.* Глагольно-именные описательные выражения в Евангелии от Марка: структурно-семантический и переводческий аспекты // Русский язык: система и функционирование (к 90-летию БГУ и 85-летию профессора П. П. Шубы): материалы V Междунар. науч. конф., Минск, 11–12 окт. 2011 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: И. С. Ровдо (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2011. С. 83–86.
2. *Кириченко А. В.* Глагольно-именные описательные выражения в русском и белорусском текстах Евангелия от Иоанна. // Актуальные проблемы филологии: античная культура и славянский мир: сб. науч. ст. / РИВШ; редкол.: Г. И. Шевченко (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2011. С. 80–84.
3. *Кириченко А. В.* Глагольно-именные сочетания в русском и белорусском текстах Евангелия: структурно-семантический и переводческий аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02; 10.02.01. Минск, 2010. 19 с.
4. *Кірычэнка А. У.* Дзеяслоўна-іменныя спалучэнні ў беларускіх перакладах Евангелія паводле Яна // Філалагічныя штудыі = Studia philologica: сб. навук. арт. / пад рэд. Г. І. Шаўчэнка, К. А. Тананушкі; рэдкал.: А. В. Гарнік [і інш.]. Вып. 8. Мінск, 2015. С. 41–44.
5. *Кірычэнка А. У.* Дзеяслоўна-іменныя фразеалагізаваныя спалучэнні ў сучасных беларускіх перакладах Евангелія паводле Мацвея // Беларусь: паўночнае вымярэнне: працоўныя матэрыялы III Міжнароднага Кангрэса даследчыкаў Беларусі, Літва, Каўнас, 11–13 кастр. 2013 г. Т. 3. / Vitautas Magnus University; Навук. Рада: А. Казакевіч (старш.) [і інш.]. Каўнас, 2014. С. 528–531.
6. *Новы Запавет Госпада нашага Ісуса Хрыста: [пераклад з грэчаскай мовы].* Мінск: Прыход Свята-Петра-Паўлаўскага сабора, Медыял, 2017. 542 с.
7. *Новы заповіт: пераклад з арыгінальнай мовы / Секцыя па перакладзе літургічных тэкстаў і афіцыйных дакументаў Касцёла Камісіі Божага Культы і Дысцыпліны Сакрамэнтаў пры Канферэнцыі Каталіцкіх Біскупаў у Беларусі.* Мінск: Про Хрысто, 2017. 687 с.
8. *Телия В. Н.* Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. Москва: Наука, 1981. 269 с.

Е. Л. Кузнецова

Кафедра латинского языка, Белорусский государственный медицинский университет, Минск, Беларусь

ФИТОНИМЫ, ОТРАЖАЮЩИЕ КОЛИЧЕСТВЕННУЮ ХАРАКТЕРИСТИКУ ЛЕКАРСТВЕННЫХ РАСТЕНИЙ

В статье проанализирован ряд латинских родовых, русских литературных и диалектных названий травянистых лекарственных растений (фитонимов, отражающих количественную характеристику этих растений). Данные фитонимы классифицированы в зависимости от мотивации, характера номинации и направления переноса значения.

Ключевые слова: латинский, русский литературный и диалектный фитоним; количественная характеристика.

E. Kuznetsova

Department of Latin language, Belarusian State Medical University, Minsk, Belarus

PHYTONYMS REFLECTING QUANTITATIVE CHARACTERISTICS OF MEDICINAL PLANTS

Series of Latin gender, Russian literary and dialectal names of herbaceous medicinal plants are analyzed (phytonyms reflecting quantitative characteristics of these plants). These phytonyms are classified according the motivation, the nomination character and the direction of transfer of meaning.

Keywords: Latin, Russian literary and dialectal phytonym; quantitative characteristics.

А в т о р:

Елена Леонидовна Кузнецова – кандидат филологических наук, доцент кафедры латинского языка БГМУ.
elena.cuznets@gmail.com

Author:

Elena Kuznetsova – PhD in philology, associate professor of the department of Latin language, BSMU.

В названиях лекарственных растений могут быть отражены различные характеристики этих растений. Зачастую в основу номинации растений положены органолептические признаки, включающие в себя: 1) особенности строения (например, наличие корней, листьев, цветков, плодов и т. п.); 2) свойства (например, цвет, запах, вкус, количество и т. п.). В данной работе рассматривается такое свойство растений, как количественная характеристика. Проведенный сравнительный анализ ряда латинских родовых наименований, а также русских литературных и диалектных названий травянистых лекарственных растений показал, что способы отражения количественной характеристики растений в латинской номенклатуре и в русском языке могут иметь как сходства, так и различия. Проанализированные фитонимы были классифицированы в зависимости

от мотивации, характера номинации (прямого или непрямого: метонимического или метафорического типа) и направления переноса значения.

В **первую группу** вошли названия, в которых представлена количественная характеристика растений, выраженная метафорически. При этом в наименованиях отсутствует указание на характеризующие органы растений – листья.

Так, характер листьев растения *Achillēa* (*тысячелистник*) привел к возникновению ряда его метафорических диалектных наименований (суффиксального и сложных), образованных с использованием только числительных, а в одном случае – наречия и числительного: *девятитысячник*, *многотысячник* (*Achillēa*, *тысячелистник*) [11, с. 128, 300], *семьтысячник* (*Achillēa*, *тысячелистник*) [3, с. 480], *стотысячник* (*Achillēa*, *тысячелистник*) [12, XLI, с. 253], *тысячник* (*Achillēa millefolium*, *тысячелистник обыкновенный*; *Achillēa*, *тысячелистник*) [10, с. 212].

Во **второй группе** представлены сложные фитонимы, в которых помимо прямой количественной характеристики имеется также указание на характеризующий орган – листья, цветки или плоды.

В латинской номенклатуре подобным фитонимом является название рода *Zygophyllum* (*парнолистник*) [8, с. 570], составленное из латинизированных греческих существительных ζυγόν ‘пара’ и φύλλον ‘лист’ [5, I, с. 737; II, с. 1752], обусловленное характеристикой листьев растения [1, с. 386]: листья супротивные, с одной парой мясистых косых, продолговатообратнояйцевидных листочков [8, с. 571].

Это название калькируется в русский литературный язык [1, с. 386]: *парнолистник* (*Zygophyllum*) [13, IX, с. 206].

В диалектах русского языка также встречаются номинации, учитывающие свойство количества листьев: *двоелистка* (*Majanthemum bifolium*, *майник двулистный*) [12, VII, с. 288] – листьев у майника двулистного обычно два, реже три [4, с. 102]; *многолистник* (*Achillēa*, *тысячелистник*) [9, IV, с. 86].

Кроме того, в одном необычном диалектном названии выражено представление о количестве цветков: наименование *полуцвѣт* (*Antennaria dioica*, *кошачьи лапки двудомные*) [12, XXIX, с. 168], возможно, получено растением по причине наличия у него женских и мужских цветков, развивающихся на разных экземплярах [7, с. 57] (ср. латинский видовой эпитет *dioicus* – двудомный).

В числе проанализированных номинаций был обнаружен и фитоним, характеризующий растение по количеству плодов. Это сложное латинское родовое название *Oligosporus* (*Artemisia campestris*, син. *Oligosporus campestris*,

полынь полевая [8, с. 631]), происходящее от греческих слов ὀλίγος ‘небольшой, малый, немногий’ и σπόρος ‘сеяние, семя, плод’ [5, II, с. 1165, 1496]: наименование *Oligospörus* (букв. «немногосемянник») дано по немногочисленным семянкам, развивающимся только из краевых цветков корзинки (краевые цветки женские, плодоносные; срединные – двуполые, бесплодные) [7, с. 108; 8, с. 632].

Третья группа образована сложными фитонимами, в которых присутствует не только метафорическое представление о количестве листьев растения, но и указание на характеризующий орган – листья.

Отношения калькирования [1, с. 5] возникают между латинским видовым эпитетом *millefolium* и русским литературным названием *тысячелистник* (*Achillēa*) [13, XV, с. 1202]. Само же *millefolium* – существительное-приложение к родовому названию *Achillēa* (*Achillēa millefolium*, *тысячелистник обыкновенный* [8, с. 756]) – образовано от числительного *mille* ‘тысяча’ и существительного *folium* ‘лист’ [6, с. 332, 485] и содержит указание на сильную рассеченность листьев растения [7, с. 99].

Подобные кальки попадают в диалекты – ср. *тысячелістка* (*Achillēa millefolium*, *тысячелистник обыкновенный*) [14, II, с. 179], *тысячулестник* (*Achillēa*, *тысячелистник*) [11, с. 536]. В диалектах же встретились и другие наименования, связанные с количественной характеристикой (подавляющее большинство – номинации растения *Achillēa*), например: *десятилічник* (< **десятилістник*) (*Achillēa*, *тысячелистник*) [2, XI, с. 107], *пятидесятилістка* (*Achillēa millefolium*, *тысячелистник обыкновенный*) [12, XXXIII, с. 221–222], *сорокалістник* (*Achillēa*, *тысячелистник*) [12, XL, с. 22], *столістник* (*Achillēa millefolium*, *тысячелистник обыкновенный*; *Potentilla anserīna*, *лапчатка гусиная*) [12, XLI, с. 216].

В четвертой группе – номинации (префиксальные и сложные), в первом компоненте которых представлена прямая количественная характеристика растений, а во втором – иное свойство или признак.

Так, прямая количественная характеристика обнаруживается в префиксе отдельных латинских наименований, конечный же компонент этих фитонимов метафорически характеризует форму части растения (посредством сравнения с определенным анатомическим образованием живых существ) или прямо характеризует особенность жизнедеятельности растения.

Одно из таких названий – *Bidens* (*череда*) [8, с. 790] – происходит от *bi-* ‘два, дву(х)-’ (от *bis* ‘дважды’) [6, с. 102–103; 15, с. 51] и *dens* ‘зуб’ [6, с. 236]:

научное название рода (букв. «двузубец») дано растению за форму остей на верхушке семянки, сравниваемых с зубами [1, с. 5; 7, с. 33].

В другом латинском фитониме, учитывающем прямую количественную характеристику, конечный компонент прямо характеризует особенность жизнедеятельности растения (его способность виться). Так, на необычный характер корней растения указывает латинское наименование *Bistorta* (*Polygōnum bistorta*, син. *Bistorta major*, *горец змеиный* [8, с. 187]), представляющее собой древнее название растения, происходящее от *bi(s)*- ‘два, дву(х)-’ (от *bis* ‘дважды’) и *tortus, a, um* ‘скрученный, согнутый’ (*participium perfecti passivi* к *torqueo* ‘скручивать, сгибать’) [6, с. 103, 777]: такое название (букв. «дважды изогнутая») связано с внешним видом корневища, которое является как бы дважды согнутым, змеевидно изогнутым [7, с. 33].

Кроме того, в группе представлены сложные диалектные номинации, в которых конечный компонент характеризует форму части растения (посредством сравнения с определенным анатомическим образованием живых существ), а первый компонент происходит от числительного, указывающего на количество этих частей.

Подобные диалектные наименования характеризуют количество листьев растений либо количество прожилок на листьях растений: *пятипáлечник*, *пятипáльчики* (*Potentilla alba*, *лапчатка белая*), *пятипáлочник* (*Potentilla reptans*, *лапчатка ползучая*) [12, XXXIII, с. 224], *семижѝльник* (*Plantāgo*, *подорожник*). Например, наименование *семижѝльник* объясняется наличием прожилок на листе подорожника, количество которых варьируется и может быть семь (3–9, 3–7, 5) [8, с. 618, 621–622].

В состав **пятой группы** входят сложные диалектные фитонимы, содержащие в первом компоненте количественные числительные, употребленные метафорически – они обозначают не действительное количество составных частей растений, но представляют некоторое магическое число. В качестве же корня опорного слова представлено наименование органа человека или животного, с которым сравнивается какая-либо часть растения.

К подобным номинациям относятся: *семиколѣнка* (*Geranium pratense*, *герань луговая*), *семиколѣнник* (*Equisētum arvense*, *хвощ полевой*), *семикопѝточный* (*Geranium pratense*, *герань луговая*) [12, XXXVII, с. 155], *сорококопѝтник* (и *сорокопѝтник*) (*Geranium pratense*, *герань луговая*) [12, XL, с. 27, 29], *сорокопѣрник* (*Linaria vulgāris*, *льнянка обыкновенная*) [12, XL, с. 28], *троеколѣнка* (*Geranium pratense*, *герань луговая*) [14, II, с. 176].

Например, название *семиколённик* указывает на то, что спороносные побеги хвоща полевого – членистые [8, с. 773], т. е. побеги состоят как бы из «семи колен»: *Нехворощ – полевой хвощ, растет в степу, стебелечка коленцами, цветков нету* [12, XXI, с. 202].

Таким образом, можно выделить следующие типы номинаций, представленные как в латинской номенклатуре, так и в русском языке.

В латинской номенклатуре имеются сложные наименования, в которых информативной является первая основа, прямо характеризующая свойство растения – количество листьев или плодов; опорная же основа указывает на особенность строения, называя структуру растения (метонимический характер) (ср. *Zygophyllum, Oligospörus*). Подобный тип номинаций встречаем также в русском литературном языке и его диалектах: в данных наименованиях первая основа прямо характеризует количество листьев или цветков растений (ср. литер. *парнолистник*, диал. *двоелістка, полуцвёт*).

Еще один тип номинаций представлен в латинской номенклатуре и в диалектах русского языка. В латинской номенклатуре к ним относятся префиксальные наименования, в которых к прямой количественной характеристике (содержащейся в префиксах), присоединяется метафорическая характеристика по форме (отраженная посредством сравнения с анатомической структурой живых существ) или прямое указание на способность растения виться (ср. *Bidens, Bistorta*). В русских диалектах представлены сложные номинации, в которых к прямой характеристике по количеству присоединяется метафорическая характеристика по форме (отраженная в опорном компоненте посредством сравнения с анатомическими структурами живых существ) (ср. *семижільник*).

В то же время выделяются номинации, имеющиеся только в русском языке, но отсутствующие в числе латинских родовых наименований: суффиксальные и сложные диалектные названия, в которых представлена метафорическая количественная характеристика (ср. *девяти тысячник*); сложные литературные и диалектные наименования, в которых первая основа метафорически характеризует количество листьев растения, а опорная основа указывает на особенность строения, называя структуру растения (метонимический характер) (ср. литер. *тысячелистник*, диал. *пятидесятилістка*); сложные диалектные названия, в которых в первой основе отражена метафорическая количественная характеристика, а в опорном компоненте представлена метафорическая характеристика по форме (посредством сравнения с анатомическими структурами живых существ) (ср. *семиколённик*).

Литература

1. *Анненков Н.* Ботанический словарь: справ. кн. для ботаников, сел. хозяев, садоводов, лесоводов, фармацевтов, врачей, дрогистов, путешественников по России и вообще сел. жителей. Новое, испр., пополн. и расш. изд. Санкт-Петербург: Тип. Императ. Акад. наук, 1878. Разд. паг.
2. Архангельский областной словарь: [в 15 вып.] / Моск. гос. ун-т; под ред. О. Г. Гецово́й. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1980–2013. [15 вып.].
3. Большой толковый словарь донского казачества: ок. 18000 слов и устойчивых сочетаний / Рост. гос. ун-т; редкол.: В. И. Дегтярев [и др.]. Москва: Рус. слов.: Астрель: АСТ, 2003. 604 с.
4. Все о лекарственных растениях: атлас-справочник. Санкт-Петербург: СЗКЭО; Москва: Кристалл, 2007. 192 с.
5. *Дворецкий И. Х.* Древнегреческо-русский словарь: ок. 70000 слов: в 2 т. Москва: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1958. 2 т.
6. *Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь: ок. 50000 слов. 4-е изд., стер. Москва: Рус. яз., 1996. 845 с.
7. *Каден Н. Н., Терентьева Н. Н.* Этимологический словарь латинских названий растений, встречающихся в окрестностях агробиостанции МГУ «Чашниково»; под ред. В. И. Мирошенковой. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1975. 203 с.
8. Лекарственные растения: самая полн. энцикл. / А. Ф. Лебедева [и др.]. Москва: АСТ-пресс книга, 2004. 907 с.
9. Словарь вологодских говоров: учеб. пособие по рус. диалектологии: [в 10 вып.] / Волог. гос. пед. ин-т. Вологда: ВГПИ: Русь, 1983–2005. [10 вып.].
10. Словарь русских говоров Кузбасса / сост.: Н. В. Жураковская [и др.]; под ред. Н. В. Жураковской, О. А. Любимовой (отв. ред.). Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ин-т, 1976. 233 с.
11. Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения / авт.-сост.: Ю. В. Алабугина [и др.]; под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1996. 580 с.
12. Словарь русских народных говоров: [в 45 вып.] / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. Ленинград.; Санкт-Петербург: Наука, 1965–2013. [45 вып.].
13. Словарь современного русского литературного языка: [в 17 т.] / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; гл. ред.: В. И. Чернышев (гл. ред.) [и др.]. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1950–1965. 17 т.
14. Среднеобский словарь. Дополнение / под ред. В. В. Палагиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983–1986. 2 ч.
15. *Цисык А. З., Шевченко Г. И.* Латинский язык для биологов: учеб. пособие; под ред. В. В. Лысака. Минск: Белорус. гос. ун-т, 2008. 123 с.

Н. Б. Мечковская

Кафедра теоретического и славянского языкознания, кафедра классической филологии, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

АНТИЧНОЕ ПОНЯТИЕ «СТИЛЬ» И ЕГО КОНТИНУАНТЫ В ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ

В греческом языке слово *στῦλος* ('столб, свая, брус' и т. п.) еще не было связано с письмом. В «Риторике» Аристотеля выразительность и эмфаза были обозначены словом *λέξις* (в переводе Н. Н. Платоновой в 1894 г. ему соответствует слово *стиль*). В античной традиции родовое понятие в аристотелевской триаде «риторических речей» обозначалось словом *γένη* (*genera*); три их разновидности различались прилагательными. В античной латыни слово *stilus* развило ряд значений, связанных с красноречием, однако *stilus* не был основным термином в этом поле (возможно, в силу именно расплывчатой полисемии слова). Вместе с тем лат. *stilus* еще не выходило за пределы филологии для обозначения разных манер, способов осуществления той или иной деятельности. Это семантическое расширение произошло в народных языках после того, как слово *genus* или его кальки (в значении 'манера речи/письма') было вытеснено континуантами лат. *stilus*. Несмотря на упрочение в языках филологических значений, связанных с понятием и термином «стиль», в больших словарях современных европейских языков в словарных статьях о континуантах лат. *stilus* преобладают значения, выходящие за пределы филологии.

Ключевые слова: стиль, стилистика выразительной речи, концепция трех стилей, функциональные стили, функциональная стилистика, континуанты лат. *stilus* в народных языках за пределами филологии.

N. Mechkovskaya

Department of theoretical and Slavonic linguistics, department of classical philology, Belarusian State University, Minsk, Belarus

THE ANTIQUE CONCEPT OF «STYLE» AND ITS CONTINUANTS IN THE EUROPEAN CULTURE OF MODERN HISTORY

In Greek, the word *στῦλος* ('pillar, pile, beam', etc.) was not yet associated with the letter. In Aristotle's Rhetoric, expressiveness and emphasis were denoted by the word *λέξις* (in 1894, N. N. Platonova translated it as *стиль* – style). In the ancient tradition, the generic concept in the Aristotelean triad of «rhetorical speeches» was denoted by the word *γένη* (*genera*); their three varieties were distinguished by adjectives. In ancient Latin, the word *stilus* developed a number of meanings related to eloquence, however, *stilus* was not the main term in this field (perhaps because of the vague polysemy of the word). However, lat. *stilus* has not yet gone beyond philology to denote different manners, ways of carrying out different types of activity. This semantic expansion occurred in national languages after the word *genus* or its calques (meaning 'manner of speaking/writing') were supplanted by words derived from lat. *stilus*. Despite the consolidation in languages of philological meanings associated with the concept and the term «style», in large dictionaries of modern European languages in dictionary entries on derivatives of lat. *stilus* dominated meanings that go beyond philology.

Keywords: style, stylistics of expressive speech, the concept of three styles, functional styles, functional stylistics, continuants of lat. *stilus* in national languages outside philology.

Автор:

Нина Борисовна Мечковская – доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и славянского языкознания, кафедры классической филологии БГУ.
nina.mechkovskaya@gmail.com

Author:

Nina Mechkovskaya – doctor of philology, professor of the department of theoretical and Slavonic linguistics, department of classical philology, BSU.

1 Терминологическое введение. В истории терминологий не раз бывало, что лексическая оболочка некоторого понятия и те представления, на основе которых позже будет сформировано данное понятие, находят друг друга не синхронно. Первоначально понятие нередко иначе обозначалось и мыслилось близким к сущностям, в которых позже стали видеть отдельную и даже не смежную категорию (или ряд категорий)¹.

Значение, которое римляне иногда передавали словом *stilus* и которому в новых языках соответствуют филологические значения лексем фр. *style*, англ. *style*, нем. *Stil*, рус. *стиль*, в «Риторике» Аристотеля (355 г. до н. э.) обозначалось словом *λέξις*. Н. Н. Платонова, переводя в 1894 г. «Риторику» Аристотеля, перевела *λέξις* словом *стиль*. А. Ф. Лосев, принимая такой перевод и подчеркивая, что «говорит нашим языком», толкует аристотелевское *λέξις* как ‘говорение, строй речи’ и видит в понятии «*lexis* (стиль) художественного произведения» «не что иное, как его определенную структуру, как способ и манеру говорить» [8, с. 2].

¹ Так, у Аристотеля (в работах «Аналитики», «Метафизика», «Об истолковании имен») слово *ἔγκλισις* (‘склонность, наклонность’) употребляется при обсуждении того, насколько говорящий «склонен» считать свою мысль (например, вывод из силлогизма) достоверной. Эта идея и слово *ἔγκλισις* стало логико-грамматическим эмбрионом «понятийной» (философско-языковой) категории «модальность» (лат. *modus*). Исходный глагол *ἐγκλίνω* (‘отклонять, наклонять’) у Аристотеля и в грамматиках развил переносное значение ‘изменять по формам, т. е. склонять или спрягать’ (9-е значение в ДвГр, 451); соответственно лексема *ἔγκλισις* (‘наклон’) обозначала флектирование вообще, но (преимущественно) спряжение (ДвГр, 451); соответственно отглагольное имя *πτῶσις* (‘падение’) у Аристотеля и у грамматиков обозначало флексию, как падежную, так и глагольную (ДвГр, 1438); в церковнославянских грамматиках *πτῶσις* было калькировано как падеж). Таким образом, аристотелевское обозначение познавательных модальностей словом *ἔγκλισις* (‘склонность, наклонность’) явилось первотолчком для двух логико-грамматических представлений: 1) падеж имени: *ἔγκλισις*, т. е. ‘склонение как изменение по падежам’, лат. *declinatio*, ц.-слав. *склонѣнїе*, которое понималось как «склонность» имен к тому, чтобы в речи «выпасть» то одной, то другой, то пятой своей гранью (то субъект действия, то его объект, то инструмент); 2) наклонение глаголов (греч. *ἔγκλισις*, лат. *modus*, ц.-слав. *наклонѣнїе*), понимаемые как разные «наклоны» действия (о котором сообщается в речи) по отношению к реальности.

Для понятия «стиль» существенно, что феномен стиля появляется и упрочивается в результате **выбора** (субъектом деятельности) одного способа или манеры нечто делать из ряда возможных способов или манер осуществления данной деятельности. Предпосылкой стиля является наличие **вариантов** проявления некоторой сущности.

Что касается лексемы *στῦλος*, то в греческих источниках не отмечено ее филологическое употребление, но только материально-строительное: 1) столб, подпора, колонна (с возможностью метафоры в Новом Завете *στῦλοι πυρός* ‘огненные столпы’; 2) *перен.* устой, опора; 3) свая, брус (ДвГр., 1515). С этими значениями, легко допускающими метонимическое и функционально мотивированное употребление, слово пришло в латынь, где наряду с «вещными» значениями, развилось «растительное» значение (‘стебель, черенок’), а также то «вещное» значение, континуанты которого стали первыми терминами стилистики: *stilus* как ‘[бронзовая] палочка с одним острым концом для письма по воску и с другим тупым для стирания написанного’. Уже в I в. до н. э., у Цицерона и Горация, встречается идиома *stilum vertere* [букв. ‘поворачивать стиль’, т. е. стирать или исправлять написанное’ (ДвЛат, 954), иначе говоря, ‘работать над стилем, совершенствовать стиль’.

В латыни филологические значения слова *stilus* были разнообразны и метонимически диффузны. Ср. пять значений, приводимые в ДвЛат (с сохранением номеров значений): 5) упражнение в письме, письмо, писание: *stilus est optimus dicendi effector* [‘стилистические занятия – вот лучший красноречия учитель (создатель)’ (Цицерон, 106–43 гг. до н. э.)]; 6) склад речи, слог, стиль, способ изложения: *stilus paene Atticus* [‘почти аттический стиль’ (Цицерон)]; *stilus totius orationis* [‘общий стиль речи’ (Цицерон)]; *stilus exercitatus* [‘опытное перо’ (Цицерон)]; *simili stilo* [‘в сходной манере’ (Апулей, II в. н. э.)]; 7) мнение, суждение, высказывание в письменной форме: *stili ad unum sermonem congruentes* [‘высказывания, по содержанию совпадающие друг с другом’ (Апулей)]; 8) письменность, литература: *Asinius Pollio – non minima pars Romani stili* [‘Азиний Поллион – это не малая часть римской литературы’ (Валерий Максим, I в. н. э.)]; 9) речь, язык: *Graecus stilus* [греческий язык (бл. Иероним, создатель Вульгаты, 340–420 гг. н. э.)].

Однако в античной латыни *stilus* не относилось к основным обозначениям феномена стиля (возможно, в силу именно расплывчатой полисемии слова). Может показаться парадоксом, но в знаменитой антологии «Античные теории языка и стиля» (Москва-Ленинград, 1936) в предметном указателе нет термина

стиль: он принадлежит метаязыку исследователей, но не античным риторикам. В известном введении в античную филологию Г. Лаусберга аналогичная картина: в качестве родового обозначения аристотелевской триады «риторических речей» выступают лексемы *γένη*, *genera*; их три разновидности дифференцированы с помощью прилагательных: *δικανικὸν γένος*, *genus iudiciale* («судебный род»¹), *γένος συμβουλευτικόν*, *genus deliberativum* («род речей совещательных»)²; *ἐπιδεικτικὸν γένος*³, *genus demonstrativum* («род речей похвальных или порицающих»)³ [13, с. 18]. В анонимной римской «Риторике к Гереннию» (I в. до н. э.) и, по-видимому, также в некоторых греческих риториках в значении «разновидности речи» встречаются не отмеченные у Лаусберга слова *χαρακτῆρες*⁴ и *πλάσματα*⁵ [1, с. 18].

2. Концепция стиля в «Риторике» Аристотеля: «стиль» (*λέξις*) как выразительность и эмфаза, в разной мере характерные для убеждающих публичных речей. Понятие «стиль» (*λέξις*) у Аристотеля релевантно не только для того, что сейчас называется «искусство слова (художественная литература)», но и для разных других видов публичной деятельности, использующих речь, – игра актера, политические состязания, выступление в суде, обсуждение вопроса для принятия решения. Категория «стиль» (*λέξις*) ближе всего к понятиям «выразительность (экспрессия) речи» и «эмфаза» (эмоциональное выделение, акцентирование какого-либо значимого элемента речи), а также «черты речи, связанные с ее выразительностью». Для Аристотеля важна мера эмфатичности произведения, т. е. его насыщенности средствами целенаправленного эмоционального воздействия на зрителя и слушателя.

Согласно Аристотелю, в разных областях жизни «стиль» (*λέξις*), т. е. средства эмфазы, нужен в разной мере, при этом «стиль» он противопоставляет фактам и мысли (логике). К явлениям «стиля» (эмфазы) он относит декламацию, актерское мастерство, а также тропы и риторические фигуры, отмечая,

¹ От *deliberativus* – «относящийся к обсуждению, обсуждающий», от *delibero* – «взвешивать, обсуждать, обдумывать, размышлять», где *libra* «весы; равновесие, уровень (ватерпас)». В ц.-слав. риториках соответствующий термин – *род (речей) рассудительных*, у Ломоносова *род советовательный*.

² У Платона *ἐπιδεικτικὴ* (подразумевается *τέχνη*) – «искусство показа, умение показать (себя)»; у Аристотеля, Полибия *ἐπιδεικτικός* – «служащий для показа, показывающий (воочию)» (ДвГр, 606).

³ В ц.-слав. традиции *род (речей) показательных*, у Ломоносова – *род указательный*.

⁴ *Χαρακτῆρες* – «отпечатки, чеканка, изображения, формы».

⁵ *Πλάσματα* – «лепные изображения, изваяния»; «отлитые формы»; «воображаемые формы».

что нередко «поэты... приобретали себе славу своим стилем» [2, с. 128], однако уступали актерам. «И как на сцене актеры значат больше, чем поэты, [так бывает] и в политических состязаниях, благодаря испорченности государств» [2, с. 128]. В «делах риторики» Аристотель советует держаться, прежде всего, фактов и логики, но вынужден признать, что ритору приходится прибегать к «стилю»: «Справедливо сражаться оружием фактов так, чтобы все, находящееся вне области доказательств, становилось излишним. Однако, как мы сказали, [стиль] оказывается весьма важным вследствие нравственной испорченности слушателя» [2, с. 128].

Аристотель первым выявляет 6-ступенчатую градацию «родов речей» в зависимости от их «стилистической» (эмфатической и прагматической) нагруженности. Максимум эмфазы – 1) в сценической речи; затем по нисходящей следуют: 2) поэзия, 3) политическое красноречие (в котором потребность в «стиле» Аристотель объясняет «испорченностью государств»); 4) судебные речи, 5) совещательные речи; 6) минимум эмфазы характерен для научного общения, включая обучение: при всяком обучении, пишет Аристотель, «стиль имеет некоторое небольшое значение», но «никто не пользуется этими приемами при обучении геометрии» [2, с. 128].

Аристотель использует широкий спектр прилагательных, характеризующих стиль и оценивающий уместность и соразмерность в насыщенности речи экспрессией: *ясный* (высшее достоинство), *надлежащий*, *соразмерный*, *умеренный*, *благородный*, *торжественный*, а с другой стороны, – *низкий*, *холодный*, *выспренный*, *хаотический*, *шутовской* (*фиглярский*). Такого рода оценочные эпитеты до сих пор в ходу у критиков и рецензентов. У Теофраста, ученика и друга Аристотеля, и в более поздних эллинистических риториках оценки «качества речи» (т. е. характеристики стиля) лексически более многочисленны и разнообразны (см. примеры в антологии [1, с. 191–212], однако это именно вкусовые оценки того или иного произведения или манеры письма конкретного автора, но «стиль» еще не рассматривается как **тип речи**. Стиль понимался как качество публичной речи, которое создается всем строем речи в его соотношении с тем «родом красноречия», к которому принадлежит речь.

В античных риториках представление о трех родах (*γέννη, genera*) ораторского дела доминировало. «Роды» речей (*совещательные, судебные и эпидейктические*) соответствовали трем основным сегментам коммуникативной практики греческого полиса, дифференцированным по «предмету речи» и аудитории.

«Совещательные» речи могли быть обращены, в частности, к членам народного собрания полиса. Аристотель перечисляет «пять главных пунктов, по поводу которых произносятся совещательные речи: финансы, война и мир, защита страны, ввоз и вывоз продуктов и законодательство» [2, с. 27]. Как и в частной жизни, «дело речей совещательных – склонять или отклонять» [2, с. 21]. «Дело судебных речей – обвинять или оправдывать» [2, с. 25]. «Дело эпидейктической речи – хвалить или порицать» [2, с. 25]. Две полярных иллюстрации эпидейктического красноречия формировали свои жанры не только в риторической практике, но и в письменности: ода, дифирамб, панегирик, надгробная речь (и (позже) надгробная проповедь), некролог, юбилейная речь, мадригал, комплимент воспевали, славили и льстили. Памфлет¹ (греч.), диатриба (греч.), инвектива (лат.), обличение (ц.-слав.) критиковали, ругали, полемизировали, обличали, укоряли.

В системе трех родов ораторства аристотелевская категория «стиль» (*λέξις*) предстает как языковое (фонетическое, интонационно-мимическое, метрическое, лексическое, синтаксическое) **исполнение** речи, соответствующее своему «роду красноречия».

«Стиль будет обладать надлежащими качествами, если он полон чувства (*patheticē*), если он отражает характер (*ethicē*) и если он соответствует истинному положению вещей. Последнее бывает в том случае, когда о важных вещах не говорится слегка и о пустяках не говорится торжественно и когда к простому имени (слову) не присоединяется украшение; в противном случае стиль кажется шутовским. <...> [Стиль] полон чувства, если он представляется языком человека гневающегося, раз дело идет об оскорблении, и языком человека негодующего и сдерживающегося, когда дело касается вещей безбожных и позорных. Когда дело касается вещей похвальных, о них [следует] говорить с восхищением, а когда вещей, возбуждающих сострадание, то со смирением» [2, с. 137]. «Что касается формы стиля, то он не должен быть ни метрическим, ни лишенным ритма. В первом случае [речь] не имеет убедительности, так как кажется выдуманной. <...> Стиль, лишенный ритма, имеет незаконченный вид...; поэтому-то речь должна обладать ритмом, но не метром, так как [в последнем случае] получатся стихи» [2, с. 139].

У Аристотеля, как и в последующие два столетия, несмотря на богатство идей и терминов риторик, поэтик, грамматик, еще не было выработано филологически обобщенного понимания стиля как класса лингвистически (а не тематически) близких друг другу разновидностей речи, отличных от других классов.

3. Триада стилей в «Риторике к Гереннию» (I в. до н. э.): идея «вертикальной» градации речей по степени «украшенности». Противопоставление риторических «родов» (*genera*) по признаку «высокий – низкий», впервые появляется в анонимном римском трактате, который принято называть «Риторика к Гереннию»² (86–82 гг. до н. э.): «Существуют три вида или, как мы гово-

¹ От названия римской комедии по греческому имени персонажа *Pamphilos*.

² По имени ее адресата или заказчика. Примерно до XVIII в. «Риторика к Гереннию» считалась сочинением Цицерона, поэтому до сих пор встречается ее обозначение как «Псевдоцицеронова риторика».

рим, манеры, в которые укладывается всякая правильная речь: одну манеру мы называем величественной, другую – средней, а третью – сниженной. Каждой манере... придается достоинство украшениями, о которых мы скажем потом» [1, 273–274]. В отличие от Аристотеля, для которого «стиль (*lexis*)» – это **должная мера** эмфатичности речи, диктуемая ее общей иллокутивной задачей, в «Риторике к Гереннию» стили (*genera*) предстают как разные манеры, варианты речи (со своим составом выразительных средств – произносительных особенностей, тропов и фигур). При этом «стили» не связаны однозначно с местом выступления (суд, народное собрание или сцена); автор советует чередовать в одной речи разные речевые манеры (т. е. стили): «При произнесении речи следует, впрочем, менять манеры так, чтобы за величественной следовала средняя, а за средней – сниженная; они должны то и дело чередоваться, дабы путем разнообразия тем легче избегать пресыщенности» [1, с. 274]. Идея искусного соединения в одной речи разных стилистических манер не раз звучит также у Цицерона (трактаты «Брут», «Оратор»).

В римских учебных риториках триада стилей рассматривалась в разделе об «элоквенции» («красноречии») – о речи, «украшенной» тропами и фигурами. Три стиля составляли градацию по насыщенности тропами и фигурами, в чем виделось отличие ораторской или иной авторской речи от обычной разговорной речи. Максимально «украшенным» был высокий стиль: лат. *genus grandis* (важный, величественный, торжественный, серьезный), он же *genus sublimis* (высокий, возвышенный); менее украшен «средний» стиль (*genus medium*), у Квинтилиана средний стиль, кроме того, назван *floridus* (расцвеченный, яркий); еще меньше «украшений» в речах третьего стиля – *genus tenuis* (простой, незатейливый); у Цицерона он назван также *subtilis* (простой, ясный, точный).

В понимании феномена стиля «Риторика к Гереннию» и последующие римские риторика сделали важный шаг на пути от оценочных характеристик индивидуально-авторских особенностей речи (обусловленных темой и местом выступления) к представлениям о том, что в практике убеждающего и искусного слова сосуществуют несколько родовых и типичных манер (вариантов, способов) построения и лексического наполнения речи, характерных для групп произведений или групп авторов.

Вертикальная триада «стилей», различающихся мерой эмфатичности, в I в. до н. э. вошедшая в трактаты Цицерона и «Поэтическое искусство» Горация, в следующем веке войдет в самую полную римскую риторику – «Двенадцать

книг о воспитании ратора» Квинтилиана, и, благодаря этим знаменитым сочинениям, – уже как «учение о трех стилях» – войдет в новые европейские культуры, в их стилистику языка и иерархию литературных жанров.

Для последующей судьбы римского учения «о трех стилях» важно, что стилей было именно три, а не два и не пять или шесть¹. Триады, трехчленность, тройственность, триумvirаты удобны для ума и постоянно воспроизводятся в познавательной и иной деятельности. Так, в разных письменных традициях, в том числе территориально отдаленных друг от друга (например, древнеегипетская и древнекитайская), все разнообразие почерков и манер письма, было разнесено и терминологически закреплено по трем стилям: в Древнем Египте – это *иероглифическое*, *иератическое* и *демотическое* письмо; Китае I–II вв.: *кайшу*, *синшу* и *каошу*; в латинской письменности Рима и Средних веков – *маюскул* (*маюскульное письмо*), *минускул* и *курсив*; у православных славян – *устав*, *полуустав*, *скоропись*.

4. О различиях между римским «узусом» речи и нормативно-стилистическим укладом новых языков. На греческом и латинском языках была создана великая античная литература и высокое ораторское искусство, но греческий и латынь не были «литературными» («нормированными») языками, которые противопоставлялись бы диалектам и просторечию городских низов. В античной культуре к языку не было нормативного отношения. Существовал узус, речевой обычай своего города², но александрийские и римские грамматики не были кодификацией норм образцовой речи.

В античных школах и академиях на протяжении 1000 лет, из века в век, обсуждалась природа имен, соотношение в языке аналогии и аномалии, достоинства и изъяны индивидуальных тропов и иносказаний, приемлемость конкретных диалектизмов («солецизмов») и многое другое. Однако античная традиция не знает споров о «правильности» языка отдельного автора или произведения, потому что еще не сложились представления о возможности норм в употреблении языка. Грамматики учили пониманию категорий (например,

¹ «Троица» органична для человеческого сознания. И в дискретных и в континуальных предметах (явлениях) люди моментально выделяют три точки: начало, середина, конец; утро, день, вечер; отец, мать, дитя. В сказках у отца обычно три сына или три дочери, и только с младшим (-ей) происходят главные события сюжета; важное сказочное действие повторяется трижды, и вызревающий конфликт разрешается только на третий раз.

² Ср. у Квинтилиана (I в. н. э.): *in usum receptus* ('обычный, в узусе принятый, употребительный'), *verbum ab usu remotum* ('слово (глагол) не употребительное, от узуса отдаленное'),

времени, склонения, залога или падежа), а не выбору между конкурирующими вариантными формами. При этом риторики были вполне толерантны к территориальным и индивидуально-авторским особенностям речи. Цицерон ничего не запрещал и советовал учиться правильной латыни, читая классиков и слушая разговорную речь:

«Поэтому, раз есть определенный говор, свойственный римскому народу и его столице, говор, в котором ничто не может оскорбить наш слух, вызвать чувство неудовольствия или упрек, ничто не может звучать на чуждый лад или отзываться чужеземной речью, то будем следовать ему и учиться избегать не только деревенской грубости, но также и чужеземных особенностей. <...> По крайней мере, когда я слушаю мою тещу Лелию... мне кажется, что я слышу Плавта или Невия. Самый звук ее голоса так прост и естествен...» [1, с. 193].

Первые запреты и конфликты в истории языков появились с распространением мировых религий Писания и сложением культурно-религиозного двуязычия, типичного для феодальной поры во многих регионах мира (о природе языковых конфликтов см. подробно в [10]). Однако после европейского Ренессанса, по мере развития городов, книгопечатания, усиления гомогенизации народонаселения, культурно-религиозное двуязычие постепенно преодолевается; в ранге и функции языка культуры, религии укрепляются новые народные языки.

С XVI в. в Европе постепенно развивается нормативный подход к новым (народным, или национальным) языкам. Раньше всего в Италии, потом и других странах в XVI–XVIII вв. светские и церковные власти (например, кардинал Ришельё во Франции, княгиня Е. Р. Дашкова в России) создают специальные лингвистические институты – «языковые академии», призванные составить образцовую грамматику и словарь «своего» национального языка (подробнее о европейских языковых академиях XVI–XVII вв. см. в: [9, с. 158–162]). Происходившая кодификация наддиалектных и отчасти надсословных норм была одним из важных проявлений гомогенизирующих тенденций в развитии сообществ и отвечало задачам национальной консолидации государств. Усложнение коммуникации на национальных языках, начавшееся в эпоху Возрождения, обусловило постепенную функциональную дифференциацию языковых ресурсов, которая соответствовала основным типичным сферам и ситуациям общения; в результате происходило формирование функциональных стилей языка (деловой, канцелярский, научный, газетно-публицистический; разговорная речь).

В современной филологии родовой термин «стилистика» охватывает целый ряд дисциплин, обозначения которых дифференцированы определением:

стилистика художественной речи (или художественной литературы), стилистика языка, функциональная стилистика, практическая стилистика и др.¹. Римская триада стилей была релевантна для литературы и ораторской речи; в современной системе филологического знания к античной стилистике ближе всего «стилистика (или теория) художественной речи»², речи публицистики и СМИ. Что касается «функциональной стилистики» и «практической стилистики», то в античном коммуникативном укладе еще не было разновидностей речи, близких к «функциональным стилям», как не было и оппозиции нормативного и ненормативного в языке.

5. «Три стиля» в пражской риторике делового письма «Ars dictandi» (середина XV в.). Эту практическую риторику составил письмоводитель и нотариус пражского Нового Места Прокоп (1390–1482). Опираясь на традиции латинских риторик (прежде всего на популярный в университетах трактат «De oratore» Цицерона [14, с. 524]) и, судя по всему, зная о триаде риторических стилей, Прокоп кодифицировал письменную практику городской канцелярии, светских и церковных властей, судопроизводства, официальной корреспонденции. В «Ars dictandi» приводятся образцы различных юридических документов; формулы полных официальных обращений к духовным и светским лицам; образцы писем. Идея «трех стилей» используется Прокопом как один из принципов ранжирования и упорядочения текстового материала. Ранжирование начинается с иерархии адресатов: «Памятуй, что в посланиях ты должен ясно понимать, кто есть высший, кто средний и кто низший, чтобы знал, каких особ вверху, каких посредине, а каких в конце посадить» [14, с. 526; перевод наш. – Н. М.]. Рекомендуемая градация обращений такова: к архиепископу: *Najduostojnějšému v Kristu otci pánu a panu Kondrátovi, arcibiskupu kostela pražského*; к епископу: *Duostojnému v Kristu otci panu Kunšovi, biskupu litomyšlskému*; к аббату: *Velebnému v Kristu otci B., opatu Kláštera nepomučského* [14, с. 526].

«Ars dictandi» написана в основном на чешском, однако некоторые образцы письма даны и по-чешски, и по-латыни – в соответствии с реальными

¹ На реальной карте стилистики должны быть представлены противопоставления стилистических вариантов по их уровневой принадлежности (стилистика фонетическая, лексическая, грамматическая и др.), в аспекте «синхрония/диахрония», в аспекте количества языков и состава методов (сопоставительная стилистика vs стилистика языка (одного этнического)) и др.

² Эту дисциплину называют также «лингвистическая поэтика»; ее предметом является художественно-выразительное своеобразие языка литературных произведений.

потребностями двуязычной коммуникации в Чехии XIV–XVI вв. Риторика Прокопа, знакомя чехов со стилистическими категориями античности, явилась первой в Европе практической риторикой народного языка (см. также [11, с. 114–116]).

6. Психологизация речи в концепции «трех стилей» Франсуа Фенелона (1679). Во Франции идея трех стилей получила развитие в «Диалогах о красноречии» Франсуа Фенелона (1651–1715), богослова, классика и теоретика классицизма, автора историко-политического романа-аллегории «Приключения Телемаха» (1699); этот бестселлер XVII–XVIII вв. был переведен на основные языки Европы (в России – в 1724 г.; В. К. Тредиаковский в 1766 г. перевел прозаический роман гекзаметром). Перу Фенелона принадлежит также ряд книг о литературном мастерстве, о совершенстве языка, об отношении к лексическим заимствованиям и др. Эти сочинения были известны в России и оказывали определенное влияние на языковые поиски и вкусы российского образованного общества XVIII в. (см. [6]).

Что касается различий между тремя языковыми стилями, то Фенелон в разных стилях видел разную степень «приподнятости» («возвышенности») речи. Каждому стилю речи, по Фенелону, соответствует свое коммуникативное намерение (говоря в современных терминах, – своя «иллокуция»): обыкновенный стиль **доказывает**, средний – **живописует**, высокий – **увлекает**.

7. Жанрово-стилистическая система «трех штилей» М. В. Ломоносова (1758). Если Фенелон видел в трех стилях эмоционально-психологическую градацию, то Ломоносов в «Предисловии о пользе книг церковных в Российском языке» переосмыслил триаду стилей применительно к кардинальной проблеме русского языка и словесности: как разумно использовать все богатства языка, объединившего в себе и «высокую» церковнославянскую (по происхождению южнославянскую), и русскую (восточнославянскую) лексику. В триаде стилей Ломоносов увидел лексико-стилистическую параллель трем группам литературных жанров, каждый со своей пропорцией церковнославянской и русской лексики. Ключевые моменты в концепции «трех штилей» таковы.

Во-первых, Ломоносов показал, что в русской лексике есть три рода «речений» (слов) в зависимости от их «славенскости», ощущаемой как «высокость»:

(1) «славенские» (т. е. церковнославянские) слова, которые не употребляются в повседневной речи (*взывать, господень, насажденный, отверзать*);

(2) «речения славенороссийские», общие как для церковных книг, так и для повседневной речи (*Бог, слава, рука, ныне, почитаю*);

(3) русские слова, которых нет в церковных книгах (*говорю, ручей, который, пока, лишь*).

В-вторых, Ломоносов показал, в каких пропорциях, сообразуясь с жанром произведения, надлежит соединять слова, принадлежащие разным стилям.

«Первый [высокий стиль. – Н. М.] составляется из речений славенороссийских... и из славенских, россиянам вразумительных и не весьма обветшалых. Сим штилем составлять должны героические поэмы, оды, прозаические речи о важных материях, которым они от обыкновенной простоты к важному великолепию возвышаются» [7, с. 589]. «Низкий штиль принимает речения третьего рода... смешивая со средними, а от славенских обще не употребительных вовсе удаляться по пристойности материй, каковы суть комедии, увеселительные эпиграммы, песни, в прозе дружеские письма, описание обыкновенных дел» [7, с. 589–590].

В-третьих, сообразуясь со стилистической вертикалью по признаку «высокий – низкий», он распределил литературные жанры по трем группам. Эту систему трех соответствий можно представить в следующей таблице (в столбце «Лексика» цифры в скобках повторяют номера групп (см. выше) в распределении Ломоносовым слов разного происхождения в зависимости от их стилистической «высокости»):

Таблица 1

Жанры классицизма и лексика русского языка: распределение по трем «стилям»

Штили	Жанры	Лексика
Высокий	В стихах – героические поэмы, оды, трагедии; прозаические речи о важных материях	(1)+(2)
Посредственный	Драмы; в стихах – сатиры, эклоги, элегии; в прозе – «дела достопамятные и учения благородные»; письма	(2)+(3)+(1, но немного)
Низкий	Комедии; в прозе – описания обыкновенных дел; в стихах – басни, песни, увеселительные эпиграммы	(3)+(2, но немного)

Так Ломоносов преобразовал стилистическую триаду речей в стройную жанрово-лексическую матрицу русского классицизма.

8. Стилистика Шарля Балли (1909) как «новая дисциплина» в европейском языкознании. В отличие от грамматики и риторики, стилистика не входила в состав «семи свободных искусств» европейского Средневековья; она не была ни школьным, ни университетским предметом. Поэтому термин «стилистика» вошел в европейское языкознание сравнительно поздно – примерно в середине XIX в. Одной из первых работ, в названии которых есть слово «стилистика», была статья профессора Берлинского университета Хеймана Штейнталя «Zur Stylistik» (*Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft*, 1866, Bd. 4) [12, с. 493]. Первым русским словарем, который включил в свой словник лексему *стилистика*, было 3-е издание

Словаря В. И. Даля, вышедшее под редакцией И. А. Бодуэна де Куртенэ (его 4-й том напечатан в 1909 г.).

Для Шарля Балли в его новаторской книге «*Traité de stylistique française*» (1909) обоснованность нового исследовательского направления в лингвистике заключалась в том, чтобы разделить два предмета в исследовании языка: 1) язык в обычной жизни и 2) язык в его эстетической функции, т. е. язык художественной литературы: «Сколько заблуждений породил двадцативековой обычаем изучать язык через литературу!» [3, с. 37]. Согласно Балли, подлинным предметом лингвистики является язык в живом общении (не в литературе), при этом эмоционально-экспрессивные аспекты обычного общения составляют предмет стилистики: «Стилистика изучает экспрессивные факты языковой системы с точки зрения их эмоционального содержания, то есть выражение в речи явлений из области чувств и действие речевых фактов на чувства» [3, с. 33]. Замечу, что, хотя объект внимания у Балли новый – не искусная речь поэтов и ораторов (как у Аристотеля и Квинтилиана), но язык всего общества, включая повседневную речь, – однако сам угол зрения на речь прежний, как у древних: это эмфатические средства языка, способные выразить эмоции говорящего и тем воздействовать на слушателя или читателя.

Функциональные стили, т. е. варианты речи, связанные с разными типичными для социума сферами или средами общения и при этом обладающие лексическими и грамматическими особенностями, еще не сложились; точнее говоря, функциональные стили находились в процессе становления. Нужных терминов еще не могло быть: Балли, фактически говоря о стилистической маркированности слов (но еще не синтаксиса), называет этот феномен «социальной окраской», способной «вызывать представление о среде, в которой их употребление наиболее естественно» [3, с. 48]. Термины «функциональный стиль», «стилистическая маркированность», «функциональная стилистика» появятся позже – в работах Пражской лингвистической школы, в самоопределении которой Вл. Скаличка подчеркивал два ключевых термина: это лингвистика структуральная и функциональная [5, с. 250].

Интернациональное слово *стилистика* в европейских языках принадлежит как терминологии, так и общему (неспециальному) языку; оно общеизвестно. Благодаря популярности работ о языке и стиле литературных классиков и современников, в лексиконе стилистики появились новые континуанты, также интернациональные: *стилизовать*, *стилизоваться* и их производные: *стилизованный*, *стилизованность*, *стилизация*, *стилизатор*, *стилизаторский*,

стилизаторство. Большой частью, эти слова достаточно известны также и за пределами филологии.

8. Лексикологическое заключение. Лексема *стиль* в новых языках, как всякий значительный термин, – это «слуга двух господ» (метафора А. А. Реформатского о ключевых терминах): такое слово принадлежит и терминологии, и общей (неспециальной) лексике. «На службе науке», термин «стиль» постоянно находится в фокусе внимания специалистов: они то и дело пытаются определить его глубже и точнее, потому что в понятии «стиль», в реальности (стоящей за термином) находят новые важные черты. Поэтому нередко ключевые термины наук имеют несколько специальных значений. Однако, «на службе» у второго «господина» – общенародного языка – термин живет полноценной жизнью активного, востребованного слова: у него появляются производные слова и новые значения, в том числе оценочные, экспрессивные, образные; его обсуждают, о нем пишут школьные сочинения и публицистические эссе; с ним играют и повторяют каламбуры; вокруг него появляются фраземы и афоризмы. Именно такой стала судьба континуантов греч. *στῦλος* в латыни и в новых языках.

Слово *style* в английском (из старофранцузского) появляется в раннем XIV в. (OnlineEtymD); до примерно 1570-х гг. оно называет пишущий инструмент и – метонимически (как и в латыни) – разное написанное; а также обозначает аспекты, значимые для характеристики написанного ('склад речи, слог, стиль, способ изложения'), – все то, что OnlineEtymD определяет как «characteristic rhetorical mode of an author, manner or mode of expression» ('характерная риторическая манера автора; манера или способ выражения'). В эти века семантика англ. *style*, как и в латыни, еще не выходит за пределы письменности.

Однако в последней трети XVI в. употребление англ. *style* перешагнуло границы письма и словесности: по аналогии с письмом (и это было своего рода интеллектуальной метафорой) с помощью слова *style* стали создавать соединения слов, которые называли отличительные черты, характерные особенности, манеры поведения и/или деятельности. Соединяясь с дифференцирующим определением, слово *style* могло означать манеру петь, исполнять, играть на сцене; направления, стили, школы в искусстве; фасон, покрой, моду; способы летоисчисления (т. е. варианты календаря: *по новому* или *по старому стилю*).

По данным историков русской лексики, слово *стиль* (в значениях 'слог письма' и 'система летоисчисления') заимствовано 1696 г. из латыни или

из немецкого [4, с. 395]; варианты *стиль/штилль* в XVIII в. встречаются постоянно и безразлично. Первый словарь, фиксирующий лексему (в немецком варианте *штилль*) – это «Вейсманов лексикон» (1731)¹. В русском языке, как и в западноевропейских, в семантике слове *стиль* развились «нефилологические» значения; значение («слог письма»), скорей всего, также сохранялось, однако чуткий Даль о нем не упоминает, толкуя *стиль* так: «в искусствах: пошиб; род, образ, вкус, манера. *Стиль готический, мавританский.* || В счислении времен» (т. IV, с. 324).

Интернациональное слово «стиль» вошло в ядро словаря эстетики и каждого из искусств. Его ценят психологи и воспитатели, повторяя вслед за Жоржем Бюффеном, едва ли не самым универсальным мыслителем Франции XVIII в., натуралистом, математиком и художником: «Стиль – это человек» (1763). Особенности, создающие стиль, мыслятся как позитивные и престижные (ср. денотативно привлекательные слова *стилист, стильный*, фразема *икона стиля* (в том числе в названии ТВ-программы) и т. п.). Отсюда значения «изящество, вкус, шик, блеск», также и у адъективных и адвербиальных континуантов: англ. *stylish* «модный, элегантный, шикарный»; нем. *in grossen Stil* – «на широкую ногу, грандиозно, с большим размахом», *stilvoll* – «стильный, сделанный со вкусом; стилистически выдержанный».

Латинская семантическая инновация в заимствованном из греческого слове *stilus* – значение «орудие письма, побуждающее попутно редактировать написанное» – во французском и английском континуантах все еще удерживается на периферии семантики слова: в качестве историзма в текстах об античности и как архаизм в разговорах о текущем времени. Когда в 1870-х гг. в Америке появилось то, что рекламировалось как «вечное перо» (ручки для письма, в которых чернила автоматически подавались к перу; позже их стали называть *самописками* и *авторучками*), то англичане и французы называли это изобретение *stylograph*, сокращенно *stylo* (как *авто, кино, метро*). В русском языке слово *стило* появилось в 1900-х гг.; у Маяковского в «Разговоре с фининспектором» оно звучит насмешливо: «*Вот вам, товарищи, мое стило, и можете писать сами*». В современном языке *стило* ощутимо устарело, что также провоцирует его шутовское или ироническое применение. По данным

¹ Принятое в истории русской лексикографии обозначение перевода словаря Эренрейха Вейсмана (1641–1717), дополненного краткой грамматикой русского языка. См. Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами русского языка к общей пользе. СПб., 1731.

Национального корпуса русского языка (НКРЯ), слово *стило* в Основном корпусе отмечено в 34 документах (40 вхождений), в том числе в XXI в. (у В. Аксенова, В. Успенского; ср. контекст у В. Васильева: «...лежало стандартное стило-самописка»).

Поскольку о стилях, как и о вкусах, спорят, то в кругу континуантов лат. *stilus* имеются обозначения и с отрицательной коннотацией, которая обычно мотивируется или неполнотой стиля (нем. *stillos* – ‘не выдержанный ни в каком стиле; нестильный’, или стилистическим эклектизмом (рус. *разностилье*), или чрезмерностью (*стиляга*). Рус. *стиляга* и его дериваты (*стиляжий*, *стиляжничать*, *стиляжничество*, *стиляжный*) – это в известном смысле историзмы, свидетельства отрицательного отношения советского официоза 1950-х гг. к молодежными подражаниям западной моде.

Универсальность понятия «стиль» и интернациональность значительной части континуантов лат. *stilus* приводят к распространению вторичных заимствований с гламурной и гламурно-украшательской семантикой и именно в английской (более престижной) огласовке (*стайл*, *стайлинг*, *стайлайф*)¹, а также континуантов со спортивной семантикой (*фристайл*², *фристайлер*), которые на фоне друг друга начинают осознаваться как членимые, а элемент *стайл*- (благодаря звуковой и смысловой близости англ. *style* и рус. *стиль*) осознается как корневая морфема.

Таким образом, интернациональные континуанты лат. *stilus* характеризуются широтой и диффузностью значений, словообразовательной активностью и присутствием во всех областях жизни, где в деятельности человека и сообществ есть разнообразие, есть варианты, о которых естественно сказать: *стили*.

¹ Синонимы слова *стайл*: *имидж*, *прикид*, *фешн*, *мода*; *дизайн* (по данным Сети); заимствованные дериваты: *клерк-стайл*, *лайф-стайл*, *либер-стайл*, *милитари-стайл*, *моден-стайл*, *стрит-стайл*, *топ-стайл*, *трэш-стайл*, *хард-стайл* (направление электронного рока), *слоуп-стайл* и т. п. (НКРЯ, Шагл. 2009, Шагл. 2012); *стайлинг* – 1) форма, дизайн, внешний вид изделия, товара, а также деятельность по созданию внешнего вида, особой формы изделия; 2) в косметологии – укладка волос, придание им нужной формы и фиксация, а также средство (мус, гель, лак) для укладки волос (Шагл. 2012, 531).

² *Фристайл* – в разных видах спорта (в т. ч. в горнолыжном, парашютном, сноубординге, скейтбординге, аквабайке и др.) свободное выполнение элементов разной степени сложности (акробатических трюков, прыжков с трамплина и т. п.) (Шагл. 2009, 826); *фристайлер* – спортсмен, катающийся, выполняющий элементы в свободном стиле (Шагл. 2009, 827).

Условные сокращения лексикографических источников

Даль – *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Москва: Русский язык, 1978–1980.

ДвГр – *Дворецкий И. Х.* Древнегреческо-русский словарь: ок. 70000 слов: в 2 т. / под ред. С. И. Соболевского. Москва: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958.

ДвЛат – *Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь: ок. 50000 слов / изд. 2-е, перераб. и дополн. Москва: Рус. язык, 1976. 1096 с.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/old/> (дата обращения: 30.09.2019).

OnlineEtymID – Online Etymology Dictionary. URL: www.etymonline.com/index.php (дата обращения: 30.09.2019).

Шагл. 2009 – *Шагалова Е. Н.* Словарь новейших иностранных слов (конец XX–начало XXI вв.): более 3000 слов и словосочетаний. Москва: АСТ; Астрель, 2009. 943 с.

Шагл. 2012 – *Шагалова Е. Н.* Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века: ок. 1500 слов. Москва: АСТ; Астрель, 2012. 766 с.

Литература

1. Античные теории языка и стиля / под общ. ред. О. М. Фрейденберг. Москва–Ленинград: Соцэкгиз, 1936. 343 с.

2. Аристотель. Риторика [355 до н. э.; рус. перевод Н. Н. Платоновой (Санкт-Петербург, 1894)] // Античные риторика: Собрание текстов, статьи, комментарии и общая редакция А. А. Тахо-Годи. Москва, 1978. С. 15–64.

3. Балли Ш. Французская стилистика [1909] / пер. с фр. К. А. Долинина / под ред. Е. Г. Эткинда. Москва: URSS, 2009. 384 с.

4. *Биржакова Е. Э., Войнова Л., А, Кутина Л. Л.* Очерки по исторической лексикологии XVIII века: Языковые контакты и заимствования. Ленинград: Наука, 1972. 432 с.

5. *Вахек Й.* Лингвистический словарь Пражской школы / [при участии Й. Дубского]; пер. с фр., нем., англ. и чешск. И. А. Мельчука, В. З. Санникова. Под редакцией и с предисловием А. А. Реформатского. Москва: Прогресс, 1964. 350 с.

6. *Живов В. М.* Язык и культура в России XVIII века. Москва: Наука, 1996. 591 с.

7. *Ломоносов М. В.* Предисловие о пользе книг церковных в Российском языке [1758] // Полн. собр. сочи. Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. Москва–Ленинград, 1952. С. 585–592.

8. *Лосев А. Ф.* Аристотель (384–322 гг. до н. э.): «Риторика» и ее эстетический смысл // Античные риторика: собр. текстов, статьи, комментарии и общая редакция А. А. Тахо-Годи. Москва, 1978. С. 287–292.

9. *Мечковская Н. Б.* Лингвофилософские идеи в столетия рационализма и Просвещения. Расцвет лингвистического конструирования в XVII в. // Н. Б. Мечковская. Философия языка и коммуникации. Москва, 2017. С. 152–162.

10. *Мечковская Н. Б.* Психологические и социолингвистические характеристики языковых контактов: что усиливает конфликтный потенциал двуязычия? // Конкуренция в языке и коммуникации / отв. ред. Л. Л. Федорова. Москва, 2017. С. 15–39.

11. *Мячкоўская Н. Б.* Рыторыка ў культурах заходніх і ўсходніх славян: Тэндэнцыі развіцця ў XV–XVII стагоддзях. Мінск: Навука і тэхніка, 1993. 36 с.

12. *Степанов Ю. С.* Стилистика // Лингвистический энциклопедический словарь. Москва, 2002. С. 492–494.

13. *Lausberg H.* Elemente der literarischen Rhetorik. Eine Einführung für Studierende der klassischen, romanischen, englischen und deutschen Philologie. München, 1987. 169 S.

14. Výbor z české literatury od počatků po dobu Husovu / K vydání připravili B. Havránek, J. Hrabák. Praha: ČSAV, 1957. 851 s.

Ж. В. Некрашэвіч-Кароткая

Кафедра гісторыі беларускай літаратуры, Беларускае дзяржаўнае ўніверсітэт,
Мінск, Беларусь

ІДЭНТЫФІКАЦЫЙНЫЯ ДЫСПАЗІЦЫІ Ў СТАРАЖЫТНЫХ НАРАТЫВАХ ЯК ГЕТЭРАГЕННАЕ КУЛЬТУРНАЕ ЯДРО: БЕЛАРУСКІ ГІСТОРЫКА-ЛІТАРАТУРНЫ ДЫСКУРС

Асноўная мэта артыкула – прадставіць некаторыя ідэнтыфікацыйныя дыспазіцыі ў старажытных наратывах як гетэрагеннае культурнае ядро. Паняцце культурнага ядра, уведзенае Эрыкам Дональдам Хіршам, выкарыстоўваецца ў праекцыі на беларускі гісторыка-літаратурны дыскурс з яго найважнейшымі дэтэрмінантамі – Русь і Літва. Прадмет даследавання – функцыянаванне ў гэтым дыскурсе некаторых харонімаў (Русь, Літва) і этнонімаў (рускія, літвіны, печанегі, полаўцы, прусы). Адмысловая задача даследавання – змясціць трактат Іагана Мялецкага «*De religione et sacrificiis veterum Borussiae*» у больш шырокі гісторыка-культурны кантэкст эпохі. Артыкул накіраваны таксама на вывучэнне матываў, сродкаў і магчымасцяў, важных для старажытных аўтараў і для сучасных перакладчыкаў, якія імкнуліся прадставіць аўтэнтычную або сімвалічную этнаграфічную выяву ў культурных ландшафтах на тэрыторыі сучаснай Рэспублікі Беларусь або прылеглых да яе рэгіёнаў.

Ключавыя словы: ідэнтычнасць, імажынальная геаграфія, культурнае ядро, беларуская культурная прастора, Русь, Літва, харонімы, этнонімы, «Аповесць мінулых гадоў», Ян Радван, Іаган Мялецкі.

Z. Nekrashevich-Karotkaja

Department of history of Belarusian literature, Belarusian State University, Minsk,
Belarus

IDENTIFICATION DISPOSITIONS IN ANCIENT NARRATIVES AS A HETEROGENEOUS CULTURAL CORE: BELARUSIAN HISTORICAL AND LITERARY DISCOURSE

The main purpose of this article is to present several identification dispositions in the ancient narratives as a heterogeneous cultural core. The term *cultural core* was first introduced by Eric Donald Hirsch and is used in relation to the Belarusian historical and literary discourse with its most significant determinates – Rus' and Lithuania. The subject of the study is landscape terminology (Rus' and Lithuania) and ethnonyms (Russians, Litvins, Pechenegs, Polovtsy, Prussians). The auxiliary purpose of the study is to place Ioannes Meletius' treatise *De religione et sacrificiis veterum Borussiae* in the broader historical and cultural context of the epoch. The article also aims at analyzing the motives, means and opportunities that were important for ancient authors as well as modern translators who intended to demonstrate either an authentic or symbolic ethnographic picture within the cultural landscapes on the territory of present-day Belarus or adjacent regions.

Keywords: identity, imaginal geography, cultural core, Belarusian cultural space, Russia, Lithuania, landscape terminology, ethnonyms, *Tale of Bygone Years*, Ioannes Radvanus, Ioannes Meletius.

Аўтар:

Жанна Вацлаваўна Некрашэвіч-Кароткая –
доктар філалагічных навук, прафесар кафе-
дры гісторыі беларускай літаратуры БДУ.
Korotkaja@bsu.by

Author:

Zhanna Nekrashevich-Karotkaja – doctor of
philology, professor of the department of his-
tory of Belarusian literature, BSU.

Уводзіны

Даследчыцкая праблематыка гэтага артыкула звязана з гісторыка-культурнымі і геаграфічнымі ўяўленнямі, якія фарміруюцца ў побытавай свядомасці як ідэнтыфікацыйныя канстанты той ці іншай нацыянальнай культуры. У сваю чаргу, гэтыя канстанты замацоўваюцца не (толькі) на геаграфічных картах, але перадусім у разнастайных наратывах – гістарычных, публіцыстычных, мастацкіх, а таксама легендарных і прапагандысцкіх. Памежнай зонай паміж геаграфіяй і літаратуразнаўствам зрабілася ў сучасным гуманітарным дыскурсе вобразная (або «імажынальная») геаграфія, да якой ужываецца таксама выраз «філасафічная геаграфія» або «геаграфія ўяўлення».

Расійскі вучоны Дзмітрый Замяцін, спецыяліст у галіне гуманітарнай геаграфіі, які прыводзіць гэты сінанімічны шэраг, адштурхоўваецца ад паняццяў прасторы і часу як найбольш натуральных і арганічных каардынат культуры.

Любая культура имеет собственные, уникальные пространственные измерения. Эти измерения выражаются не только в конкретных географических условиях, в которых развивается культура, но и в определенных образах пространства (географических образах), порождаемых изучаемой культурой. Определенные географические образы являются существенным компонентом рассматриваемой культуры, а также культуры вообще (взятой в ее абстрактном, высшем смысле). В то же время данные образы оказывают значительное влияние на формирование и развитие самой культуры, определяя ряд ее уникальных признаков и феноменов [4, с. 5].

У гэтым даследаванні мяне цікавяць некаторыя прасторавыя канцэпты і вобразы, якія фарміраваліся і функцыянавалі ў беларускай культурнай прасторы, а таксама ўплывалі і нярэдка ўплываюць да сённяшняга дня на ідэнтыфікацыйныя стратэгіі прыналежных да гэтай прасторы людзей.

Да паняцця культурнай прасторы ў кантэксце даследавання я звяртаюся ў сувязі з неаднароднасцю гісторыка-культурнай выявы сучаснай Рэспублікі Беларусь. Яе геаграфічная тэрыторыя закранае рознымі сваімі сегментамі некалькі гістарычных рэгіёнаў. Гэта гістарычная Белая Русь (паўночна-ўсходняя частка нашай дзяржавы, а таксама частка Расійскай Федэрацыі), гістарычная Чорная Русь і гістарычная Літва (цэнтральная, заходняя і паўднёва-заходняя Беларусь, а таксама частка сучаснай Літвы), гістарычнае Палессе

(паўднёвая частка Беларусі, а таксама некаторыя рэгіёны Польшчы, Украіны і Расійскай Федэрацыі). Такім чынам, перад даследчыкам Беларусі разгортваецца своеадметная культурная прастора. Яна выяўляе сябе найбольш выразна ў працэсе яе алітаратурвання (тэрмін Юргена Ёахімшталера), бо ў гэтым выпадку непазбежна праяўляецца феномен кандэнсацыі культурнай прасторы (*Kulturraumverdichtung*), выяўляючы тыя культурныя ландшафты, якія дапаўняюць адзін адно або канкуруюць адзін з адным [25, с. 18]. Вынікам кандэнсацыі можа быць таксама накладанне адной культурнай прасторы на другую ў адным і тым жа месцы, напрыклад, у памежных рэгіёнах.

Гэтэрагеннасць прэзентаванага этнанімічнага шэрагу спрычыняецца як да шматлікіх даследаванняў прафесійных гісторыкаў, этнографікаў, культуролагаў, сацыёлагаў, так і да дыскусій публіцыстычнага (а нярэдка і папулісцкага) кшталту ў медыйнай прасторы. Трывалая цікавасць да этнанімічных дыспазіцый тлумачыцца непераадольным жаданнем даказаць, «хто такія мы». У сваю чаргу, узнікненне і функцыянаванне гэтых дыспазіцый звязана не толькі і не столькі з гістарычнымі чыннікамі, колькі з прадуктыўнасцю і сэнсавызначальным патэнцыялам этнонімаў у стварэнні сімвалічных (сама)ідэнтыфікацыйных стратэгий. Аўтар гэтага артыкула ў размовах з суайчынікамі – грамадзянамі Беларусі – неаднаразова сутыкалася з інтэнцыямі рэспандэнтаў да як мінімум неаднароднай, а даволі часта нават неязвыклай, «экзатычнай» стратэгіі этнічнай ідэнтыфікацыі: «мой дзед казаў, што мы – *сарматы*», «у Вас *яцвяжскі* тып твару», «я *рускі*, хаця бацька кажа мне, што я *беларус*», «гэта *беларусы* – сапраўдныя *ліцвіны*, а літоўцы – *жамойты*», «я не гавару па-польску, але я – *чыстакроўны шляхціц*» і г. д.

У кантэксце падобных выказванняў дарэчы будзе працытаваць думку польскага сацыёлага Рышарда Радзіка: «Як правіла, гісторыя кожнай нацыі апісваецца і інтэрпрэтуецца не толькі ў катэгорыях той эпохі, да якой адносяцца канкрэтныя гістарычныя падзеі, але і з перспектывы часу, у тым ліку зыхадам за рамкі навуковай метадалогіі – з апеляцыяй да каштоўнасцяў і ацэнак, якія былі невядомы героям таго ці іншага гістарычнага наратыву (а нярэдка і іх эпосе наогул). Гісторыя поўная падзей, якія „спрадвеку“ міфалагізаваліся» [15, с. 131]. У разнастайныя міфатворчыя канстэляцыі трапляюць у першую чаргу этнонімы.

Да даследчыцкіх задач у межах артыкула адносіцца аналіз таго этнанімічнага і харанімічнага шэрагу, які прадстаўлены ў розных гістарычных і мастацкіх наратывах і які мае дачыненне да беларускай культурнай прасторы. Мы

не мелі на мэце вывучэнне ўсяго комплексу дакументальных сведчанняў, якія ілюструюць функцыянаванне пэўнага ідэнтыфікатара ў старажытны перыяд. Выдатным узорам паспяховага ажыццяўлення такога даследчыцкага праекту – у дачыненні да хароніма *Белая Русь* – з’яўляецца манаграфія Алеся Белага [1, с. 33–100]. Мэта гэтай працы – прадставіць этнанімічныя і харанімічныя дыспазіцыі ў старажытных наратывах усходніх славян як гетэрагеннае культурнае ядро. Пры гэтым спарадычна ў дыяпазон аб’екта даследавання ўцягваюцца таксама перакладчыцкія трансфармацыі, якія – праз ідэалагічнае пазіцыянаванне перакладчыка – дапамагаюць зразумець функцыянальную спецыфіку таго ці іншага оніма.

Тэрмін «культурнае ядро» прапанаваў амерыканскі літаратуразнавец Эрык Дональд Хірш. Выкарыстоўваючы гэтае паняцце ў праекцыі на беларускі гісторыка-культурны дыкурс, я арыентуюся ў метадалагічных адносінах на прапанаваную ім тэорыю культурнай граматыцы (*cultural literacy*). Э. Д. Хірш сцвярджаў, што ў сітуацыі, калі эканамічная няроўнасць спараджае грамадзянскую няроўнасць, якая ўсё больш і больш узмацняецца, узнікае патрэба выпрацоўваць агульнае культурнае ядро (*a shared cultural core*). Да гэтага ядра адносяцца ў першую чаргу слоўнікавы запас пэўнай супольнасці (*a vocabulary*), а таксама набор агульнапрызнаных рэфэрэнтаў і сімвалаў (*a set of shared referents and symbols*) [23, р. 20–24]. Аб’ектам даследавання ў адпаведнасці з абраным падыходам з’яўляюцца этнонімы, прадстаўленыя ў асобных літаратурных помніках, створаных на розных мовах і прыналежных да розных эпох; апошнія, у сваю чаргу, з’яўляюцца матэрыялам даследавання. Тое, што іх аб’ядноўвае, робіцца прадметам даследавання: матывы вылучэння і прынцыпы функцыянавання асобных гісторыка-культурных намінацый як этнонімаў, а таксама рэлевантных для вызначанай культурнай прасторы ідэнтыфікацыйных стратэгий – перадусім «рускасці», «ліцвінскасці», «беларускасці».

Русь і «нямецкі след»

Ва ўнутранай форме наймення «Беларусь» відавочна выступае аснова «Русь», і гэтая акалічнасць неаднаразова абыгрывалася ў розных палітычных і культурных кантэкстах. Прывяду адзін з найбольш вядомых прыкладаў. У культавым савецкім фільме «Белые Росы» (1983), знятым на кінастудыі «Беларусьфільм», герой Усевалада Санаева (Фёдар Ходас) задае «простае» пытанне: краіна наша як называецца? Гучыць «просты» адказ: Расія, Русь!

«Гэта цяпер, – рэагуе Фёдар, – а раней – Рось. А людзей звалі росамі». Так у межах мастацкага наратыва была створана прывабная ідэалагема. Калі ж рэальна звярнуцца да гістарычных крыніц старажытных часоў, дзе згадваецца Русь, то зусім няпростым акажацца пытанне, якая тэрыторыя пазначалася такой назвай і з якім этнічным субстратам яна атаясамлівалася.

Найменне «Русь» часта сустракаецца ў «Аповесці мінулых гадоў». Д. Ліхачоў, перакладаючы тэкст летапісу на рускую мову, рэгулярна прыбягае да, здаецца, сінанімічнай замены, як, напрыклад, у фрагменце з часоў кіеўскага князя Святаслава. Параўнаем два фрагменты – з арыгінальнага тэксту (рэдапрыхтоўка Л. Дзмітрыева і Д. Ліхачова; паўтлустыя вылучэнні мае. – Ж. Н.-К.) і з перакладу, якія прыводзяцца ніжэй.

И поиде Святославъ на греки, и изидоша противу руси. Видѣвше же русь убояшася зѣло множества вой, и рече Святославъ: «Уже намъ нѣкамо ся дѣти, волею и неволею стати противу; да не посрадимъ землѣ Рускиѣ, но ляжемъ костью, мертвы и бо срама не имамъ». <...> И исполчишася русь, и бысть сѣча велика, и одолѣ Святославъ, и бѣжаша грѣци.

И пошел Святослав на греков, и вышли те против русских. Когда же русские увидели их – сильно испугались такого великого множества воинов, но сказал Святослав: «Нам некуда уже деться, хотим мы или не хотим – должны сражаться. Так не посрадим земли Русской, но ляжем здесь костью, ибо мертвые не принимают позора. <...> И исполнились русские, и была жестокая сеча, и одолел Святослав, а греки бежали» [14, с. 84–85].

Перакладчык Д. Ліхачоў наўмысна імкнецца стварыць асацыятыўнае ўяўленне, што гаворка тут ідзе пра продкаў сучасных яму «рускіх», якіх ён атаясамлівае з рускім, беларускім і ўкраінскім народамі. Усе яны ў шматлікіх гістарычных даследаваннях трактаваліся як «рускія», і на бытавым узроўні ў еўрапейскай культурнай прасторы трактуюцца такім чынам і да сённяшняга дня: для сярэднестатыстычнага немца і беларус, і ўкраінец – «рускія». Таму магчымасць супастаўлення «рускіх» дваццатага стагоддзя з «рускімі» дзясятага стагоддзя – часоў кіеўскага князя Святаслава – была для акадэміка Ліхачова бяспрэчнай.

Ці быў кіеўскі князь Святаслаў Ігаравіч (паміж 920 і 942–972) і яго дружыннікі «рускімі» ў тым сэнсе, як разумеюць гэта не толькі нашы сучаснікі, якія ідэнтыфікуюць сябе як «рускіх», але і людзі ўва ўсім свеце? Іншымі словамі, ці былі «рускія» часоў князя Святаслава прадстаўнікамі ўсходнеславянскай этнічнай супольнасці? Узуальным для культурнага дыскурсу крытэрыем этнічнай ідэнтыфікацыі з'яўляюцца ўласцівыя таму ці іншаму культурнаму рэгіёну антрапонімы. Нездарма ў часы другой сусветнай вайны салдат трэцяга рэйха называлі «фрыцамі», а салдат савецкай арміі – «іванамі».

У тэкст «Аповесці мінулых гадоў» уключаны фрагмент дамовы паміж «руссю» і грэкамі часоў візантыйскага імператара Рамана I Лакапіна (каля 870–948). Тут і прыводзяцца імёны шматлікіх дружыннікаў «з роду рускага», якія фігуруюць як «сьлы и гостье» (паслы і госці¹):

Мы от рода рускаго съли и гостье, Иворь, соль Игоревь, великаго князя рускаго, и объчии сли: Вуефасть Святославль, сына Игорева; Искусеви Ольги княгини; Слуды Игоревь, нети (плянніка. – Ж. Н.-К.) Игоревь; Улѣбь Володславль; Каницарь Передьславинь; Шихьбернь Сфаньдрь, жены Улѣблѣ; Прасьтѣнь Турьдуви; Либиарь Фастовь; Гримь Сфирьковь; Прастѣнь Акунь, нети Игоревь; Кары Тудковь; Каршевь Турьдовь... <...> ... послании от Игоря, великаго князя рускаго, и от всякоя княжья и от всѣхъ людей Руския земля [14, с. 60].

Наколькі б істотна ні змянялася антрапанімічная мода, сучаснаму чалавеку цяжка ўявіць сабе «рускага» з імем Улеб, Кары, Каршэў або, тым больш, Грым. Апошняе імя актывізуе, хутчэй за ўсё, нашы дзіцячыя асацыяцыі, звязаныя з казкамі братоў Якаба і Вільгельма Грымаў, нямецкіх філолагаў. Што гэта – «нямецкі след»?

Так, гэты след насамрэч прасочваецца ў гісторыі пра легендарных варагаў Рурыка, Сінеуса і Трувора, а таксама іх нашчадкаў Алега, Ігара і Святаслава. У рэчышчы гэтай «нямецкай» асацыяцыі працытую фрагмент з артыкула нямецкага славіста Ганса Ротэ «Што такое *древнерусская литература?*»:

Наўрад ці правільна называць старажытную літаратуру рускай. Гэта слова германскага паходжання, яно мела значэнне ‘вясляр, марак’ і першапачаткова пазначала «паўночных людзей» – нарманаў. Назва краіны «Русь» была адначасова назвай для народа варагаў. Грэкі гаварылі «οι Ῥῶς». Як доўга выкарыстоўваўся гэты эквівалент, мы, канешне, не ведаем. Варагі на дзіва хутка славянізаваліся на рускай зямлі. І ўсё ж такі яшчэ даволі доўга прыбывала воінскае папаўненне, таму можна меркаваць, што правячая праслойка аж да XIII ст. была двухмоўнай, бо ў той час яны ўсё яшчэ падтрымлівалі гандлёвыя адносіны з варагамі, праўда, не заўсёды мірныя [16, с. 94].

Пад двухмоўнасцю нямецкі славіст мае на ўвазе здольнасць валадароў-русічаў размаўляць як на мове аўтахтонаў (якую называюць «древнерусской» або старажытнаўсходнеславянскай), так і на нейкім германскім дыялекце. Ва ўсякім разе, у пачатку свайго артыкула Г. Ротэ заяўляе: у межах тэмы «рускасці» ён будзе весці гаворку не толькі пра паўднёvasлавянскую, грэчаскую і ўсходнеславянскую пісьмовую традыцыі, але таксама – у больш позні перыяд, у Ноўгарадзе і Смаленску, – пра лацінскую і сярэдневерхнямецкую [16, с. 163].

¹ Слова «госць» ва ўсходнеславянскіх мовах першапачаткова мела значэнне ‘заезджы купец’, таму паводле сваёй унутранай формы яно роднаснае, напрыклад, лацінскаму *hostis* ‘чужаземец, іншаземец, ваенны супраціўнік’.

Так ці іначай, паступова харонім Русь пачаў атаясамлівацца з усходнімі славянамі. Вытворны ад яго этнонім сустракаецца ў лацінскіх помніках пераважна ў формах *Russus* або *Ruthenus*. Прыклады ўжывання гэтых тэрмінаў у лацінскіх тэкстах ранняга новага часу старанна натаваліся ўсходнеславянскімі даследчыкамі. У 70-з гг. XX ст. беларуская інтэлектуальная грамадскасць з вялікім энтузіязмам сустрэла навуковую інтэрпрэтацыю Якава Парэцкага ў дачыненні да паэмы «Пруская вайна» Яна Вісліцкага: у адпаведнасці з ёй, лацінамоўны паэт упершыню згадаў у сваім творы беларусаў. Менавіта такім чынам было патлумачана даследчыкам ужыванне выразу *albos belli celebres virtute Ruthenos* («белых русінаў, слаўтых ваеннай мужнасцю») (*Bellum II*, 22; гл.: [3]).

Якаў Парэцкі, які стварыў першыя ўзоры перакладаў «Прускай вайны» на рускую і беларускую мовы, а таксама Віктар Дарашкевіч прыводзілі ў сваіх працах аргументы на карысць беларускага паходжання Яна Вісліцкага: азначэнне *Ruthenus* («русін») пры яго імені ў рэктарскіх актах Ягелонскага ўніверсітэта; магчымасць лакалізацыі мястэчка Вісліца не ў Польшчы, а ў Беларусі; акцэнтаванне паэтам увагі на ключавой для беларускай гісторыі бітве пад Клецкам (падрабязней пра гэта: [11, с. 25–26]). Дзякуючы адпаведным інтэрпрэтацыям – як даследчыцкім, так і перакладчыцкім – у беларускай навуковай літаратуры паступова фарміруецца ўяўленне пра «беларуса Яна з Вісліцы» [гл.: 2, с. 24].

Фарміраванню міфалагемы «беларускі паэт Ян Вісліцкі» (да якой, што праўда, спрычынілася ў свой час і аўтар гэтага артыкула) у найбольшай ступені паспрыяў Алег Лойка. Як слушна заўважыла Людміла Сінькова, «ён у падручніках па літаратуры старажытнай і XIX стагоддзя пачаў акцэнтаваць беларускі (ліцвінскі, як казаў Алег Антонавіч) складнік у пісьменстве Вялікага Княства Літоўскага, Рэчы Паспалітай і Расійскай імперыі» [17, с. 10]. Так, напрыклад, кніга А. Лойкі «Старабеларуская літаратура» (2001), якая ў цэлым вельмі багатая на цікавыя назіранні і арыгінальныя высновы, утрымлівае ў сабе наступны пасаж: «У кароткай анатацыйнай прадмове да паэмы князеўна Соф’я названа „беларускай дзевай“, у трэцім раздзеле – „дачкай беларускай зямлі“, „беларускай цудоўнай нявестай“» [8, с. 33]. У рэчаіснасці ж *albos Ruthenos* (гл. цытату, прыведзеную вышэй) Ян Вісліцкі згадвае толькі аднойчы: пры пераліку тых народаў, якія Ягайла аб’яднаў сваёй вышэйшай уладай у ВКЛ. Уласна ж эпітэт «беларускі», які педаліруе А. Лойка ў межах сваёй даследчыцкай інтэрпрэтацыі, не ўжываецца ў «Прускай вайне» наогул.

Падсумоўваючы, адзначу, што геаграфічны і культурны канцэпт «рускасці» нязменна захоўвае свой сінфікатывы патэнцыял у беларускай культурнай прасторы, што падмацоўваецца таксама адпаведным палітонімам – (Рэспубліка) Беларусь. Паняцце «Русь» у якасці агульнага культурнага ядра першапачаткова карэліравала з уяўленнем пра «варагаў», але паступова страціла гэтую сэнсавую сувязь і набыло найбольшую прадуктыўнасць у семіятычнай прасторы праваслаўя. Адначасова гэтая дастаткова гамагенная стратэгія ідэнтыфікацыі – «рускі» – рэгулярна ўступае ў разнастайныя карэляцыі з іншымі намінацыйнымі варыянтамі і ідэнтыфікацыйнымі стратэгіямі, якія не заўсёды семантычна супадаюць паміж сабой. У прыватнасці, можна ўспомніць азначэнне «раксанскі», ужытае Мікалаем Гусоўскім у паэме «Carmen de bisonte» (*libris Roxanis* – ‘па раксанскіх кнігах’). Яно паслядоўна перакладаецца як «славянскі», аднак, на думку Марыён Рутц, неправамерна было б атаясамліваць яго з тэрмінамі *Ruthenus*, *Russus*, якія часта сустракаюцца ў крыніцах XVI ст. [33, с. 88]¹. У сваю чаргу, апошні тэрмін актыўна запатрабоўваецца ў даследаваннях, прысвечаных вывучэнню розных аспектаў гісторыі славян праз лінгвістыку, г. зн. найперш у кантэксце вывучэння ўзуальных для ўсходнеславянскай культурнай прасторы харонімаў, этнонімаў і лінгвонімаў [21; 30; 13].

У цэлым жа прыхільнікі славянафільскіх канцэпцый этнагенезу беларусаў, як і прыхільнікі, скажам, нарманскай або антынарманскай тэорыі паходжання варагаў², арыйскай або скіфа-сармацкай тэорыі павінны заўсёды быць тэндэнцыйнымі ў адборы крыніц і наўрад ці будуць імкнуцца да пашырэння сваёй крыніцазнаўчай базы. Справа ў тым, што славянская/«руская» парадыгма ў дачыненні да гісторыка-культурнай выявы Беларусі (а таксама Расіі і Украіны) непазбежна ўступае ў разнастайныя ўзаемадачынненні з іншымі ідэнтыфікацыйнымі стратэгіямі. Здараецца гэта не толькі ў сувязі з тым, што старажытная дзяржава, тэрытарыяльным ядром якой былі землі сучаснай Беларусі, называлася Вялікім Княствам Літоўскім (далей – ВКЛ). Ёсць і іншыя этнанімічныя асацыяцыі, якія ў той ці іншай ступені суадносяцца з усходнеславянскім (у тым ліку і беларускім) культурным ядром.

¹ Этнанімічныя канстэляцыі ў паэме Мікалая Гусоўскага (*раксанскі – скіфскі – польскі – літоўскі*) дэталёва прааналізаваны Марыён Рутц у яе артыкуле, пераклад якога на беларускую мову змешчаны ў гэтым жа выпуску «Studia philologica».

² Вельмі дасціпная папулярная інтэрпрэтацыя гэтай дыскусійнай праблемы прадстаўлена ў межах расійскага крэатыўнага онлайн-кантэнту «RedroomLIMB» на Youtube (*Норманнский вопрос. Норманизм, антинорманизм и происхождение Руси // ТЕЛЕГА*), гл.: <https://www.youtube.com/watch?v=wQcFOQhdguM>.

Печанегі, полаўцы і Вялікае Княства Літоўскае

Пытанне пра этнічны склад насельніцтва ВКЛ разглядалася ў шматлікіх навуковых публікацыях, аналітычны агляд якіх не адносіцца да мэты гэтага даследавання. Юлія Верхаланцаў, ужываючы ў дачыненні да гэтай дзяржавы першапачатковую фармулёўку «палітычны саюз паміж літоўцамі-язычнікамі і русінамі-праваслаўнымі» (*the political union between pagan Lithuanians and Orthodox Ruthenians*), адзначае, што пасля заключэння Крэўскай уніі ВКЛ хутка зрабілася важнай сілай на мяжы паміж Усходняй і Заходняй Еўропай, а таксама месцам нараджэння некалькіх сучасных нацый (*was on the fast track to becoming an important power on the frontier of European East and West and the birthplace of several modern nations*) [35, p. 422]. Указваючы, што паступова княства зрабілася домам для некаторых іншых этнічных і канфесійных груп, даследчыца згадвае толькі нехрысціян – татар, армян і яўрэяў. Аднак, мяркуючы па дадзеных розных крыніц, склад аўтахтоннага насельніцтва не можа быць ахарактарызаваны з дапамогай агульнай формулы «палітычны саюз літоўцаў з русінамі». Некаторыя помнікі прадстаўляюць складанай часткай агульнага культурнага ядра ВКЛ печанегаў і полаўцаў, якія ў інтэлектуальнай свядомасці сучаснікаў найчасцей атаясамліваюцца з плямёнамі цюркскага паходжання і рэзка адмяжоўваюцца ад славян.

Тэкст «Аповесці мінулых гадоў» падае пад 944 годам наступную інфармацыю: «Игорь же, совкупивъ вои многи – варяги, русь, и поляны, словѣни, и кривичи, и тѣверьцѣ, и печенѣги наа и тали у нихъ поя (наняў і ўзяў у іх заложнікаў. – Ж. Н.-К.), поиде на Греки в лодях и на конихъ, хотя мьстити себе» [14, с. 58]. Л. Дзмітрыеў і Д. Ліхачоў раздзялілі словы «варяги» і «русь» коскай, даючы тым самым зразумець, што гэта назвы адрозных плямёнаў, сярод якіх згадваюцца і блізкія беларускай гістарычнай свядомасці крывічы. Зразумела, у арыгінальным тэксце самага ранняга Лаўрэнцьеўскага спісу «Аповесці мінулых гадоў» 1377 г. ніякіх знакаў прыпынку не было. Значыць, следам за многімі гісторыкамі можна меркаваць, што летапісец згадваў тут не «варагаў і русь», а «варагаў-русь», г. зн. варагаў, якія зваліся руссю. Праўда, і гэта меркаванне не шмат дапамагае нам у высвятленні этнагенезу загадкавай летапіснай «русі».

Варта звярнуць увагу на тое, што ў перакладзе на рускую мову працытаванага фрагмента сінтаксічнае члянэнне выканана адмыслова: «Игорь же собрал воинов многих: варягов, русь, и полян, и славян, и кривичей, и тиверцев – и нанял

печенегов, и заложников у них взял, – и пошел на греков в ладьях и на конях, стремясь отомстить за себя» [14, с. 59]. Перекладчык Д. Ліхачоў відавочна імкнецца аддзяліць печанегаў (не менш загадкавых, чым варагаў) ад іншых плямёнаў, якія сабраў Ігар дзеля паходу на Царград (Канстанцінопаль). Такое сінтаксічнае члянэнне адпавядае фармулёўцы ў каментарыях [14, с. 423]: «*Печеньзи* – союз тюркских племен. В конце IX в. печенеги заняли Северное Причерноморье от Дона до Дуная».

Відавочная шырыня гэтай фармулёўкі наўрад ці дапамагае чытачу сфарміраваць больш дакладнае ўяўленне пра печанегаў, паколькі адлегласць паміж Донам і Дунаем – каля дзвюх тысяч кіламетраў. Дапамагае ў ідэнтыфікацыі таго ці іншага старажытнага народа літаратура: яна здольная выпукліць, акцэнтаваць вядомае гістарычнае паданне, у якім фігуруе пэўны этнонім. У выпадку печанегаў самае вядомае паданне ў «Аповесці мінулых гадоў» – гісторыя забойства кіеўскага князя Святаслава, якая распавядае пра пад 972 годам: «Веснѣ же приспѣвши, в лѣто 6480, поиде Святославъ в пороги. И нападе на нь Куря, князь печенѣжский, и убиша Святослава, и взяша главу его, и во лбѣ его съдѣлаша чашю, оковавше лобъ его, и пяху из него» [14, с. 88]. Такім чынам, паводле летапісу, князя Святаслава забіў печанег Кура.

Тую ж самую гісторыю пераказвае Ян Радван у лацінамоўнай паэме «Радзівіліяда» (1592) у межах апісання шчыта Мікалая Радзівіла:

Et Svantoslavum, cui nunc prostrarat Achivos
(Neu casus!) Litavi dextra cecidisse Curetis,
E capite absciso carchesia pocula fecit
Hostis, et inscripsit: Quaerens aliena peristi.

[31, р. IIv.]¹

Вось Святаслаў – што за лёс! – нападаў ён спачатку на грэкаў,
Потым быў сцяты магутнай правіцай ліцвіна Курэта:
З чэрапа князя сабе адмысловы ён вырабіў келіх,
Выбіўшы надпіс на ім: «Ты чужога шукаў – і загінуў».

[7, с. 491]

Паводле «Радзівіліяды», не рука нейкага Куры з цюркскага племя, а «правіца ліцвіна Курэта» (*Litavi dextra Curetis*) забіла Святаслава.

Да гісторыі забойства князя Святаслава звяртаецца таксама ўрадженец Ковеншчыны, вучоны і гісторык XVII ст., рэктар Віленскай езуіцкай

¹ Цытаты з тэксту арыгінала паэмы «Радзівіліяда» суправаджаюцца фрагментамі з майго паэтычнага перакладу.

акадэміі, Альберт Віюк-Каяловіч (1609–1677). Яго пяру належыць двухтомная «Літоўская гісторыя» (*Historia Litwana*; т. 1 – Гданьск 1650, т. 2 – Антверпен 1669) на лацінскай мове. Упершыню літаратуразнаўчую і гісторыка-культурную прэзентацыю гэтага помніка ў беларускай гуманістыцы ажыццявіў У. Кароткі [5, с. 139–150]. Паводле яго артыкула будуць прыводзіцца арыгінальныя цытаты ніжэй.

У перадачы А. Віюка-Каяловіча таксама згадваюцца печанегі, але з вельмі важным удакладненнем: у якасці забойцы Святаслава фігуруе *Dux Pecinigorum Litvanus Cures* (князь печанегаў, літвін Кур). Пры гэтым аўтар адзначае, што ніякіх пісьмовых сведчанняў у «рускіх» (*Russis*) на гэтую тэму няма, нашмат больш такіх сведчанняў – у печанегаў (*Pecinigis*). Мяркуючы па ўсім, А. Віюк-Каяловіч меў выразнае ўяўленне пра паходжанне печанегаў (якога не маюць сучасныя даследчыкі), не абавязкова звязваючы іх з цюркамі або славуцым «стэпам» (паміж Донам і Дунаем?), які так любіць згадаць Д. Ліхачоў. Аўтар «Літоўскай гісторыі» абапіраецца на ранейшыя крыніцы. У прыватнасці, інфармацыю пра князя Кура падае і Мацей Стрыйкоўскі ў сваёй «Хроніцы» (*Kronika Polska, Litewska, Żmudzka i wszystkiej Rusi*): «а сам той князь Курэс быў ліцвінам, пра што сведчыць ягонае імя» (*a ten Kures Xiqze był własny Litwin, w czym go imię jego wydawa*). На думку Стрыйкоўскага, Кур – гэта тыповае літоўскае/ліцвінскае імя, якое і сведчыць пра адпаведнае – праўдападобна, не-цюркскае – паходжанне Кура/Куры/Курэта/Курэса.

Яшчэ адзін «цюркскі» міф, замацаваны ў расійскай гістарыяграфіі, не пацвярджаецца матэрыяламі пісьменства ВКЛ. Гэта міф пра «сцяпных» полаўцаў. З імі змагаўся Ноўгарад-Северскі князь Ігар Святаславіч, галоўны герой усходнеславянскага эпасу «Слова пра паход Ігаравы», які многімі даследчыкамі ідэнтыфікуецца як літаратурная фальсіфікацыя. Полаўцаў згадвае Ян Радван побач з літоўцамі (*Litauos*¹), судзінамі (*Sudinos*) і язiгамі (*Iazyga*) (*Radivilias I*, 80–81, гл.: [31]). Менавіта пасля іх Ян Радван згадвае *Nomades Poloucos* (качэўнікаў полаўцаў), і для ўсіх пералічаных народаў ВКЛ – *eadem tellus* (адна і тая ж, агульная зямля).

Пасля полаўцаў, якія мелі свае паселішчы побач з літоўцамі (ліцвінамі?), судзінамі і язiгамі, Ян Радван згадвае *veteres Prvssos* (старажытных прусаў), якія, згодна з яго мастацкай канцэпцыяй, таксама жылі на землях ВКЛ. Прусамі часцей за ўсё называлі групу плямёнаў, якія аж да XVIII ст. насялялі

¹ Усе этнонімы тут ужываюцца ў форме вінавальнага склону множнага ліку, як і ў адпаведным фрагменце «Радзівіліяды» Яна Радвана.

паўднёвае ўзбярэжжа Балтыйскага мора. «Прускі след» праяўляецца ў розных прэцэдэнтных тэкстах.

Прусы

Агульнавядома, што гістарычныя прусы даволі рана пачалі адчуваць на сабе асіміляцыйны ўплыў суседніх германскіх плямёнаў; пруская мова, па звестках лінгвістаў, перастала існаваць ужо ў XVI ст. Як паведамляе Вікіпедыя, у сучаснай Федэратыўнай Рэспубліцы Германія звыш мільёна чалавек прызнаюць сябе нашчадкамі прусаў. На сённяшні дзень у еўрапейскай гістарычнай свядомасці прусы карэлююць перадусім з германскім этнасам. Важным фактарам, які верыфікуе магчымасць такой карэляцыі, з'яўляецца канкрэтная гістарычная акалічнасць. Пасля 1701 г. назва *Прусія*, традыцыйна замацаваная за невялікай гістарычнай вобласцю на ўзбярэжжы Балтыйскага мора, была дастасавана да вялікай дзяржавы, якая паўстала ў часы імператара Фрыдрыха III. Ён, у сваю чаргу, абвясціў сябе каралём Прусіі. Гэтая дзяржава ў канчатковым выніку ўключала ў сябе амаль усю Германію на поўнач ад так званай лініі Майна (яна падзяляла паўночную і паўднёвую часткі Германіі) і праіснавала аж да канца другой сусветнай вайны.

«Прускасць» як ідэнтыфікацыйная стратэгія таксама адносіцца да гетэрагеннага культурнага ядра ВКЛ. Пры гэтым, як адзначае Вера Матузава, этымалогія назвы «прусы» (*Prutheni*) няясная: існуюць некалькі розных канцэпцый, якія тлумачаць яе [10, с. 270–271]. Сама даследчыца схіляецца да думкі пра балцкі кампанент як вызначальны для прускага культурнага ядра: «Прусы относились к балтской ветви индогерманских народов. В языковом отношении к ним близки литовцы и латыши» [10, с. 271]. Аднак помнікі даўняга пісьменства прадстаўляюць інфармацыю, якая пацвярджае сувязь «прускасці» са славянскай культурнай парадыгмай і прусаў са славянскай культурнай прасторай.

Прусы згадваюцца ў адным з помнікаў усходнеславянскага пісьменства ў сувязі з добра вядомай гісторыяй пра запрашэнне Рурыка, Сінеуса і Трувора на княжанне ў Наўгародскай зямлі. Дзякуючы большасці старажытных усходнеславянскіх летапісаў, тры легендарныя браты ідэнтыфікуюцца як варагі – з далейшымі інтэнцыямі даследчыкаў бачыць у іх нарманаў або скандынаваў. Аднак звяртае на сябе ўвагу літаратурна-публіцыстычны помнік XVI ст. «Сказанне пра князёў Уладзімірскіх», паводле якога Рурык, Сінеус і Трувор былі родам не з варагаў, якія зваліся руссю, а з Прускай зямлі. Родапачынальнікам

мясцовай княжацкай дынастыі абвяшчаецца ў «Сказанні...» Прус, сваяк рымскага імператара Аўгуста. Працытуем гэты фрагмент.

В лето 5457 Августу, кесарю римьскому, грядущу въ Египеть с своими ипаты, яже бѣ власть египетьская рода суца Птоломѣва. И срѣте его Иродъ Антипатров, творя ему велие послужение вои, и пищею, и дарми. <...> Постави брата своего Патрикия царя Египту; Августалиа, другаго брата своего, постави Александрии властодержца; Ирода же Антипатрова асколонитянина за многия ради его почести постави царя надъ иудеи въ Иерусалимѣ... а Пруса, сродника своего, в брезѣ Вислы рѣце во градѣ Марборок, и Турнѣ, и Хвоини, и пресловый Гданескъ, и ины многи грады по рѣку, глаголемую Немонѣ, впадшую в море. И жить Прусъ многа врѣмена лѣтъ и до четвертаго роду; и оттолѣ и до сего врѣмiani зоветься Прусъская земля.

И в то врѣмя некий воевода новгородьцкий именемъ Гостомысль скончеваеть свое житѣе и созва вся владелца Новагорода и рече имъ: «О мужие новгородьстии, совѣтъ даю вамъ азъ, яко да пошлете в Прусъскую землю мужа мудры и призовите от тамо сущих родов к себѣ владелца». Они же шедшее в Прусъскую землю и обрѣтоша тамо нѣкоего князя именемъ Рюрика, суца от рода римьскаго Августу царя. И молиша князя Рюрика посланьницы от всехъ новгородцовъ, дабы шель к нимъ княжити. Князь же Рюрикъ прииде в Новьгород, имѣя с собою два брата: единому имя Труворъ, а второму Синеусъ, а третий племенникъ его именемъ Олегъ. И оттолѣ нареченъ бысть Великий Новградъ; и нача княз великий Рюрикъ первый княжити в немъ [18, с. 426].

Вялікую цікавасць у кантэксте праблемы «прускасці» ўяўляе таксама першая частка Супрасльскага летапісу, якая, згодна з канцэпцыяй В. Чамярыцкага, ёсць нішто іншае, як кампіляцыя з розных рускіх (перадусім наўгародскіх) летапісаў [20, с. 244]. Тут, як і ў «Аповесці мінулых гадоў», паведамляецца пра запрашэнне Рурыка і яго братаў на княжанне, але зусім з іншым ідэнтыфікатарам запрошаных валадароў:

И послаша зо море ку варягомъ, к руси, сице бо зовяхуся к Русью. И рѣша им вся: «Земля наша добра и велика есть, изобилна всимъ, а нарядника в ней неть, то нынѣ поидете к намъ княжити и владѣти нами». И зобращася из Немец три браты и с роды своими, и поняли изъ собою дружину свою. И пришед стареши Люрикъ сел в Новегороде, а Синеусъ, братъ его, на Бѣлеозере, а Триур, братъ их, во Зборце, и начаша воевати всуде. И от тех варягъ прозвася Русь и земля Руская [19, с. 37].

Варагі і «русь» уступаюць тут у нечаканую карэляцыю з немцамі. Аднак сінергетычны баланс у гэтым пытанні звязаны, хутчэй за ўсё, менавіта з прусамі, якія мелі шмат агульнага з славянамі, а магчыма, першапачаткова нават былі славянскім народам, аднак у XVI ст. (калі ствараўся Супрасльскі летапіс) ужо актыўна падлягалі германскай асіміляцыі. Таму ў гістарычным аповедзе летапісца з ВКЛ легендарныя варагі як бы «балансуюць» паміж руссю і немцамі.

Зразумела, наратыўная стратэгія летапісца была абумоўлена пэўнай дзяржаўна-палітычнай тэндэнцыяй, і выраз «из Немец» у дачыненні да варагаў нельга лічыць апіскай. Разам з тым, ці маглі наўгародцы запрасіць да сябе

на княжанне валадароў, прыналежаючых да германскай культурнай парадыгмы? Цяжка ўявіць сабе, што Рурык, Сінеус і Трувор размаўлялі з сваімі новымі падданымі на нейкай мове, якая была наўгародцам цалкам чужой і незразумелай. Якая ж гэта была мова?

Магчыма, адказ на пытанне варта пашукаць у сачыненні архісвятара (*archipresbyter*) Іагана Мялеція. «*Gelehrtenlexikon*» Х. Г. Ёхера прэзентуе яго як польскага арыстакрата (*polnischer Edelmann*), які нарадзіўся блізу Кракава і ў 1537 г. служыў святаром у г. Элку (*Elk*) у тагачаснай Прусіі [22, с. 493]. Ён напісаў на лацінскай мове трактат (у форме ліста, скіраванага да вядомага нямецкага вучонага і дыпламата Георгія Сабіна) «Пра веру і набажэнствы старажытных барусаў» (*De religione et sacrificiis veterum Borussorum*), апублікаваны ў 1582 г. разам з этнаграфічным трактатам Паўля Одэрборна. На сённяшні дзень тэксты абодвух помнікаў даступны на сайце Аўстрыйскай нацыянальнай бібліятэкі (http://digital.onb.ac.at/OnbViewer/viewer.faces?doc=ABO_%2BZ198299004). У сярэднявечных хроніках барусамі называлі жыхароў паўднёвай Прыбалтыкі, і розныя аўтары атаясамлівалі іх то з прусамі, то з паморскімі славянамі.

Хаця ў назве трактата заяўлены канкрэтны этнонім – *Borussi*, аднак сам аўтар ва ўступнай частцы свайго ліста абяцае расказаць найперш пра набажэнствы, якімі калісьці ўшаноўвалі дэманаў замест багоў барусы, самагіты, літоўцы, русіны і лівонцы (*Borussi, Samogitae, Lithuani, Ruteni et Liuones*). З такога «этначнага кампоту» продкі сённяшніх беларусаў яўна не могуць выпасці. Найперш кідаецца ў вочы, што аўтар-немец, пішучы пра барусаў, даволі часта прыводзіць словы або цэлыя фразы *lingua Rutenica* (на русінскай мове). Лагічна дапусціць, што ў гэтым выпадку маецца на ўвазе адзін з славянскіх дыялектаў, які ўзнік у зоне культурнай інтэрферэнцыі. Айчыны чытач са здзіўленнем выявіць шматлікія славянскія культурныя асацыяцыі ў гэтым апаведзе пра прусаў. Так, свята пачатку збору ўраджаю завецца «на русінскай мове» *Zazinck*, а свята канца жніва завецца *Ozink* [29, f. C6r–C6v]. Нават у не зусім дасканалым спосабе транслітэрацыі нямецкага аўтара відавочныя назвы народных святаў, якія па-беларуску называюцца зажынкамі і дажынкамі (другое – у аўтарскай версіі «ожынкi») [12, с. 106].

Праўда, даследчык старажытных славянскіх літаратур, які мае справу з помнікамі, напісанымі на лацінскай мове, ніколі не можа быць упэўнены ў адэкватнасці транслітэрацыі тых ці іншых онімаў. Нялёгкая задача – адгадаць, скажам, у лацінскай транслітэрацыі кшталту *Poloczko* назву старажытнага Полацка.

Але І. Мялеціў праявіў у гэтым сэнсе сапраўдную нямецкую стараннасць: ён зафіксаваў прыклад арыгінальнага маўлення *lingua Rutenica*, а менавіта пахавальнае галашэнне жонкі па памерлым мужу. Вось гэты ўнікальны фрагмент: «Ha le le, le le, y procz ty mene vmarl? Ij za tij nie miel szto yesty, albo pity? Y procz tij vmarl? Ha le le, le le ij za tij nie miel krassije mlodzice? ij procz tij vmarl?» [29, f. D3v]. Для лепшага разумення пісьменнік дадае свой пераклад на лацінскую мову: «Hei, hei mihi. Quare mortuus est? Num tibi deerat esca aut potus? Quare ergo mortuus es? Hei, hei mihi: An non habuisti formosam coniugem? Quare ergo mortuus es?» [29, f. D3v]. Такім чынам, І. Мялеціў зразумеў пачуце галашэнне наступным чынам: «Гора, гора мне! Чаму ты памёр? Няўжо табе не хапала ежы або пітва? Дык чаму ж ты памёр? Гора, гора мне! Ці ж не меў ты прыгожай жонкі? Дык чаму ж ты памёр?»

У прыведзеным эпізодзе «фанетычнага пісьма», з аднаго боку, прадстаўлены моўныя асаблівасці, уласцівыя польскай мове: рэфлекс складовага плаўнага «r» (*umarl*), рэалізацыя праславянскага *tolt* у выглядзе *tlot* (*mlodzice*). З іншага боку, тое ж слова *mlodzice* можа сведчыць пра «дзекаанне», форма *ha* – пра «гэкаанне», выраз *ijza* (ій жа) – пра «акаанне»; *-ty* як фіналь інфінітыва (*vesty, pity*) была ўласціва старабеларускай мове і не ўласціва заходнеславянскім мовам.

Выраз *procz ty mene umarl* І. Мялеціў пераклаў як «Чаму ты памёр?» Відавочна, што пры перакладзе прапушчана слова *tene*. Думаю, аўтар яго недакладна расчуў і праз гэта не зразумеў. Дапускаю, што перад словам *tene* быў ужыты прыназоўнік «у», які ў пазіцыі перад галосным скараціўся (*й tene* – ‘у мяне’), таму і не быў пачуты нямецкім святаром.

Зафіксаванае Іаганам Мялеціём маўленне барусаў бясспрэчна выяўляе сваю славянскую аснову, прычым з перавагай лінгвістычных адметнасцяў польскай мовы. Гэты прыклад у цэлым адпавядае назіранням Томаша Камузэлы, які, разглядаючы мультылінгвальную і поліканфесійную выяву Рэчы Паспалітай пасля Люблінскай уніі, адзначаў адметнае становішча зямель гістарычнай Прусіі. Калі ў русінскай зоне доля польскамоўнага насельніцтва (славафонных католікаў) складала толькі 10 %, то ў прускай зоне яна дасягала 54 % [26, с. 822]. У астатнія 46 % уваходзілі нямецкамоўныя лютэране, ідыш-моўныя яўрэі і кашубамоўныя кашубы. Даследчык (са спасылкай на «Atlas historii Polski» (Варшава, 2006) Эльжбеты Ольчак) робіць цалкам лагічную выснову: «In this way it is seen that, contrary to what is commonly belived about Prussia as a paragon of Germanness, the country was then clearly of Slavic-Germanic

character» – ‘Такім чынам, відавочна, што, насуперак агульнапрынятай думцы пра Прусію як узор германскасці, краіна мела ў той час яўна славяна-германскі характар’ [26, с. 822].

У пошуках «беларускага следу»

Пошукі «беларускага следу» ў этыялагічных паданнях, змешчаных у помніках гістарычнай прозы, прыводзяць да вельмі розных вынікаў, стракатаюць якіх павялічваецца ў працэсе звароту да новых і новых крыніц. Так, у «Аповесці мінулых гадоў», пачынаючы з падання пра падзел зямлі пасля патопу паміж сынамі Ноя, летапісец паступова даходзіць да згадкі драўлян, дрыгавічоў і палачанаў, якіх мы дзякуючы школьным падручнікам па гісторыі Беларусі ўпэўнена назавём продкамі сённяшніх беларусаў:

Тако же и ти словѣне пришедше и сѣдоша по Днѣпру и нарекошася поляне, а друзии древяне, зане сѣдоша в лѣсѣхъ; а друзии сѣдоша межю Припетью и Двиною и нарекошася дреговичи; инии сѣдоша на Двинѣ и нарекошася полочане, рѣчки ради, яже втечеть въ Двину, именемъ Полота, от сея прозвашася полочане [14, с. 24].

Аднак калі мы звернемся да «Хронікі» (1582) Мацея Стрыйкоўскага, які, дарэчы, таксама карыстаўся старажытнымі ўсходнеславянскімі летапісамі, то каталог плямёнаў «з калена Яфета» будзе зусім іншы. Тут няма драўлян, дрыгавічоў і палачанаў, але затое ёсць готы, полаўцы, літва, жмудзь, «лотва», яцвягі, старшыя прусы, куры. Усе яны (прычым разам з немцамі!) паходзяць ад Гамера, старшага сына Яфета, і яго нашчадкаў:

Z tegoż Gomera i potomków jego Cymbrów, poszli niemcy, a od Twistona króla Teutonami i Tudeskami nazwani, Gotowie także, Połowcy, Litwa, Żmódź, Lotwa, Jatwieżowie, Prussowie starzy, Kurowie, Duńczycy, Swedowie, i Philaudowie... [34, с. 15–16].

Менавіта ад гэтага Гамера і яго нашчадкаў цымбраў паходзяць немцы, якіх кароль Твістон назваў тэўтонамі і тудэскамі; таксама [паходзяць] готы, полаўцы, літва, жмудзь, лотва, яцвягі, старшыя прусы, куры, датчане, шведы і філаўды...

Расказаўшы пра рассяленне нашчадкаў Ноя па зямлі, на пачатку другой кнігі «Хронікі» М. Стрыйкоўскі ставіць перад сабой задачу распавесці пра пачаткі розных народаў і іх «размнажэнне». І ў другой, і ў першай кнізе М. Стрыйкоўскі не забываецца ўспомніць пра прыбыццё італьянцаў (*przyście Włochów*) (маючы на ўвазе патрыцыя Палямона і яго спадарожнікаў), а таксама пра цымбраў, аланаў, гепідаў і готаў як «продкаў літоўскіх старадаўных». Са спасылкамі на антычных аўтараў Плінія (Старшага), Гая Юлія Саліна

(III ст.), Страбона, Пампонія Мелу аўтар «Хронікі» падае доўгі рээстр старажытных плямёнаў. Сярод іх згадваюцца таксама і неўры (*Newry*), якіх Лявон Вольскі вырашыў «узняць на шчыт» для анімайцыйнага праекту «Будзьма беларусамі!» (<https://www.youtube.com/watch?v=583zEsVaSOk>).

Менавіта паводле «Хронікі» Стрыйкоўскага вызначае этнічны склад насельнікаў ВКЛ Ян Радван у «Радзівіліядзе»:

Haec eadem Litavos tellus, acresque Sudinos,
Iazygaque intrepidu mortis, Nomadesque Poloucos
Et veteres Prvssos, et fortia pectora Alanos
Cognatosque illis Gepidas, populosque potentes.

[31, р. Aii v.]

Гэты васьмь край спарадзіў тут літоўцаў і дужых судзінаў,
Мужных язігаў яшчэ, і намадаў, і полаўцаў з імі,
Прусаў даўнейшых таксама, адважных душою аланаў,
Блізкіх аланам гепідаў. Магутныя тыя народы!

[7, с. 436]

Разам з тым, менавіта ў чацвёртай кнізе «Радзівіліяды» ў традыцыйным для гераічнага эпасу рээстры войска прадстаўлена найбольш поўная ў літаратуры XVI ст. геаграфічная панарама Беларусі – з назвамі рэк і гарадоў нашай краіны (*Radivilias* IV, 143–178)¹. Сярод іх узгадваюцца тапонімы і гідронімы, якія суадносяцца з тэрыторыяй ВКЛ – часам праз назву жыхароў: напрыклад, «віленцы» або «тыя, хто абходзяць Эрдзівілавы нівы» (г. зн. наваградцы). Усе гэтыя назвы можна аднесці да гістарычнай Літвы або Чорнай Русі (Вільня, Трокі, Нярыс (= Вілія), Нёман і інш.); да гістарычнай Бelay Русі (Віцебск, Орша, Полацк, Мсціслаўль, Ула); да гістарычнага Палесся (Рэчыца, Гомель, Мазыр). Аднак перад намі – войска ВКЛ, на чале якога стаіць кароль і вялікі князь Стэфан Баторый. Падуладныя яму землі на пачатку паэмы Ян Радван прэзентаваў наступным чынам:

Terra potens armis est, et notissima fama,
Nec ubi se latis pandit Lituania campis,
Magna parens frugum, studio gens aspera belli.

[31, р. Ai v.]

Воінскай велічы край, добра ў свеце шырокім вядомы, –
Гэта Літва, што наўсцяж распасцерла шырокія нівы,
Плодныя землі яе, а народ – ваяўнічы і грозны.

[7, с. 435]

¹ Навуковае перавыданне тэксту паэмы «Радзівіліяда» і іншых твораў Яна Радвана гл.: [32].

Менавіта ў літаратуры замацоўвалася ўяўленне пра адзіны «літоўскі народ», г. зн. пра грамадзян ВКЛ, тэрытарыяльнае ядро якога складалі землі сённяшняй Беларусі. Пры гэтым ключавое значэнне для фарміравання такога ўяўлення мела гістарычная легенда, агульнапрызнаны рэферэнт, паводле Хірша, – паданне пра рымскага патрыцыя Палямона, які зрабіўся заснавальнікам дзяржавы ў Прынёмнскім краі. Але ў спосабах ідэнтыфікацыі аўтаhtonных насельнікаў гэтага краю на сучасных нацыянальных мовах здаўна склалася гетэрагенная намінацыйная выява.

«Літоўскасць» («ліцвінства?»), «беларускасць» і крывічы

Беларускія даследчыкі, маючы на ўвазе ўласна перыяд існавання ВКЛ або пішучы пра яго культурныя наступствы, вядуць гаворку пра «ліцвінаў». Хто гэта? Канструяванне оніма «ліцвін» ў беларускай мове – не проста вынік адаптацыі формы *Litwin*, якая ў польскай мове і да сённяшняга дня служыць пазначэннем для прадстаўніка літоўскага народа. У выпадку агульнага культурнага ядра ў межах беларускай прасторы адбылося расшчапленне семантычнага поля і ўзніклі дзве розныя лексемы. Ліцвінства пераўтварылася ў (мета)нацыянальную ідэю, і яе рэlevantнасць пацвярджаецца неабходнасцю адрозніваць ліцвінаў ад сучасных літоўцаў у розных мовах.

На схіле савецкай эпохі ўзнік фальклорны гурт «Ліц(ь)віны» (мастацкі кіраўнік – Уладзімір Бербераў), збіральнікі і выканаўцы аўтэнтчнага беларускага фальклору. Адным з культурных наступстваў іх дзейнасці стала ўзнікненне лексічнай карэляцыі «літоўцы» – «ліцвіны» не толькі ў беларускай, але і ў іншых сучасных мовах: англійскай (*Lithuanians – Litwins*), нямецкай (*die Litauer – die Litwinen*), рускай (*литовцы – литвины*), балгарскай (*Литовциме – Литвиниме*), італьянскай (*Litvani – Litvini*) і нават польскай (*Litwini – Licwiny*). Гэты факт красамоўна сведчыць пра тое, як практыка эстэтычнага пазнання ўплывае на змяненні ў эпiстэмалагічнай сістэме розных супольнасцяў.

У даследчыцкім дыскурсе з’явіліся і спецыяльныя дэфініцыі для вытлумачэння паняцця «ліцвін». Адну з іх прапанаваў Уладзімір Мархель: «Ліцвін – гэта паняцце гістарычна-родавага парадку, выпрацаванае і засвоенае праз адчуванне этнагістарычнага адзінства ці лучнасці» [цыт. па: 9, с. 91]. Аднак, падобна, што і гэтая стратэгія ўжо страціла сваю атракцыйнасць. Так, газета «Наша ніва» 28 сакавіка 2015 г. апублікавала інтэрв’ю з беларускім гісторыкам Алесем Краўцэвічам, аўтарам шматлікіх даследаванняў па гісторыі ВКЛ, пад загалоўкам «Ліцвінства – выдумка ворагаў, якую падтрымалі дурні».

У большай ці ў меншай ступені ідэя ліцвінства застаецца запатрабаванай у беларускай культурнай прасторы да сённяшняга дня. Ліцвіны ХХІ ст. маюць свайго ідэйнага правадыра Аляксандра Стральцова-Карвацкага і ў медыйнай прасторы прэзентуюць сябе як «людзі, якія гавораць па-беларуску, але не лічаць сябе беларусамі» (<https://www.nv-online.info/2015/03/28/gavorats-pa-belarusku-ale-ne-lichats-syabe-belarusami-hto-getyua-lyudzi.html>).

Тым часам у літаратурным дыскурсе ХІХ ст. «ліцвінства» і «беларускасць» як ідэнтыфікацыйныя стратэгіі таго ці іншага аўтара былі звязаны выключна з яго паходжаннем: з гістарычнай Белай Русі або з гістарычнай Літвы. Так, увагу Станіслава Станкевіча прыцягнула тая акалічнасць, што Аляксандр Грот-Спасоўскі (1808–1847) паслядоўна называе «беларускай» мясцовую народную паэзію, у той час як іншыя паэты на чале з Міцкевічам карыстаюцца традыцыйным тэрмінам «літоўскі» [24, с. 266]. Насамрэч гэта цалкам лагічна: Грот-Спасоўскі – урадженец Магілёўшчыны, гістарычнай Белай Русі, таму і народную паэзію гэтай мясцовасці ён называе беларускай. Лагічна і вытлумачальна таксама, што назву «Беларусь» і эпітэт «беларускі» не ўжываюць Ян Чачот, Адам Міцкевіч і Уладзіслаў Сыракомля: усе яны – урадженцы гістарычнай Літвы. «Litwo, Ojczyzna moja» – так звяртаецца да роднай Наваградчыны Адам Міцкевіч у пралогу да паэтычнай эпапеі «Пан Тадэвуш». Уладзіслаў Сыракомля, урадженец Любаншчыны, падобнай апастрофай адкрывае сваю паэму «Ян з роду Дубарог»: «Ziemio moja rodzona, Litwo moja święta...».

На тэрыторыі гістарычнай Літвы знаходзіцца і сталіца Рэспублікі Беларусь – Мінск. Адам Мальдзіс у 1993 г. выдаў кнігу «Літоўская гаспадыня» (пераклад на беларускую мову кнігі «Gospodyni litewska», выдадзенай у Вільні ў 1858 г.). У прадмове даследчык справядліва адзначае, што гэтая кніга магла б выйсці пад больш дакладнай назвай: не «Літоўская гаспадыня», а «Беларуская гаспадыня», паколькі ў ёй акумуляваны гаспадарча-кулінарны вопыт не продкаў сённяшніх літоўцаў, а жыхароў Міншчыны. Землі ж цэнтральнай Беларусі ў адпаведнасці з гістарычнай прыналежнасцю да ВКЛ ў ХІХ ст. залічалі да Літвы. А. Мальдзіс прыгадвае, што і Мінск тады зваўся Літоўскім, і Брэст – Літоўскім.

Такім чынам, «літоўскасць» (або «ліцвінскасць») у беларускай культурнай прасторы была адной з найбольш запатрабаваных ідэнтыфікацыйных стратэгіяў. Разам з тым, нават у ХІХ ст. захоўвалася культурная памяць, звязаная з крывічамі. Так, сябар і паплечнік Адама Міцкевіча Ян Чачот, выдаючы

«Сялянскія песні з-над Нёмана і Дзвіны», указвае яшчэ на вокладцы, што гэтыя песні ён падае ў арыгінале, «на славяна-крывіцкай мове» (*w mowie sławiano-krewickiej*). Ураджэнец Полаччыны В. Савіч-Заблоцкі арганізаваў у 1868 г. у Пецярбурзе суполку «Крывіцкі вязок». Аднак «крывіцкасць» так і не прыжылася ў якасці ідэнтыфікацыйнай стратэгіі для беларусаў, і свае скептычныя адносіны да яе выказаў яшчэ Яўхім Карскі ў трэцім томе «Беларусаў». Згадваючы адзін з вершаў Аляксандра Ельскага, у падзаглаўку якога фігуруе пасаж «на Белай Русі, даўняй Крывіччызне», Я. Карскі піша: «Удивительно, как прочно засели в представлении автора кривичанские традиции времен Чечота и других романтиков первой половины 19 столетия. Казалось бы, в 20 столетии надо быть на большей научной высоте!» [6, с. 362].

У беларускай гуманістыцы канца ХХ ст., калі з’яўляецца незалежная Беларусь, «ліцвінскі» вектар актуалізуецца на новым узроўні. «Ліцвінскі» патрыятызм Чачота, Міцкевіча, Сыракомлі прызнаваўся папярэднікам патрыятызму беларускага. Што ж да старажытных наратываў, то ў іх усведамленне «ліцвінскасці» часта суседнічала з прызнаннем актуальнасці іншых культурных стратэгий. Так, Януш Радзівіл (1579–1620), кашталян віленскі і староста барысаўскі, пісаў свайму брату Кшыштафу: «Хоць сам я нарадзіўся ліцвінам і ліцвінам давядзецца мне памерці, аднак жа ў нашай Айчыне мы мусім карыстацца польскай мовай» («*Aczem sam Litwinem się urodził i Litwinem umrzeć mi się przyjdzie, idioma polskiego zażywać w ojczyźnie naszej musimy*») (цыт. па: [28, с. 25]).

Паэзія эпохі рамантызму стварыла шэраг паэтычных прэзентацый гістарычнай Літвы, сённяшняй Беларусі – найперш дзякуючы ліцвінам Яну Чачоту, Адаму Міцкевічу і Уладзіславу Сыракомлю. У паэтычным пралогу да згаданай вышэй паэмы Сыракомлі «Ян з роду Дубарог» пад назваю «Перадспеў да літоўскага чытача» паэтычны кантэкст прыродаапісальнага фрагмента плаўна перацякае ў замалёўку культурна-этнаграфічнага характару. Прыводжу два ўрыўкі з гэтага фрагмента ў сваім падрадкаўным перакладзе (арыгінал гл.: [27, с. 50–51]).

О Радзіма Літва, о Айчына святая,
Цябе траўка ды жоўты пясок пакрывае.
Тут зацішна і дзіка, няма столькі сонца,
Колькі, чуў я, у землях гельветаў, аўзонцаў,
Дзе зямля – быццам рай, дзе бясконцыя дзівы,
Дзе ў лясах – непаўторныя мірты, алівы,

Горы стромкія ў іх шмат вышэй за Панары,
 Як у казцы якой, крывіды, абшары.
 Вадаспады, азёры і рэкі чаруюць,
 Мастакі-італьянцы над імі шчыруюць,
 А манетай літоўскі кірмаш ім аддзячыць...
 Гэткай славы заможнай Літве не пабачыць.
 <...>
 Тут у сэрцы мужчыны – адвага, не пыха,
 Тут дзяўчына кахае аддана і ціха,
 Тут на твары старога – яго лёс пакручасты...
 З плугам, з крыжам, з мячом, але й з чаркай тут часта
 То б'ючыся ў сутычках з суседам заўзята,
 То ў сям'і патрыярхам дні праводзячы свята,
 То ў малітве, то дома, то ў чужым асяродку
 Жыў тубылец Літвы, як і ўсе яго продкі.

Свайго абагульненага суайчынніка Сыракомля называе «жыхаром гэтай зямлі» (*mieszkaniec tej ziemi*) [27, с. 51] (у перакладзе – «тубылец Літвы»). Аднак з перспектывы паняцця агульнага культурнага ядра і паводле прэзентаваных паэтам характарыстык гэты жыхар Літвы лагічна супастаўляецца з беларусам – у тых яго паэтычных прэзентацыях, якія на пачатку ХХ ст. пакінулі Янка Купала, Якуб Колас, Максім Гарэцкі і многія іншыя дзеячы беларускага нацыянальнага адраджэння.

ВЫСНОВЫ

Помнікі старажытнага пісьменства, створаныя на розных мовах, прадстаўляюць шматлікія сведчанні гетэрагеннасці культурна-этнічнай і канфесійнай выявы беларускай культурнай прасторы ў гістарычнай перспектыве. У сувязі з гэтым не вытрымліваюць праверкі на навуковую верыфікаванасць патрыятычныя спробы «адшукаць» Беларусь або беларусаў на старажытных картах або ў старажытных тэкстах так, каб іх можна было цалкам суаднесці з геапалітычнай і этнакультурнай сітуацыяй сучаснай Рэспублікі Беларусь. Беларуская культурная прастора ідэнтыфікуецца ў помніках старажытнага пісьменства перадусім праз назвы «Русь», «Белая Русь» (*Russia Alba, Białoruś*), «Літва» (*Lithuania, Litwa*). Аднак, апроч таго, рэlevantныя беларускай нацыянальнай парадыгме элементы могуць праяўляцца ў межах скандэнсаваных/памежных рэгіёнаў, а таксама ў межах скандэнсаваных гістарычных наратываў. Таму падобныя або тыпалагічна роднасныя гісторыка-этнаграфічныя элементы, якія ідэнтыфікуюць культурную прастору іншых старажытных этнасаў

(варагі, печанегі, прусы), могуць успрымацца як частка агульнага культурнага ядра, рэлевантнага для Беларусі. Адмысловым карэлятам у адносінах да гэтага ядра выступае ідэнтыфікацыйная стратэгія «нямецкасці» (праз варажскую канцэпцыю паходжання ўсходнеславянскіх князёў), а таксама «прускасці» (у сувязі з наяўнасцю гістарычнай пруска-славянскай зоны кандэнсацыі культурнай прасторы). Аднак дзве адзначаныя стратэгіі ў цэлым займалі перыферыйнае становішча.

Вызначальнымі для культурнага ядра беларускай прасторы з'яўляюцца дзве ідэнтыфікацыйныя стратэгіі. Стратэгія «рускасці» сфарміравалася ў часы Сярэднявечча на падставе рурыкавіцкай канцэпцыі ўзнікнення княжацкай улады на землях усходніх славян і ў далейшым актыўна трансфармавалася ў разнастайных (у тым ліку шавіністычных) наратывах, адмыслова карэлюючы з ідэяй «нарманскасці». У пісьмовым дыскурсе ВКЛ гэта ідэя пачынае суіснаваць і канкурураваць з ідэяй «ліцвінскасці». Культурна-семантычныя зрухі ад «рускасці» да «ліцвінскасці» ў даўнім пісьменстве Беларусі пракаментаваны У. Кароткі: «Родава-дзяржаўны намінант „Русь“ замяняецца новым адпаведным намінантам „Літва“. Як калісьці русічамі ў плане тэрытарыяльным называлі сябе прадстаўнікі русінскіх княстваў, так цяпер яны мянуюць сябе ліцвінамі. Тэрміны дзяржаўна-этнічнай ідэнтыфікацыі „Русь“, „рускі“ пераходзяць у разрад канфесіёнімаў» [5, с. 128]. Беларускае культурнае прастора на працягу ўсяго гістарычнага перыяду ВКЛ балансуе паміж «рускасцю» і «ліцвінскасцю». Канкрэтныя аўтары вызначаюць гэты баланс у залежнасці ад свайго культурнага капітала і стратэгіі пазіцыянавання.

Стабілізуючым фактарам для стратэгіі «ліцвінскасці» стала ў XIX і пачатку XX ст. гістарычная памяць пра ВКЛ з уласцівым ёй наборам агульнапрызнаных рэферэнтаў і сімвалаў: легенда пра Палямона, перамога пад Грунвальдам, легендарныя князі Міндоўт, Гедымін і Альгерд. І гістарычная памяць, і стратэгія «ліцвінскасці» актывізуюцца ў канцы XX ст. на хвалі нацыянальнага адраджэння, на фоне якога сцвердзілася незалежная Рэспубліка Беларусь. У гістарычнай свядомасці беларусаў сувязі з ВКЛ застаюцца дастаткова шчыльнымі, паколькі апошняе ўяўляла сабой спецыфічную гетэрагенную цывілізацыйную прастору, і ў межах яе першапачаткова эвалюцыянавала (сярод іншых) беларускае культурнае прастора. Уласна ж стратэгія «беларускасці» ў яе сацыяльна-аб'яднаўчым патэнцыяле не мела дачынення да ўяўленняў пра гістарычную Белую Русь і найбольш выразна аформілася толькі ў пачатку XX ст., у перыяд «нашаніўства».

Літаратура

1. *Белы А.* Хроніка Белаі Русі: імагалогія Беларусі XII–XVIII стст. Смаленск: Інбелкульт, 2013. 468 с.
2. *Василевская М. А.* Беларусь в печати XVI ст. Библиогр. указ. на иностр. яз. Минск, 1985. 84 с.
3. *Вісліцкі Я.* Прусская вайна = Ioannis Visliciensis Bellum Prutenum: на лац. і беларус. мовах / уклад, перакл., камент. Ж. В. Некрашэвіч-Кароткай. Мінск: Прапілеі, 2005. 233 с.
4. *Замятин Д. Н.* Культура и пространство. Моделирование географических образов. Москва: Языки славянской культуры, 2006. 488 с.
5. *Кароткі У. Г.* Беларуская літаратура і гісторыя / навук. рэд. Ж. В. Некрашэвіч-Кароткай. Мінск: БДУ, 2013. 211 с.
6. *Карский Е. Ф.* Беларусь: в 3 т. Т. 3, ч. 2: Очерки словесности белорусского племени. Мінск: Беларус. энцыкл., 2007. 704 с.
7. Літаратура XI–XVI стагоддзяў / уклад. і камент. А. Бразгунова, І. Будзько, Л. Ляўшун. Мінск: Маст. літ., 2011. 766 с.
8. *Лойка А. А.* Старабеларуская літаратура: падручнік. Мінск: Выш. шк., 2001. 319 с.
9. *Мархель У. І.* Прадвесце адраджэння // Гісторыя беларускай літаратуры XI–XIX стагоддзяў: у 2 т. Т. 2: Новая літаратура: другая палова XVIII–XIX стагоддзе / навук. рэд. тома У. І. Мархель, В. А. Чамярыцкі. Мінск, 2007. С. 68–134.
10. *Матузова В. И.* Примечания // Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской / пер. В. И. Матузовой. Москва, 1997. С. 270–374.
11. *Некрашэвіч-Кароткая Ж. В.* Беларуская лацінамоўная паэзія: ранні Рэнесанс. Мінск: БДУ, 2009. 271 с.
12. *Некрашэвіч-Кароткая Ж. В.* Вераванні, звычаі і мова беларусаў у трактаце Яна Мялеція «Пра веру і набажэнства старажытных барусаў» (1582) // Міфалогія – фальклор – літаратура: праблемы паэтыкі: зб. навук. прац. Вып. 4 / склад. Т. І. Шамякіна; пад агул. рэд. В. П. Рагойшы. Мінск, 2006. С. 105–112.
13. *Некрашэвіч-Кароткая Ж. В.* Who is who ў старажытнай літаратуры Беларусі: да праблемы генезісу «онімаў» // Беларускае літаратуразнаўства: навукова-метадычны альманах. Вып. 1. Мінск, 2005. С. 100–114.
14. Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века / сост. и общ. ред. Д. С. Лихачева и Л. А. Дмитриева. Москва, 1978. С. 22–277.
15. *Радзік Р.* Дзве інтэрпрэтацыі гісторыі: паміж савецкасцю і нацыянальным бачаннем // Беларускі гістарычны агляд. Т. 24. Сш. 1–2 (46–47). Снежань 2017. С. 131–159.
16. *Роте Г.* Что такое древнерусская литература // Палітычная сфера. 2014–2015, № 22–23. С. 72–160. URL: http://journal.palityka.org/wp-content/uploads/2016/01/04_PS22-23_Rothe.pdf.
17. *Сінькова Л. Д.* Паміж тэкстам і дыскурсам: беларуская літаратура XX–XXI стст.: гісторыя, кампаратывістыка і крытыка (літ.-крыт. артыкулы, гутаркі). Мінск: Паркус плюс, 2013. 295 с.
18. Сказание о князьях Владимирских // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века; сост. и общ. ред. Л. Дмитриева и Д. Лихачева. Москва, 1984. С. 422–435.

19. Супрасльская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 35: Летописи бело-русско-литовские / отв. ред. Б. А. Рыбаков, сост. Н. Н. Улащик. Москва, 1980. С. 36–67.
20. *Чамярыцкі В.* Жыватворная спадчына: Выбранае. Мінск: Чатыры чвэрці, 2017. 552 с.
21. *Danylenko A.* On the Name(s) of the *Prostaja Mova* in the Polish-Lithuanian Commonwealth // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. Vol. 51 (1–2). Budapest, 2006. S. 97–121.
22. Fortsetzung und Ergänzungen zui Christian Gottlieb Jöchers allgemeinem «Gelehrten-Lexikon», worin die Schriftsteller aller Stände nach ihren vornehmsten Lebensumständen und Schriften beschrieben werden. 4-r B. Bremen: bei Georg Jöntzen und in Commission bei J. G. Heyse, 1813. 2200 S.
23. *Hirsch E. D.* Cultural Literacy: What Every American Needs to Know. New York: Vintage Books, 1988. XVII, 251 p.
24. *Janion M.* Szkoła białoruska w poezji polskiej // M. Janion. *Prace wybrane*. T. 3: Zło i fantazmaty. Kraków, 2001. S. 265–284.
25. *Joachimsthaler J.* Die Literarisierung einer Region und die Regionalisierung ihrer Literatur // *Regionalität als Kategorie der Sprach- und Literaturwissenschaft*. Frankfurt a. M., 2002. S. 17–49.
26. *Kamusella T.* Germanization, Polonization and Russification in the partitioned lands of Poland-Lithuania // *Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity*. Vol. 41. Nr 5. London, 2013. P. 815–838.
27. *Kondratowicz L.* (Władysław Syrokomla). *Poezye*. Mikołów-Warszawa: Nakładem Karola Miarki, 1908. T. 1. 262 s.
28. *Kot S.* Świadomość narodowa w Polsce w. XV–XVII // *Kwartalnik historyczny*. № 52. 1938. S. 15–33.
29. *Meletius I.* De religione et sacrificiis veterum Borussorum, epictola Io [annis] Meletii ad Georgium Sabinum // *Oderbornius Paulus. De Russorum religione, ritibus nuptiarum, funerum, victu, vestitu etc. et De Tartarorum religione ac moribus epistola ad Davidem Chytraeum recens scripta*. <...> [Rostochiae], excudebat Stephanus Myliander anno M.D.LXXXII. F. C5r–[D5v].
30. *Nakonechnyi Y.* Stolen Name. Why Rusyns Turned into Ukrainians. Kyiv: BCL Publishing, 2015. 262 p.
31. [Radvanus I.] *Radivilias sive De vita et rebus praeclarissime gestis, immortalis memoriae, illustrissimi principis Nicolai Radivili... libri quattuor Ioannis Radvani Lit[uani] ... Vilnae metropoli Lituorum: Ex officina Ioannis Kartzani, [1592]. [168] p.*
32. *Radvanus J.* *Opera / transtulit Sigitas Narbutas = Jonas Radvanas. Raštai / iš lotynų kalbos vertė Sigitas Narbutas*. Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2009. 375 p.
33. *Rutz M.* Das Wissen über den (eigenen) Osten. Nicolaus Hussovianus' «Carmen de bisonte» als zweifacher Kommunikationsakt // *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. Vol. 5 (2017). S. 80–103.
34. *Strykowski M.* *Kronika Polska, Litewska, Żmodzka i wszystkiej Rusi, wydanie nowe... według pierwotnych wydań*. T. I. Warszawa: Nakład Gustawa Leona Glücksberga, 1846. 571 s.
35. *Verkholantsev J.* Lithuania-Rus' // *Europe a literary history, 1348–1418*. Vol. II / ed. D. Wallace. Oxford: University Press, 2016. P. 420–429.

Н. Г. Нечипуренко¹, Е. В. Грищенко², Л. П. Чумакова³

^{1,2} Кафедра русского языка, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

³ Кафедра гражданского права, Новосибирский юридический институт (филиал) Томского государственного университета, Новосибирск, Россия

ЛАТИНСКАЯ ЛЕКСИКА В СЛОВАРЕ ПРАВА

В статье рассматриваются пути введения в терминологию права латинских слов, составляющих правовой базис современной юриспруденции. Особенностью исследования является то, что на основе принципа частотности проведена выборка латинских слов, включенных в терминологическое поле современной науки о праве. При отборе лексического материала использован метод полилингвистического подхода, что дало возможность проявить латинский базис отечественной науки о праве.

Ключевые слова: латинский язык, латинская лексика, юридическая терминология, учебный словарь, терминологическая компетенция.

N. Nechipurenko¹, E. Grishchenko², L. Chumakova³

^{1,2} Department of Russian language, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

³ Department of civil law, Novosibirsk Institute of Law (Tomsk State University), Novosibirsk, Russia

LATIN VOCABULARY IN THE LANGUAGE OF LAW

This article looks at the ways in which Latin words entered the Russian legal lexicon which forms the basis of modern jurisprudence. Our method was to apply the principle of frequency in selecting Latin words that appear in modern legal terminology. In choosing the lexical materials we used a polylinguistic approach, which allowed us to show the Latin basis of the Russian legal scholarship.

Keywords: Latin language, Latin vocabulary, legal terminology, learner's dictionary, required vocabulary.

Авторы:

¹ **Нина Георгиевна Нечипуренко** – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка НГТУ.
tribuna@ngs.ru

² **Елена Вячеславовна Грищенко** – старший преподаватель кафедры русского языка НГТУ.
evgrishchenko96@gmail.com

³ **Лидия Петровна Чумакова** – кандидат юридических наук, заведующий кафедрой гражданского права НЮИ (ф) ТГУ, директор НЮИ (ф) ТГУ.
info@n-li.ru

Authors:

¹ **Nina Nechipurenko** – PhD in philology, associate professor of the department of Russian language, NSTU.

² **Elena Grishchenko** – senior lecturer of the department of Russian language, NSTU.

³ **Lidiya Chumakova** – PhD in law, associate professor of department of civil law, NIL (TSU).

Современное научное познание порождает ряд онтологических проблем, которые связаны с обоснованием теоретического фундамента новых направлений и методологических подходов. В связи с этим актуальным является вопрос о терминологическом аппарате. Большое количество терминов латинского происхождения пришло из терминологии римского права, которое стало основой современного права. Необходимость создания словарей, включающих этимологический анализ лексических единиц, и описания современной структуры юридической терминологии обусловлена и потребностями современного образования. Словарь юридических терминов позволит сократить время понимания и запоминания лексических единиц студентами, что является важным в условиях обилия информации и дефиците времени.

В данном словаре реализован полилингвистический подход, который соответствует этапам развития современной юридической терминологии. Порядок подачи слов в словаре алфавитный. Словарная статья содержит пять колонок: русский термин, латинский (или, реже, греческий; греческие слова даются в латинской транскрипции), при этом латинские слова приводятся с переводом, наиболее близким к значению термина; французский, английский термины и толкование термина на русском языке. Если значение термина в латинском, французском, английском и русском языках не отличается, оно приводится только в одном случае. Например:

Таблица 1

Русский	Латинский	Французский	Английский	Значение
Абьюрация	Abjuratio	Abjuration	Abjuration	Отречение (публичное) от веры или своих убеждений

Синонимы данного термина в разных языках приводятся через запятую. Например:

Таблица 2

Русский	Латинский	Французский	Английский	Значение
Алименты	< alimentum – содержание, иждивение	Aliments, pension alimentaire	Alimony, maintenance	Средства на содержание, которые обязаны предоставлять по закону одни лица другим

По происхождению термины встречаются чаще латинские, но могут быть греческие или из другого языка-источника. В этом случае они приводятся в колонке латинских слов. Например:

Таблица 3

Русский	Латинский	Французский	Английский	Значение
Амнистия	< гр. <i>amnestia</i> – забвение, прощение	<i>Amnestie</i>	<i>Amnesty</i>	Смягчение наказания или освобождение от наказания лиц, осужденных судом; освобождение от уголовного преследования; снятие судимости с лиц, отбывающих наказание
Аренда	Польск. <i>arenda</i> < позднелат. <i>arrendare</i> – отдавать в наем	<i>Bail, location, fermage (с.-х.)</i>	<i>Lease, rent</i>	Договор между собственником имущества и нанимателем, согласно которому наниматель (арендатор) на возмездной основе (за арендную плату) получает имущество

Если значение во французском или английском языке отличается от значения русского термина, то оно приводится сразу после слова. В случае наличия нескольких значений, они приводятся под арабскими цифрами. Например:

Таблица 4

Русский	Латинский	Французский	Английский	Значение
Казус	<i>Casus</i> – случай, отдельный факт	<i>Cas</i> – случай, обстоятельство	<i>Case</i> – 1. случай; 2. спорный вопрос в суде; 3. судебное решение по делу; судебный прецедент	1. случай; 2. случайное действие, в отличие от умышленного или неосторожного действия

Есть примеры лексических единиц, которые используются только в одном языке и заимствованы из него в русский язык.

Таблица 5

Русский	Латинский	Французский	Английский	Значение
Барристер	–	–	Barrister	Адвокат, имеющий право выступать в высших судах Великобритании, США, Ирландии, Канаде и некоторых других странах
Омбудсмен	–	–	Ombudsman – омбудсмен	Уполномоченный по рассмотрению жалоб

В теоретическом плане данная работа представляет интерес с точки зрения систематизации лексического материала и выявления закономерностей формирования определенной терминологической системы.

Словообразовательные возможности латинского языка настолько широки, что позволяют отразить разнообразные терминологические нюансы, составляющие суть профессиональной компетенции [9]. Точность и ясность юридической речи зависит от точного употребления термина. Для того, чтобы правильно выбрать термин, необходимо знать не только его значение, но и источник его происхождения, историю и лексические связи с другими словами.

Литература

1. Андрианов С. Н., Берсон А. С., Никифоров А. С. Англо-русский юридический словарь. Москва: Рус. яз., ТОО «Рея», 1993. 560 с.
2. Барихин А. Б. Большой юридический энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Книжный мир, 2007. 792 с.
3. Бартошек М. Римское право: понятия, термины, определения: пер. с чешск. Москва: Юрид. лит., 1989. 448 с.
4. Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. Москва: ГЛК Ю. А. Шичалина, 1991. 694 с.
5. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь: 4-е изд., стер. Москва: Рус. яз., 1996. 846 с.
6. Дыдынский Ф. М. Латинско-русский словарь к источникам римского права: по изданию 1896 г. Москва: Спарк, 1998. 474 с.
7. Криминология: словарь / под ред. В. П. Сальникова. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 1999.
8. Нечипуренко Н. Г., Чумакова Л. П. Термин *memorandum* в лингводидактическом аспекте // Язык и культура: сб. статей XXVIII Междунар. науч. конф. 25–27 сент. 2017 г. Томск, 2018. С. 67–71.

9. *Новодранова В. Ф.* Разработка и содержание терминологической компетенции для включения в рабочую программу курса «Латинский язык и основы терминологии» // Национальные коды европейской литературы в диахроническом аспекте: античность – современность: коллективная монография. Нижний Новгород, 2018. С. 63–69.

10. *Новодранова В. Ф.* Именное словообразование в латинском языке и его отражение в терминологии / *Laterculi vocum Latinarum et terminorum*. Москва: Языки славянских культур, 2008. 328 с.

11. Новый словарь иностранных слов. Минск: Современный литератор, 2008. 1088 с.

12. Словарь юридических терминов / сост. Е. В. Грищенко. Новосибирск: Изд-во СГУПС, 2008. 51 с.

Е. А. Пипко

Кафедра иностранных языков, Гомельский государственный медицинский университет, Гомель, Беларусь

ЛАТИНСКИЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ ГРЕЧЕСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ: ВРЕМЯ И МЕХАНИЗМЫ ТЕРМИНОЛОГИЗАЦИИ

Статья посвящена латинским филологическим терминам, заимствованным из древнегреческого языка. По данным словарных дефиниций выявлены языковые механизмы, обусловившие изменения в структуре семантики между античными лексемами, а также авторы, которые использовали греческие и латинские слова в общем (неспециальном) и терминологическом значении, и время использования.

Ключевые слова: филологическая терминология, заимствование, морфемная и семантическая деривация, метафора, метонимия.

Y. Pipko

Department of foreign languages, Homel State Medical University, Homel, Belarus

LATIN PHILOLOGICAL TERMS OF GREEK ORIGIN: TIME AND MECHANISMS OF TERMINOLOGIZATION

The article focuses on Latin philological terms, which are borrowed from Ancient Greek. Language mechanisms, which brought changes in the structure of semantics between ancient terms, and authors, who had used Latin and Greek words in general and terminological meaning, as well as the time of using ancient words were identified according to dictionaries.

Keywords: philological terminology, borrowing, morphemic and semantic derivation, metaphor, metonymy.

Автор:

Евгений Александрович Пипко – магистр филологических наук, преподаватель кафедры иностранных языков ГГМУ.
eugenepipe@skillet.ru

Author:

Yauheni Pipko – master of philology, lecturer of the department of foreign languages, HSMU.

Выборка греческой и латинской лингвистической терминологии была проведена на материале двухтомника «Словаря славянской лингвистической терминологии» (редактор А. Едличка, Прага, 1977–1979), в котором содержится по 3021 понятию-термину на 14 языках мира (11 славянских, английский, французский, немецкий) [8]. Материал был ограничен: выборка лингвистических терминов производилась по двум первым разделам двухтомника: «Общие понятия» и «Звуковая сторона языка».

Для того, чтобы систематизировать греческую и латинскую филологическую терминологию были определены следующие задачи:

1. На материале «Словаря славянской лингвистической терминологии» (под редакцией А. Едлички, Прага, 1977–1979) из двух разделов «Общие понятия» и «Звуковая сторона языка» отобрать лингвистические термины греческого и латинского происхождения;

2. По данным словарей И. Х. Дворецкого «Латинско-русский словарь» (1976), «Древнегреческо-русский словарь» (1958), Х. Г. Лиддела и Р. Скотта (англ. Liddell-Scott) «A Greek-English Lexicon» (1940), Льюиса и Шорта (англ. Lewis & Short) «A Latin Dictionary» (1879) установить время использования филологического термина, а также автора или авторов, у которых он встречается;

3. Определить отличия в семантике между греческими и латинскими терминами;

4. Определить лингвистический характер связи между античными прототипами.

Методы исследования: анализ словарных дефиниций, сопоставление семантики и структуры греческих и латинских лексем-прототипов и их терминологических дериватов.

В латинской филологической терминологии присутствует большое количество лексем греческого происхождения, т. к. у римских ученых интерес к филологии появился позднее, чем у греков. Возникновение греческих филологических исследований восходит к софистам (V–IV вв. до н. э.), полемике которых Платон посвятил диалог «Кратил» (греч. «Κρατύλος»). Большой вклад в становление филологии внес Аристотель (IV в. до н. э.), написавший трактаты «Риторика» (греч. «Ῥητορικὴ τέχνη») и «Поэзия» (греч. «Περὶ ποιητικῆς»). Отделившись от философии, филология стала занятием александрийских и пергамских ученых (III–I вв. до н. э.), которые трудились над комментированием античных авторов. Дионисий Фракийский (II–I в. до н. э.) написал грамматику древнегреческого языка, в которой он охарактеризовал «систему из восьми частей речи» (*τὸ ὄνομα* ‘имя’, *τὸ ῥῆμα* ‘глагол’, *ἡ μετοχή* ‘причастие’, *τὸ ἄρθρον* ‘артикль’, *ἡ ἀντωνυμία* ‘местоимение’, *ἡ πρόθεσις* ‘приставка, предлог’, *τὸ ἐπίρρημα* ‘наречие’, *ὁ σύνδεσμος* ‘союз’), перешедшую сначала в латинские грамматики, а затем – в новые языки Европы: «Грамматика есть осведомленность (эмпирия) в большей части того, что говорится у поэтов и прозаиков» [1, с. 105]. Наследник александрийской филологии Ориген (II–III в. н. э.) провел текстологическую работу над Библией, благодаря его труду появилась возможность реконструировать древнегреческий текст Ветхого Завета.

Первые грамматические исследования у древних римлян начались после лекций Кратеса Малосского (II в. до н. э.), возглавлявшего пергамскую школу. Одним из самых ранних известных филологов был Луций Элий Стилон (II–I вв. до н. э.), который написал комментарии к гимнам салиев и, вероятно, к законам Двенадцати таблиц. Некоторые ученые полагают, что именно Стилон написал глоссографическое сочинение «Риторика для Геренния» (лат. «*Rhetoricon ad Herennium*») [9, с. 922]. Марк Теренций Варрон (II–I вв. до н. э.) составил первую книгу по грамматике на латинском языке «*De lingua Latīna*» («О латинском языке»).

На разных этапах филологических исследований римляне заимствовали и при этом транслитерировали в латинский язык большое количество греческих лексем. Однако наряду с филологической терминологией греческого происхождения римские ученые также употребляли и исконную лексику. Например, греч. *ἡ μεταφορά* ‘метафора’ [2, с. 1085], которое употребляет Аристотель (IV в. до н. э.), – лат. *metaphōra* ‘метафора’ [3, с. 633], лат. *translatio* ‘переносное значение’ [3, с. 782], встречающиеся у Цицерона (I в. до н. э.); греч. *ὁ τόνος* ‘тоническое ударение’ [2, с. 1635], которое использует Аристотель (IV в. до н. э.), – лат. *tonus* ‘ударение’ [3, с. 1018], которое встречается у Авла Гелия (II в. до н. э.), лат. *accentus* ‘ударение’ [3, с. 20], зафиксированное у Квинтилиана (I в. н. э.); греч. *ἡ ἐτυμολογία* ‘этимология’ [2, с. 680], которое использует Дионисий Галикарнасский (I в. до н. э.), – лат. *etymologia* ‘этимология’ [3, с. 379], лат. *originatio* ‘этимология, словопроизводство’ [3, с. 712], встречающиеся у Квинтилиана (I в. до н. э.), лат. *veriloquium* ‘этимология’ [3, с. 1067], которое является калькой греческого субстантива, переведенное Цицероном (I в. до н. э.).

Некоторые филологические термины, заимствованные в дальнейшем в латинский с терминологической семантикой, в греческом языке были образованы только со специализированным значением. Например, греч. *τὸ δίφθογγον* (*ἡ δίφθογγος*) ‘двоезвучие, дифтонг’ [3, с. 415], которое было образовано от греч. *δίς* ‘дважды’ и субстантива *ὁ φθόγγος* ‘звук’, являющегося морфемным дериватом от глагола *φθέγγομαι* ‘издаю звук’. В среднем роде субстантив употреблен у греческого грамматика Геродиана (II–III вв. н. э.) в труде «Разделения» (греч. «Ἐπιμερισμοί»). Греческий термин в женском роде использован Дионисием Фракийским (II в. до н. э.) в труде «Искусство грамматики» (греч. «Τέχνη γραμματικῆ»). В латинском субстантив *diphthongos* ‘дифтонг’ [3, с. 330] использует Апулей (II в. н. э.)

Греч. *ἡ ἐπένθεσις* ‘эпентеза’ [2, с. 594] восходит к приставочному глаголу *ἐπεντίθημι*, состоящего из греч. *ἐπί* ‘на’, *ἐν* ‘в’, *τίθημι* ‘ставлю’, однако есть только глагол *ἐντίθημι* ‘вставляю’ [2, с. 551]. Субстантив встречается у александрийского грамматика Аполлония Дискола (II в. н. э.), написавшего работу о синтаксисе. В латинском языке субстантив *epenthesis* ‘вставка буквы или слова’ [3, с. 372] употребляет римский грамматик Мавр Сервий Гонорат (IV в. н. э.), который составил комментарии к трудам Вергилия.

Греч. *ἡ συνεκδοχή* ‘синекдоха’ [2, с. 1561] восходит к глаголу *συνεκδέχομαι* ‘принимаю на себя’ [2, с. 1560], образованному от греч. *σύν* ‘вместе’ и *ἐκ* ‘от, из’, а также глагола *δέχομαι* ‘принимаю, воспринимаю’. Грецизм употреблен Плутархом (I–II вв. н. э.) в труде «Сравнительные жизнеописания» (греч. «Βίοι παράλληλοι»). В латинском языке субстантив *synecdōche* [3, с. 992] ‘синекдоха’ имеет греческое окончание, употреблен Квинтилианом (I в. н. э.) в восьмой книге «Риторические наставления» (лат. «*Institutioŋes oratoriae*»).

Нередко у лексем происходила семантическая деривация – слова с обычным значением приобретали новое терминологическое на основе метонимического или метафорического переноса. В основном, греческие лексемы были более полисемантическими, чем латинские. Это связано с тем, что римляне заимствовали слова из греческого языка преимущественно с терминологическим значением.

Например, греч. *ἡ ἀποκοπή* ‘апокопа’ [2, с. 205], восходящее к глаголу *ἀποκόπτω* ‘я отрезаю’, который был образован от греч. *ἀπό* ‘от, из’ и глагола *κόπτω* ‘ударяю, отсекаю’, приобрело терминологическое значение ‘усечение (окончания)’ на основе метонимического переноса значения ‘отсечение’. Нетерминологическое значение встречается у Эсхила (VI–V вв. до н. э.), Аристотель (IV в. до н. э.) употребляет субстантив с терминологической семантикой. Латинский субстантив *aroscōra* (*aroscōra*) имеет только одно филологическое значение ‘усечение, опущение буквы или слога’ [3, с. 82]. Латинский термин встречается довольно поздно у грамматика Харизия (IV в. н. э.).

У греческого субстантива *ἡ διάλεκτος*, который восходит к глаголу *διαλέγομαι* ‘разговариваю, беседую’, возникшего от греч. *διά* ‘сквозь, через’ и глагола *λέγω* ‘говорю’, значение ‘диалект’ [2, с. 375], филологическое значение возникло на основе метонимического переноса семантики ‘речь’. Лексему в нетерминологическом значении употребляет Аристотель (IV в. до н. э.), в терминологическом – греческий историк Полибий (III–II вв. до н. э.). Латинский субстантив *dialectos* с греческим окончанием имеет только специальное значение

‘диалект, наречие’. Латинский вариант греческой лексемы встречается у римского ученого Гая Светония (I–II вв. н. э.). В латинском языке есть небольшое количество континуантов, образованных от греческого прототипа: адъектив *dialecticus* ‘диалектический’, субстантивы *dialecticus* ‘диалектик’, *dialectica* ‘искусство рассуждения’, *dialectica* (pluralis tantum) ‘дидактические исследования’, адverb *dialectice* ‘диалектически’.

У греческого субстантива *ἡ μετάθεσις*, восходящего к глаголу *μετατίθημι* ‘я перемещаю’, который был образован от греч. *μετά* ‘между’ и глагола *τίθημι* ‘я ставлю’, терминологическое значение ‘перестановка букв’ [2, с. 1079] возникло на основе метонимического переноса значения ‘перемещение’. В общеупотребительном значении греческая лексема использована Аристотелем (IV в. до н. э.) в трактате «Поэтика», грамматик Аполлоний Дискол (II в. н. э.) использует субстантив с филологической семантикой. Кроме того, лексема употреблена в юридическом значении ‘право внесения изменений’ у историка Фукидида (V в. до н. э.). В латинском языке у субстантива *metathēsis* только терминологическое значение ‘перестановка букв слова’. Лексема встречается у грамматика Диомеда (IV в. н. э.).

Известны случаи, когда в латинский язык была заимствована лексема с терминологическим значением, при этом со временем ее семантика расширялась. Например, у греч. *ἡ συλλαβή*, являющегося морфемным дериватом от основы аориста глагола *συνέλαβον* ‘я собрал’ (глагол *συλλαμβάνω*), который возник путем аффиксации греч. *σύν* ‘с’ и глагола *λαμβάνω* ‘я беру’, терминологическое значение ‘слог’ [2, с. 1528] возникло на основе метафорического переноса значения ‘завязка’. С нетерминологической семантикой субстантив использует трагик Эсхил (VI–V вв. до н. э.), с филологической – Платон (V–IV вв. до н. э.). В латынь лексема *syllāba* попала с терминологическим значением ‘слог’ [3, с. 992], которая встречается у Горация (I в. до н. э.). На основе метафорического переноса у лексемы появляется значение ‘стихи’ (однако оно только во множественном числе), ее употребляет римский поэт Марк Валерий Марциал (I в. н. э.).

Кроме того, некоторые греческие лексемы были заимствованы в латинский язык сразу с общеупотребительным и терминологическим значением. Например, греческий субстантив *ὁ τόνος*, являющийся морфемным дериватом от основы глагола *τείνω* ‘я натягиваю’, в нетерминологическом значении ‘бечева, веревка’ [2, с. 1635] употреблен Аристофаном (V–IV вв. до н. э.). Субстантив с терминологическим значением, появившимся на основе метафорического

переноса, ‘тоническое ударение’ встречается у Аристотеля в «Риторике» (IV в. до н. э.). В латинском языке субстантив *tonus* ‘натяжение’ [3, с. 1018] встречается у архитектора Витрувия Поллиона (I в. до н. э. – I в. н. э.). В терминологическом значении ‘ударение’ лексему употребил писатель Авл Гелий (II в. н. э.). Кроме того, у латинской лексики на основе метафорического переноса развилось два новых значения ‘удар грома’ (употреблена Сенекой Младшим в I в. н. э.) и ‘светотень’ (встречается у Плиния Старшего в I в. н. э.). Такой семантики не было у греческого субстантива.

Редки случаи, когда у латинского термина больше значений, чем у греческого. Так, греч. *ἡ ὀρθογραφία*, которое возникло в результате сложения адъектива *ὀρθός* ‘прямой, верный’ и глагола *γράφω* ‘я пишу’, имеет только значение ‘правописание, орфография’ и употребляется Дионисием Фракийским (II–I вв. до н. э.) в работе «Искусство грамматики» (греч. «Τέχνη γραμματικὴ»). Латинский субстантив *orthographia* ‘правописание’ [3, с. 713] встречается у Квинтилиана (I в. н. э.). В латыни данная лексема также употреблена в метафорическом значении ‘чертеж здания с фасада’ архитектором Витрувием (I в. до н. э.).

Рассмотрев греческую терминологию, которая была заимствована в латинский язык, мы можем сделать следующие выводы:

1. Употребление лексем в специальном (терминологическом) значении в греческом языке начинается не позднее V в. до н. э., в латинском – не позднее I в. до н. э. 2. Греческие филологические термины в своем большинстве представляют собой морфемные и семантические дериваты исконных греческих слов общего (неспециального) употребления: *ἡ διάλεκτος* ‘диалект’ от *διαλέγομαι* ‘говорю’; *ἡ μετάθεσις* ‘метатеза’ от *μετατίθημι* ‘перемещаю’; *ἡ συνεκδοχή* ‘синекдоха’ от *συνεκδέχομαι* ‘принимаю на себя’.

3. Большинство греческих лексем, развивших терминологическое значение, сохраняют свою неспециальную семантику. Их терминологические значения развились на основе метафорического (*ἡ συλλαβή* ‘слог’, *ὁ τόνος* ‘тоническое ударение’) или метонимического переносов (*ἡ μετάθεσις* ‘метатеза’, *ἡ ἀποκοπή* ‘апокопа’).

4. Часть латинских филологических терминов, восходящих к греческим лексемам общего (неспециального) характера, со временем приобретают специальные (терминологические) значения. Некоторые из них развились на римской почве (*orthographia* ‘чертеж здания фасада’, *tonus* ‘светотень’, *syllāba* ‘стихи’). Латинские лексеммы, имеющие терминологические значения, в целом менее многозначны, чем греческие.

5. В истории латинской филологической терминологии известны случаи, когда заимствованные греческие термины впоследствии употреблялись наряду с исконными латинскими обозначениями (греч. *ἡ μεταφορά* ‘метафора’ – лат. *translatio* ‘переносное значение’, греч. *ὁ τόνος* ‘тоническое ударение’ – лат. *accentus* ‘ударение’, греч. *ἡ ἐτυμολογία* – лат. *originatio* ‘этимология, словопроизводство’).

Литература

1. Античные теории языка и стиля / под общей ред. О. М. Фрейденберг. Москва; Ленинград: ОГИЗ, Соцэкгиз, 1936. 344 с.
2. Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь: ок. 70000 слов: в 2 т. Москва: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1958. 2 т.
3. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь: ок. 50000 слов. 4-е изд., стер. Москва: Рус. яз., 1996. 845 с.
4. Мечковская Н. Б. Философия языка и коммуникация: учеб. пособие. Москва: ФЛИНТА: Наука, 2016. 510 с.
5. Liddell H. G., Scott. R. A Greek-English Lexicon. Oxford: Clarendon Press, 1940. 2114 p.
6. Lewis Charlton T. A Latin Dictionary: founded on Andrews' edition of Freund's Latin dictionary. New York; Oxford: Clarendon Press, 1879. 2034 p.
7. Partridge Eric. A short etymological dictionary of modern English. New York: Routledge, 2006. 4246 p.
8. Slovník slovanské lingvistické terminologie / věd. red. A. Jedlička. Praha: Academia, 1979. 2 Sv.
9. The Encyclopaedia Britannica: in 29 v. 11th ed. New York: Horace Everett Hooper, 1911. V. 25: Shu-Sub. 1122 p.

А. Д. Писарук

Кафедра латинского языка, Белорусский государственный медицинский университет,
Минск, Беларусь

**СЕМАНТИЧЕСКИЙ ДИАПАЗОН
ЛАТИНСКИХ, РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ КОНТИНУАНТОВ
ГРЕЧЕСКОЙ ЛЕКСЕМЫ ΚΛΙΝΗ:
НАСКОЛЬКО НЕОБЫЧНЫ
ВЕКТОРЫ ПРОИЗВОДНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ?**

Проведено сопоставление ономаσιологических групп греческих дериватов греч. *κλίνη* 'ложе, кровать, постель' и континуантов данной лексемы в латинском, русском и английском языках. В греческом языке имеется самое большое количество дериватов от (основы) слова *κλίνη* (в сравнении с количеством дериватов в остальных трех языках): 5 морфемных дериватов от слова *κλίνη*, имеющего 4 значения. В латыни количество ономаσιологических разрядов континуантов греч. *κλίνη* невелико. В исследуемых новых языках практически все континуанты связаны с лексико-фразеологическим полем 'медицина, болезнь, лечение'. В новых языках наблюдается такое развитие деривации от базовых континуантов греч. *κλίνη*, которое выходит за пределы медицинских обозначений.

Ключевые слова: континуанты греч. *κλίνη* в древних и современных языках, семантические и морфемные дериваты, ономаσιологические разряды.

A. Pisaruk

Department of Latin language, Belarusian State Medical University, Minsk, Belarus

**SEMANTIC RANGE
OF LATIN, RUSSIAN AND ENGLISH CONTINUANTS
OF THE GREEK LEXEME ΚΛΙΝΗ:
HOW UNUSUAL ARE THE VECTORS OF DERIVED NOTATIONS?**

The comparison of the onomasiological groups of Greek derivatives of Greek *κλίνη* 'bed' was carried out and the continuants of this lexis in Latin, Russian and English. The Greek language has the largest number of derivatives of the (stem) word *κλίνη* (compared to the number of derivatives in the other three languages): 5 morphemic derivatives of the word *κλίνη*, which has 4 meanings. In Latin, the number of onomasiological categories of the Greek continuants of *κλίνη* is small. In the studied modern languages almost all of the continuants are associated with the lexical and phraseological field 'medicine, illness, treatment'. In the modern languages there is such a development of derivation from the basic continuants of Greek word *κλίνη* that extends beyond medical designations.

Keywords: continuants of the Greek word *κλίνη* in ancient and modern languages, semantic and morphemic derivatives, onomasiological categories.

Автор:

Александра Дмитриевна Писарук – преподаватель кафедры латинского языка БГМУ.
Alexandrapisaruk@gmail.com

Author:

Alexandra Pisaruk – lecturer of the department of Latin language, BSMU.

Характеризуя континуанты древнегреческой лексики, важно учитывать, что семантическое развитие заимствованного слова в разных языках может заключаться в таких процессах, как сужение и расширение значения, появление нового значения и других. Анализ семантики латинских, русских и английских континуантов греческого слова-первоисточника позволяет выявить направления ономаσιολογического развития континуантов греческой лексемы в латыни и двух новых языках Европы – английском и русском. Состав ономаσιολογических направлений соответствует потребностям говорящих в номинациях тех или иных разрядов обозначений: названия лиц, названия помещений или места действия, названия признаков, названия действий и состояний, в том числе симптомов, и другие.

На примере древнегреческой лексемы *κλίνη* рассмотрим состав ономаσιολογических групп континуантов греческого прототипа, при этом будем различать три основных синхронных деривационных механизма образования континуантов: 1) семантическая деривация; 2) морфемная деривация; 3) фразеологическая деривация (в результате которых появляются воспроизводимые словосочетания).

1. Греческая лексема *κλίνη* ‘ложе, кровать, постель’ и ее греческие семантические и морфемные дериваты. Греч. *κλίνη* ‘ложе, кровать, постель’ восходит к глаголу *κλίνω*, имеющего в словаре И. Х. Дворецкого 18 различных значений. Из них шесть значений семантически связаны со словом *κλίνη*: 7) ‘класть, укладывать’; 8) ‘ложиться’; 9) ‘быть сложенным, лежать’; 10) ‘быть расположенным’; 12) ‘лежать в могиле, быть погребенным’. В свою очередь, основа лексемы *κλίνη* была производящей основой для морфемных дериватов в древнегреческом языке. Все греческие морфемные дериваты лексемы *κλίνη* связаны с семантическим полем ‘болезнь, лежачий, больной, врач’: два существительных мужского и женского рода (*κλίνη* ‘уход за лежачим больным’, *κλινικός* ‘врач, посещающий лежачих больных’), два существительных с уменьшительно-ласкательным суффиксом (*κλινιδίον* ‘кроватька, постелька’ и *κλινίς* ‘небольшое ложе, кроватька’) и два прилагательных (*κλίνεος* ‘относящийся к кровати’ и *κλινήρης* ‘прикованный (болезнью) к кровати’) [3, т. 1, с. 954].

С точки зрения семантики все греческие морфемные дериваты объединены значением, первоначально заложенным в основе лексемы *κλίνη*, ‘ложе, кровать, постель’. Однако интересным остается вопрос, как выглядит терминологическая квалификация направлений деривации производных обозначений в языке-источнике.

Греческие морфемные дериваты составляли несколько векторов обозначения: 1) обозначение науки (искусства, занятия); 2) обозначение имени, которое употреблялось и как прилагательное, и субстантивно (обозначение человека, который лечит лежащих больных); 3) деминутивы, называющие неодушевленные предметы; а также 4) семантическая деривация на основе частичного функционального переноса: ‘носилки’; 5) прилагательное, называющее признак человека по его постоянной связи с предметом (с кроватью).

Словообразовательные дериваты в греческом языке имели семантическую мотивированность с производящей лексемой *κλίνη* ‘ложе, кровать, постель’.

2. Латинский грецизм *clinice* и характеристика приобретенных значений.

Лат. *clinice* ‘клиническая медицина, терапия’ было заимствовано из греческого языка, о чем свидетельствует сохранение им 1-го греческого склонения. В латинском словаре И. Х. Дворецкого также есть ссылка на первое упоминание латинизированного грецизма у римского автора I в. н. э. Плиния Старшего, который в своей «Естественной истории» («*Historia naturalis*») писал: «*Asclepius... clinicen (artem) reperit*», т. е. ‘Асклепий... придумал клиническую терапию (ремесло)’.

Глагол лат. *inclino* ‘сгибать, наклонять’ так же, как и греческий *κλίνω*, восходит к общему праиндоевропейскому корню **kley-*, однако латинский глагол значительно уступает по количеству значений греческому глаголу. Так, у *inclino*, по данным И. Х. Дворецкого, имеется 7 значений, которые аналогичны греческим. Такой состав значений, вероятно, был связан с уже существовавшими в языке отдельными глагольными лексемами для обозначения конкретных действий, например, *pono, posui, positum, ponere* ‘класть’ [4, с. 745–756] или *sepelio, sepelivi, sepultum, sepelire* ‘хоронить, погребать’ [4, с. 877]. Все же следует отметить, что значения ‘сгибать, наклонять’ у лат. *inclino* косвенно семантически связано с греч. *κλίνη* и его дериватами, т. к., возможно, предполагалось, что врач наклоняется к лежащему больному для лечения.

Латинизированная греческая лексема *clinicus* развило три значения: 1) ‘клинический врач, терапевт’; 2) ‘лежащий больной’; 3) ‘могильщик, гробокопатель’.

В латинском языке количество семантических континуантов, также, как и словообразовательных дериватов, значительно уступает греческому количеству. Векторы обозначений греческих лексем в латинском языке частично совпадают с языком-источником, но имеют и новые обозначения, например,

обозначение названия деятеля, профессии (*clinicus, i m (греч.)*) – ‘клинический врач, терапевт’; ‘лежачий больной’; ‘могильщик, гробокопатель’ [4, с. 179]).

3. Ономаσιологические группы русских континуантов греч. *κλινική*.

Рус. *клиника* развило новые значения, которых не было у греческого прототипа: 1) ‘лечебное учреждение, в котором одновременно с лечением больных проводится студенческая практика и научные исследования’ и 2) ‘проявление болезни в ее течении’ с пометой *мед.* [2, с. 433]. Значение русского континуанта значительно шире греческого прототипа *κλινική*: появилось значение, которого не было у греческого прототипа – ‘совокупность проявлений болезни’ с пометой *мед.* [2, с. 433].

Адъективный морфемный дериват рус. *клиника* – *клинический* имеет несколько значений: 1) ‘проводящийся в клиниках’; 2) *мед.* ‘требующий врачебного воздействия, поддающийся ему’ [2, с. 433], а также *разг.* ‘о психически ненормальном человеке или неуравновешенном до такой степени, что возникает сомнение в его психическом здоровье’ и идиоматическое употребление, например, *клиническая смерть, клинический случай*.

В данном примере русский континуант значительно отдалается от значений греческого прилагательного *κλινήρης* ‘прикованный к кровати’: греческая лексема называет признак человека по признаку его постоянного места нахождения (в кровати), а русский континуант, в первую очередь, называет признак через отношение к клинике (‘проводящийся в клиниках’).

Рус. *клиницист* ‘врач, работающий в клинике’ [2, с. 433] аналогично греч. *κλινικός* ‘врач, посещающий лежачих больных’ называет работника, однако семантически слова различаются: несоответствия заключаются в том, что «греческий» врач посещает лежачих больных, а «русский» специалист занимается не только лечением пациентов, но и исследовательской деятельностью.

Рус. *поликлиника* ‘лечебное учреждение, укомплектованное врачами разных специальностей для нестационарного лечения больных и профилактики заболевших здоровых’ [2, с. 900] – это сложное слово, относящееся также к вектору обозначения учреждения.

Семантический анализ русских континуантов греч. лексемы *κλινική* ‘уход за лежачим больным, врачевание’ и ее дериватов показал, что в составе этих континуантов имеются два названия лечебных учреждений, одно обозначение человека по профессии, одно относительное прилагательное и две идиомы (*клиническая смерть, клинический случай*). Греческое значение лексемы *κλινική* ‘уход за лежачим больным, врачевание’ в русских континуантах

не представлено. В составе рассмотренной группы континуантов есть обозначения, возникшие путем морфемной деривации; в несколько меньшей мере – обозначения, возникшие в результате семантической деривации (метонимий разных моделей); имеются две идиомы.

4. Ономаσιологический состав английских континуантов греч. κλινική. Английские континуанты, как и русские, теряют общность значения с греч. κλίνη ‘ложе, кровать, постель’ и образуют морфемные и семантические дериваты от многозначного континуанта *clinic*: 1) клиника; лечебница; 2) частная больница или лечебница; 3) поликлиника (*при больнице*); 4) практические занятия студентов-медиков в клинике и 5) семинар; курсы усовершенствования [1, с. 390].

Среди морфемных и семантических дериватов находим прилагательное *clinical* 1) ‘клинический’, 2) ‘строго объективный, беспристрастный, непредубежденный’ и 3) *церк.* ‘совершенный у постели больного или умирающего’ [1, с. 390]. Как видим, значения данного прилагательного весьма разносторонние: это и относительное прилагательное, и качественное, и прилагательное с расширенным значением, вышедшим за пределы медицинской тематики.

Англ. *clinician* ‘клинический врач, клиницист’ семантически связано с *clinic* и также, как русский аналогичный субстантив *клиницист* и греческий прототип κλινικός, называет лицо, профессионально связанное с медицинским учреждением.

Заметим, что словообразовательные типы континуантов в русском и английском языках похожи. Однако в английском языке есть интересная ситуация со словом *поликлиника*. Эта лексема представлена в английском языке двумя вариантами написания и, соответственно, двумя вариантами значений: *policlinic* ‘a dispensary or department of a hospital at which outpatients are treated’ и *polyclinic* ‘a clinic or hospital treating diseases of many sorts’ [5]. Таким образом, в английском языке благодаря словообразовательному процессу можем выделить еще два вектора обозначений: название отдела в медицинском учреждении, куда приходят за стационарным лечением, и название учреждения, которое специализируется на лечении многих заболеваний.

Так, в английском языке образовались следующие направления названий: четыре значения медицинского учреждения (*clinic* ‘клиника; лечебница’, ‘частная больница или лечебница’, ‘поликлиника (*при больнице*)’), два наименования формы обучения (*clinic* ‘практические занятия студентов-медиков в клинике’, ‘семинар’), относительное прилагательное, связанное с лечением

и работой в медицинском учреждении, церковная тематика (*clinical* ‘клинический’, а также ~ *record* ‘история болезни’, ‘бланк истории болезни’; ~ *history* ‘история болезни’; ~ *teaching* ‘проведение занятий в клинике’; ~ *work* ‘лечебная работа’ и с пометой *церк.* ‘совершенный у постели больного или умирающего’), а также качественное прилагательное (*clinical* ‘строго объективный, беспристрастный, непредубежденный’) и наименование медицинского учреждения и название лица, профессии (*clinician* ‘клинический врач, клиницист’) [1, с. 390].

5. Составы векторов производных обозначений в древних и современных европейских языках.

Итак, рассмотрев значения греческого прототипа *κλίνη* ‘ложе, кровать, постель’ и значения континуантов в латинском, русском и английском языках, можно сделать вывод, что в греческом языке производящим словом морфемной и семантической деривации являлось слово *κλίνη*, заимствованное в латинский язык в чистом виде, также, как и греческое заимствование *clinicus*; а в русском и английском языках континуанты семантически связаны с греч. *κλινική* ‘уход за лежащим больным’. Все русские и английские морфемные и семантические дериваты мотивированы значением и словообразовательной моделью лексем *клиника* и *clinic* соответственно.

Греческие морфемные и семантические дериваты имели следующие векторы обозначений: 1) обозначение занятия, процесса (*κλινική* ‘уход за лежащим больным’); 2) название человека по его профессии (*κλινικός* ‘врач, посещающий лежащих больных’); 3) два деминутива (*κλινίς* ‘небольшое ложе, кроватка’, *κλινιδίον* ‘кроватка, постелька’); 4) обозначение предмета, предназначение которого связано с производящим словом (*κλινιδίον* ‘носилки’); 5) называющее признак человека по его постоянной связи с предметом (кроватью) (*κλινήρης* ‘прикованный к кровати’).

Сравним широту и разнообразие ономаσιологических групп континуантов греч. *κλίνη* и *κλινική* в латинском, русском и английском языках.

Векторы латинских континуантов: 1) общее название для лечения и знаний о медицине (‘клиническая медицина, терапия’); 2) два названия человека по его профессии (‘клинический врач, терапевт’ и ‘могильщик, гробокопатель’); 3) название человека по признаку его постоянного нахождения (в кровати) (‘лежащий больной’).

Векторы русских континуантов: 1) два обозначения медицинского учреждения (*клиника* и *поликлиника*); 2) обозначение проявления, состояния, процесса,

названного словом с производящей основой (*клиника*); 3) относительное прилагательное (*клинический*); 4) идиоматический оборот (*клиническая смерть* и *клинический случай*); 5) название человека, профессионально связанного с медицинским учреждением (*клиницист*).

Векторы английских континуантов: 1) пять обозначений медицинских учреждений (*clinic* ‘клиника, лечебница’, ‘частная больница или лечебница’, ‘поликлиника’; *policlinic* и *polyclinic*); 2) два наименования формы обучения (*clinic* ‘практические занятия студентов медиков в клинике’, ‘семинар, курсы усовершенствования’); 3) относительное прилагательное (*clinical* ‘клинический’); 4) качественное прилагательное (*clinical* ‘строго объективный, беспристрастный, непредубежденный’); 5) название лица, профессионально связанного с медицинским учреждением (*clinician* ‘клинический врач, клиницист’).

По данным анализа можно сделать вывод, что векторы латинских континуантов оказались наименее разнообразны по сравнению с русскими и английскими словами. Английские континуанты, благодаря своей многозначности, имеют наиболее широкий состав обозначений. Среди значений континуантов в английском языке следует отметить расширение значения и выход за пределы медицины континуанта *clinical* ‘строго объективный, беспристрастный, непредубежденный’. В русском языке появляются воспроизводимые словосочетания: *клиническая смерть*, *клинический случай*.

Общим для латинских, русских и английских континуантов греч. *κλινική* является то, что в своем большинстве континуанты относятся к сфере медицины, и, несмотря на это, они достаточно известны и широко употребляются в обществе, что подтверждает включение их в общенародные словари исследуемых в данной статье языков.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Новый большой англо-русский словарь: в 3 т. / под общ. рук. Э. М. Медниковой, Ю. Д. Апресяна. Москва: Русский язык, 1993–1994. 3 т.
2. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. Санкт-Петербург: Норинт, 2001. 1536 с.
3. Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь: в 2 т. / под ред. С. И. Соболевского. Москва: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1958. 2 т.
4. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь: ок. 200000 слов и словосочетаний. 6-е изд., стер. Москва: Рус. яз., 2000. 843 с.
5. Онлайн-словарь Марриам Вебстер / Merriam-Webster, Inc. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 15.12.2019).

О. Г. Прокопчук

Кафедра классической филологии, Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь

**ТЕРМИНОЛОГИЯ СТАТЬИ «О ОБРАЗЪХ»
(ИЗБОРНИК СВЯТОСЛАВА 1073 Г.):
ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ И ПРИЧИНЫ НЕСООТВЕТСТВИЙ
С ГРЕЧЕСКИМ ОРИГИНАЛОМ**

В статье показаны принципы представления системы понятий византийского трактата Георгия Хировоска «О поэтических тропах» в церковнославянском переводе «О образъх». Анализируются несоответствия в расположении материала в оригинале и церковнославянском переводе и их причины, а также текстуальные несоответствия и то, как передавались греческие термины средствами церковнославянского языка.

Ключевые слова: троп, фигура, риторика, византийская и ранняя славянская риторическая терминология, церковнославянский перевод, Георгий Хировоск, статья «О образъх».

V. Prakapchuk

Department of classical philology, Belarusian State University, Minsk, Belarus

**TERMINOLOGY OF THE ARTICLE «O OBRAZJEKH»
(SVYATOSLAV MISCELLANY, 1073):
CHARACTERISTIC FEATURES AND CAUSES OF INCONSISTENCIES
WITH THE GREEK ORIGINAL**

In article the principles of the presentation of the system of concepts of the Byzantine treatise of Georgios Choiroboskos «On Poetic Tropes» in the Church Slavonic translation «O Obrazjekh» are shown. The inconsistencies in the location of the material in the original and Church Slavonic translation and their causes, as well as the textual inconsistencies and how Greek terms were conveyed by means of the Church Slavonic language, are analyzed.

Keywords: a trope, a figure of speech, rhetoric, Byzantine and early Slavonic rhetorical terminology, Church Slavonic translation, Georgios Choiroboskos, the article «O Obrazjekh».

Автор:

Ольга Генриховна Прокопчук – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой классической филологии БГУ.
prokopchuk@bsu.by

Author:

Volha Prakapchuk – PhD in philology, head of the department of classical philology, BSU.

1 Предварительные замечания: статья «О образъх» – это перевод краткой редакции трактата Георгия Хировоска «Περὶ τρῶπων ποιητικῶν».

Статья «О образъх» в Изборнике Святослава 1073 г. представляет собой перевод византийского трактата Георгия Хировоска «О поэтических тропах» (VI в.) и является первым памятником со сведениями по семантике

и по теории тропов и фигур в истории книжно-письменных культур народов Slavia Orthodoxa. С X в. до начала XVII в. в ареале Slavia Orthodoxa статья «О образѣхъ» была фактически единственным источником сведений о теории тропов и фигур.

До XVII в. в славянской культуре был широко распространен текстовый подход к нормированию коммуникативно-риторической практики, а не кодифицирующий (теоретический). Осмысление и регламентация риторической практики происходили не в теоретических трактатах, но путем составления текстов-образцов различного содержания. Создаются образцы риторических текстов (в основном торжественного красноречия), насыщенные символической образностью, уподоблениями и метафорами, риторическими фигурами: «Слова» Илариона Киевского (40-е гг. XI в.), Кирилла Туровского (вторая половина XII в.), Серапиона Владимирского (сер. XIII в.), «Моление» («Слово») Даниила Заточника (к. XII – нач. XIII вв.), «Слово о полку Игореве» (между 1185–1187 гг.). Только с XVII в. появляются первые труды по теории риторики.

История византийского текста «Γεωργίου τοῦ Χιρροβόσκου περὶ τρῶπων ποιητικῶν» прослежена издателем трактата Х. Вальцем [14, с. 799–801]. Имеется 18 списков трактата (в библиотеках Венеции, Флоренции, Неаполя, Оксфорда, Лейдена, Парижа). Списки трактата группируются в две редакции: полную и краткую. К полной редакции относят три списка: Codices Par. 2929, Par. 2495, Vatic. 1405. Ватиканский список самый полный: если парижские списки (Par. 2929, Par. 2495) включают 27 фигур, заканчиваясь *гистерологией*, то в ватиканском списке после *гистерологии* добавлены еще шесть фигур, которые не встречаются в других списках. К краткой редакции относятся 15 списков¹.

Церковнославянский перевод «О образѣхъ» сделан с краткой редакции трактата Хировоска. Краткую редакцию трактата (парижская рукопись), с которой был сделан церковнославянский перевод, приводит Ю. Бешарова [13].

¹ По одному из византийских списков краткой редакции трактат был переведен в Болгарии на церковнославянский язык, однако болгарский протограф, предположительно составленный по инициативе царя Симеона, не сохранился [11, с. 194]. Именно с болгарского оригинала был переписан Изборник 1073 г. Таким образом, трактат Хировоска «О поэтических тропах» был переведен на церковнославянский язык неизвестным болгарским книжником, а затем переписан писцом Изборника Святослава 1073 г. Некоторые исследователи полагают, что перевод болгарского Изборника для царя Симеона с византийского оригинала был сделан Иоанном Экзархом [3, с. 140]; см. также мнение В. П. Адриановой-Перетц: История русской литературы, т. 1. М.-Л., 1941. С. 55.

Болгарский исследователь Б. Ангелов, позаимствовав у Ю. Бешаровой, дает в своей книге ту же краткую редакцию трактата с параллельным церковнославянским текстом статьи «О образѣхъ» [1].

2. Месторасположение статьи «О образѣхъ» в Изборнике и писцы Изборника Святослава 1073 г.

Рукопись Изборника Святослава 1073 г. хранится в Москве, в Отделе рукописных и старопечатных книг Государственного Исторического музея. Она входит в состав Синодального (Патриаршего) собрания и числится под № 1043. Статья «О образѣхъ» находится на листах 237об. – 240об. Изборник 1073 г. переписан двумя писцами XI в. Первый писец, дьяк Иоанн, писал текст на листах 1–85, 264–266, включая послесловие на листе 263об. Второй, безымянный писец переписал бóльшую часть книги – листы 86–264, исключая послесловие на листе 263об. [7, с. 60]. Следовательно, статья «О образѣхъ» переписана вторым писцом. По наблюдениям Л. М. Костюхиной и Э. В. Шульгиной, второй писец не принимал участия в редакторской правке всего текста, его имени нет в послесловии рукописи. Правил текст и писал послесловие дьяк Иоанн, что свидетельствует о его «большой образованности и искусстве в письме» [7, с. 62].

3. Причины несоответствий в расположении материала в греческом первоисточнике и в церковнославянском переводе.

Трактат Хировоска «О поэтических тропах» («Περὶ τρῶπων ποιητικῶν») в Изборнике Святослава 1073 г. переведен с его краткой редакции. В византийском прототипе Изборника, по-видимому, содержалась краткая редакция трактата, студенческий конспект лекции, записанная ἀπὸ φωνῆς (с голоса).

Есть несоответствия в расположении и комбинировании между собой материала в оригинале и церковнославянской рукописи. Порядок следования словарных статей не всегда совпадает с оригиналом. Так, во введении, при перечислении 27, как заявлено, существующих поэтических тропов (творьчѣстии образи), переводится 25: отсутствуют соответствия терминам *πλεονασμός* и *ἐπανάληψις*. Позже, в основном тексте, эти термины все же переводятся: *πλεονασμός* как избыток, *ἐπανάληψις* как поречение, но у Хировоска они даны соответственно в 16 и 17 словарной статье, а в церковнославянском переводе – объединены в 16 статье. Есть расхождения и в группировке терминов 25 и 26 словарной статьи. В оригинале в статье 25 рассматривается *εἰρωνεία* ('ирония') и ее 4 вида: *χλευασμός* ('шутливая насмешка'), *μυκτηρισμός* ('насмешка'), *σαρκασμός* ('сарказм'), *ἀστεϊσμός* ('острота').

В церковнославянском переводе «0 образъх» термины *εἰρωνεία* и *χλευασμός* (переводятся одним словом пороугание) и *μωκτηρισμός* (похоухание) объединены в словарной статье 24. Отдельно в статье 25 рассматривается *σαρκασμός* (поиграице), а в 26 – *ἀστεϊσμός* (посмыание). Причем, к 26 словарной статье приписано толкование и следующего за ним «тропа» *σῆμα* (видъ, образъ), который рассматривается Хировоском в отдельной статье и никак не связан с иронией и ее видами. Можно было бы предположить, что писец не очень хорошо разбирался в том, о чем писал, и поэтому объединял разные словарные статьи в одну. Однако графологический анализ показал, что безымянный писец Изборника 1073 г. вообще не разбивал текст на словарные статьи, как это было у Хировоска, а нумерация статей была проставлена в 1403 г. монахом Андроникова монастыря Онфимом: «Особое внимание следует обратить на числовую разметку текста на л. 237об., 240об. Она сделана письмом конца XIV – начала XV вв. и расположена между строками. При сравнении этой разметки в Изборнике 1073 г. с числовой разметкой идентичного текста, выполненной писцом Изборника 1403 г. в св. рукописи [ГИМ, Синод. собр., № 275. – О. П.] на л. 144–146... выясняется следующее. <...> В обеих сравниваемых рукописях киноварь одна и та же, ярко-красного оттенка. Начертания основных буквенных цифр – и киноварных и чернильных – в обеих рукописях идентичны. <...> Следовательно, цифровые разметки в Изборнике 1073 г. принадлежат одной руке – руке писца Изборника 1403 г. Он не только проставил числа в тексте своей рукописи, но и перенес цифровую разметку в Изборник 1073 г. Таким образом, числовая разметка на л. 237об. –240об. может быть датирована 1403 г.» [7, с. 62–63]. Можно предположить, что, так как Онфим ставил цифровую разметку поверху, в тесных междустрочьях, все несоответствия в разбивке словарных статей случайны.

4. Передача греческих терминов средствами церковнославянского языка.

Изучая терминологию на начальном этапе ее становления, исследователи обнаруживают явления, противоречащие обычным характеристикам термина. Для термина в современном понимании характерны однозначность, специализированность и несинонимичность. «Ранние термины – это обычные, еще не специализированные слова, с присущей им многозначностью и синонимическими связями» [8, с. 201]. Если современные термины – это нередко лишь слабо мотивированные или деэтимологизированные обозначения понятия, то на начальном этапе развития терминологии термины обладают прозрачной

внутренней формой, являясь остенсивным определением означаемого явления. Эти закономерности легко видеть на примере церковнославянской терминологии в переводе трактата, который был первой попыткой объяснения категорий поэтики в славянской культуре.

4.1. Калькирование как наиболее продуктивный прием создания терминов в переводе трактата. В статье «О образѣхъ» все греческие термины переводятся на церковнославянский язык. Многие последующие книжники обычно транслитерировали термины греческой риторики. Так, Мелетий Смотрицкий в разделе «У свнтаѣи образнои» своей «Грамматики» дает параллельно транслитерированные «схимата или образы» и их «славенски» перевод (см.: [10]). В статье же «О образѣхъ» неизвестный болгарский переводчик, а за ним безымянный писец, переписавший перевод с неизвестного списка в Изборник Святослава 1073 г., стремятся выразить все понятия средствами родного языка; «в переводе этой статьи (пусть даже не русским, а болгарским книжником) обнаружилась тенденция не усваивать чужую лексику, непонятную человеку, не знающему греческого языка, а – худо ли, хорошо ли – создавать соответствующую, свою собственную на родном языке» [2, с. 240]. Как известно, калькирование – широко использовавшийся и очень характерный для церковнославянского языка способ передачи греческих слов. В статье «О образѣхъ» этот способ также самый распространенный: большинство терминов переведено на церковнославянский язык именно путем лексического калькирования. Переводчик трактата, стремясь к мотивированности терминов, к прозрачности их внутренней формы, создает словообразовательные и семантические кальки (см. табл.). Словообразовательные кальки представляют собой построение славянских терминов по греческим словообразовательным моделям (напр., *Ἀλληγορία* аллегория (*ἄλλος* ‘иной’, *ἀγορεύω* ‘говорить’) – Инословіе). Семантические кальки возникают путем переосмысления прежде существовавших славянских слов и придания им терминологического, специального смысла (напр., *Πλεονασμός* плеоназм – Изобилие). Мы условно называем кальками-неологизмами славянские термины, которые не фиксируются лексикографическими источниками (Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.). М., 1994; Словарь церковнославянского и русского языка. СПб., 1867), возможно, они были созданы переводчиком трактата специально для передачи греческих терминов (напр., *μικτηρισμός* миктеризм (от *μικτήρ* букв. ‘ноздря, нос, перен. насмешка, издевка’) – Похѣхнание / Похочхнание).

Таблица

**Передача греческих терминов
трактата Хировоска «О поэтических тропах» (краткая редакция)
средствами церковнославянского языка в статье «О образѣхъ»
и их квалификация в современной терминологии**

№ п/п	Греческий термин	№ п/п	Церковнославянское соответствие и его квалификация
α'. 1.	<i>Αλληγορία</i> (ἄλλος 'иной', ἀγορεύω 'говорить') Аллегория	а. 1.	Инословие Словообразовательная калька
β'. 2.	<i>Μεταφορά</i> (μετα-φέρω 'пере-носить, пере-возить') Метафора	в. 2.	Прѣводъ Словообразовательная калька
γ'. 3.	<i>Κατάχρησις</i> (κατά 'на', χρῆσις 'употребление') Катахреза	г. 3.	Напотрѣбие Словообразовательная калька
δ'. 4.	<i>Μετάληψις</i> (μετά 'при', λήψις '(вз)ятие, принятие') Металепсис	д. 4.	Приятѣе / Приятие Словообразовательная калька
ε'. 5.	<i>ὑπερβατον</i> (ὑπερ-βαίνω 'пере-ходить, пере-ступать') Гипербатон	е. 5.	Прѣходьное / Прѣстоупное Словообразовательная калька
ς'. 6.	<i>Ἀναστροφή</i> (ἀνα-στρέφω 'поворачивать назад, воз-вращать') Анастрофа	з. 6.	Възвратъ Словообразовательная калька
ζ'. 7.	<i>Συνεκδοχή</i> (σύν 'с, вместе с', ἐκδέχομαι 'принимать') Синекдоха	з. 7.	Съприятие Словообразовательная калька
η'. 8.	<i>Σύλληψις</i> (σύν 'с, вместе с', λήψις '(вз)ятие') Силлепсис	и. 8.	Сънатиe Словообразовательная калька
θ'. 9.	<i>Ὀνοματοποιία</i> (ὄνομα 'имя', ποιέω 'делать, творить') Ономапопя	Ѵ. 9.	Именотворие / Имятворение Словообразовательная калька
ι'. 10.	<i>Πεποιημένον</i> (part. perf. med.-pass. n от ποιέω 'делать, творить' – созданное, сотворенное) Сравнение	і. 10.	Сътворение / Сътвореное Словообразовательная калька
ια'. 11.	<i>Ἀντονομασία</i> (ἀντί 'вместо', ὄνομα 'имя') Антономасия	аі. 11.	Взименомѣстество / Взименимѣстество Словообразовательная калька
ιβ'. 12.	<i>Μετωνομία</i> (μετα- 'приставка, обозначающая изменение, перемену' = цсл. отъ 'обозначение перехода из одного состояния в другое', ὄνομα 'имя') Метонимия	ві. 12.	Отъимение / Отъименіе Словообразовательная калька
ιγ'. 13.	<i>Ἀντίφρασις</i> (ἀντι- 'приставка со значением противоположности' = въспать 'назад, обратно, в противоположную сторону', φράσις 'выражение, слово') Антифразис	гі. 13.	Въспатгословие / Въспатьгословие Словообразовательная калька

№ п/п	Греческий термин	№ п/п	Церковнославянское соответствие и его квалификация
ιδ'. 14.	<i>Περίφρασις</i> (<i>περί</i> ‘вокруг, около’, <i>φράσις</i> ‘выражение’) Перифраза	δι. 14.	Округословие / Сзвратословие Словообразовательная калька
ιε'. 15.	<i>Ἐλλειψις</i> (<i>ἔλ-λειψις</i> ‘не-достаток, не-хватка’) Эллипсис	ει. 15.	Нестатъкъ Словообразовательная калька
ις'. 16.	<i>Πλεονασμός</i> Плеоназм	σι. 16.	Изобилие Семантическая калька
ιζ'. 17.	<i>Ἐπανάληψις</i> (от <i>ἐπ-αναλαμβάνω</i> ‘снова начинать, повторять’) Эпаналепсис		Поречение Словообразовательная калька
η'. 18.	<i>Ἐξοχή</i> (от <i>ἐξ-έχω</i> ‘выдаваться’, <i>ἐκ / ἐξ</i> ‘из’) Экзоха	зи. 17.	Издрадие Словообразовательная калька
ιθ'. 19.	<i>ὑπερβολή</i> (<i>ὑπερ-</i> ‘за пределами, через, поверх, чрезвычайно’, <i>βολή</i> ‘метание, бросок’) Гипербола	ни. 18.	Лихорѣчыє / Лихновъноє Семантическая калька-неологизм
κ'. 20.	<i>Αἶνιγμα</i> Загадка	φi. 19.	Прикладъ Семантическая калька
κα'. 21.	<i>Παραβολή</i> (<i>παρά</i> ‘возле, рядом, при’, <i>βολή</i> ‘метание бросок’) Притча	к. 20.	Притъча Семантическая калька
κβ'. 22.	<i>Ἀνταπόδοσις</i> (<i>ἀντί</i> ‘взаимность’, <i>ἀπό</i> ‘от’, <i>δόσις</i> ‘давание, даяние’) Мораль, поучение	ка. 21.	Отъздание / Въздание Словообразовательная калька
κγ'. 23.	<i>Προσωποποιῖα</i> (<i>πρόσωπον</i> ‘лицо’, <i>ποιέω</i> ‘делать, творить’) Просопопея (олицетворение)	кв. 22.	Лицетворье / Лицетворение Словообразовательная калька
κδ'. 24.	<i>Παράδειγμα</i> (<i>παρά</i> ‘возле, рядом’, <i>δείγμα</i> ‘проявление, признак, образец, пример, доказательство’) Пример	кг. 23.	Сълогъ / Прилогъ Семантическая калька
κε'. 25.	<i>Εἰρωνεία</i> (притворство) Ирония 4 вида (<i>εἴδη δ'</i>):	кд. 24.	Пороугание Семантическая калька
	(α') <i>Χλευασμός</i> хлевазм (<i>χλεύη</i> ‘шутка, насмешка’);		Пороугание Семантическая калька
	(β') <i>Μικτηρισμός</i> миктеризм (<i>μικτήρ</i> букв. ‘ноздря, нос’, перен. ‘насмешка, издевка’);		Поухъхнаніє / Поухоухнаніє Семантическая калька-неологизм
	(γ') <i>Σαρκασμός</i> сарказм (<i>σαρκάζω</i> ‘рвать мясо, растерзывать’);	ке. 25.	Поиграние Семантическая калька
	(δ') <i>Ἀστεϊσμός</i> астеизм (<i>ἀστεῖζομαι</i> ‘рассуждать по-городскому, т. е. тонко’ < <i>ἄστυ</i> ‘город, столица’)	кс. 26.	Посмыгание Семантическая калька
κς'. 26.	<i>Σχῆμα</i> Фигура (солецизм у Хировоска)		Видъ / Образъ Семантическая калька
κζ'. 27.	<i>ὑστερολογία</i> (<i>ὑστερος</i> ‘после (следующий)’, <i>λόγος</i> ‘слово’) Гистерология	кз. 27.	Посладословіє / Послѣдословіє Словообразовательная калька

Из 30 церковнославянских терминов 20 представляют собой словообразовательные кальки, 10 – семантические кальки. Исследователи выделяют точные словообразовательные кальки и словообразовательные кальки, передающие исходное слово свободно [12, с. 174]. Из 20 словообразовательных калек-терминов 18 представляют собой точные кальки; две кальки – это церковнославянские соответствия, свободно передающие исходное слово (поречение, издрадие). Словообразовательные кальки дают возможность переводчику продемонстрировать мотивированность калькируемого слова, его внутреннюю форму. «Как „структурно точное чужемодельное калькирование“, так и „структурно неточное своемодельное калькирование“ (что определено нормой калькирующего языка) предпринимаются не ради воспроизведения структуры калькируемого объекта, а ради воспроизведения семантики» [12, с. 177]. Переводчик путем словообразовательного калькирования (где это возможно) стремился наиболее точно выразить значение греческих терминов.

Все термины-кальки в зависимости от простоты / сложности морфемной структуры можно разбить на две основные группы:

1) простые, однокорневые слова в том или ином аффиксальном оформлении: *Μεταφορά* – Прѣводъ, *Κατάχρησις* – Напотрѣвие, *Μετάληψις* – Принатъе / Приятие, *ὑπέρβατον* – Прѣходъное / Прѣстоупное, *Αναστροφή* – Възвратъ, *Συνεκδοχή* – Съприятие, *Πεποιημένον* – Сътворение / Сътвореное, *Μετωνυμία* – Отъимение / Отъимение, *Ἐλλειψις* – Нестаткъ, *Πλεονασμός* – Изобилие, *Ἐπανάληψις* – Поречение, *Ἐξοχή* – Издрадие, *Ἄνιγμα* – Прикладъ, *Παραβολή* – Притъча, *Ἀνταπόδοσις* – Отъдание / Въздание, *Παράδειγμα* – Сълогъ / Прилогъ, *Εἰρωνεία* – Пороугание, *Χλευασμός* – Пороугание, *Μυκτηρισμός* – Похѣхнание / Похочхнание, *Σαρκασμός* – Поиграние, *Ἀστεϊσμός* – Посмыгание, *Σχῆμα* – Видъ / Образъ;

2) сложные, двукорневые слова в необходимом аффиксальном оформлении: *Ἀλληγορία* – Инословие, *Ὄνοματοποιΐα* – Именотворие / Имятворение, *Ἀντίφρασις* – Въспатословие / Въспатьсловие, *Περίφρασις* – Округословие / Съвратословие, *ὑπερβολή* – Лихорѣчые, *Προσωποποιΐα* – Лицетворье / Лицетворение, *ὑστερολογία* – Послэдословие / Послѣдословие.

Переводчик использовал калькирование не только при создании терминов, но и в переводах пояснений и примеров к терминам, когда для понимания смысла важна была мотивация греческого слова. Так, в примере катахрезы (напотрѣвие) греч. *ἄλιεύς* ‘рыбак, моряк’ (от слова *ἅλις* ‘соль, соленая, морская вода, море’) переводится с помощью кальки *сланьникъ* (от *сланъ* ‘соленый’),

та же мотивация в церковнославянском неологизме необходима для максимально точной передачи смысла греческого примера:

ἢ ὅταν τις τὸν ἐν λίμνῃ ἢ ποταμῷ ἰχθύας ἀγρεύοντα ἀλιέα λέγοι· κυρίως γὰρ ὁ ἐπὶ θαλάσσης λέγεται ἀλιεύς· ἄλλα γὰρ ἢ θάλασσα.

‘Или когда кто-нибудь назвал бы <человека>, ловящего рыбу в озере (λίμνη) или реке (ποταμῷ), рыбаком (ἀλιέα): ведь в собственном смысле слова рыбаком (ἀλιεύς) называется тот, кто на море (θαλάσσης). Ведь море соленое (ἄλλα)’.

Или егда кто въ ѳезерѣ или въ рѣцѣ ловашѣ, ловьца нариче, рѣкъше сланьника. Истовое бо, иже въ мори наричеться сланьникъ, слано бо море.

Интересно, что в другом месте, в примере загадки (прикладъ) болгарский книжник переводит греческое слово ἀλιεύς собственно славянским словом ловыць (‘ловец’), а не созданной им ранее калькой сланьникъ, поскольку этого не требует контекст:

...καὶ ὡς ἵνα εἴπωμεν θεριστὴν ὑδάτων τὸν ἀλιέα.

‘и как когда мы называли бы рыбака жнецом воды’.

...и какоже се взыхомъ рекли жатела водамъ ловьца.

4.2. Вариативность церковнославянских терминов как поиск наиболее адекватного перевода. Еще одна отличительная черта славянского перевода трактата Георгия Хировоска – высокая вариативность церковнославянских терминов: почти 50 % церковнославянских терминов сопровождаются дублетами (14 дублетов), что также свидетельствует об активных поисках более точного перевода путем использования максимального количества лексических ресурсов церковнославянского языка. Все дублеты можно разбить на три группы: 1) орфографические варианты: Приѣтъѣ / Приѣтѣ, Взѣменомѣстѣство / Взѣименимѣстѣство, Отѣзѣмениѣ / Отѣзѣмениѣ, Взспѣтословѣиѣ / Взспѣтѣсловѣиѣ, Послѣдословѣиѣ / Послѣдѣсловѣиѣ; 2) словообразовательные варианты: Именотворѣиѣ / Именотворѣниѣ, Сѣтворѣниѣ / Сѣтворѣноѣ, Округословѣиѣ / Сѣвратословѣиѣ, Отѣздѣниѣ / Вѣздѣниѣ, Лицѣтворѣиѣ / Лицѣтворѣниѣ, Сѣлогъ / Прилогъ; 3) собственно лексические варианты: Прѣхѣдѣноѣ / Прѣстоупѣноѣ, Лихѣрѣчьѣ / Лихѣновѣноѣ, Видъ / Образъ. Может быть, какие-то из вариантов, особенно орфографические, внесены переписчиком Изборника 1073 г. случайно. Однако очевидно, что переводчик подыскивал и создавал слова, чтобы точно выразить через морфологическую структуру слова (его оболочку) значение греческих терминов. Вариативность также характерна для начального этапа создания терминологии, когда сосуществуют многие варианты и представляется возможность выбора из ряда дублетных форм наиболее приемлемого, подходящего, адекватного содержанию термина.

5. Метафоричность и экспрессивность греческих и соответствующих церковнославянских терминов.

Отсутствие у термина метафоричности и экспрессии является одним из основных требований, предъявляемых к современной терминологии. «Возможность экспрессивности средств выражения в терминологии проявляется только на начальной стадии ее становления из-за близости к общему языку» [5, с. 96]. Церковнославянские термины трактата с сохраненной внутренней формой, которая была в греческом прототипе, вызывали определенные образы и ассоциации и иногда обладали даже большей экспрессивностью, чем соответствующий греческий термин. Так, термин *ὑπερβολή* (*ὑπερ*- ‘за пределами, через, поверх, чрезвычайно’, *βολή* ‘метание, бросок’) передается с иной образностью и большей экспрессивностью как Лихорѣчыє / Лихновьноє, для передачи термина *μικτηρισμός* миктеризм (от *μικτήρ* букв. ‘ноздря, нос, перен. насмешка, издевка’) с той образностью, которая в нем заложена, переводчик создает кальку-неологизм Похѣхнаниє / Похочхнаниє. Однако есть примеры потери образности и экспрессивности, которые были в греческом термине, при переводе на церковнославянский язык. Например, *Σαρκασμός* сарказм (от *σαρκάζω* ‘рвать мясо, растерзывать’) переводится как Поиграниє, *Ἀστεϊσμός* астеизм (от *ἀστεῖζομαι* ‘рассуждать по-городскому, т. е. тонко’ < *ἄστυ* ‘город, столица’) – Посмызаниє.

6. Многозначность термина образъ.

Термин образъ многозначен в церковнославянском переводе трактата. Как полагает Н. П. Дворцова, «трактат Хировоска [его церковнославянский перевод. – О. П.] стоит у истоков (наряду с эстетикой Гегеля) терминологической традиции именовать образами тропы и фигуры» [4, с. 15]. Термин образъ переводчик трактата употребляет для перевода слова *τρόπος* (‘троп’) и слова *σχῆμα* (‘фигура’, у Хировоска ‘структура речи’). С точки зрения Г. К. Вагнера, трактат назван «0 образѣх» «не потому, что у переводчика не было в обиходе слова „троп“ или „фигура“, а в силу произошедшего со временем семантического и гносеологического углубления таких категорий, как аллегория, метафора, олицетворение, наполнившихся образно-символическим значением» [3, с. 152]. Однако содержание трактата ставит под сомнение понимание тропов как образов-символов. На наш взгляд, важен тот факт, что во введении трактата употребляется не термин «образ», а термин «творческий образ»: *Ποιητικὸὶ τρόποι εἰσὶν κζ'* (‘есть 27 поэтических тропов’) – Творьчѣстии образи сѣть. кз. Греческое прилагательное *ποιητικός* (образовано от глагола *ποιέω*

‘делать, творить’) имело первичное значение ‘способный сделать что-либо, творческий’; затем у него возникло значение ‘способный к поэтическому творчеству, поэтический’. Сохраняя ту же мотивацию прилагательного, что и в греческом прототипе, переводчик трактата переводит *ποιητικοὶ τρόποι* как творчѣстии образи. Нам кажется верным утверждение Н. П. Дворцовой, что творчѣстии образи и соответствующие *ποιητικοὶ τρόποι* Хировоска могут быть истолкованы как **способы творения (творчества)**: «Косвенным доказательством верности понимания творческих образов как способов, говоря современным языком, творческой деятельности служит тот факт, что в русских риториках XVII–XVIII вв., которым предшествует трактат, „образ“ употребляется именно в значении „способ создания, способ действия“. Так, Риторика Космы (XVII в.) содержит учение „о образах епистолии“, в Риторике Лихуда (XVII в.) говорится об образах распространения периода» [4, с. 17].

7. Затруднения переводчика в передаче некоторых терминов.

При общей тенденции находить славянские соответствия греческим терминам (в большинстве случаев – калькировать), одно понятие переводчик все-таки транслитерировал, видимо, затруднившись подобрать адекватное слово в родном языке: *σολοικισμός* (‘погрешность против правил языка’ – оборот, в котором нарушены синтаксические правила) – селикѣзми. Греческое слово образовано от названия города *Σόλοι* – Солы, древней афинской колонии в Киликии, где вследствие национальной пестроты греческий язык утратил свою чистоту [6, с. 274]. Таким образом, церковнославянский переводчик мог не понять этимологии этого слова и, не подобрав соответствия, он его просто транслитерировал. По-видимому, переводчик встретил затруднение и при переводе четырех видов иронии, назвав один из гипонимов так же, как гипероним: *εἰρωνεία* – пороуганиѣ и *χλευασμός* – пороуганиѣ. Остальные три термина для разновидностей иронии образованы по той же словообразовательной модели, что и гипероним: похорухнаниѣ, поиграниѣ, посмыганиѣ.

8. Слова, используемые для передачи лингвистических понятий и приобретающие терминологическую семантику, в статье «О образѣх».

В переводе трактата Хировоска есть и другие слова, которые приобретают терминологическую семантику, встречаясь в тексте не один раз: *ἀλληγορικῶς* – инорѣчьнѣ, *κατὰ μίμησιν* – по подражаниѣ, *κατὰ ὁμοιότητα* – по подобниѣ, *ἐναντίον* – спротивноѣ. Многие из них также образованы путем калькирования: *ὁμωνυμία* – подобоимѣниѣ (*ὅμοιος* ‘подобный’, *ὄνομα* ‘имя’); *ἐμψυχοί* – съдоушнѣи (*ἐν*- ‘пребывание в каком-либо состоянии, обладание чем-либо’ =

цсл. съ-, *ψυχή* ‘душа’); *ἄψυχοι* – несъдоушныи / бездоушныи (*ἀ-* privativum ‘не-, без-’, *ψυχή* ‘душа’); *ὑποκείμενον* – подълежаштєє (*ὑπό* ‘под’, *κείμεαι* ‘лежать’); *προκείμενον* – прѣдълежаштєє (*πρό* ‘впереди, перед’, *κείμεαι* ‘лежать’). Среди приведенных слов с терминологической семантикой также встречаются дублеты. Так, перевод в одной из разновидностей метафоры *ἄψυχοι* в одном случае как несъдоушныи, а в другом – как бездоушныи продиктован тем, что греческая приставка *ἀ-* privativum имела два значения: ‘не-, без-’, и переводчик в одной словарной статье использует два возможных варианта калькирования с целью наиболее полно раскрыть смысловое содержание переводимого термина.

9. Судьба терминологии статьи «0 образѣх».

Хотя Изборник Святослава представлен значительным числом списков, терминология статьи «0 образѣх» не удержалась в последующей традиции. Трактат «0 образѣх» стал первым знакомством славян с византийской школьной традицией риторик и поэтик. Однако в ареале *Slavia Orthodoxa* он был не школьным чтением (как в Византии), а чтением узких кругов книжников. Когда в XVII в. на смену ученой византийской рукописной традиции приходит значительно более широкая западная традиция школьных риторик и поэтик, поддержанная книгопечатанием и Контрреформацией, термины поэтики заново входят в терминологический обиход как лексические заимствования. Аналогичная картина наблюдается и в истории грамматик в ареале *Slavia Orthodoxa*. Первый славянский грамматический трактат, статья «Осьмь честию слова» (нач. XIV в.), одним из византийских источников которого были грамматические схолии Георгия Хировоска, повторил судьбу статьи «0 образѣх». Статья «Осьмь честию слова» «впервые открывала славянскому читателю те абстрактные и обобщенные значения, которые содержатся в грамматических формах» [9, с. 149], но терминология статьи практически не оставила следов в грамматической традиции. Та терминология, которая прижилась в церковнославянско-русской грамматической традиции, – терминология «Адельфотиса» (Львов, 1591), грамматики Мелетия Смотрицкого (Евье, 1619) – восходит к церковнославянским печатным переводам школьных греческих и латинских грамматик, созданных значительно позже в Италии, Германии, но не в Византии. Первые переводные трактаты по грамматике и поэтике просвещали славянского читателя, но не стали школьными учебниками.

Однако было бы опрометчиво считать, что церковнославянский перевод трактата Хировоска прошел совсем бесследно. Четыре термина, созданных

переводчиком статьи «О образѣх», все же «сохранились в последующей русской литературоведческой терминологии, а именно: *образ, притча, лицетворение* (в дальнейшем *олицетворение*) и, может быть, *изобилие*», хотя они «могли возникнуть и другими путями, и в другое время» [2, с. 240].

Таким образом, термины статьи «О образѣх» обладают всеми теми чертами, которые характерны для начальной стадии становления терминологии, а именно: 1) близость к общеупотребительной лексике; 2) мотивированность внутренней формы; 3) метафоричность; 4) синонимичность (вариативность обозначений); 5) многозначность.

Литература

1. Ангелов Б. Ст. Георги Хировоск за поэтическите фигури // Из старата българска, руска и сръбска литература. София, 1967. Кн. 2. С. 89–105.
2. Берков П. Н. Очерк развития русской литературоведческой терминологии до начала XIX в. // Изв. АН СССР. СЛЯ, 1964. Т. 23, вып. 3. С. 239–243.
3. Вагнер Г. К. Статья Георгия Хировоска «О образех» в Изборнике Святослава 1073 г. и русское искусство XI в. // Изборник Святослава 1073 г.: сб. ст. Москва, 1977. С. 139–152.
4. Дворцова Н. П. Художественный образ и тропы (к истории взаимоотношений) // Литературные произведения XVIII–XX веков в историческом и культурном контексте. Москва, 1985. С. 14–22.
5. Зарембо О. С. Место греческо-церковнославянской грамматики «Адельфотис» (Львов, 1591) в истории восточнославянской грамматической традиции: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Минск, 2003. 131 с.
6. Квятковский А. П. Поэтический словарь. Москва: Сов. Энцикл., 1966. 376 с.
7. Костюхина Л. М., Шульгина Э. В. Описание рукописи Изборника Святослава 1073 г. // Изборник Святослава 1073 г. Факс. изд. Научный аппарат факс. изд. Москва, 1983. С. 58–67.
8. Мечковская Н. Б. Принципы исторического изучения терминологии // Методы изучения лексики / под ред. А. Е. Супруна. Минск, 1975. С. 200–214.
9. Мечковская Н. Б., Супрун А. Е. Знания о языке в средневековой культуре южных и западных славян // История лингвистических учений: Позднее средневековье. Санкт-Петербург, 1991. С. 125–181.
10. Смотрицький Мелетій. Граматики славенския правилное синтагма. Евье, 1619. 252 л. [Підг. факсимільного видання та дослідження пам'ятки В. В. Німчука]. Київ: Наукова думка, 1979.
11. Творогов О. В. Изборник 1073 г. // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I (XI – первая половина XIV в.) / отв. ред. Д. С. Лихачев. Ленинград, 1987. С. 194–196.
12. Чернышева М. И. К вопросу об истоках лексической вариантности в ранних славянских переводах с греческого // ВЯ. 1991. № 2. С. 23–28.
13. Besharov J. Imagery of the Igor' Tale in the Light of Byzantino-Slavic Poetic Theory. Leiden, 1956. 155 p.
14. Rhetores Graeci: in 3 vol. / Walz Chr. (ed.). Reproductio phototypica editionis 1832–1836. [Lipsiae, 1835] Osnabrück, 1968. Vol. VIII.

Я. У. Прыстаўка

Кафедра класічнай філалогіі, Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь

ПЕЁРАТЫВЫ Ў ТЭКЦЕ НОВАГА ЗАПАВЕТУ: ПРАБЛЕМА ПЕРАКЛАДУ

У артыкуле аналізуюцца асаблівасці функцыянавання пеёратываў у свяшчэнных тэкстах на прыкладзе арыгінала Новага Запавету і яго сучасных перакладаў на рускую і беларускую мовы.

Ключавыя словы: пеёратыў, ацэначная лексіка, стыль, стылістыка, тэорыя перакладу, біблейстыка, Новы Заповіт.

Y. Prystauka

Department of classical philology, Belarusian State University, Minsk, Belarus

THE PEJORATIVES IN THE NEW TESTAMENT: TRANSLATION PROBLEMS

The article analyzes the function of the pejoratives in the sacred Scriptures using the example of the New Testament in the original language as well as its modern translations into the Russian and Belarusian languages.

Keywords: pejorative, expressive words, style, stylistics, theory of translation, the Bible study, the New Testament.

Аўтар:

Ягор Уладзіміравіч Прыстаўка – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры класічнай філалогіі БДУ.
prystauki@gmail.com

Author:

Yahor Prystauka – PhD in philology, associate professor of the department of classical philology, BSU.

Праблема перакладу лексікі з адмоўнай экспрэсіўна-ацэначнай канатацыяй у Новым Запавеце вызначаецца наступнай калізіяй: з аднаго боку, Свяшчэннае Пісанне напісанае натуральнай чалавечай мовай, яно змяшчае элементы як высокага стылю, так і рысы гутарковага маўлення, у ім прадстаўлены фрагменты самых розных камунікатыўных і літаратурных жанраў: казанне, малітва, дыятрыба і інш. З іншага боку, біблейныя тэксты функцыянуюць пераважна ў сферы рэлігійнай камунікацыі, сакральны кантэкст іх ужывання непазбежна цягне за сабой сакралізацыю паведамлення і кода. З гэтай прычыны ў перакладах Новага Запавету, выкананых у рэлігійных колах, назіраецца тэндэнцыя «прычэсваць» тэкст, прыводзіць яго ў адпаведнасць з уяўленнямі пра «належную» мову Бібліі. Асабліва гэтая тэндэнцыя заўважная пры перакладзе пеёратываў – лексікі, якой, паводле рэлігійных уяўленняў,

у свяшчэнным тэксе не можа быць у прынцыпе. Паказальная ў гэтым сэнсе крытыка за дэсакралізацыю біблейнай мовы ў адрас В. М. Кузняцовай¹.

У традыцыйных перакладах пеэратывы звычайна замяняюцца эўфемізмамі, больш мяккімі, нейтральнымі лексэмамі, часам з няяснай семантыкай. У Евангеллі паводле Мацвея Ян Хрысціцель звяртаецца да фарысеяў і садукееяў, суправаджаючы свой выпад вельмі рэзкім эпітэтам:

Γεννηματα ἐχιδνῶν τίς ὑπέδειξεν ὑμῖν φουεῖν ἀπὸ τῆς μελλούσης ὀρούης ('Выкладкі змяяў, хто паказаў вам бегчы ад будучага гневу') (Мцв. 3:7) [15].

Грэч. *ἐχίδνα* ('змяя, гадзюка') ужывалася для агульнай намінацыі прадстаўнікоў роду змяіных, часам для абазначэння гадзюкі. У царкоўнаславянскім і Сінадальным перакладах гэта слова транслітаруецца. Магчыма, для адрасатаў гэтых тэкстаў выказванні «рождения ехиднова» і «порождения ехиднины» былі цалкам зразумелыя. Аднак для сучаснага чытача слова *ехідна* абазначае ў асноўным «злога, каварнага чалавека» [13]. Іншыя значэнні з'яўляюцца перыферычнымі, хоць яны і фіксуюцца ў сучасных слоўніках: «разнавіднасць змяі» і «невялікая млекакормячая жывёліна, пакрытая іголкамі і поўсцю, водзіцца ў Аўстраліі і на астравах Ціхага акіяна» [13]. На наш погляд, перакладчыкі, якія пакідаюць у тэксе слова «яхідна», пазбаўляюць свой пераклад канкрэтнай вобразнасці арыгінальнага тэксту: «адроддзе яхідніна» (БкБПЦ) [6], «выродзьдзе яхідніна» (Сёмуха) [9], «плод яхідніны!» (Дзекуць-Малей) [8].

Ужыванне аддзяслоўнага назоўніка для перадачы грэчаскага *γεννημα* ('дзіця, спараджэнне') у беларускіх перакладах таксама неапраўдана. У грэчаскай мове гэты назоўнік паходзіць ад дзяслова *γεννάω* ('нараджаць, ствараць'), але стратэгія памарфемнага перакладу ў дадзеным выпадку дадае тэксту прысмак высокага, «опернага» стылю, які не адпавядае прагматыцы кантэксту. У выніку замест вострай метафары ў вусны Яна Хрысціцеля ўкладаецца высакамоўная фраза з няўцямным вобразам: «пакаленне змяінае» (ККББ) [11], «спараджэнні яхідны» (Бокун) [10]. Найбольш адэкватна прагматыку грэчаскага тэксту перадае А. Клышка: «гадзючыя выпладкі» [7].

Цікава, што ў перакладзе С. С. Аверынцава [1] мы сустракаем і «отродье ехидн» (Мцв. 23:33), і «порождение змеиное» (Мцв. 3:7), хоць у грэчаскім

¹ Мітрапаліт Іларыён наракае на «площадной, базарный, кухонный язык» яе перакладу, маючы на ўвазе такія словы, як «дурак», «побахвалиться», «затая», «помешался», «нахвалять», «ловкач», «поживиться», «брюхо», «проститутка», ідыёмы «не мастер говорить», «прибрал к рукам», «самым что ни на есть», «меня довели» [2, с. 79].

тэксце ў абодвух выпадках ужываецца абсалютна ідэнтычнае словазлучэнне *γεννήματα ἐχιδνῶν*. На гэтым прыкладзе бачна, што перакладчык вагаўся, ці варта перадаваць пеёратыўную прагматыку ў свяшчэнным тэксце сродкамі сучаснай мовы. У іншых выпадках С. С. Аверынцаў не ўстрымліваўся ад таго, каб эсклікаваць стылістычную афарбоўку выказвання, нават калі яна не выяўлена лексічна і прыходзіцца вылучаць яе з кантэксту. Так, С. С. Аверынцаў перакладае *ὀδηγοὶ τυφλοὶ* як «слепые вожатаи» (Мцв. 23:24), хаця грэчаскае *ὀδηγοὶ* з’яўляецца стылістычна нейтральным.

Першаснае значэнне грэчаскай лексемы *μωρός* («дурны») таксама вельмі часта падпадае рэтушызацыі і эўфемізацыі ў традыцыйных перакладах. Так, адрасаваныя фарысеям эпітэты *μωροὶ καὶ τυφλοὶ* (Мцв. 23:17) у царкоўна-славянскім тэксце перадаюцца як «буи и слепы», а ў Сінадальным – «безумные і слепые» [4]. Амаль усе беларускія перакладчыкі надзіва адзінадушна прапануюць варыянт «неразумныя і сляпыя». Хаця ў арыгінальным тэксте не ідзе гаворка пра наяўнасць ці адсутнасць рацыянальнасці. Тым больш, што ў Новым Запавеце звычайна ўжываецца іншая лексема з такім значэннем і этымалогіяй: *ἄφρων* («неразумны»).

Пры перакладзе *μωροὶ καὶ τυφλοὶ* трэба ўлічваць інвектыўны кантэкст фрагмента, дзе Ісус у жорсткай форме выкрывае фарысеяў. Слушны пераклад прапануе С. С. Аверынцаў: «глупцы и слепцы» [1]. Акрамя таго, *μωροὶ καὶ τυφλοὶ* можна інтэрпрэтаваць як гендыядыс – рытарычную фігуру, калі адно паняцце выказваецца двума словамі, адно з якіх проста дапаўняе значэнне другога. Гэтым шляхам ідзе В. М. Кузняцова: «слепые глупцы» [12].

У сучасных перакладах можна назіраць працэс, адваротны эўфемізацыі, калі перакладчык узмацняе прагматычны эфект выказвання, прыносячы пеёратыўнае адценне туды, дзе яго няма ў арыгінале. Так, словы ап. Паўла, адрасаваныя хрысціянам Галатыі *Ὡ ἀνόητοι Γαλάται τίς ὑμᾶς ἐβάσκανεν* (Гал. 3:1) В. М. Кузняцова перакладае як «Галаты, глупцы, хто вас сглазил?!» [12]. На наш погляд, слова «глупцы» зусім не пасуе ў дадзеным фрагменце, яно занадта грубае. Па-першае, грэчаскае *ἀνόητος* мае значэнні «неасягальны розумам; той, хто не мысліць; неразумны» [5]. Па-другое, кантэкст мае на ўвазе зусім не пеёратыўнае значэнне: ап. Павел звяртаецца да сваіх падапечных не для таго, каб абразіць іх, а каб па-бацькоўску паўшчуваць. Варыянт В. М. Кузняцовай хутчэй за ўсё ўзнік пад уплывам англійскіх перакладаў. Параўнай: «You foolish Galatians!» (KJV) [14]. Нечакана трапным і аўтэнтычным падаецца пераклад Л. Дзекуць-Малея: «О, бязглуздыя Галяты!» [8].

Большасць пеэратываў, якія сустракаюцца ў Новым Запавеце, – гэта нейтральная лексіка, ужытая ў пераносным значэнні. У фрагменце з настаўлення ап. Паўла хрысціянам горада Філіпы *Βλέπετε τοὺς κύνας, βλέπετε τοὺς κακοὺς ἐργάτας* (Флп. 3:2) ацэначнае значэнне слова *κύων* заснавана на негатыўным вобразе сабакі ў іўдзейскай культуры. Прагматыка арыгінальнага тэксту добра перададзена ў Сінадальным перакладзе: «Берегіцеся псов, берегіцеся злых делателей, берегіцеся обрезания» [4]. Нешматлікія беларускія пераклады Ліста філіпійцам адзінадушна пакідаюць лексему *сабака*: «сцеражыцеся сабак» (Дзекуць-Малей) [8], «пільнуйцеся ад сабак, пільнуйцеся ад ліхіх дзеечаў, пільнуйцеся ад абразанья» (Сёмуха) [9]. На наш погляд, у гэтых перакладах губляецца экспрэсія. Слова *пёс* няма ў Тлумачальным слоўніку беларускай літаратурнай мовы [13], але яно сустракаецца ў творах мастацкай літаратуры, таму яго ўжыванне ў гэтым тэксце было б правамоцным. Беларускі N-корпус паказвае 118 прыкладаў, у тым ліку ў Я. Коласа, У. Караткевіча, І. Шамякіна, прычым часцей гэтае слова ўжываецца ў пеэратывным значэнні [3].

Яшчэ адзін фрагмент Новага Завету (Ціт. 1:14), дзе прысутнічае лексіка ў негатыўным ацэначным значэнні, – гэта словы ап. Паўла ў Пасланні Ціту, калі ён цытуе грэчаскага паэта Эпімяніда (VII ст. да н. э.): *Κρήτες ἀεὶ ψεύδοιαι, κακὰ θηρία, γαστέρες ἀργαί* («Крыцяне заўсёды хлусы, злыя звяругі, страўнікі бяздзейсныя») [15]. І кантэкст паэмы Эпімяніда, і кантэкст паслання ўказваюць, што ў перакладзе варта падабраць жорсткую пеэратывную лексіку. Сінадальны пераклад прапануе больш мяккі, нейтральны варыянт: «Критяне всегда лжецы, злые звери, утробы ленивые» [4]. Беларускія перакладчыкі таксама прытрымліваюцца падобнай стратэгіі: «Крыцяне заўсёды хлусы, злыя зьвяры, вантробы ляньныя» (Сёмуха) [9]. У Л. Дзекуць-Малея ўдала ўжываецца інверсія: «Крыцяне заўсёды ілгуць, зьверы лютыя, чэравы ляньныя» [8]. Верагодна, лепш узмацніць экспрэсію, перадаўшы грэчаскае *κακὰ θηρία* як «злыя звяругі». Валянціна Кузняцова неправамоцна спрашчае вобраз, перакладаючы *θηρία* і *γαστέρες* адным словам «тварі»: «Критяне лгут неперестанно, ленивые жадные твари!» [12].

Лексема *γυναικάριον* у слоўніку І. Х. Дварэцкага [5] перадаецца як «бабёнка» з пазнакай «грэблівае» са спасылкай на Другі ліст да Цімафея: *ἐκ τούτων γὰρ εἰσὶν οἱ ἐνδύνοιτες εἰς τὰς οἰκίας καὶ αἰχμαλωτίζοντες γυναῖκάρια σεσωρευμένα ἀμαρτίας* («бо з іх тыя, хто пракрадаецца ў дамы і бярэ ў палон баб, якія захраслі ў грахах») (2 Цім. 3:6) [15]. Строга кажучы, у грэчаскай мове фармант *-άριον* мае не пеэратывнае, а дэмінітыўнае значэнне. Параўнай, *παιδάριον*

‘дзіця, маладзенькі раб’, *ἀνδράριον* ‘чалавечак, чалавечышка’, *δουλάριον* ‘служаначка’. Таму *υὑναϊκάριον* у залежнасці ад інтэнцыі можа набываць як негатыўна-ацэначнае, так і ласкальнае значэнне. Аднак кантэкст фрагмента адназначна негатыўны: ап. Павел выкрывае распусных жанчын, якія патанулі ў грахах. В. М. Кузняцова падбірае слова *бабёнка*, узмацняючы яго азначэннем *глупая*: «Такого же рода и люди, которые втираются в дома и пленяют глупых бабенок» [12]. Цікава, што царкоўнаславянскі пераклад перадае гэты назоўнік памарфемна: «пленяющий женишца». Такой жа стратэгіі іканічнага памарфемнага перакладу прытрымліваецца А. Бокун («палоняць жанчынак») [10]. Аднак у беларускай мове дэмінітыву *жанчынка* мае ласкальнае значэнне, таму сэнс атрымліваецца супрацьлеглы. Большасць беларускіх перакладаў ужываюць стылістычна нейтральнае слова *жанчына*. Перакладчыкі ККББ дадаюць эпітэт «хвейныя жанчыны» [11]. Цяжка зразумець такую матывацыю: прыметнік «хвейны» у беларускіх слоўніках мы не знайшлі, у польскай мове гэтае слова мае значэнне «хісткі, зменлівы».

Падсумоўваючы, адзначым, што пеёратывы сустракаюцца ў тэксце Новага Запавету, аднак даволі рэдка адлюстроўваюцца ў перакладах. Яны з’яўляюцца неад’емнай частка біблейнага тэксту, без іх не магчыма скласці сапраўдны рытарычны партрэт Яна Хрысціцеля, Ісуса Хрыста і ап. Паўла.

Большасць беларускіх перакладчыкаў звяртаюць мала ўвагі на стылістычныя асаблівасці арыгінальнага тэксту. Часткова з-за апасродкаванага знаёмства з тэкстам арыгінала, часткова з-за ўплыву рэлігійнай традыцыі. У традыцыйных перакладах можна назіраць сакралізацыю мовы перакладу і эўфемізацыю негатыўных ацэначных выказванняў. На жаль, такі падыход пазбаўляе арыгінальны біблейны тэкст стылістычнай разнастайнасці і вобразнасці, робіць яго пляскатым і манатонным.

Літаратура

1. Евангелие от Матфея // С. Аверинцев. Собрание сочинений. Переводы [из Священного Писания: с древнегреческого и древнееврейского с комментариями; [под ред. Н. П. Аверинцевой, К. Б. Сигова]. Киев, 2004. С. 8–70.
2. *Алфеев И.* Письма апостола Павла [рецензия] // Журнал Московской Патриархии. 1998. № 10. С. 78–80.
3. Беларускі N-корпус. URL: <http://bnkorporus.info>. (дата звароту: 21.10.2019).
4. Библия: книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета: канонические: в русском переводе с параллельными местами и приложением. Москва: Рос. библ. о-во, 2004. 925, 292 с.
5. *Дворецкий И. Х.* Древнегреческо-русский словарь: ок. 70000 слов: в 2 т. Москва: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1958. 2 т.

6. Новы Запавет Госпада нашага Ісуса Хрыста / [пераклад з грэчаскай мовы на беларускую Біблейскай камісіі Беларускай Праваслаўнай Царквы]. Мінск: МХРБ «Біблейскае таварыства ў Рэсп. Беларусь», [без г. в.]. 499 с.
7. Новы Запавет Госпада нашага Ісуса Хрыста / [пераклад з грэцкай мовы А. Клышкі]. Мінск: Пазітыў-цэнтр, 2014. 599 с.
8. Новы Запавет Госпада нашага Ісуса Хрыста. Лондон: Брыт. і замеж. біблійнае т-ва, 1948. 353, 93 с.
9. Новы Запавет; Псалтыр / пер. з царкоўнаславян. В. С. Сёмухі. Мінск: ВЦ «Бацькаўшчына», 1995. 488 с.
10. Новы Запавет. Кніга прыповесцяў: са старажытнагрэцкай і старажытнагебрайскай на беларускую мову нанова перакладзеныя / [пер. А. Бокуна]. Мінск: Пазітыў-цэнтр, 2016. 511 с.
11. Новы запавет: пераклад з арыгінальнай мовы / Секцыя па перакладзе літургічных тэкстаў і афіцыйных дакументаў Касцёла Камісіі Божага Культу і Дысцыпліны Сакрамэнтаў пры Канферэнцыі Каталіцкіх Біскупаў у Беларусі. Мінск: Про Хрысто, 2017. 687 с.
12. Радостная Весть: Новый Завет в переводе с древнегреческого. Изд. 3-е, испр. и доп. с парал. местами, ист.-филол. и текстол. примеч. и прил. Москва: Рос. Библ. о-во, 2007. 603 с.
13. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы: Больш за 65000 слоў / Акад. навук Беларусі, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа. Мінск: Беларус. Энцыкл., 1996. 783 с.
14. Holy Bible: Reference edition: King James version. Dallas: Jet Move Publishing, 2004. 1752 с.
15. The Greek New Testament / ed. by K. Aland [et al.]. 4th ed. Stuttgart, 1993. 918 p.

М. Рутц

Институт славистики, университет імя Юстуса Лібіга, Гісен, Германія

**«CARMEN DE BISONTE» МІКАЛАЯ ГУСОЎСКАГА
ЯК ПАДВОЙНЫ АКТ КАМУНІКАЦЫІ:
ПРАЦЭС СТВАРЭННЯ ІМІДЖУ І ТРАНСФАРМАЦЫЙНЫ ДЫСКУРС¹**

«Carmen de bisonte» (1521/1523) ставіць пад сумненне само ўяўленне пра нацыянальную літаратуру. Месца нараджэння аўтара застаецца аб'ектам дыскусіі, мова твора – лацінская. У выніку «Песня пра зубра» сёння ўключаецца ў некалькі гісторыка-літаратурных аглядаў эпохі Рэнесансу (польскі, беларускі, літоўскі) адначасова. У артыкуле прапануецца новая інтэрпрэтацыя ў процівагу распаўсюджаным «патрыятычным» прачытанням. «Carmen de bisonte» не з'яўляецца выразам толькі адной нацыянальнай ідэнтычнасці, але ўтрымлівае ў сабе маркеры, якія свядома задуманы як нетрывалыя і могуць накладацца адзін на другі. Далейшыя тэзісы фармулюцца зыходзячы з прагматыкі тэкста, г. зн. з акалічнасцяў напісання і публікацыі. Твор быў напісаны ў Рыме як заданне ў межах дыпламатычнай місіі, калі мець на ўвазе Льва Х як адрасата і «паўднёвую» чытацкую аўдыторыю. Пасля гвалтоўнай смерці адрасата, а таксама апекуна/кліента тэкст быў апублікаваны ў Кракаве і адрасаваны каралеве Боне Сфорца, але галоўным чынам – чытачам з Усходняй і Цэнтральнай Еўропы.

Ключавыя словы: новалацінская літаратура, Nicolaus Hussovianus, Мікалай Гусоўскі, беларускі Рэнесанс, польскі Рэнесанс, descriptio gentium, Эней Сільвій Пікаламіні, Рэч Паспалітая.

M. Rutz

Institute of Slavic Studies, Justus Liebig University, Giessen, Germany

**NICOLAUS HUSSOVIANUS' «POEM ON BISON»
AS A TWOFOLD COMMUNICATION ACT.
IMAGE BUILDING AND REFORM DISCOURSE**

«Carmen de bisonte» (1521/1523) challenges the idea of national literatures. The local origin of the author is contested, the language – Latin. As a result, the «Poem on Bison» today is incorporated into several Renaissances (Polish, Belorussian, Lithuanian) simultaneously. The article proposes a new interpretation in opposition to widespread «patriotic» readings. Instead of the articulation of one exclusive, national identity, «Carmen de bisonte» contains overlapping and consciously vague markers. Further theses develop from the text's pragmatics, i. e. the context(s) of writing and publication. It was written in Rome, as part of a diplomatic mission, with pope Leo X. as addressee and a «Southern» audience in mind. After the sudden death of the addressee and also of the patron-and-customer, the text was published in Cracow, addressed at queen Bona Sforza and at mainly Eastern Central European readers.

Keywords: Neo-Latin literature, Nicolaus Hussovianus, Nikolaj Hussowski, Belarusian Renaissance, Polish Renaissance, descriptio gentium, Enea Silvio Piccolomini, Polish-Lithuanian Commonwealth.

Аўтар:

Марыён Рутц – доктар філалогіі, навуковы супрацоўнік універсітэта імя Юстуса Лібіга.
Marion.Rutz@slavistik.uni-giessen

Author:

Marion Rutz – doctor of philology, lecturer of the Justus Liebig University.

1. Чый Гусоўскі?

Аб'яднання Вялікае Княства Літоўскае (далей – ВКЛ) і Польская Карона ўяўлялі сабой у XV і XVI стст. адну з магутных дзяржаў Еўропы. Да 1572 г. Ягелоны, выхадцы з Літвы, валадарылі на землях гэтай вялізнай федэрацыі, якая час ад часу дасягала сваімі межамі брамаў самой Масквы. Аднак веды пра ўсходніх суседзяў былі ў Еўропе рэдкасцю, і той вобраз Польшчы-Літвы, які быў прадстаўлены, напрыклад, у аўтарытэтным сачыненні Энея Сільвія Пікаламіні (1405–1464), быў мала прыдатны; прынамсі так лічылі прадстаўнікі мясцовай эліты [18, с. 44–56; больш пазітыўна ў адносінах да Пікаламіні – 62, с. 76–130]. Тым часам такія тэксты, як *Tractatus de duabus Sarmatiis* Мацея Мяхоўскага (апублікаваны ў 1517), мелі на мэце прадставіць праўдзівую інфармацыю і павінны былі супрацьпаставіць творам іншаземных аўтараў кшталту Пікаламіні створаны ўласнымі намаганнямі пазітыўны імідж [41, с. 361; 18, с. 86]. Яшчэ больш ярка выражаную прапагандысцкую функцыю выконвалі арыентаваныя на замежнага чытача літаратурныя панегірыкі, у якіх услаўляліся ваенныя перамогі або шлюбныя паяднанні пры каралеўскім двары.

Еўрапейская *lingua franca* латынь стала, як вядома, першай мовай навукі і прыгожага пісьменства, у тым ліку для культуры польскага Рэнэсансу. Лацінамоўныя творы складаюць большую частку помнікаў, якія даследчыкі адносяць да гісторыі польскай літаратуры (як мінімум з 70-х гг. XX ст. [27, с. 214; заўвага 16]). Тым не менш, Мікалаю Гусоўскаму адведзена ў польскім каноне дзюгараднае становішча. Яго самы вядомы твор – *Carmen de statura, feritate ac venatione bisontis* («Песня пра знешнасць, дзікасць зубра і паляванне на яго») – узгадваецца ў даследаваннях па гісторыі польскай

¹ Нямецкамоўная версія артыкула «Das Wissen über den (eigenen) Osten. Nicolaus Hussovianus' „Carmen de bisonte“ als zweifacher Kommunikationsakt» апублікавана ў часопісе «Wiener Slavistisches Jahrbuch» N. S. (= Nova Series) (Vol. 5 (2017), 80–103). З нямецкай мовы пераклала **Жанна Некрашэвіч-Кароткая**. Аўтарка азнаёмілася з тэкстам перакладу і зрабіла неабходныя ўдакладненні.

Спасылачныя каментарыі аўтаркі (часта даволі аб'ёмістыя) з тэксту арыгінала былі перанесены ў асноўны тэкст. Каб мінімізаваць магчымасць сэнсавых разрываў, асобныя фрагменты былі перапрацаваны. Пераклад у некаторых месцах аказваўся шырэйшы ў параўнанні з арыгіналам, калі гэта было выклікана неабходнасцю больш дэталёвага аналізу беларускай даследчыцкай сітуацыі.

Аўтарка выказвае ўдзячнасць **Міхаілу Поздневу** (Санкт-Пецярбург/Трыр) за заўвагі і рэкамендацыі ў галіне класічнай філалогіі, а таксама перакладчыцы за шэраг каштоўных удакладненняў.

літаратуры толькі мімаходзь; перадусім аўтары звяртаюць увагу на экзатычнасць тэмы [37, с. 40; 45, с. 52; 39, с. 27; 42, с. 99–100]. Нават у спецыяльных працах, прысвечаных польскаму Рэнэсансу, Гусавіян застаецца другасным аўтарам, які адыграў пэўную ролю ў распрацоўцы ўласна польскай тэматыкі і адлюстраванні польскіх звычаяў [63, с. 82, 86; 51, с. 62–63, 222]. Раздзел, прысвечаны Мікалаю Гусоўскаму ў другім томе дзесяцітомнага навукова-папулярнага выдання «Гісторыя польскай літаратуры» [28, с. 192–197], прэзентуе «Песню пра зубра» як тэкст, напоўнены польскім патрыятычным духам, на ўзроўні даследчыцкіх інтэрпрэтацый Ежы Крукоўскага (1959) і Клода Баквіса (1975) [28, с. 438].

У даследаваннях беларускіх літаратуразнаўцаў, якія прызнаюць літаратуру федэратыўнай дзяржавы Ягелонаў складной часткай сваёй культурнай спадчыны, прадстаўлена іншае меркаванне. Літаратурная спадчына Гусавіяна не засталася, канешне, таксама без увагі літоўскіх літаратуразнаўцаў; аднак без валодання літоўскай мовай гэты даследчыцкі сегмент з’яўляецца маладаступным. Сфарміраваць уражанне пра яго замежным даследчыкам дае магчымасць кароткі англамоўны агляд Сігітаса Нарбутаса [46]. Разам з тым, менавіта ў Літве было падрыхтавана сучаснае навуковае перавыданне твораў Мікалая Гусоўскага [29].

У гісторыка-літаратурных аглядах па беларускай літаратуры Мікалай Гусоўскі – адна з цэнтральных постацяў у пісьменстве XVI ст. [7, с. 236–256; 3; 9, с. 101–223]. Асаблівай увагі даследчыкаў заслугоўвае крытычная дыскусія на тэму навуковай рэцэпцыі творчасці паэта ў кнігах С. Кавалёва [6, с. 74–100 (аналагічна: 5, с. 64–101)]. Аб’ёмісты агляд Ж. Некрашэвіч-Кароткай вытрыманы ў больш пазітыўных танах [9, с. 101–106]. У працах беларускіх вучоных адводзіцца нашмат больш увагі шматмоўным аўтарам у параўнанні з гісторыямі старапольскай літаратуры. Як сцвярджае С. Кавалёў, пачынаючы з 70–80-х гг. XX ст. з’явілася магчымасць не абмяжоўваць айчыннае пісьменства толькі «старабеларускімі» або царкоўнаславянскімі тэкстамі, створанымі ў праваслаўным асяроддзі [34, с. 84], г. зн. не ідэнтыфікаваць іх як складную частку так званай агульнай (гамагеннай) усходнеславянскай літаратурнай спадчыны. С. Кавалёў лічыць перспектыўным даследаваць літаратуру 1) як шматмоўную; 2) як агульную спадчыну літоўцаў, беларусаў, украінцаў і палякаў [34, с. 92]; падобных поглядаў прытрымліваюцца і іншыя беларускія даследчыкі. Тым часам, напрыклад, Арнольд Макмілін, аўтар адзінай на сённяшні дзень «Гісторыі беларускай літаратуры» на англійскай мове (1977),

арыентуецца на ідэю моналінгвальнай нацыянальнай літаратуры, і ў яго гістарычным аглядзе [40] Мікалай Гусоўскі проста адсутнічае.

Менавіта Гусавіян стаў адным з першых «іншамоўных» аўтараў, які быў уключаны ў беларускі літаратурны канон. Ежы Аксер [13, с. 3] прадстаўляе паваротным пунктам 1980 год, калі Мікалай Гусоўскі і Францыск Скарына былі ўключаны ў юбілейны спіс сусветна значных імёнаў UNESCO. З гэтай нагоды было апублікавана і выданне з паэмай Мікалая Гусоўскага [1]. С. Кавалёў [6, с. 80–82] звязвае «вяртанне» Мікалая Гусоўскага з больш раннім часам, прыгадваючы артыкул У. Калесніка (1971), а таксама публікацыю ў часопісах перакладаў «Песні пра зубра» на рускую мову (Я. Парэцкага і Я. Семяжона) і на беларускую мову (Я. Семяжона) як на пачатак «тварэння легенды» [6, с. 80–82].

У першых даследчыцкіх працах беларускіх вучоных адчуваюцца вузкія рамкі савецкай ідэалогіі [2, с. 73–89, 130–194; 1, с. 171–[190]; 10]. Што ж да прац XXI ст., то нават пры змене ідэалагічных устаноў у іх усё яшчэ відавочны ўплыў беларускіх патрыятычных топасаў. Э. Чапляевіч [23, с. 48–49] аргументавана выявіў спрэчнасць інтэрпрэтацый, прадстаўленых у кананізаваных перакладах «Песні пра зубра». Упершыню апублікаваныя ў 1968 і 1969 гг., яны мелі ў сабе яўныя прыкметы ідэалагічнай заангажаванасці. Арыгінальны спосаб самаідэнтыфікацыі апавядальніка *Polonus* у 120 радку выдаляецца ў тэксте рускамоўнай адаптацыі і пераўтвараецца ў выраз ‘подданный Польши’. У беларускамоўнай версіі выкарыстаны апісальны спосаб перадачы тэрміна *Polonus*: ‘край мой (*цяпер ужо ўласнасць Кароны*)’, і такім чынам узнікае адчуванне палітычнага антаганізму¹. С. Кавалёў падзяляе думку Э. Чапляевіча і прыводзіць таксама іншыя прыклады з тэкста [6, с. 82 і наст., с. 84–85]. Гэтыя перакладчыцкія маніпуляцыі робяць да сённяшняга дня значны ўплыў на інтэрпрэтацыйны канон: «Песня пра зубра» ў перакладзе ўваходзіць у спіс твораў для абавязковага прачытання ў беларускіх школах і ўніверсітэтах [9, с. 101]. Акрамя таго, у многіх беларускіх даследаваннях выкарыстоўваецца перастварэнне Семяжона як адзіная тэкставая база, а разнастайныя неадпаведнасці – свядома ці несвядома – ігнаруюцца [пра гэта: 6, с. 89–94]. У першую чаргу гэтае ігнараванне датычыць прадмовы В. Дарашкевіча да кнігі «Песня пра зубра» 1980 г. або кнігі А. Лойкі [7, с. 242]. Не змянілі карэнным чынам сітуацыю скажэння тэксту арыгінала і менш маніпулятыўныя пераклады пазнейшага часу (пра пераклады гл. [6, с. 92–95]; таксама [9, с. 175 і далей]).

¹ Лацінскі арыгінал цытуецца ў трэцяй частцы нашага артыкула. – М. Р.

Між тым цытаванне арыгінала было б найбольш пераканаўчым сведчаннем для чытацкай аўдыторыі, што «Carmen de bisonte» не з’яўляецца тэкстам на беларускай мове.

Разам з тым, ёсць і выключэнні, якія дазваляюць спадзявацца, што арыгінальны тэкст бярэцца пад увагу. Так, Алесь Жлутка на пачатку свайго артыкула з акадэмічнай «Гісторыі беларускай літаратуры» тройчы прыводзіць кароткія цытаты па-лацінску ў суправаджэнні ўласнага падрадкоўнага перакладу [3, с. 310, 316, 324], але ў далейшым падае толькі падрадкоўныя пераклады без цытавання арыгінала [3, с. 327, 329, 332 і далей]. Ж. Некрашэвіч-Кароткая працуе з арыгіналам і прыводзіць лацінскія цытаты ў прысвечанай творчасці Гусавіяна главе сваёй манаграфіі [9], а таксама ва ўсіх іншых сваіх публікацыях па новалацінскай літаратуры. Пры гэтым аўтарка цытуе лацінскі арыгінал, выконваючы крытычнае супастаўленне літаратурных перакладаў.

Адраджэнне цікавасці польскіх даследчыкаў да творчасці Мікалая Гусоўскага адбылося ў пачатку XXI ст. у навуковым атачэнні Ежы Аксера і Цэнтра вывучэння антычнай традыцыі (ОВТА – *Ośrodek Badań nad Tradycją Antyczną*; цяпер *Wydział Artes liberales*) пры Варшаўскім універсітэце, якім прафесар Е. Аксер кіраваў [14; 13; 19; 20; 22]. Е. Аксер указваў на відавочныя хібы ў працах беларускіх даследчыцкаў творчасці Гусавіяна [14, с. 321], ацэньваючы навейшыя публікацыі больш пазітыўна [13, с. 4]; пры гэтым вучоны з жалем адзначаў і акцэнтаваў адсутнасць цікавасці да творчасці паэта з боку польскіх вучоных [14, с. 320–321; 13, с. 4]. Даследчык падкрэслівае тую акалічнасць, што апошняе навуковае выданне твораў паэта было апублікавана ў 1894 г., а адзіны поўны пераклад «Песні пра зубра» на польскую мову быў зроблены ў 1914 г. Гэты пераклад, зроблены Янам Каспровічам, не быў апублікаваны ў свой час у сувязі з пачаткам першай сусветнай вайны [пра адысею рукапісу гл.: 14, с. 320].

Пераклад Яна Каспровіча быў упершыню апублікаваны ў 1994 г. па ініцыятыве супрацоўнікаў заавадніка Белавежа, а ў 2007 г. з’явілася пяцімоўнае сувенірнае выданне [32]. Тыя фрагменты з «Песні пра зубра», якія ўключаны ў польскія анталогіі, паходзяць менавіта з перакладу Я. Каспровіча. Ён жа прысвяціў Гусавіяну свой артыкул, у якім абвясціў «Песню пра зубра» папярэдніцай «Пана Тадэвуша» Міцкевіча [33, с. 86, 88 і наст.]. На гэты артыкул спасылаюцца Гаральд Сегел [59, с. 155–157], Эўгеніюш Чапляевіч [23, с. 45] і Якаў Парэцкі [10, с. 4, 65]. Такім чынам, артыкул Каспровіча належыць прызнаць важным этапам паланістычнай рэцэпцыі паэмы Мікалая Гусоўскага

ў XX ст. Сегел бачыць у Гусавіяне ранняга прадстаўніка так званага пісьменства «ўсходніх крэсаў» Польшчы і прасочвае літаратурную традыцыю аж да Чэслава Мілаша. Э. Чапляевіч [23, с. 45–46] папракае Ч. Мілаша як аўтара «з крэсаў», а таксама як філолага за ігнараванне гэтага папярэдніка ў яго «Гісторыі польскай літаратуры».

Е. Аксер расцэньвае адзначаную даследчыцкую лакуну з вялікай доляй іроніі: у Польшчы паэма Мікалая Гусоўскага мае значэнне перадусім для аматараў прыроды, якія дбаюць пра захаванне зуброў як віда (*Polish bison breeders are the only ones to see this poem as an important point of reference*) [13, с. 5]. Па-за гэтым, трэба прызнаць, на думку вучонага, пэўную «нязручнасць» як аўтара, так і яго тэкста: яны не інтэгруюцца ў польскі нацыянальны метанаратыў, але спрыяюць адраджэнню памяці пра Рэч Паспалітую як гетэрагеннае поліэтнічнае владарства [14, с. 327; 13, с. 5].

Не без рытарычнай узнёскасці падкрэслівае Е. Аксер [14, с. 321], што *адзін бельгіец* (Клод Баквіс у 1968 і ў 1975) прысвяціў Гусавіяну аб’ёмістае даследаванне; гэтыя словы могуць успрымацца як своеасаблівы папрок польскім вучоным. Аналагічна можна было б заявіць, што ў асобе Г. Сегела адкрыў паэму «Carmen de bisonte» адзін амерыканец з ЗША. Аднак не адзін толькі Г. Сегел зрабіў пераклады аб’ёмістых цытат з твора. Майкл Мікась таксама прапанаваў вялікія фрагменты паэмы ў сваім перакладзе на англійскую мову [32, с. 317–330]; поўны тэкст можна знайсці ў Інтэрнэце [44]. Некалькі фрагментаў перакладзены таксама на нямецкую мову. Яны апублікаваны ў анталогіі польскай літаратуры эпохі Рэнэсансу [57, с. 43–46]¹.

Тым не менш наўрад ці можна разважаць пра нейкую значную даследчыцкую актыўнасць заходніх вучоных на ніве гусавіяны. У нямецкамоўнай акадэмічнай супольнасці Мікалай Гусоўскі застаецца пераважна *terra incognita*. Гэта акалічнасць сама па сабе здаецца дзіўнай, калі ўзяць пад увагу агульную цікавасць аўтараў да пытанняў «ідэнтычнасці» і «гібрыдных памежных зон». Цікава, што і К. Баквіс, і Г. Сегел, і названыя вышэй перакладчыкі адштурхоўваюцца ад тэзы, што «Carmen de bisonte» – польскі твор, для іх гэта бясспрэчна – гэтаксама, як для паляка Е. Крукоўскага ў яго манаграфіі 1959 г.

Як сведчыць зроблены намі агульны агляд даследчыцкай літаратуры, навуковая гусавіяна ў надзвычай высокай ступені абумоўлена ўплывам

¹ Яшчэ адзін фрагмент з паэмы «Песня пра зубра» разам з перакладам на нямецкую мову ўключаны ў анталогію Марціна Карэньяка, якая выйшла зусім нядаўна: Neulatein. Eine Textsammlung. Lateinisch-Deutsch / M. Korenjak (Hrg.). Stuttgart: Reclam, 2019. S. 342–349.

нацыянальных парадыгмаў, якія, падобна, прыводзяць не толькі да канкурэнцыі пры высвятленні прыналежнасці аўтара і яго тэкста, але таксама вызначаюць пазіцыі вучоных па тых ці іншых пытаннях. Да сённяшняга дня вядуцца дыскусіі адносна таго, да гісторыі якой нацыянальнай літаратуры належыць Мікалай Гусоўскі: да польскай ці беларускай. Не застаюцца ў баку ад гэтай дыскусіі і літоўцы, якія падрыхтавалі найноўшае навуковае выданне твораў паэта [29]: яно ўключае факсімільныя ўзнаўленні старадрукаў, пераклады на літоўскую мову і вялікі даследчыцкі артыкул.

Паколькі фактар лацінамоўнасці не спрыяе пэўнай нацыянальнай ідэнтыфікацыі, важкім аргументам робіцца вызначэнне месца паходжання творцы. Але і тут цяжка знайсці адназначнае рашэнне, паколькі біяграфічных крыніц амаль не захавалася. Не вызначаны дакладна нават год нараджэння і смерці; звесткі пра тое, што Гусавіян «нарадзіўся каля 1480 г.» або «памёр каля 1533 г.» – чыста гіпатэтычныя, пра што пісаў яшчэ Ян Пельчар [53, с. VII; 52, с. 1–2]. Шматлікія «факты» біяграфіі (як, напрыклад, юнацкія гады, праведзеныя ў лясках) былі рэканструявана выключна на падставе яго літаратурных тэкстаў. Магчымасць узнавіць факты біяграфіі на аснове тэкста Я. Парэцкі разглядае як штосьці цалкам натуральнае [10, с. 39 і далей]. В. Дарашкевіч у мэтах уключэння новалацінскага аўтара ў беларускі літаратурны канон стварыў нават сентыментальна-гераічную гісторыю яго жыцця і пакутаў [2, с. 132 і наст.]. Аўтары навейшых беларускіх даследаванняў выказваюцца больш асцярожна і крытычна [3, с. 309–311; 6, с. 74–75; 9, с. 134–135, 136], аднак беларускае паходжанне і самаўсведамленне паэта застаюцца неаспрэчным фактам. Так, напрыклад, для А. Жлуткі «Мікола Гусоўскі – глыбока беларускі паэт» [3, с. 354]. Падобным чынам, Ж. Некрашэвіч-Кароткая, аналізуючы розныя гіпотэзы, назапашвае ў сваім даследаванні аргументы на карысць беларускасці [9, с. 108–114], якія часткова паходзяць з тэкста (напрыклад, сцвярджэнне пра блізкасць Радзімы паэта да Дняпра і да Украіны [9, с. 110–111]). А. Лойка [7, с. 236 і далей] піша, з аднаго боку, пра тое, што «Песня пра зубра» належыць многім культурам (у тым ліку італьянскай, што, уласна кажучы, робіць неактуальнымі рамкі ВКЛ або Рэчы Паспалітай), з другога боку – пра «нацыянальную аснову» твора.

Месца паходжання аўтара можа быць рэканструявана пры дапамозе «прозвішча», якое перадавалася ў розных варыянтах; пры гэтым, аднак, можна браць пад увагу некалькі мясцовасцяў на тэрыторыі як сучаснай Польшчы, так і сучаснай Беларусі. Актуальны стан даследавання ў галіне гусавіяны

прадставіў з польскай перспектывы Мар’ян Хахай [21], з беларускай перспектывы – Ж. Некрашэвіч-Кароткая [9, с. 108–114].

З прадмовы паэта, змешчанай у першадруку 1523 г., бясспрэчна вынікае, што ён напісаў «Carmen de bisonte» ў Рыме па заказе Эразма Цёлка (*Erasmus Vitellius*) для Папы Льва X. Заклік у канцы паэмы, звернуты да пераемніка Льва X, дазваляе вызначыць час заканчэння працы над творам у прамежку паміж выбарамі новага Папы і прыбыццём Адрыяна VI у Рым: *post* 10 студзеня, *ante* 29 жніўня 1522 – пра гэта пісаў яшчэ Ян Пельчар [53, с. XIX–XX]. Магчыма, што пазней у Кракаве, дзе паэма пра зубра была ў рэшце рэшт надрукавана, Мікалай Гусоўскі меў пэўнае дачыненне да асобаў з атачэння каралевы Боны Сфорца, да якой ён звяртаецца ў прадмове. Калі гаварыць пра іншыя біяграфічныя крыніцы, то акрамя прадмоў да наступных твораў паэта, можна прыгадаць хіба што ліст Гусавіяна 1531, адрасаваны Яну Карнкоўскаму, Перамышльскаму біскупу, а таксама тэстаменты 1515 і 1518 гг., якія былі засведчаны нейкім (магчыма, «нашым») Мікалаем Гусоўскім [21, с. 251 і далей]. (Для Ж. Некрашэвіч-Кароткай магчымасць атаясамліванная натарыўса Гусоўскага з паэтам Мікалаем Гусоўскім не з’яўляецца дастаткова верыфікаванай [9, с. 114].) Тая акалічнасць, што Гусавіян верагодна выконваў службовыя абавязкі ў Перамышлі/Пшэмыслі, можна расцэнываць як аргумент на карысць паходжання паэта з Гусава або Гусовіі блізу Ланьцута ў Польшчы, размешчанага недалёка ад Перамшля; такой думкі прытрымліваўся Ян Пельчар [52, с. 1], яе ж падтрымлівае М. Хахай [21, с. 252]. У XVI ст. Перамышльскае біскупства адносілася да Польскай Кароны, аднак размяшчалася на тэрыторыі каталіцка-праваслаўнай кантактнай зоны, дзе пражывала шмат усходніх славян [35].

2. Замест лірычнай аўтабіяграфіі – напісаны па заказе палітычны твор

Вышэй згаданы Гусаў блізу Пшэмысля адпавядае абранай устаноўцы «Песні пра зубра» і спосабу самавыражэння наратара – але толькі калі чытач хоча бачыць ва ўсім гэтым рэальныя факты. Беларускія даследчыкі імкнуліся заўважаць у «Carmen de bisonte» выразны аўтабіяграфічны струмень. Так, В. Дарашкевіч прачытвае тэкст Мікалая Гусоўскага як аўтабіяграфічную споведзь [2, с. 130], «где главной доминантой является авторское „я“» [2, с. 152]. Гэтую споведзь вучоны класіфікуе як адзін з раннях узораў біяграфічнага жанра [2, с. 178]. Таксама і для А. Лойкі аўтабіяграфізм у паэме пра зубра адыгрывае цэнтральную ролю [7, с. 237–241].

Насамрэч, аднак, мы маем тут справу не з літаратурнай аўтабіяграфіяй, а з паэтычным творам, напісаным па заказу. У сувязі з гэтым змястоўныя прыярытэты паэмы Гусавіяна былі як мінімум часткова прадвызначаны, што, несумненна, у сваю чаргу, уплывала на канцэпцыю «я»-апавядальніка. У адрозненні ад рэальных аўтабіяграфічных вершаваных твораў – такіх, як «Жыццё Яна Дантышка» (*Vita Ioannis Dantisci*) або «Нашчадкам пра мяне самога» (*De se ipso ad posteritatem*) Клеменса Яніцкага, у якіх можна знайсці звесткі пра сям'ю, адукацыю, кар'еру, інфармацыя адносна асабістага жыцця Мікалая Гусоўскага ў паэме пра зубра пазбаўлена канкрэтыкі. Прадмова Гусавіяна да выдання 1523 г. [30, с. 7–10; 31, с. 4–7] таксама не адпавядае змястоўна аўтабіяграфічнаму вымярэнню: яна асвятляе прагматычны кантэкст, г. зн. акалічнасці ўзнікнення твора і тыя мэты, з якімі гэты тэкст ствараўся. (Тэрмін *прагматыка* я ўжываю тут у тым значэнні, у якім яго выкарыстоўвае аднайменная лінгвістычная субдысцыпліна, г. зн. маю на ўвазе такое выкарыстанне мовы/тэкста, якое *прывязана да канкрэтнай сітуацыі*).

Пасля агляду даследчыцкай літаратуры пяройдзем да характарыстыкі тэкста і арыгінальнага выдання. Першадрук паэмы Мікалая Гусоўскага на сённяшні дзень даступны шырокаму колу даследчыкаў. У якасці дыгіталізаванай копіі ён прадстаўлены на вроцлаўскім сайце *Dolnośląska Biblioteka Cyfrowa* [30]. Міхал Хапцяны ў сваім артыкуле падае больш дакладную інфармацыю адносна выданняў «Песні пра зубра». Згодна з яго звесткамі, на сённяшні дзень існуе не менш за 5 экзemplяраў першадруку [22, с. 113–114, 122]: акрамя вышэй згаданага экзemplяра ў Вроцлаве (з кнігазбору Нацыянальнага Інстытута імя Асаліньскіх, які ў 1947 г. быў эвакуіраваны з Львова), у Кракаве (з Бібліятэкі князёў Чартарыйскіх), у Санкт-Пецярбурзе (з Расійскай Нацыянальнай Бібліятэкі), ён выявіў яшчэ адзін экзemplяр у Цюрыху (у Цэнтральнай Бібліятэцы, з фондаў прыватнай бібліятэкі Конрада Геснера), а таксама ў Лондане (з Брытанскай Бібліятэкі). Інфармацыю адносна пецярбургскага асобніка падае І. С. Зверава. Як І. Зверава, так і Ж. Некрашэвіч-Кароткая канстатуюць, што пецярбургскі экзemplяр на сённяшні дзень адсутнічае ў фондах Расійскай Нацыянальнай Бібліятэкі, паколькі ў 1934 г. ён быў аддадзены ў Польшчу [4, с. 63], або ў 1928 г. «перададзены польскай камісіі» [9, с. 117]. Цалкам магчыма, што гэты асобнік, як многія іншыя старадрукі і рукапісы, што захоўваліся ў варшаўскіх архівах, быў наўмысна знішчаны пад час другой сусветнай вайны. Такім чынам, нам вядомы на сённяшні дзень чатыры асобнікі арыгінала «Песні пра зубра».

Храналагічна першае перавыданне «Песні пра зубра» было апублікавана ў 1855 г. у Санкт-Пецярбурзе. З нагоды 50-годдзя Імператарскага маскоўскага згуртавання даследчыкаў прыроды твор Гусавіяна быў перавыдадзены накладам 110 асобнікаў, прызначаных для абмежаванага кола чытачоў. Падставай для гэтага перавыдання быў прыгаданы «пецярбургскі» асобнік, які ў 1853 г. паступіў у фонды Іператарскай публічнай Бібліятэкі [4; 2, с. 84; гл. таксама: 58, 63 і наст.].

Першае навуковае перавыданне тэкста зрабіў Ян Пельчар у 1894 г. [31]; у нашым артыкуле гэтае выданне цытуецца побач з арыгіналам. Перадусім я прымаю прапанаваныя Я. Пельчарам спосабы расшыфроўкі скарачэнняў. Аднак тыя пунктуацыйныя змены, якія выдавец зрабіў пры публікацыі прадмовы, мала дапамагаюць у расчытанні тэкста. Таму цытаты ў артыкуле прыводзяцца ў асноўным паводле выдання Пельчара, аднак пры цытаванні прадмовы захоўваецца пунктуацыя арыгінала.

Як вынікае з прадмовы, паэма «Carmen de bisonte» была напісана па заказе мецэната – Эразма Цёлка, біскупа Плоцкага. Планавалася перадаць вершаваны твор рымскаму Папе Льву X разам з чучалам зубра (*effigies bisontis, quet nos zubrum vocamus, impleta feno pelle* [30, с. 7 п. н.; 31, с. 4]). Гэтыя падарункі былі хутчэй за ўсё часткай пэўнай дыпламатычнай задумы Цёлка, які прыбыў да папскага стальца ў 1518 г. як дыпламат ад польскага караля і вялікага князя літоўскага. Аднак у 1521 г. кароль Жыгімонт Першы вызваліў Эразма Цёлка ад дыпламатычных абавязкаў з прычыны канфлікту ў сувязі з намаганьнямі біскупа дабіцца кардынальскай пасады; пасля гэтага біскуп працягваў заставацца ў Рыме як бы ў прыватным парадку [50, с. 96–97, 96; 31, с. 98–99, спасылка 7].

Сфармуляваны ў тэксце і адрасаваны Папу палітычны заклік – падтрымаць стварэнне хрысціянскай кааліцыі ў сітуацыі турэцкай пагрозы – павінен быў нейкім чынам спалучацца з патрэбаю адрасата ў забавах. Кропкай судакранання гэтых дзвюх адрозных тэм паслужылі паляўнічы запал і прыхільнасць да экзотыкі: у гэтым Папа з роду Медзічы быў падобны да рэнесансных арыстакратаў.

Аб’ёмісты тэкст паэмы (1072 радкі), напісаны элегічным двувершам, спалучае ў сабе два тэматычныя накірункі. З аднаго боку, паэт, у адпаведнасці з заяўленым тытулам, распавядае пра зубра: як ён выглядае, як паводзіць сябе; акрамя таго, у паэме прадстаўлены спосабы палявання на зубра і паляўнічыя анекдоты [наконт магчымых традыцый жанру гл.: 36, с. 17–36]. З іншага боку,

у паэме ёсць адступленні гісторыка-краязнаўчага характару, якія дазвалялі больш лагічна ўвесці ў тэкст палітычныя звароты да князёў. Акрамя таго, робяцца таксама экскурсы іншага зместу. Гэтыя наўмысныя, часам рэзкія пераходы ад адной тэмы да другой, якія не падпарадкоўваюцца строгай логіцы навукова-папулярнага наратыву, сведчаць, што «Песня пра зубра» ўсё ж такі была задумана як літаратурны тэкст.

«Песню пра зубра» нельга лічыць ні навуковым сачыненнем кшталту вядомага твора Мацея Мяхоўскага «*Tractatus de duabus Sarmatiis*», ні праграмным палітычным маніфестам кшталту тых прамоў, з якімі Эразм Цёлак выступаў у 1501, 1505 і 1518 гг. перад пантыфікам, а таксама перад сходам (рэйхстагам) Свяшчэннай Рымскай Імперыі германскай нацыі і якія публікаваліся ў Рыме, Вене альбо Базелі [гл.: 20; выданні тэкстаў прамоў: 61, с. 277–280; 300–302]. «*Carmen de bisonte*» прадстаўляе чытачу інфармацыю пра невядомы рэгіён і мае выразную апелятыўную накіраванасць. Разам з тым, тэкст паэмы арыентаваны на тое, каб зрабіцца прыемным чытаннем для патрабавальнай італьянскай публікі. З гэтым звязана наяўнасць у тэксце драматычных паляўнічых прыпавесцяў (радкі 559 і наст., 855 і наст., 887 і наст.), а таксама вельмі жорсткіх сцэн адзінаборства, у якіх, напрыклад, разарваныя рагамі зубра часткі цела падаюць дажджом чалавечага мяса (радкі 595–597). Калі чучала зубра было аб'ектам візуальнага захаплення, то літаратурны твор «для забавы» разглядаўся як адэкватная форма лабіравання сваіх інтарэсаў.

Такім чынам, прадуктыўнае даследаванне твора, хутчэй за ўсё, павінна быць сканцэнтравана не столькі на спробах «ухапіць» рэальнага аўтара і знайсці выраз яго патрыятычнай свядомасці ў літаратурным тэксце, колькі на герменеўтычным падыходзе, калі даследчык інтэрпрэтуе тэкст зыходзячы з яго прагматыкі. У гэтым сэнсе я далучаюся да меркавання Ежы Аксера [13, с. 5], які выступаў за перамяшчэнне перспектывы з пытанняў нацыянальнай атрыбуцыі да функцыі тэкста ў створанай Гусавіянам «палітыка-прапагандысцкай прэзентацыі» (*political propaganda show*); праўда, сам даследчык так і не ажыццявіў падобнага даследавання.

Нават на класічнае пытанне адносна «этнічна-нацыянальнай» прыналежнасці паэта можна паспрабаваць адказаць зважаючы ў тым ліку на агульнавядомыя абставіны стварэння тэкста, а таксама на той творчы намер, які ўзнік у сувязі з атрыманнем заказу; гэтыя абставіны канкрэтна пазначаны ў прадмове. Ідэнтыфікацыйная прыналежнасць як наратара, так і апісанай прасторы пазначаецца рознымі маркерамі і не звязваецца з нейкімі ўзаемавыключнымі

намінацыямі, што ў кантэксте дыпламатычнага праекту выглядала пераканаўча. Пра неаднастайнасць намінацый сцісла піша С. Кавалёў [6, с. 75]. Спалучэнне «раксанскіх» кніг, літоўскіх лясоў і самавызначэння «паляк» прыцягнула таксама ўвагу Ж. Некрашэвіч-Кароткай [9, с. 104], якая выступае за прыналежнасць тэкста і *яго аўтара* да гісторыі некалькіх еўрапейскіх літаратур. Разам з тым, нягледзячы на гэтую заўвагу, для Ж. Некрашэвіч-Кароткай канцэптуальна Гусавіян застаецца беларускім аўтарам. Я, са свайго боку, свядома імкнуся да таго, каб пазбегнуць неабходнасці ідэнтыфікаваць паэта ў яго прыналежнасці да адной з *сучасных* нацый; мая задача – інтэрпрэтаваць тэкст Гусавіяна ў кантэксте таго гістарычнага перыяду – першай чвэрці XVI ст. Накогул, калі мы будзем весці гаворку пра «біяграфію» наратара, то можам мець на ўвазе толькі пэўную літаратурную канструкцыю, якая дапамагала рэалізаваць творчую задуму ў выпадку заказнога твора.

Калі разглядаць «Carmen de bisonte» не як пазбаўлены кантэксту мастацкі твор, а як акт камунікацыі, які ўключае ў сябе інстанцыі «адправіцеля» і «атрымальніка», то ў гэтым выпадку ў цэнтры ўвагі акажацца аспект пераадрасацыі тэкста. Пасля таго, як у 1521 г. раптоўна памёр Папа Леў X, а ў 1521 г. – і сам заказчык Эразм Цёлак, вершаваны тэкст быў надрукаваны ў 1523 г. у Кракаве з прысвячэннем польскай каралеве і вялікай княгіні літоўскай Боне Сфорца. Гэтая акалічнасць згадваецца ледзь не ў кожнай даследчыцкай працы, аднак яе значнасць належным чынам не ацэньваецца. В. Дарашкевіч, напрыклад, звяртае ўвагу на адрозненне паміж замежным і айчынным успрыняццём паэмы, аднак пры гэтым разважае пра два ўзроўні прачытання, якія адначасова прысутнічаюць у тэксте. На думку даследчыка, інфармацыя пра зубра, краіну і культуру прызначалася для іншаземцаў, крытычная ацэнка палітычных зносін і абгрунтаванне «принципов реалистического отражения мира» – для суайчыннікаў [2, с. 157]. Я. Парэцкі падкрэслівае адрозненне паміж рымскім перыядам творчасці, калі паэт звяртаўся да замежных чытачоў, і кракаўскім, калі ён пісаў для «суайчыннікаў» (беларусаў?) [10, с. 24–25]. Пры гэтым ён не бярэ пад увагу тыя змяненні ў акце камунікацыі, якія адбываюцца з прычыны апублікавання твора ў Кракаве. Мяркую, што ў рэчаіснасці вынік пераадрасацыі і публікацыі ў Кракаве (а не ў Рыме) быў зусім іншым.

З тэкста паэта-чужаземца (у той час іншаземца па-лацінску прынята было называць *barbarus*), які распавядаў італьянскаму чытачу пра экзотыку польска-літоўскай дзяржавы, «Песня пра зубра» пераўтварылася ў тэкст

суайчынніка, які піша пра родны (таксама і для чытачоў) «усходні» край. У наступных частках артыкула мы яшчэ вернемся да пытання, хто быў зацікаўлены ў гэтай кнізе, апублікаванай у Кракаве, высветлім таксама, якія чытачы мелі магчымасць яе атрымаць і нарэшце ўсталюем, хто атрымаў гэту кнігу рэальна.

3. Гібрыдная арбіта

Апавядальнік, які прамаўляе ад першай асобы, пераконвае чытача, што ён быццам бы паходзіць з таго самага краю, што і зубр; прычым гэты край апісваецца ў «Carmen de bisonte» з пункту гледжання яго геаграфічнай, палітычнай і культурнай прыналежнасці пры дапамозе разнастайных маркераў, якія накладваюцца адзін на другі. Некаторыя звесткі вельмі неканкрэтныя. Так, напрыклад, у дачыненні да геаграфічнай прасторы, асабліва на пачатку тэкста, настойліва прымяняецца азначэнне «паўночны»: па-лацінску гэта найчацей *arctous* (радкі 9, 18, 82, 119, 383, 389, 477, 981), адзін раз – *hyperboreus* (радок 45). Ужыванне гэтых эпітэтаў адпавядае традыцыі старажытнагрэчаскіх географіаў, а таксама тым спосабам лакалізацыі, якія ўжываліся ў паэзіі з разлікам на рымскую публіку, на якую першапачаткова арыентаваўся Гусавіян, г. зн. лакалізацыі «на поўнач ад Італіі». Сярод «паўночных лясоў», «лясных раўнін» і «пералескаў» сустракаецца адзінае канкрэтнае пазначэнне мясцовасці – антычны гідронім *Borysthenes* (Днепр), які ў 1520 гг. працякаў па цэнтральных землях ВКЛ. Паэт піша: *altumque Borysthenis alveum / tranabam* (і глыбокае рэчышча Барысфена / пераплываў я; радкі 137–138). Насамрэч Днепр быў адным з найважнейшых гідранімічных топасаў у літаратурных ландшафтах XVI ст. [гл.: 48, с. 37–38].

Наступны ідэнтыфікатар – *litphanus*, г. зн. ‘літоўскі’, ‘прыналежны Літве’. Варыянт *litphan** з дыграфам *ph* мог быць арыентаваны на пэўнае (славянскае?) вымаўленне (польск. *Litwa*, рус., беларус. і ўкр. *Ли/ітва*), але найперш ужыты ў сувязі з метрычнымі патрабаваннямі: -и- у слове *lithuanus* – кароткі галосны, і такім чынам, кароткі склад (які таксама не з’яўляецца пазіцыйна доўгім) стаіць паміж двума доўгімі, што ў выпадку гекзаметра недапушчальна¹. У прысвячэнні кнігі «Carmen de bisonte» ўжываецца больш частотная форма *Lithuania* [30, с. 7 п. н.]. Тым часам вершаваны тэкст паэмы прэзентуе тры фрагменты, у якіх прадстаўлена форма *Litph**. Яна ўжываецца ў тых кантэкстах, дзе размова ідзе пра сучасную паэту геаграфічную лакалізацыю:

¹ Заўвага Міхаіла Позднева.

Litphanis... silvis [у літоўскіх лясах] (радок 51), *Litphanis venatibus* [на літоўскіх ловах] (радок 141), *Litphana... Regione* [у літоўскім краі] (радок 319). Тут для супастаўлення не лішне будзе ўзгадаць верш Конрада Цэльтыса пра Віслу (*Amores* I, 15), у якім сустракаецца антычны тапонім: у ім згадваюцца зубры, якія гарэзуюць у «герцынійскіх» лясах.

Чацвёртае сведчанне ўтрымлівае ў сабе намёк на пэўную палітычную структуру: вялікі князь Вітаўт, які памёр у 1430 г., названы *Litphanae princeps... regionis* [валадар Літоўскага краю] (радок 666). Разам з тым, пры звароце да валадара-сучасніка, Жыгімонта I, паэт ужывае выраз *patriae pater* [айцец Айчыны, радок 509]. Гэты тытул, запазычаны з антычнасці, не звязаны ні з якім канкрэтным тэрытарыяльным аднясеннем і не адмаўляе ніякага іншага валадарнага тытула (кароль Польшчы, вялікі князь Літоўскі). Дакладнага азначэння паэт пазбягае і ў характарыстыцы дзяржавы як каралеўства або княства – ён можа мець на ўвазе і тое, і другое. У 1008 радку, дзе прыгадваюцца скаргі, ідзе гаворка пра *Publica res*, «пра дзяржаву» (гэты агульны выраз зробіцца тэрмінам пасля 1569 г.).

Акрамя чатырохразова ўжытага эпітэта «літоўскі», у «Песні пра зубра» двойчы ўжываецца прыметнік «польскі». Першы раз ідзе гаворка пра польскую зямлю, якая гадуе ў сваіх лясах дзікіх тураў (гэта другі тып дзікіх рагатых жывёл, выпадкова згаданы ў тэксце): *Nil fuit... atrocius uris, / Quos alit in silvis terra Polona suis* (радкі 83–84). Перад намі такое геаграфічнае паведамленне, якое з пункту гледжання свайго сігніфікацыйнага патэнцыялу практычна не адрозніваецца ад выразу *Litphanis... silvis*. У лясных масівах абедзвюх краін магчыма было сустрэць падобнага зверу, у сувязі з чым азначэнні «польскі» і «літоўскі» збліжаюцца. А. Жлутка і Ж. Некрашэвіч-Кароткая прыводзяць вышэй згаданую цытату, аднак не прапануюць ніякай інтэрпрэтацыі [3, с. 310–311; 9, с. 160]. А вось другое ўжыванне эпітэта «польскі» стала тым самым згаданым вышэй момантам, ключавым для нацыянальнай ідэнтыфікацыі (радкі 119–120), які падлягае маніпуляцыям у класічных перакладах на беларускую і рускую мовы (пра што ішла ўжо размова вышэй). Апавядальнік у тэксце (у выпадку аўтабіяграфічнага прачытання гэта аўтар) называе сябе ў арыгінале палякам:

In nemus arctoum, quamvis scriptoribus impar
Romanis, certe hac arte, Polonus eo.

У паўночную пушчу, хоць і не роўны рымскім пісьменнікам,
я, паляк, іду, дасведчаны ў гэтым рамястве <паляванні>.

Ж. Некрашэвіч-Кароткая справядліва звяртае ўвагу на гэты прыклад і прызнае вельмі ўдалым выраз украінскага перакладчыка Андрэя Садаморы – «житель Полонії».

Тыя даследчыкі, якія ўключаюць Гусавіяна ў гісторыю польскай літаратуры, знаходзяць у гэтых словах жаданае пацверджанне этнічнай прыналежнасці; тыя ж, якія хочуць уключыць яго ў беларуска-літоўскі пантэон, інтэрпрэтуюць гэты фрагмент як выраз дзяржаўнай прыналежнасці [2, с. 77; 9, с. 142]. Аднак у самім тэксце не ідзе гаворка пра апазіцыю Польшчы і Літвы; тут мае значэнне пазіцыянаванне наратара ў адносінах да *scriptores Romani*, «вельмі дасведчаных» у літаратурных справах, з чым пагаджаецца таксама Ж. Некрашэвіч-Кароткая [9, с. 142]. Наратар параўноўвае тут сябе з рымскімі пісьменнікамі антычнага і постантычнага перыяду – такімі, як, напрыклад, згаданы ў 111 радку аўтар перыяду каралінгскага адраджэння Павел Дыякан. Іх ведам Гусавіян супрацьпастаўляе свой больш дасканалы эмпірычны досвед. *Polonus* пазначае прыналежнасць да пазнейшай культурнай парадыгмы, да лацінамоўнага ранняга Рэнэсансу, які сфарміраваўся ў Кракаве, у той час як Вільня пераўтварылася ў падобны культурны цэнтр пазней. Такой інтэрпрэтацыі адпавядае пераклад слова *Polonus* як «польскі (паэт)», прапанаваны А. Жлуткам [3, с. 310]; праўда, такі спосаб перакладу не прыводзіць беларускага філолага да новай даследчыцкай ідэі.

З фарматам «польскай» гуманістычнай ідэнтыфікацыі стасуецца і тое, што хаця «я»-апавядальнік і расказвае пра свой паляўнічы досвед, здабыты ў паўночных лясах (121 і далей), пра час, якім ён ахвяраваў у маладыя гады, выдаткаваўшы яго на ловы і іншыя справы замест вучоных заняткаў (95–96), аднак наратар адначасова дыстанцыянуецца ад такога спосабу самавызначэння. Яго цяперашняе жыццё напоўнена літаратурнымі і навуковымі заняткамі, якія ён раней недаацэньваў (радкі 97–100). У іншым фрагменце паэт прызнаецца, што ён ахвотна пазбегнуў бы такіх небяспечнасцяў, як пераплаванне Барысфена/Дняпра разам з канём, калі б толькі гэта не лічылася ганьбай (радкі 139–140). Наратар не скрывае, што і на яго зубр нярэдка нагнаў вялікі страх, у выніку чаго *plebs inimica* (варожа настроены «прасталюд») пляваў услед яго ганебным уцёкам (вершы 19–20). Алесь Жлутка [3, с. 312–313], у сваю чаргу, звяртае ўвагу на цытату з выразам *plebs inimica*, вырашаючы пытанне, ці належаў паэт да шляхецкага саслоўя. Даследчык не бачыць у тэксце дыстанцыянавання паэта ў адносінах да «прасталюду»; на яго думку, з народа-калектыву выпадае толькі пан Лаўрын [3, с. 323].

Прымаючы пад увагу сказанае вышэй, я прапаную ў межах гэтага артыкула іншую інтэрпрэтацыю, адзначаючы, што на дыстанцыянаванне паэта ў адносінах да простага народа ўказвала Ж. Некрашэвіч-Кароткая [9, с. 136]. Аднак, на маю думку, важна тое, што з дапамогай гэтага дыстанцыянавання фарміруецца ўяўленне пра цывілізацыйныя «разрывы» паміж наратарам і народам. Пры гэтым у адносінах да наратора замест спрадвечнага ўяўлення пра «жыхара поўначы» фарміруецца вобраз паланізаванага літаратара, для якога ідэнтычнасць «варвара» з'яўляецца ў пэўнай ступені чужой. Незалежна ад (невядомых даследчыкам!) рэальных акалічнасцяў жыцця паэта гэтыя біяграфічныя развагі вынікаюць з самой логікі тэкста: «літвін», які палное на зубраў і пераплывае рэкі, наўрад ці мог бы склацаць у Рыме лацінскія вершы.

Да маркераў літвінскасці і польскасці далучаецца яшчэ адна – трэцяя – стратэгія ідэнтыфікацыі. У вельмі часта цытаваным фрагменце, дзе робіцца агляд наяўных у літаратуры апісанняў зубра (*bison*), якія, аднак, рэзка супрацьпастаўляюцца аўтэнтычнаму досведу (радкі 67–116), побач з заходнееўрапейскімі ведамі згадваецца іншая традыцыя (радкі 73–76):

Multa ego Roxanis legi antiquissima libris,
Quorum sermonem Graeca elementa notant,
Quae sibi gens quondam proprios adscivit in usus
Et patrios apte miscuit ipsa sonos.

Я прачытаў вельмі шмат пра старажытнаць у раксанскіх кнігах,
мову якіх пазначаюць грэчаскія літары,
якія народ калісьці засвоіў для ўласнага выкарыстання
і спрытна прыладзіў да іх айчынныя гукі.

Азначэнне «раксанскі» пазначае ў паэме тэксты кірылічнага шрыфту з усходнеславянскага рэгіёну. Той этнонім, які ўжывае Гусавіян, неправамерна было б атаясамліваць з тэрмінамі «Ruthenus», «Russus», якія часта сустракаюцца ў крыніцах XVI ст. і адпавядаюць азначэнню «рускі» ў беларускай мове. У гэтым выпадку мае значэнне тая акалічнасць, што ўсходнія славяне, якія называлі *самі сябе* русінамі-русамі, жылі і ў Польскім Каралеўстве, і ў Вялікім Княстве Літоўскім, і ў Маскоўскай дзяржаве. Таму заслугоўвае больш дэтальвага вывучэння пытанне, да каго дакладна прымяняліся вышэй згаданыя тэрміны. Варта, акрамя таго, прыняць пад увагу, што «Carmen de bisonte» першапачаткова была напісана для чытацкай публікі ў Рыме, таму тэкст арыентаваўся на тыя папярэднія веды, якія былі засвоены менавіта ў Італіі. Для параўнання я прыцягваю тут тры тэксты, якія дапамогуць мне высветліць пытанне, дзе мог

Гусавіян размяшчаць сваю «Раксаланію»/«Раксанію». Гэтыя крыніцы зноў жа прадстаўляюць неадназначную, супярэчлівую інфармацыю.

З апублікаванай у 1525 г. паэмы Мікалая Гусоўскага «De vita et gestis Divi Нуасінці» (*Пра жыццё і подзвігі святога Гіяцынта*) чытач даведваецца, што святы перасёк рэчышча Барысфена/Дняпра (радкі 213–216) у тых мясцінах, дзе распасцёрліся землі плоднай Раксаніі (*Roxania*), і адтуль падаўся ў Кіеў [31, с. 74]. Гэта значыць, што «Раксанія» павінна знаходзіцца ў (паўднёва-) заходнім накірунку ад Маскоўскага княства. Такая лакалізацыя супадае ў асноўных рысах з інфармацыяй Мацея Мяхоўскага (*Tractatus de duabus Sarmatiis*), які праводзіць адрозненне паміж Русіяй/Раксаланіяй (*Russia/Roxolania: Tractatus II, I-1: «Russia, olim Roxolania dicta»*) і Масковіяй (*Moskovia: Tractatus II, II-1*) [8, с. 172, 94]. Сталіцай Русіі/Раксаланіі ён называе, аднак, Львоў (*Leopolis*) [8, с. 173, 95]; магчыма, у гэтым выпадку пісьменнік мае на ўвазе вобласці гістарычнай Чырвонай Русі (*Rus Czerwona*), якія належалі Каралеўству Польскаму. Пікаламіні атаясамлівае ў главе XXVII свайго трактата (раздзел 94) русінаў (*Rutheni*) з тым народам, які ў Страбона завецца раксанамі (*Roxani*) (*Rutheni, quos appellare Roxanos Strabo uidetur*) [54, с. 118]; гэта вытлумачвае, адкуль мог запазычыць Гусавіян свой тэрмін. Паводле звестак пісьменніка, раксаны перамяшаліся з літоўцамі, а самы вялікі іх горад Пікаламіні называе *Nogardia* [54, с. 118]. Тут можа мецца на ўвазе сучасны горад у Беларусі Навагрудак або Ноўгарад (Вялікі) у Расіі, прычым другі варыянт уяўляецца больш верагодным. У трактаце Пікаламіні згадваюцца *theotonic mercatores*, якія прыезджалі ў *Novgardia*; але менавіта Ноўгарад (Вялікі), а не Наваградак (Літоўскі) быў добра вядомы ў Еўропе і лічыўся вялікім горадам з прычыны сваёй значнасці для Ганзейскага гандлёвага саюза. *Russia* Пікаламіні знаходзіцца, такім чынам, далей у паўночным і ўсходнім кірунку, а таксама па абодва бакі ад мяжы паміж Літвой і Масковіяй. Мяхоўскі піша пра старажытных раксаланаў як пра народ, які ў яго час ужо не існаваў [8, с. 172, 94]. Такім чынам, старажытныя і «сучасныя» этнонімы накладваюцца адзін на другі, што яшчэ больш ускладняе задачу дакладнай лакалізацыі той краіны, якая ў лацінскіх крыніцах пазначана як *Roxania/Russia*.

Незалежна ад таго, ці маюцца на ўвазе ў «Песні пра зубра» пад «раксанскімі» крыніцамі нейкія рэальныя трактаты, якія паходзілі з Львова, Кіева, Ноўгарада або іншых усходнеславянскіх зямель, ці, магчыма, згадка «раксанскіх» крыніц – усяго толькі літаратурнае вынаходніцтва аўтара, як лічыць Клод Баквіс [15, с. 16], – у любым выпадку апавядальнік імкнецца такім чынам атрымаць доступ да іншай пазнаваўчай парадыгмы. Да той культурнай

ідэнтычнасці, якую паэт фарміруе для свайго *alter ego* ў мастацкім тэксе, дадаюцца такім чынам таксама пэўныя ўсходнеславянскія кампаненты.

Роля ўплыву ўсходнеславянскага праваслаўя ў культуры ВКЛ была немаляважнай; паказальная ў гэтым сэнсе характарыстыка моўнай сітуацыі, якую біскуп Эразм Цёлак прадставіў у сваёй прамове ў 1501 г. [61, с. 278]. Русінская мова (менавіта так нейтральна і абагульнена называюць у заходняй гуманістыцы агульнаўжывальную старабеларускую/стараўкраінскую мову) выкарыстоўвалася ў ВКЛ як мова пісьменства; на ёй складаліся найважнейшыя афіцыйныя дакументы, а таксама літаратурныя тэксты [24, с. 439–443].

На фоне пазнейшай самаідэнтыфікацыі палякаў як сарматаў, пра якіх пісалі антычныя географы, а таксама з перспектывы легенды пра Палямона, рэlevantнай для арыстакратаў ВКЛ, звяртае на сябе ўвагу тая акалічнасць, што ў «Carmen de bisonte» яшчэ не прадстаўлены падобныя супастаўленні; той народ, пра які ідзе размова, не дастасоўваецца намінацыйна да антычнай тэрміналогіі. Мацей Мяхоўскі ў сваім «Трактаце пра дзве Сарматыі» 1517 г. таксама не прадпрымае спробаў ідэнтыфікаваць этнас, да якога ён належыць: у яго палякі не атаясамліваюцца з сарматамі [41, с. 362].

Што ж да паэмы Мікалая Гусоўскага, то ў ёй двойчы ўжываецца прыметнік «скіфскі», прычым у семантычным кантэксце, звязаным са зброяй і вайной. Адзін раз гаворка ідзе пра скіфскія стрэлы, якія ўтыкаюцца ў цела зубра (*Scythicis equitum figenda sagittis* – каб быць праткнутым скіфскімі стрэламі вершнікаў; радок 807); другі раз – пра каралёў, якія прызвычаліся перамагаць жалезнай зброяй скіфскія атрады (*Utque solent Scythicas ferro versare catervas, / Dum populi spectant bella cruenta sui, / Sic etiam miscentur equo venantibus acri* – Падобна таму, як яны <каралі. – М. Р.> прызвычаліся перамагаць жалезнай зброяй скіфскія атрады, / а іх народы пры гэтым глядзяць на крывавыя войны, / так далучаюцца яны на гарачым кані да паляўнічай дружыны; радкі 503–505). З сэнсу другога фрагмента вынікае, што пад скіфскімі атрадамі, якія былі пераможаны (*versare*), гаворка ідзе пра адбітых ворагаў. У гэтым выпадку «мы-група», або група «сваіх», супрацьпастаўляецца скіфам (пад апошнімі ж могуць мецца на ўвазе або туркі ці татары, або маскавіты). Аднак скіфскія стрэлы перайшлі ва ўласны ўжытак і пачалі прымяняцца таксама на ловах. Гэта нагадвае пра асваенне асманскага ўзбраення ды адзення, якія зрабіліся нязменным атрыбутам пазнейшай «сама-сарматызацыі» польскай арыстакратыі. Тэрмін «сама-сарматызацыя» я ўжываю па аналогіі з выразам Дзірка Уфельмана «сама-арыенталізацыя» ў дачыненні да славянскіх краін. Даследчык

тэарэтычна класіфікуе сарматызм як дамадэрную пазітыўную самаарыенталізацыю (*Pre-Modern Positive Self-Orientalization*) [60, с. 325].

На фоне прагматычнага функцыянальнага кантэксту – дыпламатычнай місіі, якая прадстаўляла інтарэсы караля і вялікага князя, а таксама федэратыўнай дзяржавы і паўднёва-ўсходніх зямель пад пагрозай ваеннай агрэсіі, – такія разнастайныя стратэгіі ідэнтыфікацыі не пярэчаць адна другой, а іх супадзенні выкліканы свядомай воляй аўтара (і яго заказчыка). Апавядальнік – літвін (па паходжанні ў геаграфічным сэнсе), але паляк (у культурных адносінах), ён вызначаецца «раксанскімі» (паводле крыніц ведаў) і «скіфскімі» (паводле зброі) уплывамі. Ён рэпрэзентуе пэўную прастору ва ўсходняй частцы Рэчы Паспалітай, але пры гэтым не ўжывае ў дачыненні да гэтай часткі наймення *Magnus ducatus*, не прыбягае да экспліцытнага азначэння насельнікаў гэтага краю – *Lithuani* або *Rutheni*, – каб вылучыць іх з польска-літоўскага саюзу, заключанага ў выніку персанальнай уніі. Нельга таксама ігнараваць тую акалічнасць, што разнастайныя маркеры ў тэксце першапачаткова адыгрывалі асаблівую ролю: яны павінны былі прадставіць меркаваным чытачам (з Рыма) зразумелае для іх, магчыма, спрошчанае ўяўленне пра тое, што мелася на ўвазе [пар.: 3, с. 310].

У пазнейшых тэкстах Гусавіяна, у супрацьлегласць паэме пра зубра, перспектыва паступова робіцца ўсё больш польскацэнтрычнай. Так, у выданні «Новая і дзівосная перамога над туркамі» (*Nova et miranda victoria de Turcis*, апубл. у 1524 г.) [31, с. 48–55] у радку 169 адзін з «літоўскіх жаўнераў» прыгадвае шматлікіх забітых ворагаў (*Sunt etiam multi Litphano milite lapsi*). Разам з тым, двойчы з'яўляецца *Polonus*: у папярэдніх чатырох радках распавядаецца пра маленькае польскае войска (*pauca Polona manus*), якое здабыло перамогу, а ў радку 149 інстанцыянальны наратар звяртаецца да палякаў (*precor et moneo, perpendite... Poloni*), каб яны разглядалі гэтую перамогу як вынік Божай ласкі. У прадмове Гусавіяна да паэмы «De vita et gestis Divi Нуасінці» (надр. у 1525 г.) [31, с. 56–97] ідзе гаворка пра ўмацаванне «польскай справы» (*rem Polonam*) [31, с. 58] дзякуючы заслугам святога Гіяцынта як хрысціянскага місіянера. Літвіны і русіны прадстаўлены ворагамі польскай «мы»-групы ў тым супрацьстаянні, якое пачалося пасля яго смерці (г. зн. у 1257 г.) [31, с. 59]. Уласна паэтычны тэкст неаднаразова прэзентуе ўжыванне тэрміна «Polonus» (радкі 20, 38, 43).

Алесь Жлутка замоўчвае гэтую акалічнасць, калі пераходзіць ад «Песні пра зубра» да іншых твораў паэта [3, с. 343 і далей]. Ж. Некрашэвіч-Кароткая

прыводзіць «літоўска-польскія» цытаты з «Новай і дзівоснай перамогі над туркамі», але не аналізуе іх падрабязней. Пра гераізм «літвінскага воіна» (*militis Lithuani*) даследчыца разважае ў кантэксте польска-літвінска-раксанскай сумесі [9, с. 104]. Адносна інтэрпрэтацыі гэтай непаслядоўнай самаідэнтыфікацыі я пагаджаюся з Маціасам Ніндарфам: робячы агляд крыніц у сваёй манаграфіі, ён указвае на нізкую рэlevantнасць інфармацыі пра рэальнае паходжанне [49, с. 57]. Паводле яго назіранняў, у сачыненнях *пэўнага* аўтара можна выявіць канкурыруючыя выразы ідэнтычнасці або ляальнасці; яны спасцігаюцца пераважна з тых паведамленняў, якія звязаны ў той ці іншай ступені з заказчыкам.

4. Арыентацыя на замежнага адрасата: сведчанне супраць Пікаламіні

Прагматыка тэкста дазваляе таксама па-новаму зірнуць на тыя інфармацыйныя блокі краязнаўчага і гістарычнага характару, якія ўплецены ў сюжэт гісторыі пра зубра і якія ўяўляюць сабой не толькі прызнанні ў любові да беларускіх (або польскіх) лясоў. Пры гэтым неабходна, як ужо было сказана, разглядаць «Carmen de bisonte», з аднаго боку, як тэкст, скіраваны да Рымскага Папы (і іншых замежных інтэлектуалаў), з іншага боку, як твор, прысвечаны каралеве Польшчы і вялікай княгіні Літвы. Калі гаварыць пра першасную, «замежную» камунікацыйную сітуацыю, задача паэта заключалася ў тым, каб пры дапамозе паэтычнай прэзентацыі зубра заваяваць дзеля ўласных інтарэсаў прыхільнасць тых асобаў пры свяшчэнным (папскім) стальцы, ад якіх залежала прыняцце важных палітычных рашэнняў. Каб атрымаць ваенную падтрымку ў супрацьстаянні туркам, мэтазгодна было сфарміраваць пазітыўнае ўспрыняцце рэгіёна і яго жыхароў. Тэкст Гусавіяна несумненна знаходзіцца ў апазіцыі да таго негатыўнага вобраза, які з усёй відавочнасцю паўставаў у геаграфічна-этнаграфічных сачыненнях уплывовага гуманіста (пазней – Папы Пія II) Энея Сільвія Пікаламіні [19, с. 29–31]; яго пераемнік на троне (Папа Леў X) мог ведаць гэтыя сачыненні. Агульнавядомыя звесткі ўтрымліваюцца ў апісанні Еўропы аўтарства Пікаламіні (*De Europa*, 1458), дзе аўтар прысвяціў асобны раздзел палякам і асобны – літвінам. Параўнанне «літоўскага» (XXVI) раздзела ў яго сачыненні з паэмай «Песня пра зубра» дае зразумець, што Мікалай Гусоўскі фарміраваў сваю выяву ўсходніх зямель наўпрост насуперак нарысам Пікаламіні.

Пытанне пра суадносіны паміж «Песняй пра зубра» і сачыненнямі Пікаламіні зусім не абмяркоўвалася ў даследчыцкай літаратуры, прысвечанай Мікалаю Гусоўскаму. Ала Бжазоўска, якая разглядала вобраз Польшчы

ў трактаце Пікаламіні [19, с. 29–31], выявіла, што праўда, відавочныя паралелі паміж паэтычнай прэзентацыяй Вітаўта ў тэксце Гусавіяна і ў прамове Эразма Цёлка, звернутай да Папы Аляксандра VI у Рыме ў 1501 г. [20, с. 35–36; 19, с. 32]. Аднак даследчыца не праводзіць ніякіх паралеляў паміж сачыненнямі Пікаламіні і паэмай «Carmen de bisonte».

Біскуп Цёлак выступаў перад пантыфікам з вышэй згаданай прамовай як прадстаўнік Аляксандра (вялікі князь з 1492 г., з 1501 г. – кароль Польшчы; памёр у 1506 г.). Адносна біскупа Цёлка вядома, што пасля вучобы ў Кракаве ён пачаў рабіць кар’еру ў Літве ў якасці сакратара Аляксандра; такім чынам, у адрозненні ад Мікалая Гусоўскага, біяграфічная сувязь з рэгіёнам з’яўляецца для біскупа бяспрэчнай. Прамова Цёлка адыгрывала важную пасрэдніцкую ролю: праз яе спасцігаецца пазітыўны вобраз, які імкнуўся сфарміраваць Цёлак, прадстаўнік «літоўскіх» інтарэсаў. Гусавіян, у сваю чаргу, пераўвасабляе гэты вобраз у сваім напісаным на заказ творы. «Carmen de bisonte» прэзентуе замяшчэнне негатыўных топасаў з геаграфічна-этнаграфічных сачыненняў Пікаламіні і пры гэтым выяўляе вялікі рытарычны спрыт і талент, а таксама пачуццё гумару аўтара.

Пікаламіні расказвае пра палякаў, што хаця іх краіна багатая збожжам, хатняй жывёлай і дзічынай, аднак бедная на срэбра і золата (§ 87) [54, с. 112]. Літвіны, згодна з інфармацыяй пісьменніка, маюць воск і мёд, аднак грошы ім не вядомыя: яны выкарыстоўваюць пушніну ў якасці плацёжнага сродку (§ 90) [54, с. 115]. У абодвух выпадках выкарыстоўваюцца тыповыя «варварскія» матывы, да якіх звяртаўся, сярод іншых, Публій Карнэлій Тацыт у апісаннях Германіі [58, с. 74–77]. У краязнаўчых нарысах Гусавіяна гэтыя матывы ўвасабляюцца па-новаму. Па-першае, апісанне прыродных багаццяў набывае фантастычныя рысы: неашчаднае спажыванне, аказваецца, гарантуе багацце, а эканомія прыводзіць да змяншэння рэсурсаў (радкі 283–290). Па-другое, падкрэсліваецца забяспечанасць таварамі: у замежных купцоў можна набыць усё тое, што ёсць у іншых народаў; аналагічным чынам разважае біскуп Цёлак у сваёй прамове 1501 г. [60, с. 277]. Адзначаны ў Пікаламіні недахоп срэбра і золата прадстаўляецца ў «Песні пра зубра» як сімвал дабрачыннасці: народ аддае перавагу лясным багаццям, цэнячы іх вышэй за маёмасць (радкі 239–242; 249–252):

Has¹ sibi divitias <silvestres opes. – *M. R.*> rutilo gens praetulit auro
Se putat is merito maius habere nihil,

¹ У выданні Яна Пельчара [31, с. 18] тут памылкова фігуруе «has».

Innumerae quamvis veniant ad proxima naves
Litora, quae varia fervere merce solent.

<...>

Frugibus externas soliti complere carinas,
Quidquid in externis gentibus extat, habent.
Et quamquam rerum longe ditissima gens est,
Cuncta tamen nemori postposuere suo.

Гэтыя багацці <лясныя багацці. – М. Р.>

людзі цэняць вышэй за чырвоннае золата.

Яны справядліва мяркуюць, што няма нічога даражэйшага.
Няхай незлічоныя караблі прыплываюць да блізкіх берагоў
на карысць тым, хто любіць марыць пра розныя тавары.

<...>

Яны прывыклі напаўняць замежныя караблі зямнымі пладамі,
у іх ёсць усё, што маюць у сябе іншаземныя народы,
і хаця ў плане дабрабыту гэта адзін з самых багатых народаў,
аднак перад усім астатнім яны аддаюць перавагу свайму лесу.

Замест таго, каб пісаць пра шматлікіх ерэтыкоў і ідалапаклоннікаў, якія згодна з творам Пікаламніні, насяляюць Літву (раздзел XXV, § 90 [54, с. 115; 55, с. 173]), Гусавіян распавядае пра жанчын і слабых мужчын, якія практыкуюць чараўніцтва, а таксама згадвае працэсы над ведзьмарамі/вядзьмаркамі (радкі 295–322). Паэт імкнецца сфарміраваць уражанне, што выпрабаванні ведзьмароў вадюю і агнём, пашыраныя ў XV і XVI ст. у цывілізаваных паўднёвых краінах, таксама і ў ВКЛ маюць актуальны юрыдычны статус. Праўда, Ж. Некрашэвіч-Кароткая лічыць, што ў ВКЛ адсутнічала практыка пераследу ведзьмаў [9, с. 151]. Гэта падмацоўвае тэзу, што «Carmen de bisonte» не прэзентуе «рэалістычных» апісанняў звычаяў і традыцый: падобныя прыклады мы можам успрымаць толькі праз прызму задачы своеасаблівай рытарычнай аргументацыі ў адносінах да негатыўнай выявы Пікаламніні.

У якасці сапраўдных язычнікаў прадстаўлены італьянскія гуманісты, якія звяртаюцца ў сваіх тэкстах да прыдуманых баговішчаў. У той жа час *alter ego* Гусавіяна, паводле прыкладу свайго набожнага мецэната, звяртаецца выключна да Багародзіцы Панны Марыі (радкі 401–412).

An dubitem, quid agam de venatrice Diana
Aut aliqua ex illis, quae comitantur eam?
Non vacat, ut curvos hic mirer Apollinis arcus
Telaque confixis saepe cruenta feris.
Pro Iove qui Chistum veneror Christique Parentem
Pro Iunone loqui carmina nostra solent.

Nec miscenda mihi est tam certis fabula rebus.
 Dicere sed nuda me brevitae sinant,
 Qui procul a vero studiis desueta secuti
 Errores veterum carmine semper alunt.
 Improbatur Erasmus Plocensis talia praesul
 Omnia, quae summum postposuere Deum;
 Idque suis unum claris virtutibus addit:
 Numquam quae non sunt praesule digna legit.

Ці не варта мне засумнявацца ў тым, што магу я распавесці пра паляўнічую Дыяну або пра яе спадарожнікаў? Не належыць мне тут дзівіцца з кривога лука Апалона ды з яго стрэлаў, афарбаваных крывёю забітых звяроў. Не Юпітэра, але Хрыста я ўслаўляю, і нашы вершы звычайна распавядаюць не пра Юнону, а пра Маці Хрыста. Я не маю права пера-мешваць байку з такімі праўдзівымі рэчамі. Але тыя, хто ідуць следам за пазбаўленымі праўды ведамі і заўсёды падпітваюць аблуды продкаў, схіляюць мяне, каб я склаў вельмі кароткі аповед. Эразм, біскуп Плоцкі, не ўхваляе ўсё тое, што зневажае найвышэйшага Бога. І толькі адно ён лічыць важным для свайго велічнага маестату: ён ніколі не чытае таго, што не адпавядае сану першасвятара.

Супраць практыкі адпраўлення язычніцкіх абрадаў у паўднёвых краінах скіраваны таксама адзін з вершаў, уключаных у зборнік «Carmen de bisonte». У вершы «На ахвярапрынашэнне чорнага быка» (*In sacrificium nigri tauri...*) [30, 51–53 n. n.; 31, с. 100–102] (перадусім пачынаючы з радка 43) распавядаецца пра тое, як у Рыме ў сувязі з эпідэміяй чумы па ініцыятыве нейкага грэка быў прынесены ў ахвяру чорны бык. Калі інтэрпрэтаваць гэтую крытыку паганскіх звычаяў як антытэзу таго вобраза Літвы, які быў створаны Пікаламіні, то пашыраная ў даследчыцкай літаратуры думка пра набожнасць, якая «аўтэнтычна праяўляецца ў гэтага аўтара», страчвае сваю неаспрэчнасць.

Згаданыя ўжо «раксанскія кнігі» – гэта таксама вельмі асцярожны намёк на этнічную і канфесійную гетэрагеннасць ВКЛ у першай чвэрці XVI ст. У той час як Пікаламіні прадстаўляе Літву як плавільны кацёл разнастайных аблудаў і адступніцтва ад сапраўднай веры, паэма «Carmen de bisonte» завяршаецца малітоўным зваротам да Панны Марыі (радок 1027 і наст.). На думку М. Ніндарфа, менавіта культ Багародзіцы меў у літоўскай частцы федэратыўнай дзяржавы міжканфесійнае вымярэнне; ён нівеліраваў адрозненні паміж праваслаўнымі, католікамі і нават пратэстантамі [49, с. 155–167]. Наўмыснае акцэнтаванне пабожнасці Панны Марыі падкрэслівае агульныя асновы веры, і гэты намёк датычыць як насельнікаў «паўночных лясоў», так і паўднёва-еўрапейскага адрасата; ідэя пабожнасці супрацьстаіць намаганням выявіць канфесійныя адрозненні, як гэта назіраецца ў апісаннях Пікаламіні і Мацея Мяхоўскага, якія прэтэндуюць на навуковую аб’ектыўнасць.

У рэшце рэшт у паэме Гусавіяна па-новаму прэзентуецца вялікі князь Літоўскі Вітаўт (1354/55–1430), вобраз якога набыў у еўрапейскім дыскурсе негатыўныя рысы ў сувязі з прапагандысцкай дзейнасцю Тэўтонскага ордэна. Адмыслова вобразу Вітаўта прысвечана даследаванне Гедрэ Міцкунайтэ [43]. У трактаце Пікаламіні *De Europa* Вітаўту прыпісваюцца рысы жорсткага тырана, які, напрыклад, меў звычай загортаць упартых падданных у звярыню скуру і жывымі аддаваць на пажыву мядзведзям (раздзел XXVI, § 89) [54, с. 114; 55, с. 171]. У «Песні пра зубра» Вітаўт паводзіць сябе гэтаксама, але ў адносінах да тых, хто дае ілжывыя сведчанні ў судзе; суровым пакаранням падлягалі судзі ў часы Вітаўта і за хабарніцтва (радкі 755–764):

Ipsemet excipiens torvo periuria vultu
Mendacis praesens terruit ora viri
Membraque tergoribus multorum clausa ferinis
Assuetis canibus dilanianda dedit.
In nullo tam saevus erat, quam iudice donis
Corrupto, si quis forte repertus erat.
Dicitur articulos quidam discerptus in omnes,
Quod tantum capto munere iusta tulit.

Ён, прыслухоўваючыся да клятваў падманшчыка з суровым выразам твару, самой сваёй прысутнасцю наганяў на яго страх; потым, загарнуўшы целы многіх [злачынцаў] у скуры дзікіх звяроў, аддаваў іх на разрыванне сабакам, звыклым да гэткай спажывы. Ні ў якім іншым выпадку не быў ён настолькі люты, як у выпадку [выкрыцця] судзі, падкупленага праз хабар. Казалі, кагосьці разарвалі аж да самых маленькіх суставаў толькі за тое, што ён выносіў прысуд адразу ж пасля атрымання падарунка.

Варта звярнуць увагу на тое, што гэты фрагмент, у якім пазітыўна ацэнены накіраваныя супраць злачынцаў захаваны Вітаўта як рэфарматара судовай сістэмы, пераклікаецца з вершам, змешчаным у паратэкстуальнай частцы кнігі «Carmen de bisonte». Гэта чатырохрадкоўе на герб Сфорцаў пад назваю «Пра змяю» (*De serpente*) [30, 6 n. n.; толькі тэкст: 31, с. 3].

Радкі 3–4 уяўляюць сабой наступны дэвіз:

Nec pueris parcens, pravos depascitur anguis,
Ut placida possent vivere pace boni.

Не шкадуючы нават немаўлят, змяя паглынае грэшных,
каб праведныя маглі жыць у дабрадатным міры.

Прыняцце хрысціянства прадстаўнікамі дынастыі Гедымінавічаў (Ягайлам і Вітаўтам) звязваецца

ў Пікаламіні з іх імкненнем супрацьстаяць палітычнаму апартунізму. Пры гэтым адпаведная прэзентацыя ў трактаце *De Europa* (напісаны ў 1458 г.) выглядае ўжо больш памяркоўнай у параўнанні з той, што прадстаўлена ў сачыненні *De viris illustribus* (1440/50), дзе хрост Ягайлы і «паўторны шлюб» са спадкаеміцай стальца¹ расцэньваюцца як ганьба [56, с. 93]. У трактаце *De Europa* ахрышчаны Ягайла найчасцей прэзентуецца як пабожны хрысціянін (раздзел XXVI, глава 87) [54, с. 112; 55, с. 168]. Аднак у наступных падраздзелах распавядаецца, што Вітаўт спыніў свае місіянерскія захады, паколькі яны выклікалі незадаволенасць народа і стваралі пагрозу яго ўладарніцтву (XXVI, § 93) [55, с. 176; 54, с. 118].

Гусавіян цалкам апускае матыў змены веры Вітаўтам і засяроджваецца на пабожнасці новаахрышчанага князя, на яго актыўным імкненні будаваць цэрквы (радок 815 і наст.). Язычніцкае мінулае Вітаўта прадстаўлена спрошчана ў межах больш лагоднай нарацыі пра навяртанне і выпраўленне (радкі 823–824):

Omnia summovit veterum portenta deorum
Et fuit erroris cognitor ipse sui.

Ён <Вітаўт. – М. Р.> зруйнаваў усе капішчы даўніх багоў
і сам прызнаў свае ўласныя аблуды.

Так ці інакш, гэтая пазітыўная паэтычная выява Літвы, якая мела на мэце замясціць пашыраныя дзякуючы сачыненням Пікаламіні негатыўныя стэрэатыпы, не дасягнула свайго першапачаткова вызначанага адрасата (або адрасатаў). Палітычнае пасланне таксама засталася непачутым. З прычыны смерці Папы і заказчыка планы трыумфальнага выступлення паэта ў Рыме не спраўдзіліся, спадзяванні на літаратурны поспех у гуманістычнай *Respublica Litteraria* не ажыццявіліся. Тэкст паэмы не перакладаўся яшчэ на іншыя мовы, не было таксама перавыданняў кнігі, надрукаванай у Кракаве.

Ёсць звесткі пра адзінага замежнага рэцыпіента, які выказаў аўтару сваё ўшанаванне – гэта швейцарскі натураліст Конрад Геснер (пра рэцэпцыю Геснерам «Carmen de bisonte» гл.: 22). У яго прыватнай бібліятэцы, якая захоўваецца ў Цюрыху, маецца ў наяўнасці асобнік кракаўскага першадруку «Carmen de bisonte», з заўвагамі, зробленымі рукою ўладальніка. (Дыгіталізаваная версія тэкста даступная на *Brill Online Primary Sources*.)

¹ Каралеўна Ядвіга, якая выйшла замуж за вялікага князя Літоўскага Ягайлу (Уладзіслава), была да гэтага заручана з герцагам Аўстрыйскім Вільгельмам. Пад пяром Пікаламіні гэтыя заручыны пераўтвараюцца ў шлюб; шлюб з Ягайлам, які, паводле інтэрпрэтацыі італьянца, адбыўся супраць волі Ядвігі (а пакараннем за яго стала бяздзетнасць), страчвае з гэтай прычыны сваю легітымнасць.

У другім, перапрацаваным выданні кнігі Конрада Геснера «*Icones animalium*» (яна ўяўляла сабой ілюстраваны сістэматызаваны агляд, прысвечаны жывёльнаму свету) услаўляецца вучонасць Гусавіяна: ён названы найвучонейшым мужам (*vir doctissimus*) [26, с. 31]. Пры гэтым Геснера цікавілі выключна звесткі з галіны заалогіі: паэт робіцца ягоным гарантам у справе размежавання паміж зубрам (*bison*) і турам (*urus*). Менавіта з кнігі Геснера [26, с. 29–32] паходзяць тыя ілюстрацыі абодвух дзікіх быкоў, якія часта прыводзяцца даследчыкамі.

5. Айчыныя адрасаты: меркаванні выгоды

Геснер атрымаў першадрук «Песні пра зубра» ад свайго былога вучня і сябра Антона Шнэбергера з Кракава ў 1559 г., г. зн. з больш чым трыццацігадовым спазненнем. Месцазнаходжанне выдавецтва ў Польшчы павінна было спрыяць больш актыўнаму распаўсюджанню кнігі Гусавіяна ў славянскіх краінах, і «*Carmen de bisonte*» дзякуючы гэтай акалічнасці мела больш шансаў знайсці іншага чытача, чым той, які меркаваўся першапачаткова. Адбываецца поўная пераадрасацыя першадрука (у агульных рысах прадмоўна-пасляслоўны комплекс выдання характарызуе Ж. Некрашэвіч-Кароткая [9, с. 119–131]). Прадмова звернута не да Папы (што было б цалкам лагічна, калі б кніга, як меркавалася, выйшла пры жыцці пантыфіка ў Рыме), а да каралевы Боны Сфорца.

Кніга «*Carmen de bisonte*» адкрываецца згаданай вышэй выявай герба Сфорцаў і двума алегарычнымі вершамі. Паміж прадмовай і тэкстам паэмы змешчаны кароткі верш на падзяку, прычым не Эразму Цёлку, а сакратару Людовіку Альфію, які ў выпадку прызнага стаўлення мае рэкамендаваць тэкст каралю. Тым часам успамін пра памерлага мецэната займае больш сціплае становішча. Гэта, па-першае, размешчаны ў зборніку следам за паэмай «*Carmen de bisonte*» верш «Найшаноўнейшаму [біскупу] Плоцкаму суцяшэнне» (*Ad reverendissimum Plocensem consolatoria*) [30, с. 50–51 n. n.], па-другое, пачатак прадмовы, якая дае тлумачэнні адносна першапачатковага кантэксту паўстання твора, і гэта неабходна, каб даць патрэбныя арыентацыі новай чытацкай аўдыторыі.

Прадмова дазваляе не толькі зразумець, чаму тэкст пра зубра пачынаецца са сцэны ў Рыме і завяршаецца заклікам да яднання супраць турак. Аўтар выказвае таксама свае меркаванні адносна альтэрнатыўнай магчымасці выкарыстання «*Carmen de bisonte*» і прапануе сваёй адрасатцы адпаведны фармат

прымянення тэкста. На думку Жаклін Гломскі [27, с. 34], прысвячэнні былі напісаны як для актуальных, так і для патэнцыйных мецэнатаў. Гэта акалічнасць робіць неабходнай пастаноўку пытання: наколькі блізкімі былі рэальныя стасункі паміж Гусавіянам і каралевай, наогул, ці былі яны насамрэч знаёмыя? На карысць станоўчага адказу сведчыць заклік, звернуты да каралевы, каб яна больш актыўна выступала ў якасці мецэнаткі – і пры гэтым каб спрыяла «правільным» людзям, у першую чаргу яму самому, хаця ў тэксце не выражана наўпрост меркантильная матывацыя [30, с. 8 n. n.]. Такое разуменне адносінаў «паэт – мецэнатка» значна адрозніваецца ад інтэрпрэтацыі Я. Парэцкага, які сцвярджае, што Гусавіян выражае тут ідэю класавай барацьбы. На думку даследчыка, паэт, які стварыў «Carmen de bisonte» дзякуючы ўласнаму таленту, рашуча і смела крытыкуе тут уладарных асобаў [10, с. 53]. В. Дарашкевіч таксама бачыць у гэтым фрагменце крытыку, а не імкненне зрабіць рэкламе ўласнаму таленту [2, с. 140–142].

Той факт, што гэты заклік адрасаваны каралеве, абыгрываецца ў прадмове з дапамогай асобага сцэнарыя: маўляў, кароль заняты ваеннымі справамі, аднак можа зрабіцца прыхільным да чытання, калі б каралева пажадала даць паэту адпаведную рэкамендацыю («ut tu Princeps doctissima de ipsorum ingeniis iudices et quos precipuos videris Serenissimo consorti tuo, quem plus bellis gerendis, quam libris legendis vacare necesse est, commendes» – «каб ты, найвычонейшая княгіня, выказала б сваё меркаванне пра такіх жа самых <адукаваных пісьменнікаў. – М. Р.> і парэкамендавала б тых з іх, якія здаюцца табе найвыдатнейшымі, твайму Яснавяльможнаму мужу, які па неабходнасці больш прысвячае свой час вядзенню войнаў, чым чытання кніг» [30, с. 8 n. n.]). Цікава, што Ж. Гломскі пацвярджае той факт, што кароль Жыгімонт I быў далёкі ад літаратуры [27, с. 17].

Карысць ад мецэнацкай падтрымкі літаратараў можа быць, на думку паэта, звязана з тым, што будзе ўзрастаць слава імя каралевы і слава яе сям'і (пры гэтым згадваецца род князёў арагонскіх, дынастыя Ізабэлы, маці каралевы Боны; дзед каралевы, Альфонс II, валадарыў у каралеўстве Неапаль). Такім чынам, вынікае з аргументацыі Гусавіяна, каралева Бона будзе працягваць сямейныя традыцыі, якія ў свой час спрычыніліся да вялікай славы яе продкаў [30, с. 9–10 n. n.]. Працытуем наступны фрагмент, у якім абрэвіятуры раскрываюцца ў адпаведнасці з выданнем Яна Пельчара [31, с. 6–7]:

Sed profecto non video, quo plus ei prodesse queas, quam si te bonis artibus praestes favorabilem ac benignam ex quibus et reipublicae plurimum commodi ac ornamentum processerit,

et celebris tui nominis fama, hac via maxime se laudibus suorum <Pelczar: tuorum> permiscebit. Quid nam maioribus tuis et praeclarissima tua familia de domo regum Arragoniae potuit esse praestantius et in omni genere virtutum exactius, sive pace sive bello sive religione censeantur. Nequaquam tamen illi amplissima vitae rerumque gestarum gloria cum tanto favore totius posteritatis fines orbis terrarum implevissent, seque tam admirabiles venturae aetati in diversis fortunae conflictibus reddidissent, nisi eos sua ipsorum doctrina et propensa propria et illi domui quaedam peculiaris in viros doctos benevolentia, in tantum altitudinis extulisset, qui tam sonora maximorum ingeniorum tuba celebrati sunt ut mihi merito de eis sit tacendum...

Але я насамрэч не бачу, якім чынам ты можаш яму <дабрабыту дзяржавы. – М. Р.> лепш паспрыяць, як толькі тым, што высакародна пажадаеш узяць на сябе падтрымку добрых мастацтваў, ад чаго таксама і дзяржаве будзе надзвычай вялікая карысць і аздоба, а ўхваленне твайго праслаўленага імя будзе далучацца, менавіта на гэтым шляху, да ўхвалення тваіх [блізкіх] < = прадстаўнікоў твайго роду. – Перакл.>. Бо што можа быць прызнана больш выдатным і больш дасканалым сярод усіх дабрачыннасцяў, – ці то ў міры, ці то ў вайне, ці то ў справах рэлігіі, – калі не твае продкі і твая найславуцейшая сям'я з дому каралёў арагонскіх? Аднак і яны ніколі б не здабылі для сябе такога ўшанавання дзякуючы славе іх жыцця і подзвігаў, якая разышлася па ўсім сусвеце і напоўніла ўсе межы зямлі, і ніколі не вытрывалі б яны такім дзівосным чынам ва ўсіх разнастайных выпрабаваннях будучых часоў, калі б яны сваю ўласную вучонасць, а таксама сваю прыхільнасць і ўласцівае гэтаму дому імкненне апекавацца вучонымі людзьмі не ўзнялі на такую вышыню, што яны былі ўслаўлены найграмчэйшымі фанфарамі найвялікшых талентаў, – так што мне найлепш адпавядае тут проста маўчаць пра іх...

У рэчаіснасці каралева і вялікая княгіня праяўляла надзвычайную актыўнасць у справе ўшанавання імя сваёй новай сям'і – Ягелонаў. Яна адыграла вырашальную ролю ў фарміраванні культуры вялікага князя Вітаўта. З гэтай мэтай на загад каралевы Боны ў 1525 г. у Вільні была збудавана новая грабніца ў Віленскім кафедральным саборы, у межах яго агульнай рэканструкцыі пасля пажару [43, с. 150; 49, с. 72; 17, с. 104].

«Песня пра зубра» вельмі добра надавалася б на ролю часткі дынастычнай *memoria*, паколькі паэтычны тэкст з апісаннямі «паўночных лясоў» і ў першую чаргу Вітаўта як «добрага валадара» ствараў пазітыўную выяву дынастыі, якая паходзіць з чужаземнай («варварскай») Літвы. Ж. Гломскі таксама ў рэчышчы «засваення чужых традыцый» тлумачыць тую акалічнасць, што кароль Жыгімонт I пачаў актыўна спрыяць умацаванню прэстыжу дынастыі шляхам мецэнацтва [27, с. 12]. Г. Міцкунайтэ засяроджвае сваю ўвагу менавіта на постаці Вітаўта. Раздзел сваёй кнігі, прысвечаны ўвасабленню вобраза вялікага князя ў літаратуры з пачатку XVI да XVIII ст., даследчыца пачынае з прамовы Эразма Цёлка і «Песні пра зубра» Мікалая Гусоўскага. На думку аўтаркі, менавіта гэтыя творы пацвярджаюць вырашальнае значэнне постаці Вітаўта ў фарміраванні літоўскай самасвядомасці [43, с. 147–148].

Пры гэтым аўтарка не бачыць арыентацыі «Carmen de bisonte» на еўрапейскую і/або польскую чытацкую аўдыторыю, не закранае таксама пытаньня пра ўзаемадачыненні з прэзентацыяй Вітаўта ў сачыненнях Пікаламіні; яна прыгадвае толькі вобраз Вітаўта, створаны Пікаламіні, а ў наступных раздзелах піша пра ўспрыняцце вялікага князя ў інтэлектуальным дыскурсе Заходняй Еўропы [43, с. 203–205]. Аднак, на маю думку, тут важна акцэнтаваць іншую акалічнасць: пахвала Вітаўту ў паэме Гусавіяна фарміруе трывала замацаваны ў ВКЛ вобраз добрага валадара для чытачоў з заходняй часткі федэратыўнай дзяржавы Ягелонаў, г. зн. для тых, хто можа пазнаёміцца з паэмай дзякуючы яе надрукаванню ў Кракаве.

Здаецца, з пункту гледжання польскага чытача напрошваецца правакацыйнае пытанне: чаму ў «Песні пра зубра» ключавой фігурай робіцца Вітаўт, а не яго стрыечны брат Ягайла, першы прадстаўнік дынастыі на польскім троне? Аднак пастаноўцы такога пытаньня прычыць сама логіка тэкста. Эпізод з Вітаўтам уводзіцца як гістарычны экскурс у межы цэнтральнай «зубрынай» тэмы: пашыраную ў «паўночных лясах» традыцыю палявання на зубраў усталяваў менавіта Вітаўт, а не яго брат, які здабыў сталец у Кракаве.

У якасці другога аргумента, які пацвярджае карысць літаратуры для валадароў дзяржавы і для самой дзяржавы, Гусавіян даводзіць, што спрыянне развіццю інтэлектуальных здольнасцяў паўплывае на ўмацаванне фізічных (г. зн. ваенных) сіл. Менавіта так ужо здарылася ў гісторыі ў выпадку старажытных грэкаў і рымлян.

Si vero tu commune studiorum patrocinium susceperis, assurgent ingenia, et magnis Regiae Maiestatis laboribus opem ferent, ut in suo statu hac temporum malignitate Respublica retineatur, quam virtute animi magis, quam vi corporis niti, tam Graeci, quam Romani documento sunt, apud quos arma sempertum maxime, dum litterae floruerunt et labentibus primum ingeniis, debilitatae vires sunt, quibus lapsis, imperium corrui et servitus imposita est [30, с. 8 n. n.; абрэвіятуры раскрываюцца ў адпаведнасці з выданнем Яна Пельчара: 31, с. 5–6]:

Калі ж ты возьмеш на сябе агульнае апякунства над навукамі, тады таленты ўзбуйнеюць і прынясуць добрую падтрымку вялікім здзяйсненням яго Каралеўскай Вялікасці, каб у такі неспрыяльны час захавалася дзяржава, якая абапіраецца больш на дасканаласць душы, чым на сілу цела. Прыкладам гэтаму служаць як грэкі, так і рымляне: у іх збройная моц квітнела найбольш тады ж, калі літаратура і навукі, а потым спачатку таленты прыйшлі ў заняпад, а следам за імі змарнелі і сілы; і ўжо пасля абрушылася валадарства і ўсталявалася рабства.

На падставе гэтай цытаты Ж. Некрашэвіч-Кароткая разважала пра прыярытэт інтэлекта ў гуманістычнай культуры [47, с. 23–24], аднак, на маю думку, асноўны пафас гэтага фрагмента звязаны насамрэч з ідэяй вайскавай загартоўкі.

Паэт прадстаўляе гэтых ваяўнічых насельнікаў «літоўскіх лясоў», сваіх суайчыннікаў з «варварскага» паўночнага/усходняга краю як узор для наследавання. Пры гэтым ён арыентуецца на новае кола рэцыпіентаў, якія знаходзяцца ў адноснай блізкасці да месца выдання твора – Кракава. Сярод розных удзельнікаў палявання асаблівай увагі заслугоўвае Лаўрын, юнак з заможнай сям’і: яму быў прадстаўлены прывілей страляць у зубра здалёку з ружжа, аднак ён у рэшце рэшт памірае ад страху (радок 559 і наст.). З перспектывы згаданага вышэй рэцэптыўнага кола паэмы Лаўрын успрымаецца як увасоблены ў негатыўным іранічным рэчышчы вобраз айчыннай – польскай – эліты. Такая мая «айчынная» інтэрпрэтацыя адрозніваецца ад меркавання Ж. Некрашэвіч-Кароткай: даследчыца бачыць у вобразе Лаўрына алегорыю Еўропы, якая капітуліравала перад войскам Асманскай імперыі [9, с. 157].

Калі ўспрымаць апісанне жыхароў «літоўскіх лясоў» не як увасабленне ўласнай (польскай, беларускай...) парадыгмы (аўтастэрэатып), а як вобраз «іншага» (гетэрастэрэатып), тады ўзнікае пытанне, ці адрозніваецца гарызонт італьянскай чытацкай аўдыторыі, на якую першапачаткова разлічваў аўтар, ад гарызонту тых новых рэцыпіентаў, на якіх арыентавана надрукаваная ў Кракаве кніга. Фактычна, вобраз літвіна, створаны італьянцам Пікаламіні, адпавядае ў многіх адносінах той характарыстыцы, якую даў жыхарам Вялікага Княства паляк Мацей Мяхоўскі. З яго трактата, як і з сачыненняў Пікаламіні, вынікае: літвіны былі язычнікамі, ушаноўвалі агонь, лес, змеяў і інш. [8, с. 177, 100], у паўночным (самагіцкім) рэгіёне яны не ведалі (і не ведаюць) ні срэбра, ні бронзы, ні жалезна, ні віна, трымаюцца мнагажэнства [8, с. 179, 101]. Пра русінскую грамату і рэлігійную разнастайнасць [8, с. 174, 96–97] Мяхоўскі піша ў раздзеле, прысвечаным Русі (*Russia*) з горадам Львоў (Львів) [8, с. 173, а таксама 95]. З гэтага вынікае, што суседзі з літоўска-русінскага Усходу не былі, з пункту гледжання палякаў, складной часткай адпаведнай супольнасці («мы»-групы). Аднак калі ў сачыненні Мяхоўскага яшчэ не адчуваецца імкненне насіць маску «варвара» і выяўляць пазітыўную сармацкую «іншасць» у адносінах да «цывілізаваных» народаў паўднёвых (з нашай перспектывы – заходніх) краін, то Гусавіян робіць рашучы крок у гэтым кірунку. Варта, аднак, адзначыць, што «Carmen de bisonte» не зважае на старажытных сарматаў як на першаўзор і не сведчыць пра перайманне тых ці іншых асманскіх атрыбутаў. Паэма пра зубра звяртае ўвагу на ўласных «іншых» (*alteri*): на выпрабаваных у змаганнях з зубрам «літвінска-русінскіх» суседзяў.

6. Падсумаванне: сучасныя парадыгмы і тагачасная незапатрабаванасць

З перспектывы XXI стагоддзя «Песня пра зубра» Мікалая Гусоўскага з’яўляецца надзвычай перспектыўным аб’ектам даследавання: тэкст паэмы можа быць запатрабаваны ў кантэксце праблематыкі «іншасці», даследавання ідэнтычнасці, магчыма, таксама ў межах вывучэння розных аспектаў посткаланіяльных даследаванняў. На прыкладзе гэтага твора робяцца зразумелымі розныя канцэпцыі нацыянальных гісторый літаратуры ў дзяржавах-пераемніцах Рэчы Паспалітай. Звесткі этнаграфічнага, краязнаўчага і заалагічнага характару робяць гэты твор цікавым у рэчышчы інтэрдyscyплінарнай праблематыкі; сувязь тэкста з дыпламатычнай місіяй біскупа Цёлка пры папскім двары – гэта масток у галіну гістарычных даследаванняў.

Але найперш пытанні, звязаныя з гісторыяй стварэння і публікацыі помніка – г. зн. праблемы прагматыкі тэкста – адкрываюць новыя магчымасці для інтэрпрэтацый па-за межамі патрыятычна-сентыментальных трактовак. Паэма «Carmen de bisonte» ўзнікла як твор на заказ, а значыць, выключна «біяграфічная» інтэрпрэтацыя, якая абмяжоўваецца патрыятычным светаадчуваннем аўтара, недастатковая. Так, паводле меркавання Алега Лойкі, Мікалай Гусоўскі – «патрыёт Вялікага Княства Літоўскага, апявальнік красы беларускай прыроды і гераізму» [7, с. 236]. На маю думку, вызначальнай для інтэрпрэтацыі з’яўляецца спецыфіка культурна-гістарычнай сітуацыі, у якой паўстаў твор, і гэта спецыфіка выяўляецца ў паратэкстуальнай раме першадрука 1523 г. Тая акалічнасць, што тэкст першапачаткова звязаны з дыпламатычнымі мэтамі біскупа Цёлка, тлумачыць адсутнасць выразнай нацыянальнай ідэнтыфікацыі і робіць мэтазгодным спыненне далейшых спрэчак адносна паходжання наратора/аўтара.

Тэкст прадмовы робіць таксама відавочным тое, што ў дачыненні да «Carmen de bisonte» трэба гаварыць пра пераадрасацыю твора з прычыны яго апублікавання ў Кракаве. Такім чынам, паэма Мікалая Гусоўскага можа быць адэкватна прачытана толькі як частка двух адметных актаў камунікацыі. У асяроддзі рэцыпіентаў выразна вылучаюцца два адрозныя адрасаты і два адрозныя чытачы: з аднаго боку – Рымскі Папа і замежная інтэлектуальная эліта; з другога боку – польская каралева і тая чытацкая аўдыторыя, якая знаходзілася ў непасрэднай блізкасці да месца апублікавання – Кракава. Гэта пераадрасацыя прымусіла аўтара па-новаму растлумачыць у прадмове, у чым заключаецца важнасць тэкста і яго карыснасць. Цалкам дапушчальны той факт,

што сам тэкст быў перапрацаваны, хаця да сённяшняга дня адсутнічаюць канкрэтныя доказы тэксталагічнага характару, якія дазволілі б пацвердзіць факт пашырэння першапачатковай версіі [гл.: 9, с. 163].

Спачатку тэкст паэмы прызначаўся для таго, каб праз яго Рымскі Папа і кола паўднёваеўрапейскіх інтэлектуалаў маглі сфарміраваць пазітыўнае ўражанне пра народы Усходняй Еўропы; у гэтым сэнсе Мікалай Гусоўскі як бы перапісвае нанова раздзел з трактата Пікаламіні *De Europa*, прысвечаны Літве. Негатыўныя топасы – галеча, язычніцкія вераванні, ерасі, Вітаўт як жахлівы тыран і благі хрысціянін – дасціпна і па-мастацку дасканала пераўтвараюцца ў пазітыўныя. Паэма «Песня пра зубра» ўваходзіць у склад кнігі, апублікаванай у Кракаве і прысвечанай каралеве Боне. Пры гэтым яна скіравана да той часткі чытацкай аўдыторыі, якая знаходзіцца ў адноснай блізкасці да суседзяў з усходніх (альбо, згодна з тэкстам, «паўночных») рэгіёнаў айчыннай дзяржавы, разам з якімі яны аб'ядналіся ў федэратыўную Рэч Паспалітую ў выніку асабістай манархічнай уніі; менавіта з тых рэгіёнаў паходзіць дынастыя, якая пануе ў іх краіне. Непрадуктыўнай бачыцца дыскусія на тэму, кім быў насамрэч стваральнік тэкста, аўтар, – літоўцам/літвінам (у шырокім сэнсе) ці палякам: эстэтычная асалода ад тэкста, несумненна, узмацняецца, калі намёкі на рознае размеркаванне роляў як унутры аўтарскай, так і ўнутры чытацкай інстанцыі застаюцца адкрытымі.

Калі прыняць пад увагу гэтую станоўчую ацэнку твора з перспектывы XXI ст., непазбежна ўзнікае пытанне, чаму ж тэкст паэмы пра зубра не заслужыў асаблівай увагі сучаснікаў Гусавіяна, чаму сам аўтар не зрабіў бліскучай кар'еры прыдворнага паэта. Адназначна не варта бачыць прычыну гэтага ў сутыкненні класавых інтарэсаў, што бралі пад увагу даследчыкі савецкіх часоў [2, с. 76; 10, с. 3]. Можа, прычыну трэба шукаць у нізкіх мастацкіх якасцях твора, метрычных аблудах або стылістычных хібах, якія сёння наўрад ці магчыма выявіць? Можа, справа ў некаторых стратных для кар'еры акалічнасцях – канфлікце біскупа Цёлка з каралём Жыгімонтам I і іншымі асобамі, пра які распавядае змешчаны ў кнізе пасля «Carmen de bisonte» верш *Ad Reverendissimum Plocensem consolatoria* [30, р. 50–51 n. n.; 31, с. 98–99]? Можа, паэту не ставала шанцу ў справе пошукаў мецэнатаў? А можа, тэкст не дасягнуў сваёй мэты з прычыны «рымскай» гісторыі свайго ўзнікнення або з прычыны выяўлення «літоўска-раксанскага» іншасвету, і, магчыма, у гэтай сувязі ён не адпавядаў густам тагачаснай чытацкай аўдыторыі – ані ў польскай, ані ў літоўскай частцы федэратыўнай дзяржавы?

Так ці інакш, практычна да 70-х гг. XX ст. Гусавіян не патрапіў у поле зацікаўленасцяў аніводнай групы, аніводнай нацыянальнай літаратуры, якая ўзялася б за справу яго кананізацыі. У адрозненні ад тых цалкам забытых вандроўных гуманістаў, якія паходзілі з нямецкай або англійскай культурнай прасторы і спадзяваліся знайсці свой шанец у Кракаве [27, с. 5], аднак так і не зрабіліся часткай ніводнай нацыянальнай гісторыі літаратуры, Гусавіян здабыў урэшце рэшт прызнанне, прычым у беларускім гісторыка-літаратурным і культурным дыскурсе. «Песня пра зубра» ўвайшла нават у школьную праграму па літаратуры, зацверджаную Міністэрствам адукацыі Рэспублікі Беларусь, няхай сабе першапачаткова (у савецкія часы) пад друзам ідэалагічнага метанаратыву. У беларускамоўных паэтычных перастварэннях лацінамоўны аўтар паэмы пра зубра перажыў адраджэнне, якое выглядае сапраўдным цудам [14, с. 323]. Хочацца спадзявацца, што для тэкста Мікалая Гусоўскага (у тым ліку і лацінскага) будзе вызначана годнае месца ў наднацыянальных літаратурных канонах XXI ст., якія шукаюць альтэрнатывы нацыянальным метанаратывам і даюць магчымасць ацэньваць належным чынам такіх аўтараў, якія – як і аўтар «Песні пра зубра» – стаяць паміж рознымі літаратурамі.

Літаратура

1. *Гусоўскі М.* Песня пра зубра: на лац., беларус., рус. мовах; [пер. на беларус. мову Я. Семяжона, пер. на рус. мову Я. Парэцкага і Я. Семяжона]. Мінск: Мастацкая літ., 1980. 192 с.
2. *Дорошкевич В. И.* Новолатинская поэзия Белоруссии и Литвы. Первая половина XVI в. Минск: Наука и техника, 1979. 208 с.
3. *Жлутка А. А.* Мікола Гусоўскі // Гісторыя беларускай літаратуры XI–XIX стагоддзяў: у 2 т. Т. 1: Даўняя літаратура: XI – першая палова XVIII стагоддзя / навук. рэд. тома В. А. Чамярыцкі. Мінск, 2007. С. 309–357.
4. *Зверева И. С.* Издательско-просветительская деятельность Императорской Публичной библиотеки // Вестник СПбГУКИ. 2015. № 1. С. 58–67.
5. *Кавалёў С. В.* Літаратура Вялікага Княства Літоўскага XVI – пачатку XVII ст.: феномен культурнага памежжа. Мінск: Кнігазбор, 2011. 344 с.
6. *Кавалёў С. В.* Шматмоўная паэзія Вялікага Княства Літоўскага эпохі Рэнесансу: манаграфія. Мінск: Кнігазбор, 2010. 376 с.
7. *Лойка А. А.* Старабеларуская літаратура: падручнік. Мінск: Выш. шк., 2001. 319 с.
8. *Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях / перевод и комментарий С. А. Аннинского. Москва-Ленинград: Изд-во АН СССР, 1936. 11, 288 с.
9. *Некрашэвіч-Кароткая Ж. В.* Беларуская лацінамоўная паэзія: ранні Рэнесанс. Мінск: БДУ, 2009. 271 с.
10. *Порецкий Я. И.* Николай Гусовский. Минск: Наука и техника, 1984. 92 с.

11. *Axer J.* (with the assistance of Katarzyna Tomaszuk). Central-Eastern Europe (Chapter 10) // *A Companion to the Classical Tradition* /ed. Craig W. Kallendorf. Malden (MA) [et al.], 2007. P. 132–155.
12. *Axer J.* Neolatynistyka i tożsamość narodowa – przypadek Europy środkowowschodniej // *Łacina jako język elit / koncepcja i redakcja naukowa Jerzy Axer.* Warszawa: 2004. S. 261–270.
13. *Axer J.* Slavic Bison or European Beast? Thoughts on Nicolas Hussovianus' «Song of the Bison» // *Nel mondo degli Slavi. Incontri e dialoghi tra culture. Studi in onore di Giovanna Brogi Bercoff.* A cura di Maria di Salvo et al. Firenze, 2008. Vol. 1. P. 3–12.
14. *Axer J.* Wielogłosowe przesłanie pieśni o żubrze Mikołaja Hussowskiego // *Łacina jako język elit / koncepcja i redakcja naukowa Jerzy Axer.* Warszawa, 2004. S. 319–327.
15. *Backvis C.* Mikołaj z Hussowa // *Szkice o kulturze staropolskiej / C. Backvis.* Wybór tekstów i opracowanie: Andrzej Biernacki. Warszawa, 1975. S. 11–46.
16. *Backvis C.* Nicolas de Hussow / Mikołaj z Hussowa // *Literatura – Komparatystyka – Folklor. Księga poświęcona Julianowi Krzyżanowskiemu.* Warszawa, 1968. S. 40–100.
17. *Bogucka M.* Bona Sforza. Wrocław; Warszawa; Kraków: Ossolineum, 2004 [=21998]. 311 s.
18. *Bömelburg H.-J.* Frühneuzeitliche Nationen im östlichen Europa. Das polnische Geschichtsdenken und die Reichweite einer humanistischen Nationalgeschichte (1500–1700). Wiesbaden: Harrassowitz, 2006. 560 S.
19. *Brzozowska A.* «Carmen de statura, feritate ac venatione bisontis» Mikołaja Hussowskiego – poemat epicki? // *Classica Wratislaviensia.* 2010. № 30. S. 15–39.
20. *Brzozowska A.* Humanistyczna ideologia władzy w mowach politycznych i dekoracji malarskiej «Pontyfikatu» biskupa płockiego Erazma Ciołka (Ms. Czart. 1212 IV) // *Rozprawy Muzeum Narodowego w Krakowie. Seria Nowa* 5. 2012. S. 27–56.
21. *Chachaj M.* Narodowa i kulturowa przynależność Mikołaja Hussowskiego, autora «Pieśni o żubrze». Fakty i mity // *Między Zachodem a Wschodem. Etniczne, kulturowe i religijne pogranicza Rzeczypospolitej w XVI–XVIII wieku / pod. red. Krzysztofa Mikulskiego i Agnieszki Zielińskiej-Nowickiej.* Toruń, 2006. S. 245–256.
22. *Choptiany M.* Konrad Gesner jako czytelnik «Carmen de bisonte» Mikołaja Hussowskiego. Perspektywy badawcze // *Kwartalnik Historii Nauki i Techniki.* 2013. № 58/2. S. 111–137.
23. *Czaplejewicz E.* Współczesne przekłady poematu Hussowskiego w świetle heterogeniczności // *Czaplejewicz E., Kasperski E.* Literatura i różnorodność. Kresy i pogranicza. Warszawa, 1996. S. 43–53.
24. *Dingley J.* Sprachen in Weißrußland bis zum Ende des 19. Jahrhunderts // *Handbuch der Geschichte Weißrusslands / Beyrau D., Lindner R. (Hg.).* Göttingen, 2001. S. 437–450.
25. *Georges K. E.* Ausführliches lateinisch-deutsches Handwörterbuch. Nachdruck der 8. Aufl. Hannover 1913/1918. Darmstadt 1998. (www.zeno.org/Georges-1913).
26. *Gesner C.* Icones animalium quadrupedum viviparorum et oviparorum, quae in historiae animalium Conradi Gesneri libro I et II describuntur... Tiguri 1560. URL: <http://dx.doi.org/10.3931/e-rara-1668> [Zentralbibliothek Zürich] (дата звароту: 11.03.2020).
27. *Glomski J.* Patronage and Humanist Literature in the Age of the Jagiellons. Court and Career in the Writing of Rudolf Agricola Junior, Valentin Eck, and Leonard Cox. Toronto: University of Toronto Press, 2007. XIV, 336 p.

28. Historia literatury polskiej w dziesięciu tomach. T. 2: Renesans / A. Skoczek (red.). Bochnia; Kraków; Warszawa: SMS, 2002. 263 s.
29. *Husovianas* M. Raštai / iš lotynų kalbos vertė B. Kazlauskas, S. Narbutas, E. Ulčínaitė, T. Veteikis = Nicolaus Hussovianus. Opera / Transtulerunt B. Kazlauskas, S. Narbutas, E. Ulčínaitė, T. Veteikis. Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2007. 302 p.
30. [*Hussovianus* N.] Carmen Nicolai Hussoviani de statura feritate ac venatione Bisontis. Impressum Cracoviae: per Hieronymum Vietorem, 1523. [56] p. URL: <http://www.dbc.wroc.pl/dlibra/docmetadata?id=3100&from=publication> (дата звароту: 11.03.2020).
31. [*Hussovianus* N.] Nicolai Hussoviani carmina. Edidit, praefatione instruxit, adnotationibus illustravit Joannes Pelczar. Cracoviae: Typis Universitatis Jagellonicae, 1894. LV, 110, 8 p.
32. *Hussowski* M. Pieśń o żubrze, jego postaci, dzikości i o polowaniu na niego = Carmen de statura feritate ac venatione bisontis = Песня пра аблічча, дзікасыць зубра і паляваньне на яго = Giesmė apie stumbro išvaizdą, žiaurumą ir medžioklę = Песнь о зубре = A Poem on Bison (Fragments) / tłumaczenia: N. Arseniewa, W. Daraszewicz, B. Kazlauskas, W. Łazewski, M. J. Mikoś, J. Parecki, V. Rudnik, J. Siemiażon, L. Staričėnkaite, M. Szyska. Supraśl: Stowarzyszenie Uroczysko; Agencja Reklamowo-Wydawnicza Arkadiusz Grzegorzczak, 2007. 336 s.
33. *Kasprowicz* J. Mikołaja Hussowskiego «Pieśń o żubrze» i «Pan Tadeusz» // *Dzieła* / J. Kasprowicz; pod red. St. Kołaczkowskiego. T. XIX: Pisma prozą. I. Kraków, 1930. S. 83–108.
34. *Kawalou* S. Literatura Wielkiego Księstwa Litewskiego XIII–XVII wieku w najnowszych badaniach białoruskich // *Studia Interkulturowe Europy Środkowo-Wschodniej*. 2009. № 3. S. 84–92.
35. *Krochmal* J. Catholic-Orthodox Relations in the Diocese of Przemyśl in the Fourteenth-Eighteenth Centuries // *Litauen und Ruthenien* / Rohdewald S., Frick D., Wiederkehr S. (Hg.). Wiesbaden 2007. S. 210–231.
36. *Krókowski* J. Mikołaja Hussowskiego «Carmen de bisonte». Wrocław: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1959. 52 s.
37. *Krzyżanowski* J. *Dzieje literatury polskiej od początków do czasów najnowszych*. Warszawa: PWN, 1969. 680 s.
38. Łacina jako język elit / koncepcja i redakcja naukowa Jerzy Axer; Ośrodek Badań nad tradycją antyczną w Polsce i w Europie Środkowowschodniej. Warszawa: OBTA: DiG, 2004. 516 s.
39. *Langer* D. *Polnische Literaturgeschichte. Ein Abriss*. Paderborn: Fink, 2010 [¹1975]. 176 S.
40. *McMillin* A. B. *A History of Byelorussian Literature. From Its Origins to the Present Day*. Gießen: Wilhelm Schmitz Verlag, 1977. 447 p.
41. *Metan* S. Sarmatien und die Neue Welt. Transfer und Translation des «Tractatus de duabus Sarmatiis» im deutschsprachigen Raum // *Historie. Jahrbuch des Zentrums für Historische Forschung Berlin der Polnischen Akademie der Wissenschaften*. 2013/14. Nr 7. S. 358–369.
42. *Miazek* B. *Polnische Literatur des Mittelalters und der Renaissance*. Frankfurt a. M. [et al.]: Peter Lang, 1993. 214 S.
43. *Mickūnaitė* G. *Making a Great Ruler: Grand Duke Vytautas of Lithuania*. Budapest; New York: Central European University Press, 2006. XX, 337 p.
44. *Mikoś* M. J. A Poem on Bison. *Staropolska online*. URL: <http://www.staropolska.pl/ang/renaissance/Hussovius/hussowski.php3?s=1> (дата звароту: 11.03.2020).

45. *Milosz Cz.* Geschichte der polnischen Literatur. Mit einer Einleitung von Karl Dedecius. Tübingen: Francke Verlag, 2013 [¹1981; engl. 1969]. 456 S.
46. *Narbutas S.* The mysterious Island: A review of 13th-18th century literature of the Grand Duchy of Lithuania. Vilnius: Institute of Lithuanian literature and ethnology, 2000. 72, 1 p.
47. *Nekraševič-Karotkaja Ž.* Latin Epic Poetry and Its Evolution as a Factor of Cultural Identity in Central and Eastern Europe in the Sixteenth and Seventeenth Centuries // *Latinitas in the Polish Crown and the Grand Duchy of Lithuania. Its Impact on the Development of Identities* / ed. Giovanna Siedina. Firenze, 2014. P. 21–38.
48. *Niedzwiedz J.* How Did Virgil Help Forge Lithuanian Identity in the Sixteenth Century? // *Latinitas in the Polish Crown and the Grand Duchy of Lithuania. Its Impact on the Development of Identities* / ed. Giovanna Siedina. Firenze, 2014. P. 35–48.
49. *Niendorf M.* Das Großfürstentum Litauen. Studien zur Nationsbildung in der Frühen Neuzeit (1569–1795). 2., revid. Aufl. Wiesbaden: Harrassowitz, 2006. 329 S.
50. Nowy Korbut. Bibliografia literatury polskiej. T. 2: Piśmiennictwo staropolskie (A–M) / oprac. zesp. pod kier. R. Pollaka. Warszawa: PIW, 1964. 551, 1 s.
51. *Pelc J.* Literatura Renesansu w Polsce. Warszawa: Semper, 1994. 294, 2 s.
52. *Pelczar J.* Mikołaj Hussowski, jego życie i pisma. Ustęp z dziejów humanizmu w Polsce // Sprawozdanie dyrektora Gimnazjum Św. Jacka w Krakowie. Kraków, 1900. 52 s.
53. *Pelczar J.* Praefatio // Nicolai Hussoviani Carmina. Edidit, praefatione instruit, adnotationibus illustravit Joannes Pelczar. Cracoviae, 1894. P. I–LV.
54. Piccolomini Enee Silvii Piccolominei postea Pii PP II De Europa. Edidit commentarioque instruxit Adrianus van Heck. Città del Vaticano: Biblioteca Apostolica Vaticana, 2001.
55. Piccolomini Enea Silvio. Europa. Hg. von Günter Frank und Paul Metzger, übers. von Albrecht Hartmann. Heidelberg: Verlag Regionalkultur 2005.
56. Piccolomini Enee Silvii postea Pii PP II De viris illustribus. Edidit Adrianus van Heck. Città del Vaticano: Biblioteca Apostolica Vaticana, 1991.
57. Polnische Renaissance. Ein literarisches Lesebuch / W. Walecki (Hg.). Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1996. 335 S.
58. *Rutz M.* Nicolaus Hussovianus' «Carmen de bisonte» im intertextuellen Schnittfeld antiker Reformatio-Sehnsüchte // *Philologia classica*. 12 (2017). № 1–2. С. 59–90. URL: <http://philclass.spbu.ru/en/issues/2017-en/issue-12-1/nicolaus-hussovianus-carmen-de-bisonte-im-intertextuellen-schnittfeld-antiker-reformatio-sehnsuchte-2>.
59. *Segel H. B.* Renaissance Culture in Poland. The Rise of Humanism, 1470–1543. Ithaca; London: Cornell University Press, 1989. X, 285 p.
60. *Uffelman D.* «Here you have all my stuff!». Real Things from a Mythical Country: Ottoman 'Sarmatica' in Enlightened Poland // *Präsenz und Evidenz fremder Dinge im Europa des 18. Jahrhunderts* / B. Neumann (Hg.). Göttingen, 2015. S. 323–338.
61. *Vetera Monumenta Poloniae et Lithuaniae Gentiumque Finitimarum Historiam Illustrantia*. T. 2. Nachdruck der Ausgabe 1860–1864 / Augustinus Theiner (ed.). Osnabrück: Zeller, 1969. XVI, 346 S.
62. *Zarębski I.* Stosunki Eneasza Sylwiusza z Polską i Polakami. Kraków: nakł. Polskiej Akademii Umiejętności, 1939. 2, 155, 1 s.
63. *Ziomek J.* Renesans. Warszawa: PWN, 1995. 553, 2, 16 s.

А. А. Скоропадская

Кафедра классической филологии, русской литературы и журналистики, Институт филологии, Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия

АНТИЧНЫЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО¹

Статья обращается к сведениям о раннем этапе воспитания Ф. М. Достоевского. Известные к настоящему времени архивные данные позволяют не только реконструировать культурно-педагогический контекст формирования личности будущего писателя, но и выявить наследственные факторы, на это формирование повлиявшие. Объектом исследования стала античная лингвокультурология и ее роль в содержании семейного воспитания и начального образования Достоевского. Несмотря на незначительность биографических сведений об этом периоде, анализ историко-архивных материалов, касающихся родителей писателя и его ближайших предков, позволяет сделать вывод о том, что античная лингвокультурология (латинский язык, чтение античных авторов) была одним из элементов системы воспитания, которой придерживались Михаил Андреевич и Мария Федоровна Достоевские, унаследовавшие эти взгляды из своего собственного ученического опыта.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, семейное воспитание, античная лингвокультурология, латинский язык.

A. Skoropadskaia

Department of classical philology, Russian literature and journalism, Institute of Philology, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

ANTIQUÉ LINGUISTIC AND CULTURAL CONTEXT OF FAMILY EDUCATION OF F. M. DOSTOEVSKY

The article refers to information about the early stage of education of F. M. Dostoevsky. Currently known archival data allows not only to reconstruct the cultural and pedagogical context of the formation of the personality of the future writer, but also to identify hereditary factors that influenced this formation. The object of the study is antique linguoculturology and its role in the content of family education and primary education of Dostoevsky. Despite the insignificance of biographical information about this period, an analysis of historical and archival materials relating to the writer's parents and his immediate ancestors allows us to conclude that ancient linguoculturology (Latin, reading of ancient authors) was one of the elements of the education system that Michael adhered to Andreevich and Maria Fedorovna Dostoevsky, who inherited these views from their own student experience.

Keywords: F. M. Dostoevsky, family education, antique linguoculturology, Latin.

Автор:

Анна Александровна Скоропадская – кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики Института филологии ПетрГУ.
san19770@mail.ru

Author:

Anna Skoropadskaia – PhD in philology, associate professor of the department of classical philology, Russian literature and journalism of the Institute of Philology, PetrSU.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90037.

При всем внимании критиков и исследователей к творческому наследию Достоевского тема античности остается на периферии достоевсковедения. Между тем русский писатель не мог не быть приобщен к античной культуре в силу многих факторов и, прежде всего, ее векового использования в качестве высокого образца интеллектуальной и художественной деятельности. По замечанию Г. С. Кнабе, «античное наследие в той или иной форме и степени образует постоянный элемент европейской культуры и в западноевропейском, и в русском ее варианте» [1, с. 11]. Рецепция античности в России по-разному проявляла себя в различные исторические периоды. И если в середине XIX в. наблюдается определенный (во многом внешний¹) отход от античных образцов, то на его рубежах (например, период позднего классицизма и романтизма в начале века и зарождающийся Серебряный век на рубеже столетий) античность кульминационно заявляет о себе и в мотивно-образной структуре текстов и в этико-философском их наполнении.

Детские и отроческие годы Ф. М. Достоевского приходятся на период активного обращения русской культурой к античности. А как известно, нравственный и эстетический базис личности закладывается как раз на раннем этапе жизни. Поэтому актуальным кажется исследование литературного и культурно-исторического контекста семейного воспитания будущего писателя и античности как одного из аспектов этого контекста.

Несомненно, центральной фигурой в микромире Достоевского-ребенка является его отец, Михаил Андреевич Достоевский, который с большой ответственностью подходил к воспитанию своих детей, строго придерживаясь принятых в дворянской среде норм. Михаил Андреевич был выпускником Подольской семинарии, в которой он обучался с 1801 по 1809 гг. по классу риторики. В его аттестате, в частности, перечислены предметы, освоенные «с успехом весьма изрядным» по программе: латинская и русская грамматика, поэзия, латинская и русская риторика, история, география, арифметика, французский, немецкий и греческий языки². Латинский язык занимал одно из ключевых мест в программе обучения: «Все усилия и все старания свои

¹ По наблюдению А. В. Успенской, античность во второй половине XIX в. «утрачивает функцию эстетизации текста, роль классицистической эмблематики. Пронизывая мировоззрение поэтов, она не исчезает, но уходит в подтекст, сообщая ему глубину и универсальность. Становится возможным травестирирование, снижение высоких античных образов и тем... и в то же время обыденное, соприкоснувшись с универсальным, пройдя сквозь призму античных ассоциаций, возвышается до бытийного» [2, с. 2–3].

² Данные аттестата приводятся по: [3, с. 877].

заведение прилагало к тому, чтобы воспитанники по выходе из него, самым основательным образом знали латинскую речь, – так что от воспитанников третьего класса (высшего грамматического) требовалось, чтобы они разговаривали между собой не иначе как по латыни, а в поэзии они должны были уже писать латинские стихи» [4, с. 8]. Начиная с низшего класса, семинаристы изучали латинскую грамматику по учебнику Н. Бантыш-Каменского, к высшему классу переходя к разговорной латыни и чтению Гибнеровой истории на латинском языке.

Обе указанные книги вошли в домашнюю библиотеку родителей Достоевского: «Сто четыре истории, выбранные из Ветхого и Нового Завета» И. Гюбнера служили первой книгой для чтения для всех детей Михаила Андреевича и Марии Федоровны¹, а учебник латинского языка Н. Бантыш-Каменского использовался Михаилом Андреевичем в обучении сыновей (Михаила и Федора) латыни.

В классе риторики уровень владения латинским языком был достаточен для того, чтобы не только читать римских авторов, но и свободно перелагать их и учить составлять собственные тексты на латинском языке. Выпускники семинарии по риторическому классу в итоге «произносили наизусть выученные ими сочинения русских и латинских авторов, читали латинские и русские краткие имитации и собственные свои сочинения как в прозе, так и в стихах, причем наблюдалось, чтобы сочинения были переписаны рукою самого автора чисто, аккуратно и без грамматических ошибок» [4, с. 12].

Надо отметить, что это уже закрепленная к концу XVIII столетия практика российского образования (духовного в том числе), которое во многом ориентировалось на европейский опыт и во главу угла ставило классические языки, причем, если в XVII в. акцент делался на древнегреческий язык, то «уже с 1700 г. все новооткрытые семинарии были ориентированы на латынь» [7, с. 55]. Помимо непосредственного изучения латыни как отдельного предмета, в учебные программы были включены дисциплины, преподаваемые на латинском языке и использующие учебные издания, написанные на латыни: риторика, поэтика, философия, теология.

До нас практически не дошли сведения о том, как учился в семинарии Михаил Андреевич, но общее представление о системе образования того

¹ Подробная информация об этой книге приводится в статьях О. А. Дехановой [5] и Б. Н. Тихомирова, Н. А. Тихомировой [6], полемически доказывающих различные варианты того, какое именно издание И. Гюбнера было в доме Достоевских.

времени, имеющиеся исторические сведения непосредственно о Подольской семинарии и факт того, что он поступил в медико-хирургическую академию¹, косвенно, но убедительно свидетельствуют о его свободном владении латинским языком. Именно поэтому, когда в 1833 г. Михаил и Федор Достоевские поступили в полупансион обрусевшего француза Н. И. Драшусова, в котором не оказалось преподавателя латинского языка, Михаил Андреевич лично взялся обучать латыни старших детей.

Семинаристский ученический опыт, помноженный на особенности характера, породил собственную педагогическую методику Михаила Андреевича, описание которой находим в воспоминаниях младшего из братьев Достоевских – Андрея: «И вот с этого времени, каждый вечер папенька начал заниматься с братьями латынью. Разница между отцом-учителем и посторонними учителями, к нам ходившими, была та, что у последних ученики сидели в продолжение всего урока вместе с учителем; у отца же братья, занимаясь нередко по часу и более, не смели не только сесть, но даже облокотиться на стол. Стоят, бывало, как истуканчики, склоняя по очереди: *mensa, mensae, mensae* и т. д., или спрягая: *amo, amas*. Братья очень боялись этих уроков, происходивших всегда по вечерам. Отец, при всей своей доброте, был чрезвычайно взыскателен и нетерпелив, а главное, очень вспыльчив. Бывало, чуть какой-либо со стороны братьев промах, так сейчас разразится крик» [9, с. 68]. Жесткость родительского подхода не отвратила Федора от латинского языка. Вполне возможно, это связано с одним, на наш взгляд, немаловажным фактором семейного воспитания, который не исследован в должной мере, но на который уже обращено внимание достоевсковедов.

Дело в том, что античная лингвокультурология (причем в ее наивысшем, поэтическом, виде) проникает в атмосферу семейного воспитания Достоевского и со стороны его матери – Марии Федоровны, по отцу принадлежащей к купеческому роду Нечаевых, достигшему определенных успехов в торговле, но разоренному войной 1812 г. По материнской линии Мария Федоровна принадлежала к семье Котельницких, представители которой с XVIII в. успешно проявляли себя на культурном и научном поприще. Так, дед Марии Федоровны, Михаил Федорович Котельницкий, был высокообразованным человеком и долгое время работал корректором Московской духовной

¹ Ср.: «Среди учащихся преобладали воспитанники духовных семинарий. <...> Поповичи съезжались в Академию в сентябре, представляли свои аттестаты и подвергались экзаменам в латинском языке и словесных науках» [8, с. 45].

типографии, тесно сотрудничая с Н. И. Новиковым. При типографии была своя библиотека, состав которой, по замечанию П. Бессонова, поражал разнообразием: «рукописи и книги на русском, на славянских и иностранных языках, писанные или печатанные в России, у славян, за границей, всех эпох и весьма разнородного содержания»¹ [10, с. 3]. Должность корректора предполагала не просто хорошее знание русского языка, но и попутное владение классическими языками для работы с текстами, по которым осуществлялась *справа*. Выпускник Славяно-греко-латинской академии², Михаил Федорович по праву мог на эту должность претендовать. Факт того, что он проработал корректором 23 года, свидетельствует и о его профессиональной пригодности к интеллектуальному труду и об увлеченности своим делом. Эта увлеченность не могла не отражаться на атмосфере в семье. Так, в «Воспоминаниях» Андрея Достоевского о просвещенном прадеде говорится следующее: «По всей вероятности, личность эта была недюжинная» [9, с. 19]. Андрей приводит эти сведения со слов своей матери, которая сохранила детские впечатления о своем деде: «На Машу Нечаеву большое культурное влияние оказывала разночинная интеллигентная среда ее матери Варвары Михайловны Котельницкой. Во всяком случае Мария Федоровна была не чужда поэзии, любила музыку, да и сама была достаточно музыкальна, зачитывалась романами» [12, с. 13]. Л. Гроссман, один из биографов Достоевского, так объяснял культурно-социальные влияния на раннее мироощущение будущего писателя: «Предания обедневшего рода литовских шляхтичей переплетались с житейскими навыками третьегильдейских московских купцов, сумевших породниться с крупнейшими столичными негоциантами. Но, быть может, сильнее всего здесь сказывалась традиция умственной культуры, восходящая к начатку XVIII в. – прадеду писателя Михаиле Котельницкому, выправлявшему в московской духовной типографии наборы философских трактатов и богословских сводов. От него шла в коммерческую среду Нечаевых любовь к книге, поэзии, умозрению, картинной речи» [13, с. 14].

Дядя Марии Федоровны, Василий Михайлович Котельницкий, сделал успешную карьеру, став профессором медицины Московского университета. Сохранившиеся воспоминания современников свидетельствуют

¹ Отметим, что это утверждение подвергает большому сомнению А. Е. Викторов, с резкой критикой отозвавшийся на очерк П. Бессонова (см.: [11, с. 46–50]).

² Согласно архивным данным, имя «умершего попа Федора сына Михайло» содержится в списках учеников академии за 1742 г. [3, с. 252].

о разносторонних интересах Василия Михайловича, которые во многом сформированы отцовским воспитанием. Пойдя по естественнонаучной стезе¹, Василий Михайлович вел активную общественную жизнь, состоял в различных научных обществах, в том числе – Обществе истории и древностей российских. Страстная увлеченность русской историей вылилась в том числе в коллекционирование рукописных и печатных книг, среди которых были экземпляры на латинском языке². Братья Достоевские (Михаил, Федор, Андрей) относительно часто общались со своим двоюродным дедом, который был бездетен и всю свою нерастраченную родительскую любовь направлял на внучатых племянников. «И если младший – Андрей Достоевский запомнил лишь впечатления от посещений, вместе с дедом, подновинского гуляния, то старший – Федор – несомненно знал и помнил и то драгоценное собрание, что хранилось в доме деда» [14, с. 84].

Особое внимание хотим обратить на двоюродного брата Марии Федоровны – Александра Михайловича Котельницкого³, известного в свое время поэта и переводчика античных авторов. Его перу принадлежат переработка сюжета из «Метаморфоз» Овидия (в соавторстве с Е. П. Люценко) [15], «перелицовка» окончания поэмы Н. П. Осипова «Вергилиева Энеида» [16]. Однако помимо оригинального творчества Александр Михайлович занимался переводами античной классики, и прежде всего – од Горация. Некоторые из его поэтических переводов гораццианских од были опубликованы в журнале «Приятное и полезное препровождение времени» (1796). Однако большая часть переводов не увидела широкого читателя. «„Классические симпатии“ будущего поэта, его штудирование Горация, весьма возможно, были результатом влияния деда-латиниста» [14, с. 84]. Родство Достоевских и А. М. Котельницкого – относительно недавно доказанный факт⁴. Скудость дошедших до нас историко-биографических сведений не позволяет нам судить о том, были ли известны семье родственников его поэтические и переводные произведения – семейная библиотека, имевшаяся в родительском доме

¹ В Московском университете В. М. Котельницкий преподавал медицинскую химию, фармакологию, рецептуру, позднее – историю медицины.

² Например, «*Symbola et emblemata jussu Augustissimi ac Serenissimi Imperatoris Moschoviae M. D. Czaris Petri Alexeidis*» (Amsterdami, 1705).

³ А. М. Котельницкий – сын Михаила Михайловича Котельницкого, сына М. Ф. Котельницкого от первого брака.

⁴ Вопрос о возможном родстве поднимался, но не утверждался, например, в публикациях: [17], [18].

Достоевского, не сохранилась (как не сохранились библиотеки других периодов жизни писателя: его обучения в Инженерном училище, начала литературной деятельности в Петербурге, библиотеки 1860-х годов до отъезда за границу¹). Но можно предположить, что успехи родственника на литературном поприще могли быть известны чете Достоевских в силу их увлеченности чтением и, как следствие этого, передаваться детям «в качестве стратегического ориентира» [20, с. 196]. Михаилу Андреевичу как родителю, считавшему отличное образование залогом жизненного успеха, было свойственно апеллировать к ближнему кругу – добившимся успеха родственникам и знакомым.

Приведенные нами сведения косвенно, но убедительно свидетельствуют об античной лингвокультурной составляющей семейного воспитания Ф. М. Достоевского. На генетическом и культурном уровне воспринятый его родителями античный код подспудно передавался детям в качестве естественного элемента образования.

Литература

1. *Кнабе Г. С.* Русская античность: Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России: Программа-конспект лекц. курса Г. С. Кнабе. Москва: РГТУ, 1999. 238 с.
2. *Успенская А. В.* Античность в русской поэзии второй половины XIX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01 / Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, 2005. 52 с.
3. *Волгин И.* Хроника рода Достоевских. Родные и близкие. Историко-биографические очерки. Москва: Фонд Достоевского, 2012. 1232 с.
4. *Синицкий Д. А.* Исторические сведения о Подольской духовной семинарии. Каменск-Подольск: типография Подольского губернского управления, 1866. 79 с.
5. *Деханова О. А.* История о книге с иллюстрациями. «Первая книга для чтения» в семье Достоевских // Достоевский и мировая культура. Альманах № 36. Санкт-Петербург, 2018. С. 9–18.
6. *Тихомиров Б. Н., Тихомирова Н. А.* Так какое же издание книги Гибнера мог читать в детстве Достоевский? (По поводу статьи О. А. Дехановой) // Достоевский и мировая культура. Альманах № 36. Санкт-Петербург, 2018. С. 19–30.
7. *Кислова Е. И.* Немецкий язык в русских семинариях XVIII века: из истории культурных контактов // Вестник ПСТГУ. Сер. III: Филология. 2015. Вып. 1 (41). С. 53–70.
8. Столетие военного министерства. 1802–1902. Императорская военно-медицинская (медико-хирургическая) академия. Санкт-Петербург: Синодальная типография, 1902. 506 с.
9. *Достоевский А. М.* Воспоминания. Санкт-Петербург: Андреев и сыновья, 1992. 408 с.

¹ Об этом см.: [19].

10. *Бессонов П.* Типографская библиотека в Москве: Ист. очерк. Москва: тип. А. Семена, 1859. 66 с.
11. *Викторов А. Е.* Библиотека и историческая деятельность Московской синодальной типографии: (По поводу ст. г. П. Бессонова: Типографская библиотека в Москве, ист. очерк. «Русская беседа», 1859 г. Кн. 5). Москва: Унив. Тип., ценз. 1859. 55 с.
12. *Белов С. В.* Федор Михайлович Достоевский. Москва: Просвещение, 1990. 207 с.
13. *Гроссман Л.* Достоевский. Москва: Молодая гвардия, 1965. 605 с.
14. *Федоров Г. А.* Московский мир Достоевского. Из истории русской художественной культуры XX века. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 464 с.
15. *Люценко Е. П.* Похищение Прозерпины: В трех песнях: Наизнанку. Москва: Тип. А. Решетникова, 1795. 95 с.
16. *Котельницкий А.* Виргилиева Енейда / вывороченная на изнанку. Александром Котельницким. Санктпетербург: печатана в типографии Шнора, 1802–1808. 2 т.
17. *Томашевский Б. В.* Комментарии // Ирой-комическая поэма. Ленинград: Издательство писателей в Ленинграде, 1933. С. 467–468.
18. *Морозова Г. В.* Гораций в рукописных фондах Г. Р. Державина // Античность и общечеловеческие ценности. Вып. 9. Алматы, 2003. С. 120–125.
19. *Тихомиров Б. Н.* Книги, бывшие у Достоевского во время пребывания в Алексеевском равелине Петропавловской крепости (1849 год) // Неизвестный Достоевский. Электронный научный журнал. 2015. № 3. URL: http://unknown-dostoevsky.ru/journal/content_list.php?id=4281 (дата обращения: 02.10.2019).
20. *Кошечко А. Н.* Направления воспитания ценностной структуры повседневно-экзистенциального сознания Ф. М. Достоевского // Вестник ТГПУ. Томск, 2017. № 11 (188). С. 194–202.

М. Н. Славятинская

Кафедра классической филологии, Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Россия, Москва

А ГДЕ ЖЕ ГРЕЧЕСКИЙ? (К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ)

Статья посвящена анализу системы и процесса образования в эпоху глобализации. Отмечается необходимость изучения, по словам А. А. Фета, «наших корней» (греко-латинского мира) путем введения изучения древнегреческого и латинского языков.

Ключевые слова: образ, образование, фундаментальный, всесторонний, глобализация, философия образования.

M. Slavyatinskaya

Department of classical philology, Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

WHERE'S THE GREEK? (TO THE PROBLEM OF INTELLECTUAL GLOBALIZATION)

The article is devoted to the analysis of the system and the process of education in the era of globalization. The necessity of studying, according to A. A. Fet, «our roots» (i. e. the Greek-Latin world) by introducing the study of ancient Greek and Latin languages is noted.

Keywords: image, education, fundamental, comprehensive, globalization, philosophy of education.

Автор:

Марина Николаевна Славятинская – кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии МГУ.
slamarnik@mail.ru

Author:

Marina Slavyatinskaya – PhD in philology, associate professor of the department of classical philology, MSU.

Человечество вступило в эпоху глобализации, которая сочетает два противоположных направления: объединительное (создание глобальной культуры, глобализация экономики и пр.) и дифференцирующее (осмысление *своей* истории, национальной культуры, особенностей языка и типов словесности). Это направление имеет целью сопоставление цивилизаций и противостояние нивелирующим процессам глобализации.

Поэтому в настоящее время весьма актуально пристальное внимание к роли эллинской культуры и роли греческого языка античной Греции и Византии в истории формирования европейской цивилизации в целом и славяно-русской в особенности.

Провидец Вергилий уже в «Энеиде» описал разный тип культуры и разную историю эллинского и римского мира:

Excudent alii spirantia mollius aera
(cedo equidem), vivos ducent de marmore voltus,
Orabunt causas melius, caelique meatus
Describent radio et surgentia sidera dicent:
Tu regere imperio populos, Romano, niemento
(haec tibi erunt artes) pacique imponere morem,
Parcere subiectis et debellare superbos.
(VI, 847–853)

Смогут другие создать изваянья живые из бронзы,
Или обличье мужей повторить во мраморе лучше,
Тяжбы лучше вести и движенья неба искусней
Вычислят иль назовут восходящие звезды – не спору:
Римлянин! Ты научись народами править державно –
В этом искусство твое! – налагать условия мира,
Милость покорным являть и смирять войною надменных!
Пер. С. А. Ошерова

Разная судьба ждала не только эллинов и римлян, но и языки этих народов: греческий и латинский. Ниже речь пойдет о греческом языке античной Греции и Византии в России.

Оказалось, что еще в начале XVIII века в России не изучали древнегреческий язык (или иначе «язык античной Греции и Византии»).

Так, в программе Царскосельского («пушкинского») лицея обращает на себя внимание тот удивительный факт, что среди множества изучавшихся там предметов нет греческого языка, что может считаться свидетельством отчуждения греческого языка от светской культуры и образования¹.

Вот какие предметы изучал Пушкин в Лицее:

- российская и латинская словесность;
- латинский язык;
- основы нравственной философии и логики;
- арифметика, алгебра, тригонометрия;
- физика;
- немецкий язык и немецкая словесность;
- французский язык и французская словесность;
- история права, правоведение;

¹ В духовных учебных заведениях греческий язык всегда (вплоть до настоящего времени) был предметом профессионального изучения (в той или иной степени).

- история российская, иностранная;
- география;
- хронология;
- этика;
- археология;
- история религии;
- политическая экономия, финансы;
- практическая механика;
- идеология, психология, космология;
- фехтование, верховая езда;
- изящные искусства и гимнастические упражнения, плавание;
- хоровое пение;
- артиллерия, морское дело, фортификация;
- нумизматика.

Тип изучения античной культуры легко виден из строф пространной оды любимейшего лицеистами преподавателя словесности Николая Федоровича Кошанского: упоминание об Элладе, Афине, Музах (греч.) и гениях (лат.) стало просто фигурой украшения. Ср. стихи из «Песни на открытие Лицея в Царском Селе»: лицеисты «и быть полезными Отечеству желают // И Муз и гениев Эллады призывают». Такое же отношение к греко-римскому миру видим мы и у Пушкина:

Плещут волны Флегетона,
Своды Тартара дрожат,
Кони быстрого Плутона
Быстро к нимфам Пелиона
Из Аида бога мчат...

«Прозертина»

С течением времени Пушкин осознал роль греческого языка и написал о нем похвальное слово (скорее, высказал мнение, поскольку греческого языка поэт никогда не изучал). В статье «О предисловии к переводу г-на Лемонте басен И. А. Крылова» от 1823 г. он писал: «В XI веке древний греческий язык вдруг открыл [славяно-русскому языку] свой лексикон, сокровищницу гармонии, даровал ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи; словом, усыновил его, избавя таким образом от медленных усовершенствований времени. Сам по себе уж звучный и выразительный, отселе заемлет он гибкость и правильность» [1, с. 27].

I

**Этапы и причины отчуждения греческого языка
античной Греции и Византии****1. Создание на Руси / в России аналога византийской культуры (конец IX–X века) и славянского аналога древнегреческого языка.****1.1. Создание славянской письменности.**

Прямое заимствование византийской культуры, осуществлявшееся путем усвоения греческого языка в его разговорной и книжной формах через прямые контакты с греческими культурными, церковными и политическими деятелями и с греческим населением, естественно, оказалось по многим причинам недостаточным. Славянское население не понимало богослужения, зависимость дипломатической и административной деятельности в славянских странах от носителей греческого языка создавала множество дополнительных препятствий.

Внутренние потребности развития славянских народов, приведшие к теснейшим политическим и культурным контактам с Византией, к необходимости принятия христианства, поставили славянских политических и культурных деятелей перед необходимостью скорейшего и полнейшего овладения византийской и европейской культурой и притом, главным образом, в письменной форме. Это привело к неоднократным попыткам создания славянского письма на основе латинского или греческого алфавитов, о чем свидетельствуют слова черноризца Храбра в его сказании «О письменах»: «Ведь прежде славяне, когда были язычниками, не имели письмен, но (читали) и гадали с помощью черт и резов. Когда же крестились, то пытались записывать славянскую речь римскими и греческими письменами, без порядка... и так было многие годы» (Сказания о начале славянской письменности. Москва, 1981. С. 102).

Характер славянской письменности и славянского литературного языка, да и судьба славянской культуры-посредницы во многом могли бы быть иными, если бы не ряд субъективных обстоятельств, главным из которых было то, что в процесс создания славянской письменности оказались вовлечены сыновья друнгария (военачальника) из Солуни (Фессалоник) Константин (827–869), который в последний год жизни принял монашество и имя Кирилл, и его старший брат Мефодий (815–885), известный только под монашеским именем.

1.2. Создание литературного общеславянского языка.

Специфика истории славянской письменности состоит в том, что она с самого начала была задумана как способ передачи и распространения греческих богослужебных текстов, являвшихся неотъемлемой частью византийской

литературы. Кирилл и Мефодий, будучи образованнейшими людьми своего времени, сразу заложили основы славянского православия и славянского литературного языка. При определении последнего особенно важно подчеркнуть роль греческого языка в сознательном и целенаправленном создании славянского литературного языка. В этом – главное отличие типа и судьбы старославянского языка как литературного от других литературных языков: старославянский язык не является языком эволюционного развития, он был создан в результате определенного творческого акта и четко ориентирован на литературный язык другого народа.

1.3. Переводная с греческого литература как основная часть общеславянской литературы.

Свою переводческую деятельность Константин-Кирилл начал с перевода Евангелия Апрактос ('бездеятельный, праздничный'), то есть с создания сборника текстов, выбранных из четырех евангелий и наиболее необходимых для христианского богослужения. Затем вместе с Мефодием они перевели «Псалтырь» (сборник из 150 библейских песнопений, приписываемых царю Давиду), Послания апостолов (сокращенно «Апостол») и некоторые другие богослужебные книги. После смерти брата Мефодий с учениками закончили перевод Библии, перевели Номоканон – сборник церковных правил, одобренных церковными соборами (в славянских странах этот сборник получил название «Кормчая книга»), была переведена «Цветная Триодь» (Трипесенец).

2. Греческий язык античности и Византии на Руси / в России в XV–XVI веках.

Огромное количество переводов, неизмеримо возросшее с конца XV века, сыграло двойную роль: с одной стороны, они познакомили грамотных людей с содержанием греческих текстов, с другой – оттеснили всех читавших их от непосредственного обращения к греческим текстам:

В XV веке на Руси началась работа по систематизированию накопленного литературного материала. В это время собирали и заново переписывали тексты, относящиеся к конкретному месяцу (жития и мучения святых, слова и т. п.), так возникали «Минеи», предназначенные для чтения (четы).

А в XVI веке под руководством митрополита Макария были составлены Великие Минеи Четии (ВМЧ) – грандиозный литературный монумент, куда вошли многочисленные произведения, иногда очень древние по происхождению: жития (переводные и оригинальные, в том числе новых святых), а также важнейшие духовные сочинения византийских, западных, южнославянских и русских авторов.

В своей работе, посвященной ВМЧ, архимандрит Макарий (Веретенников) приводит внушительный перечень названных лиц. Это – Анастасий, монах Горы Синайской,

святитель Андрей Критский, Антиох, Аркадий Кипрский, Афанасий Александрийский, Брунон – епископ Вюрцбургский, Василий Великий, Василий Селевкийский, Георгий, архиепископ Александрийский, Георгий Экзарх, Герман, архиепископ Александрийский, Григорий Цамблак, Григорий инок, Григорий, папа Римский, Евагрий, Евсевий епископ, Евфимий инок, Евфимий, патриарх Тырновский, Епифаний Кипрский, преподобный Ефрем Сирий, Иоанн Златоуст, Иоанн Дамаскин, Иосиф Волоцкий, Исаак Сирий, Кирилл Александрийский, Леонтий, епископ Кипрский, Максим Грек, старец Памва, Пахомий Серб, Прокл, архиепископ Константинопольский, Севериан, епископ Авальский, Симеон Богослов, Симеон Метафраст, Симеон Месопотамский, Тимофей, архиепископ Александрийский, преподобный Феодор Студит, Феофил Александрийский, Филолог Черноризей и др. Объем этого огромного свода – 27000 страниц убористого текста в два столбца. Весь годовой цикл Четых Миней включает несколько тысяч крупных и мелких (иногда совсем мелких) переводных произведений.

Полный обзор переводных византийско-славянских сочинений – невозможен, однако даже самого общего взгляда достаточно, чтобы стал понятен впечатляющий масштаб переводческой и редакторской деятельности славян и на Руси, определивший содержание наследия византийско-славянской гуманитарной культуры [2, с. 39].

Итак, на Руси / в России XV–XVI века были временем создания славянского аналога византийской культуры и временем создания огромного корпуса переводов с греческого языка, что уничтожило необходимость для грамотных русских людей обращаться непосредственно к греческому тексту. Об этом с горечью писал русский философ Г. П. Федотов. Нужно сказать, однако, что перевод и издание их способствовали появлению большого числа переводчиков, справщиков, типографских рабочих – но все это был весьма ограниченный слой грамотных людей, знающих или знакомых с греческим языком.

А что в это время было в Европе?

Греческий язык в эпоху Возрождения стал элитной, но маргинальной частью культуры. Множество образованных греческих филологов, философов, грамматиков и др., покинувших Византию, побудили образованнейших деятелей Западной Европы обратиться к изданию греческих рукописей и к преподаванию греческого языка.

Альд Мануций (Aldus Manutius, 1449–1515), известнейший книгопечатник, создавая серию книг античных авторов, получившую название «Альдины», издал в пяти томах сочинения Аристотеля.

Эразм Роттердамский (Erasmus Roterodamus, 1466–1536) – главная фигура европейского гуманизма. Он составил большой сборник греческих и латинских изречений, издал текст Нового Завета с комментариями. Эразм был поборником изучения античной Греции, а потому реконструировал древнее произношение греческого языка.

Иоганн Рейхлин (1455–1522) первым в Германии стал преподавать древнегреческий язык, настаивая на чтении текстов в современном «византийском» произношении. Он написал греческую грамматику, издал для нужд школы тексты греческих авторов.

XVI век – век становления текстологии древнегреческих текстов. «Дело с ними обстояло совсем не так, как с изданием латинских. Греческие тексты стали издаваться позже и требовали более редкой квалификации. В XVI в., когда неизданных классических латинских текстов практически не оставалось, а большинство из них существовало уже в десятках разных изданий, *editiones principes* греческих текстов продолжали выходить еще долго. Среди дошедших до нас античных текстов греческих вообще значительно больше, чем латинских. Многие тексты еще нужно было отыскать в закоулках библиотек. Поэтому издательская деятельность этого рода вообще в большей степени напоминала то, чем стала текстология в XIX в.: нужно отыскать по возможности вообще все релевантные рукописи и выделить лучшие из них» [3, с. 259].

Но тем не менее... Совсем недавно (в 2016 г.) вышел в свет перевод философского трактата Франческо Петрарки «О превратностях судьбы» в переводе Ларисы Михайловны Лукьяновой. По словам М. Л. Андреева, творчество Петрарки «определило конфигурацию Возрождения», но к греческому языку он не имел отношения: «Попытка Петрарки овладеть греческим языком не увенчалась успехом. Получив из Константинополя в подарок рукопись Гомера на греческом языке, он писал: „Ваш Гомер нем для меня, вернее, я глух к нему“» [4, с. 356]. Да и Леонардо да Винчи совсем не интересовался греческим языком.

Главным языком европейской культуры оставался латинский язык.

II

Постепенное осознание значимости греческого языка античности и Византии в России в XVII–XVIII веках

Лишь в XVII веке в России стал осознаваться «культурный провал» – полное отсутствие преподавания греческого языка, а тем самым отсутствие переводчиков и специалистов. А Западная Европа уже с XV века включила (древне)греческий язык в число своих культурных ценностей.

В XVII веке в России делались попытки открыть среднюю школу для изучения греческого языка (см. статьи Б. Л. Фонкича и Д. А. Яламаса в сборнике «Двойной портрет – IV» (Москва, 2014)).

Анализ отношения к греческому языку во времена Пушкина должен начинаться с XVIII века, с одной стороны, утвердившего «неприятие» греческого языка, а с другой – готовящего его появление в системе образования. Так, при Екатерине II изучение греческого языка и античного наследия стало делом государственной важности. «Греческий проект» Екатерины казался вполне осуществимым, и императрица прочила в наследники византийских императоров своего внука Константина, который с детства основательно занимался освоением греческого. «Гомер должен был, как некая деталь, входить в декоративное убранство блистательного царствования» (Егунов А. Н. Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков. Москва, 2001. С. 180).

XVIII век получил у филологов и историков название «век латинизации России». И действительно, латынь была на первом месте в университетских лекциях, читаемых на этом языке, русская словесность использовала латинские мифологические имена, в медицине – была только латынь. И все же... Приезжавшие (в основном, из Германии) в Россию преподаватели университета и образованных при университете двух гимназий не могли не привезти с собой богатый багаж: не только латынь, но и греческий и древнееврейский, а кроме того, интерес к рукописным собраниям греческих текстов в России.

Об уровне университетского образования можно судить по деятельности Иоганна Маттиаса Шадена (1731–1797), приехавшего в Москву в 1756 г. по приглашению первого куратора Университета графа И. И. Шувалова. И. М. Шаден был доктором философии Тюбингенского университета и считался лучшим ученым по богословию. Он читал в университете греческий язык, греческие и римские древности, философские предметы, «введение в свободные науки», еврейский и халдейский языки.

Его сменил профессор из Лейпцига Христиан Фридрих Маттеи (1744–1811), который тоже преподавал и в университете, и в старших классах гимназии. Он проводил занятия по древней словесности и рассказывал о жизни всех латинских и греческих писателей, представлял для изучения их произведения, предлагал примеры для чтения, отмечал лучшие издания и лучших издателей, объяснял

то Ливия и Ксенофонта, то Горациеву науку стихотворства и сочинение Дионисия Галикарнасского о жизни и творениях Исократ; то Квинтилиана и похвальное слово Плиния, и тут же послание св. апостола Павла к евреям; то Эсхинов разговор о добродетели и Вергилиеву Энеиду. <...> Самое главное, что с лихвой перекрывало для него все трудности жизни в Москве (а они, несомненно, были), – это то, что с первого дня своего пребывания он открыл для себя богатство московских собраний греческих рукописей.

Первым из иностранцев он получил возможность с ними работать и приступил к их исследованию с энтузиазмом первооткрывателя. Все время, пока Маттеи жил в Москве, он был захвачен этой работой и чувствовал себя абсолютно счастливым. Своими занятиями с рукописями он быстро стал известен архиепископу Самуилу (1731–1796), которому было поручено провести ревизию этих рукописей, и тот воспользовался возможностью привлечь молодого ученого, обладающего всеми необходимыми знаниями, к этой работе. Около трех лет понадобилось Маттеи, чтобы составить подробное описание греческих кодексов московских Синодальной и Типографской библиотек. Помимо составления каталога, главным занятием ученого было тщательное изучение каждого манускрипта, поиск в них неизданных и неизвестных до того времени сочинений, сличение рукописей одного содержания между собой, поиски вариантов чтения в печатных изданиях сочинений, содержащихся в рукописи, копирование текста кодекса, подготовка его к печати. Одно за другим выходят в свет издания Маттеи с пометой «прежде не издававшиеся, по московским рукописям».

Но жизнь Маттеи в России была нелегкой по многим причинам, и бытовым, и профессиональным. Ученому не хватало общения с зарубежными коллегами, поскольку в России не было людей, способных понять и оценить его научную деятельность, трудно было издавать свои работы из-за отсутствия высокопрофессиональных издательств. Поэтому, начиная с 1778 года он думал о возвращении на родину. Кроме того, Маттеи беспокоился о судьбе классической филологии в Европе. А в России, несмотря на все старания Маттеи и его уже подросших учеников, положение классической филологии оставалось, по словам ученого, по-прежнему жалким и недостойным, и для того, чтобы исследования в этой области начали ценить и уважать, необходима была большая помощь европейских ученых» [5, с. 63–80 *passim*].

Лишь XIX век стал в России веком «приятия» древнегреческого языка и всей античной культуры в систему светского образования и тем самым – фундаментом культуры Серебряного века.

Российская интеллигенция того времени (в основном, выпускники классической гимназии) помогли устоять древнегреческому языку и в XX веке (создание кафедр классической филологии, секторов античной литературы в академических учреждениях).

Но конец XX века и наступивший век стали временем «неприятия» древнегреческого языка в светском образовании. Как и в начале своего пребывания на Руси, древнегреческий язык стал теперь предметом изучения только в духовных учреждениях.

А как же без греческого?

Для понимания сути европейской цивилизации в целом и славяно-русской культуры мало обратить внимание на проблемы изучения языка античной Греции и Византии в разные исторические периоды.

Есть слова, прежде всего нуждающиеся в точном толковании их значения для сопоставления с подобными словами других языков и культур.

1. Как понять без (древне)греческого языка сокровенный смысл тех или иных слов, обозначивших главные понятия европейской цивилизации? И здесь, прежде всего, нужно попытаться определить, что есть ЛОГОС, слово, ставшее опорным в названиях большинства наук. Вот как определяет, вернее, описывает и поясняет значение этого слова выдающийся филолог и философ Алексей Федорович Лосев:

В Европе нет другого такого языка, в котором мысль и ее словесное выражение обозначались бы совершенно одинаково. Конечно, греки очень любили чистую мысль, еще дословную или бессловесную, но она была для них только предварительной и необходимой абстракцией для того, чтобы с привлечением и всех других сюда относящихся абстракций в конце концов получить логос как нечто цельное. Древние греки прославились также и своей бесконечной любовью к слову, к разговорам, ко всякого рода спорам, доходившим до бесконечных прений и даже болтливости. Но эта любовь к словам была только одной частной областью их общего мировоззрения, для общего же мировоззрения мысль и слово были одно и то же [6, с. 32].

Знание *смысла* слова ЛОГОС поможет понять суть науки, называемой «филология» и обычно толкуемой как «любовь к слову». Напомним, что филология выделилась из философии. Поэтому «филология» есть «любовь к *смыслу*, выраженному в слове». Подчеркнуть этот смысл слова «филология» очень важно именно в данное время – время пренебрежения к гуманитарному образованию.

Только такое толкование значения слова ЛОГОС поможет понять смысл первых стихов Евангелия от Иоанна.

Перевод слова ЛОГОС русским словом «слово» сузил смысл начальных стихов Евангелия, о чем написал академик Андрей Александрович Белецкий в статье «Ошибки святого Иеронима»:

Учитывая семантический диапазон греческого ЛОГОС, лучше всего было бы для перевода его на русский язык выбрать из его значений то, что диктуется общим смыслом первых строк Евангелия от Иоанна, а именно: «причина, основа, основание». Итак, приняв во внимание еще и это значение, следовало бы перевести евангельский текст приблизительно таким образом: «В начале была основа, и она была соотнесенной с Богом, и основа была Богом. Она была в начале соотнесенной с Богом. Все возникало из нее и без нее ничто не возникало». Можно сказать, что в данном тексте «логос» – основа, первооснова, причина, первопричина – понимается как аристотелевская «движущая сила», как двигатель, давший толчок для сотворения мира. Различие между аристотелевским пониманием этого двигателя и христианским пониманием логоса-первопричины заключается в том, что логос не только был причиной сотворения мира, но и продолжает действовать в нем.

Замена греческого «логоса» латинским *verbum* – это первая ошибка святого Иеронима. <...> В традиционных переводах на европейские языки и, в частности, на русский, следом за святым Иеронимом и его *verbum* переводится как «слово». Из-за такого перевода начало Евангелия от Иоанна стало загадочным и вызвало много толкований, в основе которых было ошибочное отождествление греческого *logos* с латинским *verbum*. Этот «буквальный» и необоснованный перевод затуманил содержание греческого текста [7, с. 106].

2. Как понять первоначальный смысл понятия «свобода» (ἐλευθερία), понятия, столь актуального в настоящее время?

Приведем объяснение соотношения свободы и рабства в античном мире, даваемое А. Ф. Лосевым:

...рабом, как гласит учение важнейших античных философов классического периода (включая Платона и Аристотеля), человек является по рождению, по природе. Он, так сказать, раб по самому своему существу... В античном мире свободные сознают себя рабами общего миропорядка, рабами прежде всего судьбы, рока. Может быть, с иной точки зрения, это рабство более легкое, чем рабство в обычном смысле. Но будем рассуждать не с «иной» точки зрения, а с точки зрения самой же античности. Античный человек ощущает себя в полной зависимости от круговращения душ, которое неизвестно кто направляет, в полной зависимости от рока, преследующего цели, неизвестные никому, в том числе и ему самому. <...> В античности существует резкая иерархия рабства, но это иерархия не по степени зависимости и свободы человека, но по смысловому содержанию самого рабства. Одни рабы в одном отношении, другие – в другом, но все одинаковым образом безответны, одинаковым образом связаны во всей своей жизни и смерти, одинаковым образом ничего не знают о последних основах своего бытия и поведения [8, с. 54–55].

Отсутствие даже элементарных знаний древнегреческого языка суживает понимание античности и ее культуры. Одним из примеров (а их можно привести множество) полного неведения значимости эллинского мира (культурного и языкового) может служить монография «Древние языки в русской литературе XIX века», где на 194 страницах под древними языками понимаются только латинский и (древне-)старославянский. Оговоримся сразу, что создатели этой интересной монографии не виноваты в том, что древнегреческий язык просто не существует (в силу специфики современного российского образования) в языковом сознании филологов и историков. Преподавание древнегреческого языка есть в настоящее время не постоянная системная часть образования (среднего и высшего), а результат деятельности отдельных энтузиастов и высокообразованных руководителей учебных заведений!

Послесловие

Итак, напомним, что эпоха глобализации есть время не только нивелирующего объединения, но и осмысления различий цивилизации.

А как высветить специфику славяно-русской культуры без обращения к языку и культуре античной Греции и Византии? Не поняв особенностей *славяно-эллинского мира*?

Невольно вспоминается начало книги Екклезиаста (1:5–6, 9):

⁵ Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит.

⁶ Идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои.

⁹ Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем.

Эти стихи можно толковать печально, если иметь в виду печальную судьбу древнегреческого языка в России. А может, стоит вспомнить культуру Серебряного века, «вскормленного» классической гимназией и надеяться на возвращение эллинов в Россию, на понимание, что русская культура – это культура славяно-эллинская...

Литература

1. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 2. Москва-Ленинград, 1949.
2. *Чернышева М. И.* Уходящие слова, ускользящие смыслы: монография. Москва, 2009.
3. *Шумилин М. В.* Эхил Пьера Веттори и Анри Этьенна: издание греческих текстов в XVI веке // *Науки о языке и тексте в Европе XIV–XVI веков.* Москва, 2016. С. 259–296.
4. *Абрамсон М.* Франческо Петрарка и начало итальянского гуманизма // *Петрарка в русской литературе* в 2 кн. Кн. 2. Москва, 2006.
5. *Тюрина Г. А.* Христиан Фридрих Маттеи // *Двойной портрет – IV.* Москва, 2014. С. 63–80.
6. *Страсть к диалектике: Литературные размышления философа.* Москва, Советский писатель, 1990.
7. *Белецкий А. А.* Ошибки святого Иеронима // *Collegium.* 1993. № 1. С. 104–107.
8. *Лосев А. Ф.* История античной эстетики. Москва, 1963–1988. Т. 1: Ранняя классика.

Е. В. Стриго

Кафедра классической филологии, Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь

**КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА
НЕПРОИЗВОДНЫХ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ
С ЛАТИНСКОЙ КОРНЕВОЙ МОРФЕМОЙ**

В процессе исследования выявляются мощность, ширина и глубина словообразовательных гнезд непроеводных имен прилагательных с корневой морфемой латинского происхождения.

Ключевые слова: имена прилагательные с латинской корневой морфемой; словообразовательный потенциал; словообразовательное гнездо; мощность, ширина, глубина словообразовательного гнезда.

K. Stryha

Department of classical philology, Belarusian State University, Minsk, Belarus

**QUANTITATIVE CHARACTERISTIC
OF THE DERIVATIONAL POTENTIAL
OF NON-DERIVATIVE ADJECTIVES
WITH LATIN ROOT MORPHEME**

During the study, the power, width and depth of word-building nests of non-derivative adjectives with a root morpheme of Latin origin are revealed.

Keywords: adjectives with the Latin root morpheme; derivational potential; derivational nest; the power, width, depth of the word-building nest.

Автор:

Екатерина Викторовна Стриго – кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии БГУ.
str.katya@mail.ru

Author:

Katsiaryna Stryha – PhD in philology, associate professor of the department of classical philology, BSU.

Изучение словообразовательного потенциала как языковой категории является одной из актуальных проблем современной лингвистики (см. работы С. В. Артюховой, Г. В. Беляковой, Т. Ю. Гаврилкиной, А. Р. Гелегаевой, А. В. Дурневой, Т. Х. Каде, Н. В. Пономаревой, Я. В. Свечкаревой и др.). При этом существует широкое и узкое понимание данного термина. В широком смысле словообразовательный потенциал «складывается из многообразия мотивирующих единиц, способов и средств деривации, взаимодействующих друг с другом» [4, с. 15]. В узком смысле исследуется словообразовательный

потенциал отдельных способов словообразования и словообразовательных средств, а также словообразовательный потенциал слов, который находится в центре внимания и нашего исследования.

В дериватологии словообразовательный потенциал слова чаще всего определяется как способность лексемы к образованию новых слов, которые представлены в таких единицах, как словообразовательная парадигма, словообразовательная цепочка (СЦ) и словообразовательное гнездо (СГ). Деривационные возможности слова характеризуются по количеству его производных (количественная характеристика словообразовательного потенциала), по принадлежности производных к определенной части речи и по характеру словообразовательных значений, которые эти производные выражают (семантическая характеристика словообразовательного потенциала).

Цель настоящего исследования – представить количественную характеристику словообразовательного потенциала непроеводных имен прилагательных с латинской корневой морфемой (*оказиональный* < лат. *occasionālis* ‘случайный’; *сенсуальный* < лат. *sensuālis* < *sensus* ‘чувство’; *эрудированный* < лат. *erudīre* ‘научать, обучать’; *стабильный* < нем. *stabil* < лат. *stabilis* ‘постоянный, устойчивый’ [1]). Данный корпус заимствованной лексики уже давно существует в русском языке и представляет научный интерес в плане изучения особенностей реализации словообразовательных возможностей иноязычных слов в условиях функционирования в языке-реципиенте.

Для того чтобы количественно охарактеризовать словообразовательный потенциал непроеводной лексемы, измеряют мощность, глубину и ширину ее словообразовательного гнезда. Объектом нашего исследования являются словообразовательные гнезда непроеводных имен прилагательных латинского происхождения, обнаруженные нами в «Словообразовательном словаре русского языка» А. Н. Тихонова [8]. В данном словаре зафиксированы 204 интересующие нас лексические единицы. Большинство из них (156 имен) проявляет деривационную активность, организуя СГ различной наполненности и структуры, 48 имен характеризуются нулевым словообразовательным потенциалом и представляют собой одиночные слова. Причем в этом же словаре более раннего года выпуска [7] нами было выявлено 208 непроеводных заимствованных из латинского языка адъективных лексем, из которых 67 слов являлись одиночными. Таким образом, в течение нескольких десятилетий произошло развитие деривационного потенциала у некоторых одиночных прилагательных. Так, 14 слов в словаре более

позднего года издания [8] уже возглавили свои собственные СГ (*витальный, сонорный, тактильный, эвентуальный, экстремальный* и др.), 5 имен (*генитальный, конфессиональный, терминальный, викарирующий, композитный*) зафиксированы в качестве производных в соответствующих десубстантивных СГ: «гениталия», «конфессия», «терминал», «викариат», «композит». При этом две из них также демонстрируют развитие словообразовательного потенциала, так как сами становятся мотивирующими для других производных: *генитальный* → *ур-о-генитальный* и *конфессиональный* → *этно-о-конфессиональный*.

Кроме того, мы обнаружили одно новое СГ с базовым именем прилагательным с латинской корневой морфемой *маскулинный* (< лат. *masculīnus* ‘мужской’). Данная лексема ранее не была отмечена в словаре А. Н. Тихонова [7], но в словообразовательной системе русского языка она стала соотноситься с лексемой *маскулинизация*, в результате возникли новые мотивационные отношения и лексемы *маскулинный* и *маскулинизация* приобрели статус мотивирующего и мотивированного слова по отношению друг к другу.

Итак, в соответствии с уточненными данными, отраженными в «Словообразовательном словаре русского языка» А. Н. Тихонова [8], количественная характеристика деривационного потенциала непродеривированных адективных лексем с латинской корневой морфемой может быть представлена следующим образом.

С точки зрения мощности, которую составляют все производные словообразовательного гнезда без учета исходного слова [6, с. 6], анализируемые СГ можно рассматривать как нулевые, слаборазвернутые и сильноразвернутые [3, с. 229]. Нулевые СГ имеют одиночные лексемы, которые на данный момент времени не дают производных. Под слаборазвернутыми подразумеваются гнезда, состоящие только из одного производного слова, под сильноразвернутыми – гнезда, включающие в свой состав два и более производных. В нашем материале встречаются все разновидности гнезд данной классификации, наиболее частотны – сильноразвернутые СГ. Количественный состав производных в рассматриваемых СГ, что соответствует их словообразовательной мощности, представлен в таблице 1.

Таким образом, среди анализируемых деадъективных СГ встречаются нулевые СГ – 48 (23,5 %), слаборазвернутые СГ – 42 (20,6 %) и сильноразвернутые СГ – 114 (55,9 %).

Таблица 1

Мощность СГ имен прилагательных с латинской корневой морфемой

Мощность СГ	Количество СГ	Примеры СГ
0	48	Адвентивный, инкурабельный, небулярный
1	42	Виртуальный, дискордантный, квалитативный, оккультный, сервильный, фриктивный, церебральный
2	37	Адекватный, дискретный, имманентный, летальный, медиальный, модальный, провизорный, тривиальный
3	19	Вербальный, визуальный, инфантильный, ликвидный, оккациональный, толерантный, факультативный
4	9	Индифферентный, компаративный, ориентальный
5	6	Примитивный, ретикулярный, корректный, сенситивный, солидарный, лояльный
6	2	Венерический, субстантивный
7	5	Мобильный II ¹ ‘подвижный’, фамильярный, солидный, сенсуальный, регулярный
8	4	Вокальный, гуманный, официальный, утилитарный
9	4	Аккуратный, генеральный, интенсивный, палатальный
10	4	Назальный, муниципальный, локальный, легитимный
11–17	16	Актуальный, вульгарный, конкретный, лабиальный, легальный, популярный, релятивный, стабильный
22–39	7	Нейтральный, рациональный, реальный, специальный
50	1	Активный II ‘деятельный’

32 % всех сильноразвернутых СГ представляют собой СГ с двумя дериватами в своем составе, 17 % – СГ с тремя дериватами, 8 % – СГ с четырьмя дериватами. СГ, в состав которых входят 5–10 производных, составляют 22 %; СГ, включающие в свой состав от 11 до 50 слов, составляют 21 %.

Средние показатели мощности СГ той или иной группы слов определяются в результате деления общего количества производных, присутствующих в гнездах слов данной группы, на количество их производящих,

¹ Здесь и далее римские цифры обозначают омонимы

т. е. исходных слов исследуемых СГ [5, с. 9]. Всего в анализируемых деадъективных СГ мы обнаружили 857 дериватов. Значит, средняя словообразовательная мощность СГ имен прилагательных с латинской корневой морфемой составляет 4,2 ($857 \div 204$).

Самые высокие количественные показатели словообразовательной мощности обычно наблюдаются у частотных, стилистически нейтральных, многозначных слов. В нашем материале общеупотребительные и полисемантические имена прилагательные также имеют самые богатые по набору производных словообразовательные гнезда (СГ *рациональный* – 27 дериватов, СГ *специальный* – 39 дериватов и т. д.). Однако ввиду того, что большая часть анализируемых прилагательных относится к сфере терминологии, которая стремится к однозначности своих понятий, среди рассматриваемых непроемных имен в основном встречаются моносемичные единицы (почти 80 %), деривационные возможности которых всегда ниже (СГ *селективный* – 1 дериват, СГ *каузальный* – 1 дериват и т. д.). Часть непроемных имен прилагательных с латинской корневой морфемой относится к малоупотребительной лексике, которая используется лишь в речи небольшого, узкого круга специалистов: *герминативный* (биол.), *вентральный* (анат.), *висцеральный* (анат.), *гуморальный* (физиол.) и т. д. Такие адъективы имеют нулевые или (реже) слаборазвернутые СГ.

«Ширина СГ определяется количеством производных первой ступени деривации на парадигматической оси» [2, с. 140]. Количественная характеристика интересующих нас деадъективных СГ с точки зрения ширины представлена в таблице 2.

Таблица 2

Ширина СГ имен прилагательных с латинской корневой морфемой

Ширина СГ	Количество СГ	Примеры СГ
0	48	Аксиальный, гентильный, дуоденальный, курульный
1	49	Адъективный, окказиональный, плюральный, резистентный, тактильный, экзистенциальный
2	44	Адекватный, имманентный, медиальный, мизерный, перманентный, спонтанный, тривиальный, эlegantный
3	28	Вербальный, визуальный, гуманный, индифферентный, лояльный, назальный, палатальный, сенситивный
4	7	Консервативный, локальный, солидарный, стерильный

5	11	Актуальны, вульгарны, генеральны, легітымны, прымітывны, рэгулярны, солідны, утылітарны
6	4	аккуратны, канкретны, лабіальны, моторны II 'двигательный'
7	2	Папулярны, рэальны
8	4	Вокальны, легальны, рацыянальны, стабільны
9	2	Об'ектывны II 'беспристрастный', сэр'езны
10	2	Нейтральны, універсальны
13	1	Соцыальны
16	1	Актыўны II 'деятельный'
20	1	Спецыяльны

Итак, ширина анализируемых нами СГ составляет от 0 до 20. Наиболее частотны СГ, ширина которых равна 0 (24 %), 1 (24 %) и 2 (22 %). Относительно регулярны СГ с шириной, равной 3 (14 % СГ). Более высокие количественные показатели ширины данных СГ встречаются редко: в 5 % СГ ширина равна 5, в 3 % СГ – 4, в 2 % СГ – 6, в 2 % СГ – 8. Доля СГ, ширина которых равна 7, 9, 10, 13, 16 и 20, составляет около 1 % и менее.

Средние показатели ширины исследуемой группы СГ могут быть получены в результате деления общего количества всех производных, находящихся на первой ступени деривации в данных СГ (461 лексема), на общее количество анализируемых СГ: $461 \div 204 = 2,3$.

По нашим наблюдениям, абсолютное большинство деадъективных СГ, ширина которых равна 1 или 2, имеет такую же мощность. Исключениями в основном являются те СГ, у которых на первой ступени присутствует глагол, который, как известно, значительно активизирует процесс словопроизводства:

адъективный → *адъектив-ирова-ть-ся* → *адъективирова-ниј-е*
→ *адъектив-ациј-а*
→ *адъективирова-нн-ый*,

субстантивный → *субстантивн-ость*
→ *субстантив-ирова-ть* → *субстантивировать-ся*
→ *субстантивирова-ниј-е*
→ *субстантив-ациј-а*
→ *субстантивирова-нн-ый*.

Иногда активизации словообразовательной деятельности в СГ способствуют и некоторые субстантивные производные первой ступени:

окказиональный → *окказионал-изм* → *окказионал-ист* → *окказионалист-ск-ий*,
резистентный → *резистентн-ость* → *ради-о-резистентность*.

Глубина СГ соответствует количеству компонентов в самой длинной словообразовательной цепочке гнезда, без учета исходного слова [6, с. 6]. В рассматриваемых гнездах мы обнаружили СЦ с максимальным количеством звеньев – 5, т. е. максимальная глубина данных деадъективных СГ составляет 4 деривационных шага [5, с. 5]. Одиночные имена прилагательные (48 слов) имеют 0 деривационных шагов (*висцеральный*, *париетальный*, *сегетальный*, *фетальный*, *эфферентный*).

Один деривационный шаг отмечен в СГ у 97 имен прилагательных. При этом в 42 СГ словообразовательная мощность и ширина равны 1 (*абразивный*, *велярный*, *окультурный*, *селективный*, *церебральный*), в 35 СГ – 2 (*перманентный*, *сакраментальный*, *имманентный*, *модальный*, *тривиальный*, *экспансивный*), в 15 СГ – 3 (*вербальный*, *трансцендентальный*, *фривольный*, *ригидный*), в 2 СГ – 4 (*консервативный*, *интимный*), в 1 СГ – 5 (*примитивный*), в 1 СГ – 6 (*моторный* II ‘двигательный’), в 1 СГ – 8 (*вокальный*).

Два деривационных шага зафиксировано в СГ у 30 адъективных имен. При этом соотношение мощности и ширины СГ таково:

- в 33 % СГ мощность незначительно превышает ширину, т. е. они примерно равны: СГ *солидарный* (5 и 4), СГ *универсальный* (11 и 10);
- в 60 % СГ мощность (примерно) в 2 раза больше ширины: СГ *актуальный* (11 и 5), СГ *генеральный* (9 и 5), СГ *идентичный* (4 и 2), СГ *конкретный* (11 и 6), СГ *плозивный* (4 и 2);
- в 3 % СГ мощность примерно в 3 раза больше ширины: СГ *назальный* (10 и 3);
- в 3 % СГ мощность в 4 раза больше ширины: СГ *адъективный* (4 и 1).

Три деривационных шага обнаружено в СГ у 23 имен прилагательных. В данных СГ соотношение показателей мощности и ширины следующее:

- в 48 % СГ мощность (примерно) в 2 раза больше ширины: СГ *легитимный* (10 и 5), СГ *лабиальный* (12 и 6), СГ *нейтральный* (22 и 10);
- в 48 % СГ мощность (примерно) в 3 раза больше ширины: СГ *субстантивный* (6 и 2), СГ *палатальный* (9 и 3);
- в 4 % СГ мощность в 4 раза больше ширины: СГ *компаративный* (4 и 1).

Четыре деривационных шага отмечено в 6 деадъективных СГ, у которых соотношение мощности и ширины такое:

- в 17 % СГ мощность примерно в 2 раза больше ширины: СГ *специальный* (39 и 20);
- в 50 % СГ мощность примерно в 3 раза больше ширины: СГ *позитивный II* ‘положительный, основанный на опыте’ (9 и 3), СГ *рациональный* (27 и 8), СГ *активный II* ‘деятельный’ (50 и 16);
- в 33 % СГ мощность примерно в 4 раза больше ширины: СГ *релятивный* (11 и 3).

Итак, глубина анализируемых нами деадъективных СГ может составлять 0 (у нулевых СГ), 1 (у слабо- и сильноразвернутых СГ), 2–4 (у сильноразвернутых СГ). Около половины всех данных СГ (48 %) имеет глубину, равную одному деривационному шагу; 24 % составляют СГ с нулевой глубиной; СГ, у которых показатели глубины равны двум и трем деривационным шагам, составляют 15 % и 11 % соответственно; СГ, глубина которых равна четырем деривационным шагам, составляют всего 3 %.

Средние показатели глубины интересующей нас группы деадъективных СГ могут быть получены в результате деления суммы всех количественных показателей глубины рассматриваемых СГ ($48 \times 0 + 97 \times 1 + 30 \times 2 + 23 \times 3 + 6 \times 4 = 250$) на общее количество СГ: $250 \div 204 = 1,2$.

Выводы.

1. Почти 56 % всех проанализированных нами имен организуют сильноразвернутые СГ, мощность которых может составлять от 2 до 50 дериватов, ширина – от 2 до 20 кодериватов, глубина – от 1 до 4 деривационных шагов. Около 24 % всех интересующих нас лексем имеют нулевые СГ (с нулевой мощностью, шириной и глубиной), около 21 % – слаборазвернутые СГ, мощность, ширина и глубина которых равна 1.

Средние количественные показатели словообразовательного потенциала исследованных нами адъективных имен таковы: мощность – 4,2, ширина – 2,3, глубина – 1,2.

2. Как правило, СГ с большой деривационной мощностью отличаются и высокими показателями глубины и ширины (СГ *стабильный*: 16 – мощность, 8 – ширина, 3 – глубина). И наоборот, низкие показатели мощности часто обнаруживаются у СГ с низкими показателями глубины и ширины (СГ *карболовый*: 1 – мощность, 1 – ширина, 1 – глубина). Однако есть и исключения, которые показывают, что не всегда высокие или низкие показатели

одного параметра количественного описания словообразовательного потенциала соответствуют высоким или низким показателям других параметров (СГ *оказиональный*: 3 – мощность, 1 – ширина, 3 – глубина; СГ *примитивный*: 8 – мощность, 8 – ширина, 1 – глубина и т. д.). При этом мы наблюдаем следующую закономерность: чем больше деривационных шагов отмечено в СГ, тем больше отличаются количественные характеристики его мощности и ширины. Так, при глубине 2 преобладают СГ, мощность которых примерно вдвое больше ширины или примерно равна ей; при глубине 3 несколько уменьшается количество СГ, мощность которых примерно вдвое больше ширины, но резко увеличивается количество СГ, мощность которых примерно втрое больше ширины; при глубине 4 самыми частотными становятся СГ, мощность которых втрое и даже вчетверо больше ширины.

3. Самые высокие количественные показатели мощности, глубины и ширины закономерно отмечаются у СГ с вершинами нейтральной и общепотребительной лексики (*актуальный, серьезный*). Терминологические же единицы, не имеющие широкого распространения (*дискордантный* (биол.), *медуллярный* (мед.)), чаще всего имеют слаборазвернутые или нулевые СГ и, соответственно, характеризуются низким или нулевым словообразовательным потенциалом. В то же время мы наблюдаем рост деривационного потенциала некоторых прилагательных, относящихся к сфере терминологии (*конформный* (псих.), *тактильный* (мед.)), чему способствует активное развитие науки, а также ее популяризация.

Литература

1. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов: св. 25 000 слов и словосочетаний. Москва: Эксмо, 2008. 941 с.
2. Леонович В. Л. Формально-количественный параметр описания словообразовательного потенциала вариативных прилагательных в русском языке // Русский язык: система и функционирование: к 95-летию БГУ, к 50-летию каф. рус. яз., 90-летию проф. П. П. Шубы: сб. материалов VII Междунар. науч. конф., Минск, 18–19 окт. 2016 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: И. С. Ровдо (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2016. С. 137–141.
3. Мусатов В. Н. Русский язык: морфемика, морфонология, словообразование: учеб. пособие. Москва: Флинта: Наука, 2010. 360 с.
4. Свечарева Я. В. О деривационном потенциале слова как языковой категории // Вестн. Том. гос. ун-та. 2007. № 300. URL: [http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/300\(III\)/image/300_3_015-016.pdf](http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/300(III)/image/300_3_015-016.pdf) (дата обращения: 14.07.2016).
5. Стриго Е. В. Словообразовательный потенциал слов с латинской корневой морфемой в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Белорус. гос. ун-т. Минск, 2017. 27 с.

6. *Суханова И. Ю.* Словообразовательные гнезда с вершиной-иноязычным словом: на материале русской лексики рубежа XX–XXI вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ин-т филол. образования Самар. гос. пед. ун-та. Самара, 2005. 18 с.

7. *Тихонов А. Н.* Словообразовательный словарь русского языка: ок. 145 000 слов: в 2 т. 2-е изд., стер. Москва: Рус. яз., 1990. 2 т.

8. *Тихонов А. Н.* Словообразовательный словарь русского языка: более 145 000 слов: в 2 т. 3-е изд., испр. и доп. Москва: АСТ: Астрель, 2008. 2 т.

А. З. Цисык¹, А. В. Гарник²

¹ Кафедра латинского языка, Белорусский государственный медицинский университет, Минск, Беларусь

² Кафедра классической филологии, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

**ПРОФЕССИОНАЛИЗМ И ДИЛЕТАНСТВО
В ИНФОРМАЦИИ ОБ АНТИЧНОМ МИРЕ
(ПО ПОВОДУ КНИГИ А. Г. ИЛЬЯХОВА «ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ
СЛОВАРЬ. АНТИЧНЫЕ КОРНИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ»)**

Дан критический анализ справочного издания А. Г. Ильяхова «Этимологический словарь. Античные корни в русском языке».

Ключевые слова: античная история, греческая и латинская лексика, достоверность, профессионализм, дилетантство.

A. Tsisyk¹, A. Harnik²

¹ Department of the Latin language, Belarusian State Medical University, Minsk, Belarus

² Department of classical philology, Belarusian State University, Minsk, Belarus

**PROFESSIONALISM AND DILETTANTISM
IN INFORMATION ON ANTIQUE WORLD
(APROPOS OF THE BOOK OF A. ILYACHOV «ETYMOLOGICAL
DICTIONARY. ANTIQUE ROOTS IN RUSSIAN LANGUAGE»)**

Critical analysis of the reference edition «Etymological dictionary. Antique roots in Russian language» of A. Ilyachov.

Keywords: antique history, Greek and Latin language, trustworthiness, professionalism, dilettantism.

Авторы:

¹ **Андрей Зиновьевич Цисык** – кандидат филологических наук, доцент кафедры латинского языка БГМУ.
andreitsisyk@yandex.ru

² **Антонина Васильевна Гарник** – кандидат филологических наук, профессор кафедры классической филологии БГУ.
garnyk@bigmir.net

Authors:

¹ **Andrei Tsisyk** – PhD in philology, associate professor of the department of Latin language, BSMU.

² **Antanina Harnik** – PhD in philology, professor of the department of classical philology, BSU.

Европейский человек в устной и письменной речи использует огромное количество слов и понятий, которые пришли в национальные языки из античного мира. Заниматься историей таких слов и понятий – удел филологов-классиков – специалистов по древнегреческому и латинскому языкам

и античной культуре. Их задача – уметь объяснить историю этих слов и понятий всем заинтересованным лицам – как в стенах учебных учреждений, так и вне их. То, что таких заинтересованных лиц немало, сомневаться не приходится: слишком много сфер жизни, в которых используются как непосредственно античные термины, так и термины, которые создавались на протяжении многих столетий и продолжают создаваться в медико-биологических, гуманитарных, технических и других науках на основе греческих и латинских словообразовательных элементов. Однако далеко не во всех учебных заведениях преподаются курсы латинского и тем более древнегреческого языка, не говоря уже о курсах античной истории и культуры. Поэтому для широкого круга лиц, интересующихся античностью или отдельными вопросами, связанными с античностью, важно иметь доступную и достоверную справочную литературу, с помощью которой можно было бы получить ту или иную информацию. Следует сказать, что такой справочной литературы как не хватало в советское время, так не хватает и сейчас. И сегодня можно только мечтать увидеть на полке домашней библиотеки отечественный словарь-справочник по античности, в котором были бы сведены воедино основные сведения по истории, мифологии, религии, литературе и культуре Древней Греции и Древнего Рима. Поэтому не будет преувеличением сказать, что недавний выход в свет книги «Этимологический словарь. Античные корни в русском языке» [7] многими был встречен с большим энтузиазмом и с большими надеждами. К сожалению, следует отметить, что эти надежды не оправдались: данное издание, на наш взгляд, вряд ли может претендовать на роль авторитетного справочного пособия по античности, ибо содержит многочисленные ошибки и неточности. В пределах данной статьи мы попытаемся сделать критический анализ хотя бы какой-то части этих неточностей, так как их настолько много, что для их полного анализа одной статьи явно недостаточно.

Уже в «Слове автора» вызывает недоумение точка зрения составителя словаря на причину исчезновения древнегреческого и латинского языков. А. Г. Ильяхов считает, что в Древней Греции это произошло из-за того, что там «не на жизнь, а на смерть поколения „чистопородных“ эллинов сражались за уничтожение „варварских примесей“ в их языке», а в Древнем Риме гордые римляне «отвергали любые попытки вторжения чужеродных слов в их язык».

Однако науке об античности не известны факты «войны» древних эллинов с чужеродными языковыми проникновениями. Единственного рода полемика

по языковому вопросу, как известно, велась только в последние века античности между так называемыми «аттикистами», сторонниками употребления письменного и устного вариантов аттического диалекта, на котором созданы все литературные памятники классического периода древнегреческой истории, и сторонниками койне – общегреческого разговорного языка, созданного на основе аттического диалекта, в котором к этому времени наметились определенные изменения в фонетике, морфологии и синтаксисе [15, с. 86–88]. Нет оснований говорить и об отторжении римлянами древнегреческого языка. Ведь общеизвестным фактом является широкое распространение эллинской образованности в Риме и в римских провинциях, утверждение в них греко-латинского билингвизма, написание римлянами на греческом языке сочинений по римской истории и множество других сведений, говорящих о заинтересованном и добровольном восприятии римлянами греческого языка и греческой культуры. Очень кстати в связи с этим было бы включение в содержание словаря А.Г. Ильяхова статьи «Билингвизм» с разъяснением о билингвизме в Римском государстве и в самом Риме. А переход латыни в форму романских языков, как и древнегреческого в новогреческий – объективная историческая закономерность развития от древнейших форм языка до новых, через которую прошли практически все европейские языки.

В тексте словаря удивляют, прежде всего, неточности хронологического плана. Так, на странице 17 читаем, что «в римском праве закон „О прелюбодеянии“ появился еще в **1800 году до н. э.** и просуществовал почти 20 веков». Однако, как известно всем историкам, Рим был основан в **753 г. до н. э.!**

На стр. 35 говорится, что «поэт Пиндар (**I в. до н. э.**), разделяя все недомогания на два сезона: зиму и лето, упоминает ангину в числе зимних болезней». Как известно, поэт Пиндар жил в **VI до н. э.** и воспевал героев олимпийских соревнований и их олимпийских покровителей: по крайней мере, в содержании перевода его поэзии на русский язык, сделанном М. Л. Гаспаровым [10, с. 8–226], о каких-либо заболеваниях, в том числе и об ангине, нигде не упоминается.

На стр. 62 сообщается, что «Луций Эмилий Павел, разгромив македонское войско царя Персея в битве при Пидне в **168 г. н. э.**, вывез к себе домой огромную царскую библиотеку». Битва при Пидне, однако, состоялась в **168 г. до н. э.** – на много лет раньше!

На стр. 197 читаем, что «в **30-е годы до н. э.** в Александрии Египетской появился Мусейон, где по инициативе **царя Птолемея Клавдия** возник

небывалый по масштабам своего времени центр научной и общественной жизни – прототип общеобразовательного университета». Но Мусейон был создан в III веке до н. э. при царе Птолемеи I, и автор словаря явно перепутал этого царя с ученым-математиком Птолемеем Клавдием, который жил в 83–161 гг. н. э. и работал в Александрийском Мусейоне [16, с. 469–470].

Император Домициан, согласно сообщению автора словаря на стр. 326, правил в Риме с 81 г. до н. э., а на самом же деле – с 81 г. н. э. Подобным же образом на стр. 333 автор словаря определил время жизни Цицерона как 106–43 н. э. вместо 106–43 до н. э. И это далеко не все хронологические несоответствия в данном издании, которые мы там обнаруживаем.

При чтении статей словаря бросается в глаза, что его автор сплошь и рядом смешивает древнегреческую и римскую историко-культурную действительность. Вот на с. 36 читаем: «В Древней Греции храмовые жрецы регулярно наблюдали за ночным небосводом и следили за движением светил в определенное время года, делая записи на специальных досках – **анналах**». Однако само слово «анналы» – от **латинского annalis** *годовой*, образованного от *annus год*; известно, что уже с 4 в. до н. э. ежегодно перед резиденцией великого понтифика в Риме выставлялись деревянные доски, на которых записывали имена высших чиновников, фиксировались небесные знамения, давалась информация о войнах и других общественно значимых событиях [16, с. 34]. Об исторических событиях в Риме повествует и книга историка 1–2 вв. н. э. Тацита «Анналы». Так что греческие жрецы не имеют никакого отношения ни к римским жрецам, ни к римским анналам.

А вот как на стр. 39 автор объясняет слово **апелляция**: «В Древней Спарте существовал высший орган государственной власти – народное собрание Апелла („**возглас, призыв**“). Согласно мифу, его создание подсказала легендарному царю Спарты Ликургу прорицательница Дельфийского храма Пифия, сообщившая, что его идеи угодны богу Аполлону. Ликург назвал народное собрание „Апелла-Пифия“, и апелляция в Спарте означала взывание к богам, и прежде всего к Аполлону. Апелла собиралась ежемесячно на открытом пространстве, и ее участники голосовали криком, причем принималось мнение тех, кто мог перекричать своих оппонентов». Однако в начале словарной статьи сам автор говорит о том, что слово апелляция происходит от лат. **appellatio** *обращение, призыв*. Это действительно так, и во всех словарях иностранных слов можно найти аналогичное объяснение. В латинско-русском словаре И. Х. Дворецкого слово **appellatio** толкуется как *обращение*,

воззвание к народу, апеллирование. Это существительное – производное от глагола *appellare* *обращаться к кому-либо с речью, взывать, апеллировать* [4, с. 66]. Но при чем здесь греческое понятие **апелла**? В поисках ответа обратимся к историку Плутарху и его рассказу о легендарном спартанском законодателе Ликурге [11, с. 91–125].

Как пишет Плутарх, «из многих преобразований, введенных Ликургом, первым и самым важным было учреждение им Совета старейшин (герусии)... Ликург считал это учреждение настолько важным, что послал в Дельфы спросить о нем оракула и получил ответ: „Учреди совет из 30 человек, вместе с вождями, и пусть народ время от времени собирается в определенном месте. Предлагать законы и собирать голоса должен ты, окончательное же решение принадлежит народу“. Созывать народное собрание выражено словом *ἀπελλάζειν*, – по мнению Ликурга, первым внушил ему мысль создать законы Аполлон Дельфийский» (Ликург, VI). Как указано в древнегреческо-русском словаре И. Х. Дворецкого [5, т. 1, с. 190], *ἀπελλάζω = ἐκκλησιάζω* *созывать собрание*. Аполлон на дорийском диалекте греческого языка спартанцев, согласно словарю древнегреческого языка Лиддла-Скотта, назывался *Ἀπέλλων* [17, с. 185], отсюда *ἀπελλάζειν* – *действовать (созывать собрание) согласно воле Аполлона*. Однако у Плутарха нет информации, что Солон назвал народное собрание словами «Апелла-Пифия». Дальше Плутарх рассказывает, что «в Народных собраниях никто не имел права высказывать своего мнения. Народ мог только принимать или отвергать предложения геронтов и царей» (Ликург, VI).

Из текстов Плутарха вытекают два важных вывода. Во-первых, высшим органом власти в Спарте по существу было не народное собрание, как утверждает автор словаря, а совет старейшин (герусия). Именно он «предлагал законы». Во-вторых, название спартанского народного собрания «апелла» произошло от названия бога Аполлона (*Ἀπέλλων*) и не имеет ничего общего с латинскими словами *appellare* и *appellatio*, поэтому **апелла** нельзя переводить «**возглас, призыв**», как пишет автор словаря. Кстати, слова **ἀπέλλα* нет ни в одном древнегреческом лексиконе, включая наиболее полный словарь Лиддла-Скотта, но оно встречается во всех лексиконах античности и в литературе по истории Древней Греции. Нам представляется, что это слово было создано кем-то из антиковедов по морфологической и смысловой аналогии к той модели, по которой от слова *ἐκκλησιάζειν* *созывать собрание* в аттическом диалекте создано слово *ἐκκλησία* *народное собрание*; точно так же

от ἀπελλάζειν создано ἀπέλλα, которое не зафиксировано в древнегреческих литературных памятниках.

На странице 170, объясняя значение слова **lapsus**, автор словаря говорит, что «эллины и древние римляне употребляли слово lapsus только в том случае, когда человек неожиданно падал со ступенек, получая ушиб». Но эллины в любом случае не могли употреблять это слово, так как у них для выражения понятия «падение» было, согласно древнегреческо-русскому словарю И. Х. Дворецкого, пять своих эллинских слов – ὀλίσθημα, πέσημα, πτώμα, πτώσις, σφάλμα, и им в любом случае падения не нужно было латинское слово, даже в качестве ругательства. А вот в латинском языке у слова «lapsus», как свидетельствует латинско-русский словарь И. Х. Дворецкого [4, с. 440], кроме основного значения *падение*, было еще и производное значение *ложный шаг, ошибка*. Отсюда целый ряд фразеологических выражений, которые знает любой человек, изучавший курс латинского языка в том или ином учебном заведении: lapsus linguae – ошибка языка, оговорка, lapsus calami – ошибка пера, опечатка, lapsus memoriae – ошибка памяти, забывчивость. Вот об этом непременно нужно было сказать автору словаря.

На стр. 92 А. Ильяхов не только выводит слово **декан** от греческого δέκα *десять*, но и утверждает, что в римской армии над десятью солдатами обычно ставился декан. Но в латинско-русском словаре И. Х. Дворецкого [4, с. 222] четко указано, что слово «decanus» – от латинского числительного decem *десять*. Латынь и греческий принадлежат, как известно, к одной и той же индоевропейской языковой общности, вот почему многие слова в них имеют сходное звучание, но А. Ильяхову такие лингвистические тонкости, видимо, не известны. Неверно и то, что в римской армии начальником десятка солдат был декан: этого начальника звали, по свидетельству того же латинского словаря, **декурион**, на латыни decurio, *онis m командир декурии – отряда из десяти солдат, от латинского decem десять* [4, с. 225].

На стр. 130 в статье «кандидат» читаем, что в **Древней Спарте кандидатами** называли 18–20-летних граждан, проходящих обязательную подготовительную службу в пограничных разведывательных отрядах или вспомогательных войсках. Однако, по свидетельству Плутарха (Ликург, XVII), молодых спартанцев от 18 до 20 лет в Древней Спарте называли «меллиренами». Греческое μελλείρηνες образовано от μέλλω *предстоять* + εἰρήν *двадцатилетний мужчина*, и обозначает «те, кому предстоит стать двадцатилетними», а также, добавим, стать членами регулярной спартанской армии.

Такие молодые люди не служили в пограничных отрядах или во вспомогательных войсках, как пишет А. Ильяхов, ибо таковых в Спарте не было – они, по свидетельству того же Плутарха, участвовали в ночных разбойных нападениях на спартанских рабов, т. н. илотов. Это в Афинах юноши от 18 до 20 лет охраняли территорию и крепости, защищавшие границы Аттики [12, с. 353]. Поэтому слово «кандидат» к упомянутой категории молодых людей Древней Спарты в смысле «кандидат на вступление в регулярную армию» можно использовать чисто условно только в современном значении, как, например, «кандидат в народные депутаты». Ибо само слово «кандидат» – чисто латинское (**candidatus**), образованное от латинского прилагательного **candidus** *белый, белоснежный* [4, с. 117] по цвету одежды – тоги, которую надевал в Риме человек, претендующий на избрание на какую-то должность. А белый цвет символизировал честность и непорочность претендента, а не цвет солнца и тем более не переход от жизни к смерти, как утверждает А. Ильяхов.

На стр. 117 читаем: «В Древней Греции слово **incubator** означало „проводящий ночь в храме“. Больной приходил в храм бога врачевания Асклепия, где проводил ночь в надежде увидеть „вещий“ сон, который поможет ему исцелиться. Это называлось инкубацией». Автор повторяет здесь текст из статьи «Жрецы-медики» в книге П. Гиро «Частная и общественная жизнь греков» [12, с. 124]. Однако, при всем уважении к автору этой весьма обстоятельной книги, в данном ее месте явно присутствует подмена латинским термином греческого, так как не могли древние греки в эпоху Гиппократ (IV в до н. э.) знать латинский язык и давать обозначения понятий на латыни. Для этого у них был свой, богатый и великий греческий, намного превосходивший латынь по лексике. А целебный сон, в котором проводили ночь желающие исцелиться в храме Асклепия в Эпидавре, на острове Кос или в других подобных Асклепионах, назывался на греческом **ἐγκοίμησις**, как свидетельствует древнегреческо-русский словарь И. Х. Дворецкого [5, Т 1, с. 451]. Латинское же **incubatio**, хотя оно и присутствует в справочных изданиях по античной культуре, в словаре латинского языка И. Х. Дворецкого имеет только два значения: 1) высиживание птенцов; 2) юридическое «незаконное владение» [4, с. 390]. История с этим словом напоминает нам историю со словом «апелла», о чем мы говорили выше. Видимо, оно появилось в поздней античности и не вошло в латинский лексикон, поскольку римляне с недоверием относились к греческой медицине и нет письменных свидетельств того, что они лечились в асклепионах. Об этом косвенно свидетельствует слово **incubator**, которое, судя по словарю

латинского языка И. Х. Дворецкого [4, с. 300], действительно имеет значение «проводящий ночь в храме в надежде увидеть вещий сон», но встречается это слово только у одного из апологетов христианства конца II в. н. э. Тертуллиана в контексте критики языческих верований.

На стр. 116 в статье «Инициатива» читаем: «В древнегреческих мистериях, посвященных олимпийским богам Деметре или Дионису, определенные служители священного культа назывались **инициаторами**. Это были хранители религиозных традиций, которые зорко следили за соблюдением порядка при совершении священного обряда за неразглашением таинств». Однако ни один служитель культа в Древней Греции не мог называться **инициатором**, так как слово **initiator** чисто латинское, производное от глагола *initio, initiavi, initiatum посвящать, вводить в культовые таинства*. В греческом языке, согласно древнегреческо-русскому словарю И. Х. Дворецкого, латинскому существительному **initiator** *вводящий в таинство* могли соответствовать слова **μυστάρχης** или **μυσταγωγός** и больше всего **ἱεροποιός** – жрец коллегии из 10 жрецов, которые во время всех религиозных церемоний следили за правильностью выполнения священных обрядов. Впрочем, в обстоятельной статье книги П. Гиро «Частная и общественная жизнь греков», посвященной элевсинским мистериям, которые проводились в Греции в честь богини Деметры [12, с. 277–281], не только отсутствует слово «инициатор», но нет и упоминания о каком-то особенном служителе во время мистерий, которого мы назвали бы сегодня «смотрящим», или «следающим», или «блюстителем». Такое слово, впрочем, у греков было, но это было слово **ἐπίσκοπος** [5, т. 1, с. 634], которое, однако, нигде не фигурирует при описании проведения мистерий. Кстати, автор словаря почему-то забыл дать объяснение этому слову в статье «Епископ» (с. 109–110), как и не объяснил истории этого слова в его христианском понимании, которое восходит к I в. н. э. – времени появления первых христианских общин, главы которых носили название епископов [5, т. 1, с. 634]. Тут же укажем и на неточности автора, допущенные в статье «Мистерия» (стр. 191): «...в мистериях участвовали только избранные посвященные, или **mystos** (от греч. **myst** „**видящий сквозь туман**“)». Однако, во-первых, «избранный», «посвященный», «допущенный к участию в мистерии» на греческом будет **μύστης**, во множественном числе **μύσται**, а во-вторых, слово это, по свидетельству этимологических словарей греческого языка, восходит к греческому глаголу **μύω** *закрывать глаза во время священного благоговения при участия в таинствах* [17,

с. 728]. В своем объяснении происхождения данного слова А. Ильяхов явно перепутал греческий и английский языки, ибо это в английском есть слово **mist** (пишется, кстати, через англ. **i** «ай») со значением: 1) *туман, туман перед глазами*; 2) *застилать туманом*, но у этого слова нет значения «**видящий сквозь туман**» [9, с. 406].

В статье «Милиция» на стр. 187 читаем: «В Древней Греции регулярная армия отсутствовала, а на время военных действий безопасность греческих городов обеспечивалась временным народным ополчением – милицией». Однако в Древней Греции не могло быть слова «милиция», ибо это чисто латинское слово **militia**, *ae f* *войско, военная служба*, образованное от латинского *miles, militis m* *воин, солдат, боец*. Как указывается в переведенном с немецкого языка «Словаре античности» [16 с. 155], латинскому **militia** в Древней Греции соответствовало название **πολιτικὸν στρατεύμα** – *общественное ополчение*.

Неточную и ошибочную информацию находим при чтении статей словаря А. Ильяхова самой различной тематики. Так, в статье «Пафос» на стр. 226 читаем: «В греческой мифологии Пафос – *дочь* кипрского царя Пигмалиона и Галатеи, жена мифического кипрского царя Кинира. Ее именем был назван город на западном побережье Кипра – прекрасный Пафос, ставший одним из центров культа Афродиты». Однако Пафос, согласно известной книге Роберта Грейвса «Мифы Древней Греции» [3, с. 166], – это имя *сына* кипрского царя Пигмалиона, а дочь его звали Метарма. Об этом же пишет и Овидий в своих «Метаморфозах» (X, 243–297). Во-вторых, автор словаря смешивает название сына Пигмалиона «**Пафос**» (на греческом **Πάφος**) со словом «**пафос**» в русском языке, которое восходит к греческому **πάθος** со значением *страдание, страсть*, откуда в современной риторике и литературе понятия «пафос» и «патетика» – *страстное воодушевление в речи*.

В статье «Цирк» на стр. 325 читаем: «До 4 в. н. э. культовые сооружения, где проводились обряды, у римлян назывались „**киркус**“ от имени знаменитой волшебницы Кирки. Когда постройки приобрели круглую форму, они стали называться цирками, на аренах которых в ритуальных боях состязались вооруженные люди, которые были добровольцами, а также проводились торжественные конные объезды по окружности арены цирка, что было важным элементом религиозных обрядов. Позднее конные ристалища стали проводить на специально отведенных местах – ипподромах, а состязательные традиции в цирках остались для атлетов». В этих нескольких строчках

столько неточностей, что для их исправления потребуется не менее целой страницы. Итак, в начале статьи автор правильно говорит о том, что наше слово «цирк» происходит от латинского слова **circus** *круг*. Согласно «Словарю античности» [16, с. 633], цирком в Риме изначально был ипподром, имевший форму параллелограмма с одним овальным концом. Первый такой цирк-ипподром, как правильно пишет и сам А. Ильяхов, был построен при царе Приске (обычно говорят: Тарквиний Приск или Тарквиний Древний), который царствовал с 616 по 578 гг. до н. э., и это бесспорное свидетельство того, что латинский цирк изначально использовался для состязаний в бегах колесниц. Но абсолютно неверно утверждение автора словаря, что здание цирка развилось из неких культовых сооружений «киркусов», которые так назывались до 4 в. н. э. Об этой чисто фантастической версии невозможно найти ни слова в любом авторитетном источнике по античной истории. Здесь А. Ильяхов явно путает слова **circus**, которое произносилось в античном Риме как «киркус», и **circenses**, произносившееся как «киркэнсэс», с именем волшебницы Кирки, о которой идет речь в поэме Гомера «Одиссея» (X, 210–574). Известно, что перед началом всех зрелищ в римском цирке проводилась религиозная церемония и торжественное ритуальное шествие, которое обходило весь круг состязательного пути от меты до меты и которым освящались соревнования данного дня [13, с. 253–254]. Однако при этом никогда не упоминалось имени «Кирка», как следует, например, из подробного описания одной такой религиозной церемонии в книге Ф. Велишского «Быт греков и римлян» [2, с. 489–490]. Ее имя не встречается и в перечне божеств и ритуальных церемоний в древнем Риме, которые приводятся в разделе «Религия» книги П. Гиро «Частная и общественная жизнь римлян» [13, с. 326–372]. Связь между цирками и культовыми сооружениями Рима с именем Кирки не прослеживается ни в отмеченном выше «Словаре античности», ни в трехтомном «Иллюстрированном словаре античности» Ф. Любкера [8], ни в других авторитетных словарно-справочных изданиях по античности.

Среди многих объяснений А. Ильяхова, не соответствующих общепринятым научным воззрениям, встречается и его версия о возникновении жанра сатиры. В начале статьи «Сатира» (стр. 268) он правильно говорит, что слово «сатира» восходит к латинскому выражению **satura lanx** (букв. «блюдо со смесью плодов»). В. С. Дуров в своей монографии о жанре сатиры приводит различные высказывания римских писателей о слове **satura** и о жанре сатиры [6, с. 130–131]. Так, римский лексикограф II в. н. э. Фест пишет, что

слово **сатура** имеет три значения: 1) род кушанья, изготовленного из разных вещей; 2) закон, составленный из многих других законов; 3) род стихотворений, в которых идет речь о многих вещах. Двумя веками позже римский грамматик Диомед впервые употребил сочетание **lanx satura** для объяснения происхождения слова сатира: по его словам, первоначально это было блюдо, наполненное разнообразными плодами, которое в священных обрядах приносилось богине плодородия Церере. Но в дальнейшем из этого религиозно-ритуального значения развиваются совершенно светские значения, в том числе и такое как «особый вид литературы». Появившись впервые у поэта Квинта Энния в III в. до н. э. как смесь произведений разных стихотворных размеров в его сборнике из 4 книг под общим названием «Satura» («Сатура»), этот своеобразный жанр в I в. н. э. в произведениях Ювенала приобрел ту форму и то язвительно-обличительное содержание, которые в наши дни ассоциируются с сатирой. В любом случае, римляне осознавали, что этот вид литературы придуман именно ими. Римский оратор и учитель риторики I в. н. э. Квинтилиан по этому поводу в своей книге «Образование оратора» (10, 1, 93) высказался вполне определенно: «Satura quidem tota nostra est» – «Ведь вся сатира – полностью наша». Придерживается мнения о том, что изобретение литературно-поэтического жанра сатиры принадлежит исключительно римским поэтам, и автор указанной выше монографии «Жанр сатиры в римской литературе» – известный русский филолог, специалист в области античной культуры и литературы профессор В. Дуров [6, с. 4–7]. Однако в статье «Сатира» А. Ильяхов рассказывает нам, что сатуры появились в Греции как собрания забавных бессмыслиц и эротических шуток в сценках, основными персонажами которых были озорные, проказливые сатиры, спутники бога вина Диониса, и что в Римской империи сатира как вид искусства обязана своим существованием греческому наследию. Это противоречит и всему тому, о чем говорили сами римляне о жанре сатиры, и выводам авторитетных ученых-профессионалов,

В статье о Гомере на стр. 406 читаем, что немецкий ученый Фридрих Вольф в XVIII в. отнес время создания гомеровских поэм к Средним векам. Но в любом учебнике по античной литературе можно прочитать, что Ф. Вольф выдвинул в своей книге «Пролегомена к Гомеру» гипотезу, согласно которой гомеровские поэмы «Илиада» и «Одиссея» создавались в догомеровскую эпоху в виде отдельных частей, и только в VIII в. до н. э. были объединены в два больших произведения. При чем здесь Средневековье?

Рассказывая про Вергилия на стр. 401, автор словаря пишет, что тот «был представителем древнего этрусского рода. Один из меценатов обратил на юношу внимание, поселил у себя на вилле, допустил в круг своих друзей». Однако римский историк Светоний в своей подробной биографии Вергилия (приложение к книге «Жизнеописание двенадцати цезарей») [14, с. 310] говорит, что поэт происходил от самых скромных родителей, живших в деревне Анды недалеко от города Мантуя в северной Италии, и ничего не говорит о его этрусских корнях. Теперь уточним, что в Риме эпохи Августа, когда жил Вергилий, самым известным меценатом в современном понимании этого слова был зажиточный Гай Цильний Меценат, и поскольку он помогал одаренным поэтам (Вергилию, Горацию, Проперцию и др.), то именно его имя впоследствии стало обозначать каждого человека, оказывающего материальную и иную помощь одаренным личностям. И это именно Гай Меценат был выходцем из знатного этрусского рода, о чем Гораций, ставший близким другом Мецената, пишет в самой первой из своих «Од» (I, 1–2): *Maecenas atavis edite regibus // O et praesidium et dulce decus meum.* – Славный внук, Меценат, праотцев царственных // О отрада моя, честь и прибежище! (пер. А. П. Семенова-Тян-Шанского). Теперь становится понятным, что, не разобравшись толком *who is who*, автор словаря приводит вот такую недостоверную информацию. Еще нужно добавить, что Гай Меценат никогда не был известным политическим деятелем Древнего Рима, хотя был близким другом императора Августа и иногда выполнял некоторые его политические поручения [17, с. 353].

В статье «Пантомима» на стр. 220 автор рассказывает, что «пантомима обязана своему появлению Ливию Андронику, греку, который в 240 г. до н. э. первым поставил на римской сцене латиноязычные переработки греческих трагедий и комедий. Выступая в главной роли в одной из таких постановок, он сорвал голос, но продолжал жестами и мимикой изображать содержание исполняемого текста». На основании этого факта автор словаря делает вывод, что Ливий Андроник стал автором нового театрального явления в Риме – пантомимы. Однако историк Тит Ливий (VII, 2, 4–13) уточняет, что во время жестикюляции Ливия Андроника текст пьесы рядом с ним произносил молодой раб, и это уже нельзя назвать пантомимой в полном смысле слова. А настоящая пантомима появляется в Риме только в конце I в. до н. э., когда актеры выступают без сопровождения музыки и пения в оригинальном танце, передавая мифологические или иные сюжеты. Об этом, в частности, подробно

рассказывает Ф. Велишский в своей книге «Быт греков и римлян» [2, с. 498–501]. В данной статье автору словаря целесообразно было бы добавить, что в связи с большой популярностью пантомимы в Риме произошло переосмысление функций одной из муз греко-римского пантеона, а именно – Полигимнии. Поскольку в общественной психологии греков и римлян под влиянием христианства в последние века античности теряется значение гимнической поэзии, которая ориентировалась на древние божества, ставшие языческими, муза Полигимния, у которой не было, кроме свитка, никаких атрибутов и которая изображалась всегда молчащей, стала считаться покровительницей пантомимы. По этому поводу М. Л. Гаспаров в своем комментарии к переводу эпиграммы «9 Муз» в книге «Поздняя латинская поэзия» (1982; с. 481), говорит так: «Любопытно, что Полигимния, древняя муза священных песен, представлена здесь как муза позднего искусства – пантомимы». Как добавляет по этому поводу современный исследователь В. Поршнева в своем исследовании «Мусей в культурном наследии античности» [14, с. 76], «...авторы конца античности Авсоний, Нонн Панополитанский, Кассиодор и другие „передают“ Полигимнии искусство пантомимы». Поэтому неудивительно, что в большинстве статей современной «Википедии» Полигимния обозначается просто как «Муза – покровительница пантомимы».

На странице 126 читаем, что каллиопа – это клавишный музыкальный инструмент со свистками, названный по имени одной из девяти муз – Каллиопы. Однако в греческих словарях нет слова с таким значением, да и в работе Ф. Велишского, в которой дается описание всех музыкальных инструментов античности [2, с. 463–472], о подобном инструменте нет ни слова. К тому же, согласно этой работе, античность знала только один клавишный музыкальный инструмент – водяной орган, к которому муза Каллиопа не имела никакого отношения.

В статье «Марий Гай» автор пишет, что «Марий, захватив в 87 году Рим, жестоко расправился со своими политическими противниками. Только чудом Гаю Юлию Цезарю, находящемуся в стане его противников, удалось избежать смерти». Однако в данном случае автор словаря перепутал Мария с другим римским диктатором – Суллой, который в 88 г. до н. э. захватил Рим и истребил многих своих политических противников. Цезарю тогда было всего 12 лет, и он еще ничем не проявил себя на римской политической арене. А Марий не мог желать смерти Цезарю, так как тот был его родственником. Как пишет Плутарх в своих «Сравнительных жизнеописаниях» (Цезарь, I), Сулла ненавидел Цезаря

из-за родства последнего со своим злейшим врагом Марием, ибо тот был женат на Юлии, тетке Цезаря. В 85 г., когда Цезарю было пятнадцать лет, он уже стал претендовать на жреческую должность, чем возбудил гнев Суллы. По словам Плутарха, тот намеревался уничтожить Цезаря, и когда ему говорили, что бессмысленно убивать такого мальчишку, ответил: «Вы ничего не понимаете, если не видите, что в этом мальчишке – много Мариев». Поэтому Цезарь около года скрывался, а потом шестнадцатилетним уехал из Рима в Вифинское царство в Малой Азии к царю Никомеду (Цезарь, I).

В статье «Фурор» на стр. 318 автор словаря, правильно объясняя происхождение данного слова от латинского **furor** *безумство, неистовство* говорит, что впервые это латинское слово встречается у римского историка I–II вв. н. э. Публия Корнелия Тацита в его труде «История». Однако любой студент-филолог или историк знает наизусть хрестоматийные слова Цицерона «*Quousque tandem, Catilina, abutere patientia nostra? Quam diu etiam furor iste tuus nos eludet?*» («До каких пор, Катилина, ты будешь злоупотреблять нашим доверием? Как долго еще это твое безумство будет издеваться над нами?»). Эти слова Цицерон произнес на заседании римского сената 21 октября 63 г. до н. э. за 150 лет до «Истории» Тацита.

Удивительно, но основателем всей греческой философии А. Ильяхов считает не Гераклита, не Демокрита, не великих Платона и Аристотеля, о которых знает каждый студент любого вуза, а Каллимаха из Александрии, о чем сообщает нам на стр. 411 своей книги. Но Каллимах из Александрии, живший в III в. до н. э., был известным поэтом, а главное – автором каталога Александрийской библиотеки, самой большой и самой знаменитой в античном мире. Этот каталог в 120 книгах содержал описание всех известных на то время греческих авторов и положил собственно начало филологии как науке. Каллимах был автором 60 эпиграмм, 6 гимнов к Зевсу, большого произведения «Причины», составленного элегическим дистихом, в котором излагались причины различных наименований, обычаев и праздников, которое, к сожалению, утрачено. Однако, судя по античным источникам, Каллимах не написал ни одного сочинения на философские темы [1, с. 176–179].

Не имея возможности в рамках данной статьи перечислить все фактологические и концептуальные неточности, допущенные в словаре А. Г. Ильяхова, скажем еще о многочисленных ошибках, допущенных в словаре при указании греческой или латинской лексики. Приведем только несколько таких примеров в таблице 1.

Таблица 1

Примеры ошибок при указании греческой или латинской лексемы

Стр.	Напечатано в тексте словаря	Правильный вариант
37	Анестезия (греч. anaesthesia 'нечувствительность', от an 'не' + aisthese 'ощущение, чувство')	Анестезия (греч. anaesthesia 'нечувствительность', от an 'не' + aisthesis 'ощущение, чувство')
94	Дельфин (от греч. delphos 'дельфин')	Дельфин (от греч. delphis, inos 'дельфин')
108	Дрожжи (от греч. draggo 'беспокою, смущаю')	Дрожжи (общеслав. дрожжие с первоначальным значением «осадок, гуща, выжимки» [18, с. 78])
177	Маска (от лат. mascus)	Маска (заимств. в нач. XVIII в. из франц. яз., где <i>masque</i> < итал. <i>maschara</i> , восходящего к араб. <i>maskhara</i> «маска» < «насмешка», производному от <i>mashara</i> <i>насмехаться, делать смешным</i> [18, с. 180]. В Древнем Риме маска (театральная) обозначалась словом <i>persona</i> [4, с. 576])
286	Сублимация (лат. sublimitus 'поднятый кверху', от sublimare 'возносить')	Сублимация (новолат. sublimatio 'поднятие вверх' от лат. sublimare 'возносить, поднимать высоко' [4, с. 735])
286	Суп (греч. soupa)	Суп (заимств. из франц. языка, в котором <i>soupe</i> считается заимствованием из германских языков) [18, с. 308])

Сомнительными с лингвистической точки зрения являются практически все попытки автора словаря вывести свою «авторскую» версию этимологии тех или иных слов без опоры на известные этимологические словари древнегреческого, латинского и русского языков. Они, кстати, даже не указаны в библиографии к словарю. И в этой библиографии тоже встречаются неточности. Так, в ней можно обнаружить такое издание, как Дворецкий И. Х., Соболевский С. Н. Древнегреческо-русский словарь. М., 1958, в то время как правильный вариант – Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. Т. 1–2. М., 1958.

Анализ приведенных примеров ошибок и неточностей, число которых можно увеличить в разы, дает нам основание сделать следующие выводы.

1. Автор словаря не знает в достаточной мере ни древнегреческого, ни латинского языков, он не является специалистом в области этих классических языков.

2. Автор словаря не владеет достаточными знаниями в области истории и культуры античных Греции и Рима, он часто или путает, или отождествляет

исторические и культурные реалии Древней Греции и Рима. Информацию для статей словаря он механически копирует из различных изданий, не осознавая культурно-исторической и лингвистической специфики многих слов и понятий, сплошь и рядом не приводит ссылок на источники приведенной информации.

Таким образом, большое количество неточностей и ошибок в словаре А. Г. Ильяхова создает впечатление той «ложки дегтя в бочке меда», которая вынуждает признать его работу методически и концептуально несостоятельной и непрофессиональной. Мы, как и в первых строчках данной статьи, повторяем еще и еще раз, что языковыми, культурологическими и историческими вопросами Древней Греции и Древнего Рима должны заниматься специалисты-профессионалы, знающие древние языки и имеющие соответствующее университетское образование. А на пути дилетантов-любителей, стремящихся издавать развлекательную литературу с примесью античности, должен стоять надежный фильтр в виде рецензий специалистов в области древних языков и культуры. Ибо нам непонятно, как сомнительный опус А. Г. Ильяхова без соответствующих рецензий мог быть допущен к печати в Москве, центре российской классической филологии, по рекомендации Научно-редакционного совета академической лексикографической программы «Словари XXI века» Института русского языка им. В. В. Виноградова.

Литература

1. Античные писатели: словарь / Акад. гуманитар. наук. Санкт-Петербург: Лань, 1999. 446 с.
2. *Велишский Ф. Ф.* Быт греков и римлян. Прага: тип. И. Милиткий и Новак, 1878. 670 с.
3. *Грейвс Р.* Мифы Древней Греции / пер. с англ.; под ред. и послесл. А. А. Тахо-Годи. Москва: Прогресс, 1991. 619 с.
4. *Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь: ок. 50000 слов. 3-е изд., испр. Москва: Рус. яз., 1986. 843 с.
5. *Дворецкий И. Х.* Древнегреческо-русский словарь: ок. 70000 слов: в 2 т. Москва: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1958. 2 т.
6. *Дуров В. С.* Жанр сатиры в римской. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1987. 157 с.
7. *Ильяхов А. Г.* Этимологический словарь. Античные корни в русском языке. Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. 448 с.
8. *Любкер Ф.* Иллюстрированный словарь классических древностей: в 3 т. Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 3 т.
9. *Мюллер В. К.* Англо-русский и русско-английский словарь: 150000 слов и выражений. Москва: Эксмо, 2010. 1200 с.
10. *Пиндар. Вакхилид.* Оды. Фрагменты. Москва: Наука, 1980. 503 с.

11. *Плутарх*. Избранные жизнеописания: в 2 т. Москва: Правда, 1987. Т. 1. 589 с.
12. *Гиро П.* Частная и общественная жизнь греков. Санкт-Петербург: Алетейя, 1995. 470 с.
13. *Гиро П.* Частная и общественная жизнь римлян. Санкт-Петербург: Алетейя, 1995. 592 с.
14. *Поршнев В. П.* Мусей в культурном наследии античности. Санкт-Петербург: Санкт-ПетербургГУКИ, 2006. 264 с.
15. *Светоний Транквилл Г.* Жизнь двенадцати цезарей. Москва: Правда, 1988. 509 с.
16. *Славятинская М. Н.* Учебное пособие по древнегреческому языку: Культ.-ист. аспект. Москва: Изд-во МГУ, 1988. 239 с.
17. Словарь античности: пер. с нем. / редкол.: В. И. Кузицин (отв. ред.) [и др.]. Москва: Прогресс, 1989. 704 с.
18. *Шанский Н. М.* Этимологический словарь русского языка. Москва: Прозерпина, Школа, 1994. 399 с.
19. *Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. Paris: Édition Klincksieck, 1968–1980. 5 vols.
20. A Greek-English Lexicon compiled by H. G. Liddell and R. Scott. Revised and augmented throughout by H. S. Jones with the assistance of R. McKenzie and with the cooperation of many scholars with a revised Supplement. Oxford: Clarendon Press, 1996. 2438 p.

А. В. Шилова

Кафедра латинского языка, Белорусский государственный медицинский университет, Минск, Беларусь

КОНЦЕПЦИЯ МЕТАФОРЫ У ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ И ВИЗАНТИЙСКИХ РИТОРОВ: ТРИФОН И АНОНИМ

Статья посвящена анализу категории метафоры и ее видов в трактатах Трифона «Περὶ τρόπων» и Анонима «Περὶ ποιητικῶν τρόπων». Античные и византийские авторы выделяли метафору в качестве одного из основных тропов. Трактаты Трифона и Анонима позволяют проследить развитие понятия о метафоре и ее разновидностях в эпоху эллинизма и ранней Византии.

Ключевые слова: риторика, троп, метафора, Аноним, Трифон.

N. Shylava

Department of Latin language, Belarusian State Medical University, Minsk, Belarus

HELLENISTIC AND BYZANTINE RHETORICAL METAPHOR CONCEPT: TRYPHONOS AND ANONYMOS

The article is devoted to the analysis of the metaphor category and its types in the treatises of Tryphonos «Περὶ τρόπων» and of Anonymos «Περὶ ποιητικῶν τρόπων». Antique and Byzantine authors singled out the metaphor as one of the main tropes. The treatises of Tryphonos and Anonymos will allow us to trace the development of the metaphor concept and its varieties in the Hellenistic era and early Byzantium.

Keywords: rhetoric, trope, metaphor, Anonymos, Tryphonos.

Автор:

Анастасия Вячеславовна Шилова – преподаватель кафедры латинского языка БГМУ.
ashilova95@gmail.com

Author:

Nastassia Shylava – lecturer of the department of Latin language, BSMU.

Особый интерес к метафоре возник еще в эпоху Античности. Уже Аристотелем метафора выделялась как один из основных тропов. Изучение метафоры и сфер ее применения остается актуальным и для современной гуманитаристики. С течением времени интерес к изучению метафоры захватил различные области науки и искусства: метафора перестала быть объектом исключительно филологического исследования.

Данный троп традиционно рассматривался как поэтический или риторический прием, однако в последние десятилетия метафора стала восприниматься шире – как «ключ к пониманию основ мышления» [3, с. 5].

В данной статье мы анализируем, как описывалась категория метафоры эллинистическим автором и автором ранней Византии (на материале трактата Трифона «О тропах» [2] и трактата Анонима «О поэтических тропах» [1]).

Античная риторическая традиция стала основополагающей для византийской теории искусства красноречия. Вклад эллинистического автора Трифона в теорию риторики очень велик. Именно александрийский филолог был первым авторитетом для византийцев в области систематизации риторических приемов. Его трактат «О тропах» представляет собой толковый словарь тропов и фигур.

1. Дефиниции метафоры и ее место в системе тропов в трактатах.

Современные исследователи в области теории тропов и фигур указывают на то, что метафора является одним из основных тропов. Некоторые рассматривают метафору в широком смысле, как представляющую собой «любой перенос слов с одного объекта на другой». Если рассматривать метафору в узком смысле, то она будет соответствовать «переносу по смысловому сходству имен» [4, с. 12], в результате чего определяется ее механизм – через алгоритм сходства.

Трифон дает следующее определение метафоры: **Μεταφορά** ἐστὶ λέξις μεταφερομένη ἀπὸ τοῦ κυρίου ἐπὶ τὸ μὴ κύριον ἐμφάσεως ἢ ὁμοιώσεως ἔνεκα. – *Метафора – это слово, переносимое с употребленного в собственном смысле на [слово], употребленное не в собственном смысле, на основании выразительности или сходства*¹.

У Анонима весьма схожая дефиниция: **Μεταφορὰ** δὲ ἐστὶ μέρος λόγου ἀπὸ τοῦ κυρίως λεγομένου μεταφερόμενον ἐφ' ἕτερον ὁμοιώσεως ἢ ἐμφάσεως ἔνεκα. – *Метафора – это часть речи, переносимая с употребленного в собственном смысле [слова] на другое на основании сходства или выразительности.*

Определения метафоры у эллинистического и византийского авторов практически идентичны. Параметрами переноса значения у обоих авторов являются «ὁμοίωσις» ‘сходство’ и «ἐμφασις» ‘выразительность’. В современной теории тропов параметром переноса является сходство, а выразительность – лишь эффект, возникающий при удачном употреблении метафоры (экспрессивностью обладают «живые» метафоры и не обладают «стертые»).

Метафора ощущается и Трифоном, и Анонимом одним из основных тропов. Авторы ставят данный троп в начале тропологического списка: Трифон – на первое место, Аноним – на второе.

¹ Здесь и далее перевод наш. – А. Ш.

2. Разновидности метафоры у Анонима, восходящие к классификации Трифона.

Сразу же после определения метафоры Аноним говорит о разновидностях данного тропа: εἶδη δὲ αὐτοῦ τέσσαρα – *самих же видов четыре*.

Первым Аноним выделяет вид, где перенос осуществляется с одушевленного предмета на одушевленный: ἀπὸ ἐμψύχου εἰς ἔμψυχον – *с одушевленного на одушевленное*. Также, рассматривая эту разновидность, автор приводит пример: οἷον εἰ λέγομεν τὸν βασιλέα ποιμένα μεταφορικῶς ἐκ τοῦ τῶν προβάτων ποιμένος – *как если мы называем царя пастырем метафорически, [перенос] с пастуха стада*. Перенос осуществляется с одушевленного «царь» на одушевленное «пастырь»: ὁ τε γὰρ ποιμὴν, ὁ τε βασιλεὺς ἔμψυχα καὶ ἄμφω – *ведь и пастух, и царь – оба одушевленные*.

Далее в трактате выделяется вид метафоры, где перенос осуществляется с одушевленного на неодушевленное – ἀπὸ ἐμψύχου εἰς ἄψυχον. Также Аноним приводит пример: οἷον εἰ τὴν τοῦ ὄρους ἀκρόρειαν κορυφὴν λέγομεν ὄρους – *как если бы мы назвали верхушку горы макушкой горы*. Сходство заключается в нахождении предмета: вершина горы и макушка головы человека находятся в самом верху, поэтому здесь и возможно провести аналогию. Далее Аноним поясняет свой пример: ἐπὶ γὰρ ἀνθρώπου κυρίως λαμβάνεται ἡ κορυφή, ὅς ἐστιν ἔμψυχον, τὸ δ' ὄρος ἄψυχον – *в собственном смысле макушка относится к человеку, который одушевленный, а гора же – неодушевленная*.

Третий вид метафоры Аноним выделяет такой: ἀπὸ ἀψύχου εἰς ἄψυχον – *с неодушевленного на неодушевленное*. И приводит следующий пример, поясняя его: οἷον εἰ κρύψας τις ἐν σποδιᾷ ἄνθρακας πυρός, σπέρμα λέγοι πυρὸς φυλάττειν, ὃ λαμβάνεται ἐπὶ σίτου καὶ τῶν ὁμοίων, ἅτινα ἄψυχά ἐστι, καὶ τὸ πῦρ ὁμοιον – *как если бы кто-то, спрятав в золе угля, сказал бы, что он сторожит семя огня, которое употребляется по отношению к злаку и тому подобным [вещам], которые в равной мере, как и огонь, неодушевленные*. А также дополняет еще одним примером: ἢ εἰ λέγει, ὅτι διεχεῖτο ἡ φλόξ – *или если говорит, что пламя разлилось*. В данном примере автор подразумевает, что слово «разливаться» употреблено метафорически, т. к. относится к жидкостям, а не к огню. Однако оба предмета являются неодушевленными.

Последний вид метафоры представлен как перенос значения с неодушевленного предмета на одушевленный – «ἀπὸ δὲ ἀψύχου εἰς ἔμψυχον» – и комментирует автор его так: οἷον εἰ τις ἀδαμάντινον λέγει τὸν ἀνδρεῖον καὶ

ἀνένδοτον – как если кто-то стальное называет мужественным и суровым. Ведь сталь – неодушевленная.

Основным критерием метафорического переноса значения, как можно было наблюдать из разновидностей и примеров, для Анонима является категория одушевленности/неодушевленности предметов. Данная формула встречается и у александрийского грамматика Трифона – предшественника Анонима. В своем трактате «О тропах» он выделяет те же четыре вида: с одушевленного на неодушевленное, с одушевленного на одушевленное, с неодушевленного на одушевленное, с неодушевленного на неодушевленное.

Критерий метафорического переноса по признаку одушевленности был выделен еще Аристотелем (подробнее см.: [5, с. 77]), вслед за которым уже римские и византийские авторы начали выделять данный параметр как основной.

3. Иллюстративные примеры метафоры в трактатах Анонима и Трифона.

Трактаты греческих авторов изобилуют иллюстративными примерами. Так, и у Трифона, и у Анонима, представлены иллюстративные примеры для каждой из разновидностей метафоры.

Трифон приводит примеры в основном из Гомера. Первые цитаты он никак не классифицирует, сразу приводя пример:

αἰχμὴ δὲ διέσσυτο μαμώωσα...

Ил., V, 661

Пробилося бурное жало...¹

Пер. Н. И. Гнедича

Или:

πάντες δ' ἐσσεῖοντο πόδες πολυπιδάκου Ἴδης.

Ил., XX, 59

Все затряслось от кремнистых подошв² до верхов многоводных Иды.

Пер. Н. И. Гнедича

Можно предположить, что данные примеры относятся к такому виду метафоры, как «с одушевленного на неодушевленное».

У Трифона встречается пример из Илиады, который дублируется и у Анонима: οὐρεὸς ἐν κορυφῆσι – на макушках гор (ср. у Анонима: τὴν τοῦ ὄρους ἀκρόρειαν κορυφήν).

¹ Досл. стремительное копье.

² Досл. ноги вм. предгорье.

Для разновидности ‘с одушевленного на одушевленное’ Трифон и Аноним приводят один и тот же иллюстративный пример – *пастырь народа* (вм. *царь*).

Это касается и вида метафоры «с неодушевленного на одушевленное», где оба используют цитату из Одиссеи о *семени огня* – «σπέρμα πυρός» (вм. *уголья*).

Для разновидности «с неодушевленного на одушевленное» Трифон снова обращается к Гомеру:

ἐν γαίῃ ἴστατο λιλαιομένη χροὸς ἄσαι...
Ил., XX, 59

В землю вонзился, горящий насытиться телом героя...
Пер. Н. И. Гнедича

А также:

Κυλίνδετο λαῶς ἀναιδής...
Од., XI, 597

Катился обманчивый камень...
Пер. В. А. Жуковского

Для последней разновидности «απὸ ἀψύχων ἐπὶ ἔμψυχα» – «с неодушевленных на одушевленные», Трифон выбрал следующую цитату:

ἄσβεστος δ' ἀνῶρτο γέλως μακάρεσσι θεοῖσι...
Ил., I, 599

Смех несказанный воздвигли блаженные жители неба...
Пер. Н. И. Гнедича

Примеры, представленные Анонимом и Трифоном, сопоставим в таблице.

Таблица

Иллюстративные примеры метафоры у Трифона и Анонима

Модели метафорических переносов названий	Трифон	Аноним
С одушевленного на одушевленное	ποιμένα λαῶν	ποιμένα = βασιλέα
С одушевленного на неодушевленное	αἰχμὴ δὲ διέσσυτο μαιμῶωσα (Ил., V, 661); πάντες δ' ἐσσεύοντο πόδες πολυπιδάκου Ἴδης (Ил., XX, 59); ἐν γαίῃ ἴστατο λιλαιομένη χροὸς ἄσαι (Ил., XX, 59); κυλίνδετο λαῶς ἀναιδής (Од., XI, 597); οὖρεος ἐν κορυφῇσι (Ил., II, 456)	τοῦ ὄρους κορυφή (Ил., II, 456)

Модели метафорических переносов названий	Трифон	Аноним
С неодушевленного на неодушевленное	σπέρμα πυρός (Од., XI, 489–492)	σπέρμα πυρός (Од., XI, 489–492); διεχέιτο ἡ φλόξ
С неодушевленного на одушевленное	ἄσβεστος δ' ἀνώρτο γέλως μακάρεσσι θεοῖσι (Ил., I, 599)	εἶ τις ἀδαμάντινον λέγει τὸν ἀνδρεῖον καὶ ἀνένδοτον

Таким образом, цитаты из Гомера в качестве иллюстративных примеров преобладают в трактате Трифона.

Выводы. 1. Несмотря на то, что метафора относится к одному из основных тропов, Трифоном и Анонимом она рассматривается довольно узко: оба автора не указывают сферы употребления метафоры, функции метафоры, достоинства и недостатки ее употребления (о чем подробно писали, например, Аристотель и Квинтилиан). 2. Аноним, вслед за Трифоном, выделяет четыре разновидности метафоры, ориентируясь на традиционную классификацию, предложенную Аристотелем: виды метафоры различаются ими по признаку одушевленности-неодушевленности. 3. Трактат Трифона был основополагающим для Анонима и его «Περὶ ποιητικῶν τρόπων», о чем свидетельствуют и схожая дефиниция, и одинаковые примеры для того или иного вида метафоры. 4. Основным источником иллюстративных примеров для греческих авторов является Гомер, что позволяет сделать вывод, что именно античная литературная традиция оказала мощное влияние на эллинистическую и ранневизантийскую риторику; некоторые из примеров полностью дублируются в трактате Анонима, однако он приводит также и некоторые собственные примеры.

Литература

1. Ἀωνύμου Περὶ ποιητικῶν τρόπων // *Rhetores Graeci*: in 3 vol. / ed. L. Spengel. Lipsia, 1856. Vol. III. P. 208–215.
2. Τρύφωνος Περὶ τρόπων // *Rhetores Graeci*: in 3 vol. / ed. L. Spengel. Lipsia, 1856. Vol. III. P. 209–210.
3. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс. // Теория метафоры: сборник / общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. Москва, 1990. С. 5–32.
4. Москвин В. П. Русская метафора: Очерк семиотической теории / 2-е изд., перераб. и доп. Москва: ЛЕНАНД, 2006. 184 с.
5. Прокопчук О. Г. Развитие представлений о метафоре в античной риторической традиции: Аристотель и Квинтилиан // *Вестн. БДУ. Сер. 4, Филология. Журналистика. Педагогика*. 2009. № 2. С. 75–78.

ПЕРАКЛАДЫ

Арыстоцель

РЫТОРЫКА

Кніга III

(фрагмент)

Арыстоцель (384–322 гг. да н. э.) быў сапраўдным навукоўцам-энцыклапедыстам свайго часу: яго круггляд ахапіў амаль усе навукі Антычнасці і спрыяў узнікненню і стагнаўленню большасці з іх. Займаючыся і фізікай, і біялогіяй, і філасофіяй, ён звярнуў увагу таксама і на гуманітарныя навукі, пакінуўшы нашчадкам фундаментальныя для свайго і пазнейшага часу «Паэтыку» і «Рыторыку», фрагмент апошняй і прадстаўлены ў перакладзе на беларускую мову.

«Рыторыка» была напісаная, верагодна, у 330 г. да н. э. у Афінах, яна была не падручнікам, а навуковым творам па тэорыі красамоўства і складалася з трох кніг. Арыстоцель даў вызначэнне рыторыцы, выклаў агульныя законы красамоўства, распавёў пра сродкі пераконвання, а ў трэцяй кнізе трактата разгледзеў пытанні стылю, пабудовы прамоў і апісаў тропы, у прыватнасці, метафару.

II. Трэба то мець на ўвазе і вызначыць, што вартасць стылю – гэта зразумеласць. Доказ у тым, што прамова, калі не выяўляе, не зробіць сваю справу; і [стыль] не нізкі, і не вышэй патрэбнага, але той, што падыходзіць, бо паэтычны гэтаксама не нізкі, (5) але не падыходзіць да прамовы. [2] З назоўнікаў і дзеясловаў зразумелай [мову] робяць тыя, што маюць прамое значэнне, не нізкай, але ўпрыгожанай – тыя іншыя, пра якія паведамлена ў кнігах пра паэтыку¹, бо зрабіць нязвыклым – гэта выявіць больш узвышаным. Як ставяцца людзі да іншаземцаў і да [сваіх] грамадзян, гэтаксама і да стылю; [3] таму трэба зрабіць мову чужой, бо [людзі] зачараваныя далёкім, а зачараванне – гэта прыемнае. У вершах шмат што такім чынам і працуе, і там гэта збольшага прыдатна, бо вытырнута тое, пра што і пра каго ідзе гаворка, а ў простых словах гэтага значна менш, (15) таму што прадмет менш значны. Гэта так, як калі б нейкі раб прыгожа размаўляў, або хтосьці зусім малады, або пра нешта зусім нязначнае, больш неналежнае. Але і ў гэтых [выпадках] ёсць тое, што варта звязіць або пашырыць, [4] таму трэба, каб творцы былі

¹ Ідзе гаворка пра «Паэтыку».

схаванья і каб не здавалася, што яны кажуць штучна, але наадварот – натуральна, бо гэта – пераканаўча, а тое – наадварот. (20) Ганяць бо кагосьці, што, быццам, ён будзе падкопы, падобна як мяшанае віно. І нібыта голас Тэадора¹ трактаваны ў параўнанні з [галасамі] іншых акцэраў: здаецца, што толькі ён – гэта [голос] таго, хто кажа, іншыя ж – неадпаведныя. [5] Добра хавае той, хто склаў [прамову], беручы з гутарковай мовы, падобна як Эўрыпід² робіць і першы падаў прыклад.

Паколькі існуюць імёны і дзеясловы, з якіх складаецца прамова, а імёны маюць нешматлікія віды, якія разгледжаны ў [кнігах] пра паэтыку, з іх трэба карыстацца нязвыклымі, складанымі словамі і створанымі зрэдку і абмежавана, а дзе менавіта, мы скажам пазней, а навошта – ужо казалі. [6]

Больш вылучае гэта са звычайнага, адзіна агульнаўжывальнае і свойскае, і метафара прыдатныя да стылю няхітрых слоў. Доказ у тым, што адзіна гэтым карыстаюцца ўсе, бо ўсе размаўляюць метафарамі і свойскімі (35), і агульнаўжывальнымі [словамі]. Такім чынам, каб добра атрымалася, і [нешта] інша-земнае будзе зразумелым, і схаваным, і мець сэнс. У гэтым вартасць прамовы і годнасць прамоўцы. [7] З імёнаў для сафіста карысныя амонімы, з іх дапамогай ён і шкодзіць а для паэта – сінонімы. [1405a] (1) Я называю і агульнаўжывальнымі, і сінонімамі [словы], як ісці і крочыць, гэтыя абодва і агульнаўжывальныя, і сінанімічныя адно да аднаго.

Што ёсць кожнае з гэтага, і колькі відаў метафары, і што гэта вельмі важна і ў паэзіі, і (5) у прамовах, пра гэта паведамлілі, як мы казалі, у [кнігах] пра паэтыку. [8] У прамове ж трэба настолькі больш працаваць над гэтым самым, наколькі прамова бяднейшая на сродкі за метрычнае. Метафара ў найвялікшай ступені мае і яснасць, і прыемнасць, і незвычайнасць. І не трэба браць яе ў (10) кагосьці іншага. [9] І трэба казаць і эпітэты, і метафары адмыслова, а гэта атрымаецца праз аналогію, калі ж не, будзе здавацца недарэчным, таму што супрацьлеглыя [па думцы] больш за ўсё такімі выглядаюць побач адно с адным. Але трэба глядзець, бо як маладому чырвоны дарэчы, так старому такая вопратка не да месца. І калі (15) захочаш упрыгожыць, трэба несці перанос у метафары ад найлепшага ў гэтым падобнага, і калі ганіць – ад найгоршага. Як я кажу, паколькі супрацьлеглыя [могуць быць толькі] у чымсьці адным, [можна] паказаць таго, хто жабруе, як таго, хто моліць, а таго, хто моліць, як жабрака, бо і адно, і другое – гэта просьбы. Зрабіць тое, пра

¹ Тэадор – знакаміты трагічны акцёр.

² Эўрыпід (480–406/405 гг. да н. э.) – найвялікшы драматург Старажытнай Грэцыі.

што паведамлілі, [можна], як Іфікрат [называў] Калія¹ (20) тым, хто жабруе для Кібелы, а не тым, хто нясе паходню, а той адказаў, што ён непасвячоны, бо трэба называць не жабраком Кібелы, а тым, хто нясе паходню. І тое, і іншае мае дачыненне да боскага, але адно пачэснае, а другое не. І гэтаксама лісліўцамі Дыянісія² завуць тых, хто сябе – мастакамі, і тое, і іншае – метафара, адно ад тых, хто няславіць, другое – ад супрацьлеглых. І рабаўнікі самі сябе завуць цяпер збіральнікамі падаткаў. Таму дазволена сказаць, што той, хто нядобра зрабіў, памыліўся, а хто памыліўся, нядобра зрабіў, а пра таго, хто ўкраў, што ўзяў або здабыў. Таксама Тэлеф Эўрыпіда кажа:

Дзяржальна гаспадар, ступіўшы ў Місію³,

недарэчна, бо «гаспадар» – гэта больш узнёсла, чым трэба, не прыхавана. [11] Ёсць жа і ў складах памылка, калі няма адзнак прыемнасці голасу, як Дыянісій, [гэтак званы] Медны⁴, называе ў элегіях крык Каліопы⁵ паэзіяй, таму што абодва – гукі. Але гэта – няўдалая метафара для незразумелых гукаў. [12] яшчэ ж (35) трэба не здалёк пераносіць, ствараючы метафару, але з аднародных і падобных, калі называюць безназоўнае, якое пасля па назве лёгка зразумець праз падабенства [1405b] (1) як у вядомай загадцы:

Чалавека я ўбачыў, які медзь да чалавека прыклеіў,

бо невыказнае пачуццё, што і тут, і там ёсць нейкае далучэнне, прыклейваннем таму назваў устаноўку банькі. І ўвогуле з добрых намёкаў трэба браць вартыя метафары, бо метафары намякаюць, такім чынам зразумела, што добра перанесена. [13] і ад прыгожых [трэба пераносіць], бо прыгажосць назвы, як кажа Лікімній⁶, у гуках або ў значэнні, гэтаксама і агіднасць. Яшчэ [ёсць] трэцяе, якое парушае сафістычнае меркаванне, як кажа Брысан⁷, ніхто не кажа агідна, калі скажа адно замест другога, калі яны маюць (10) аднолькавае значэнне. Гэта лухта, бо адно за другое больш ужывальнае і падобнае, і больш свойскае, здольнае больш уяўна падаць справу. Яшчэ, не з'яўляючыся падобнымі, яны значаць тое або гэтак, і такім чынам трэба вызначыць, што адно больш прыгожае або больш агіднае за другое. Абодва азначаюць прыгожае або

¹ Калі, сын Гіпоніка, заможны афінскі арыстакрат, які меў дачыненне да культуры Дэметры.

² Ідзе гаворка пра мастакоў пры двары тырана Дыянісія Сіракузскага.

³ З трагедыі Эўрыпіда «Тэлеф», якая да нас не дайшла.

⁴ Дыянісій – афінскі прамоўца (V ст. да н. э.).

⁵ Каліопа – «Прыгожагалосая» (грэч.), муза эпічнай паэзіі.

⁶ Лікімній – старажытнагрэчаскі аратар, вучань Горгія.

⁷ Брысан з Гераклеі – сафіст і матэматык.

агіднае, але не наколькі прыгожае або агіднае, або гэта, але больш ці менш. Метафары трэба пераносіць адтуль, ад прыгожых ці па гучанні, ці па сэнсу, ці па выглядзе, ці з іншага пачуцця. Існуе розніца, як сказаць: ружовапальцае світанне або багровапальцае, (20) ці яшчэ больш нязграбна – чырвонапальцае. [14] Гэтаксама і з прыкладаннем эпітэтаў: або дадаваць іх ад брыдкага і агіднага, як «мацізабойца», або ад больш гожага, як «мціўца за бацьку». І Сіманід, калі даў яму малую плату пераможца на мулах, не хацеў ствараць, бо адчуваў агіду складаць [вершы] пра напаўаслоў. А калі яму даў дастаткова, стварыў:

Вітаю віхраногіх дачок кабыл¹.

Аднак гэта ж былі дачкі і аслоў! Потым існуе памяншэнне. Гэта тое, што меншым робіць і дрэннае, і добрае, як Арыстафан жартуе ў «Вавіланянах»², кажучы замест золата «золатца», замест вопратка «вопратачка», замест ганьба «ганьбачка». Але ж трэба перасцерагацца і ведаць меру і ў тым, і ў гэтым.

IV. I параўнанне – метафара. Адрозніваецца мала. Калі [паэт] кажа [пра Ахілеса]

як леў кінуўся,

гэта – параўнанне, а калі «леў кінуўся» – метафара. З-за таго, што абодва – мужныя, ён назваў, перанёсшы, ільвом Ахілеса. [2] Карысна параўнанне і ў прамове, але (25) зрэдку, бо гэта – паэтычнае. Трэба ўносіць іх як метафары, бо яны і ёсць метафары, адрозныя ў вышэйказаным.

[3] Ёсць [такія] параўнанні, як Андратыян [казаў] на Ідрыэя³, што той падобны да шчанюкоў без ланцугоў, бо і тыя, кідаючыся, кусаюць, і Ідрыэй, вызвалены ад ланцугоў, небяспечны. I (30) Тэадамант параўноўваў Архідама з Эўксенам, але не знаёмым з геаметрыяй, адпаведна, бо будзе і Эўксен Архідамам-геаметрам. I тое ж у «Дзяржаве» Платона, што тыя, хто рабуюць забітых падобныя да шчанюкоў, што кусаюць каменне, не зважаючы на таго, хто кідае. I (35) [параўнанне] у бок народа, што ён падобны да дужага стэрнавога, аднак глухаватага, і ў бок вершаў паэтаў, што падобныя яны да мілых [твараў] без прыгажосці, бо калі гэтыя адцвілі, а тыя парушаныя, [1407a] (1) ужо не падаюцца падобнымі [да сябе]. И [параўнанне] Перыкла⁴ ў бок самасцаў, бо падобныя яны да малых дзяцей, якія бяруць ежу, але [ўсё роўна]

¹ Сіманід Кеаскі, фр. 19.

² Згублена.

³ Андратыян – афінскі прамоўца (IV ст. да н. э.). Ідрыэй – уладар Кары.

⁴ Перыкл (495–429 да н. э.) – афінскі палітычны і дзяржаўны дзеяч.

плачучы, і ў бок беатыйцаў, што яны падобныя да дубоў, бо і (5) дубы разбіваюцца праз саміх сябе, і беатыйцы б'юцца адзін з адным. І тое, што Дэмасфен¹ [казаў] пра народ, што ён падобны да тых, хто пакутуе на караблях ад марской хваробы. І як Дэмакрат² параўнаў прамоўцаў з мамкамі, якія, кавалачкі ежы з'ядаючы, слінай (10) мажуць дзяцей. І як Антысфен³ тонкага Кефісадота параўнаў з ладанам, што знікаючы задавальняе. Усе гэтыя [прыклады] можна называць і параўнаннямі, і метафарамі, такім чынам, якія добра адзначаныя, як гэтак званыя метафары, відавочна, што тыя самыя будуць і параўнаннямі, і параўнанні – гэта (15) метафары без [параўнальнага] слова. [4] Заўсёды ж трэба, каб метафара аналагічна адпавядала ў абодва бакі да падобных, як, напрыклад, калі кубак – гэта шчыт Дыяніса, дык і прыдатна, каб шчыт называўся кубкам Арэса.

Пераклад са старажытнагрэчаскай мовы Д. Мінкевіча⁴

¹ Дэмасфен (384–322 да н. э.) – знакаміты афінскі прамоўца і палітычны дзеяч.

² Дэмакрат – атычны прамоўца, сучаснік Дэмасфена.

³ Антысфен – філосаф, вучань Сакрата, заснавальнік філасофіі кінікаў.

⁴ **Дзмітрый Генадзьевіч Мінкевіч** – старшы выкладчык кафедры класічнай філалогіі БДУ (minkevichdg@gmail.com).

Публій Авідзій Назон
ГЕРАІДЫ
Ліст I
Пенелопа – Улісу (1–80)

«Heroides» – зборнік вершаваных лістоў, напісаных ад імені знакамітых міфалагічных асоб сваім каханым. 15 лістоў адрасаваныя мужчынам (Пенелопа – Адысею, Дыдона – Энею, Дзяніра – Гераклу і г. д.). Да зборніка далучана вершаванае ліставанне Парыса і Алены, Леандра і Гера, Аконтыя і Кідыпы, аднак атрыбуцыя гэтых твораў Авідзію неаднаразова ставілася пад пытанне.

«Гераіды» створаныя на стыку жанраў элегіі, свазорый і эпістальнага жанру. У творы ўдала спалучаюцца элегічны памер, прагматыка ліставання і псіхалагізм свазорый. Авідзію ўдалося стварыць шэраг праўдападобных вобразаў самотных жанчын, якія, нават пакінутыя, працягваюць весці дыялог са сваімі каханымі.

Перакладзены фрагмент перадае перажыванні Пенелопы, якая чакае свайго Адысея. У адрозненне ад вобраза, выяўленага ў гамераўскім эпосе, Пенелопа Авідзія злуецца на свайго мужа, папракае яго маруднасці і нават падазрае ў здрадзе.

Ліст дасылае табе, Уліс, твая Пенелопа.

Ты не пішы мне ў адказ, сам лепш вярніся хутчэй.
Троя разбурана ўшчэнт, ненавісная жонкам данайскім,
Хіба быў варты цаны горад Прыяма такой?
Хай бы пакрылі сабой чужаложніка воды марскія
У час, калі ён уцякаў ад спартанскіх трыер!
Я б не ляжала цяпер у самоце на ложку халодным,
Не наракала б, што дні вельмі павольна бягуць.
Рук не таміла б маіх вась гэта цяжкая тканіна,
Трэба ж хоць як удаве ноч увесці ў зман!
Ці ж не баялася я занадта вялікіх няшчасцяў?
Наша каханне ёсць рэч, поўная страхам адных!
Я выдумляла сабе: «Ён знявечаны войскам траянцаў!» –
Бледнай рабілася ўся, Гектара ўчуўшы імя.
Хтось гаварыў пра скон Антылоха ў бойцы крывавай –
Чорны страх апякаў чулае сэрца маё.
Смерць напаткала калі Патрокла ў даспехах Ахіла,

Плакала плачма, што зман не дапамог у баі.
Кроў Глепалема калі пабарвавіла дзёду лікійцаў,
Смерцю сваёй Глепалем рану маю расцвяліў.
Увогуле, хто б ні сканаў з войска магутных ахейцаў,
Сэрца адразу маё пераўтваралася ў лёд.
Бог жа ласкавы спрыяе каханню чыстых душою:
Троя ў тхлані ляжыць, муж мой вандруе дамоў.
Грэцкія правадыры ўжо вярнуліся: ладзіцца свята,
Мноства трафеяў кладуць да сваіх алтароў,
Кожная жонка нясе прынашэнне за мужа вяртанне,
Песні спяваюць пра лёс Троі, разбуранай ушчэнт.
Добрапрыстойныя старцы і сарамлівыя дзеўкі –
Слухае сквапна радня словы герояў сваіх.
Хтосьці найпрост на сталё малое суровую бітву
І адной кропляй віна ўвесь выяўляе Пергам.
«Тут хай цячэ Сімаэнт, а вось гэта – сігейскія землі,
Тут на пагорку стаіць каралеўскі палац.
Там – Эакіды, а там – размясціліся войска Уліса.
Гектара цела вось тут коні цягалі ў пяску».
Нестар усё распавёў гэта сыну твайму Тэлемаху,
Я дасылала яго бацьку ў Пілас шукаць.
Ён жа паведаў пра смерць ад мяча Далона і Рэза:
Знішчыў сон аднаго, хітрык другога згубіў.
Вы з Дыямедам удвох напалі на лагер фракійцаў
(О, мой родны Уліс, ты хоць падумаў пра нас?!),
Ворагаў знішчылі шмат уначы адважныя віжы,
Ты быў абачлівы ўсё ж, памятаў бо пра мяне.
Сэрца маё трапятала, пакуль я сама не пачула,
Што пераможцам у стан коні прынеслі цябе.
Толькі што мне з таго, што Пергам ляжыць у руінах
І зраўнаваны з зямлёй тыя святыя муры?
Усё застаецца, як ёсць, як было пры магутнасці Троі,
Мілага дома няма, мужа пазбаўлена я.
Троя знікла для ўсіх, для мяне – стаіць як стаяла,
Хоць пераможца цяпер землі траянцаў арэ.
Там, дзе быў Іліён, – ужо ралля, набрынялая кроўю,

Плодная ніва яго прагна чакае сярпа.
Косці славурых мужоў лязо плугоў зневажае,
Хаты пустыя бур'ян сеткай хавае сваёй.
Дзе ж пераможца? Прычына блуканняў тваіх – таямніца,
І дзе бадзяешся ты, мой бессардэчны герой?
Кожны чужы карабель, што заходзіў у нашу гавань,
Марна абходзіла я, каб запытаць пра цябе.
Гэты вось ліст я прасіла, пісаны ўласнай рукою,
Марна ўсіх маракоў мужу майму перадаць.
Я пасылала і ў Пілас, на Нестара землі старога,
Толькі няўцямны адказ я атрымала адтуль.
Ездзілі ў Спарту – і там невядома нічога таксама,
У землях блукаеш якіх? Дзе ж ты, няспешны, прапаў...
Лепш бы стаяў і цяпер Апалонам узведзены горад!
(Ой, я злююся сама на легкадумнасць маю!)
Так я баялася б толькі жахаў вайны і забойстваў,
І мой прыглушаны плач ладна б лучыўся з чужым.
Так я баюся ўсяго і не ведаю, што мне баяцца,
Шмат прасторы заўжды для трывожнай душы.
«Столькі пагроз на зямлі, а колькі бедаў на моры!» –
Думала я пра рэзон доўгай вандроўкі тваёй.
Эх, дурніца, баюся! А мо' закахайся ў кагосьці?
Дзесьці чужынская жарсць моцна трымае яго?
Ну, давай, раскажы, якая ў цябе я прасцячка,
«Грубаве ўсё ў яе, мяккі адно толькі лён».
Хай памылілася б я, і вецер забраў мае словы!
Хоць бы хацеў ты прыйсці, хоць бы быў вольны прыйсці!

Пераклад з лацінскай мовы Я. Прыстаўкі¹

¹ **Ягор Уладзіміравіч Прыстаўка** – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры класічнай філалогіі БДУ (prystauki@gmail.com).

Іаган Мялецій

ПРА ВЕРУ І НАБАЖЭНСТВА СТАРАЖЫТНЫХ БАРУСАЎ, ЛІСТ ІА[ГАНА] МЯЛЕЦІЯ ГЕОРГІЮ САБІНУ¹

Іаган Мялецій (Ioannes Meletius/Maletius/Menetius) – польскі арыстакрат, родам з Кракаўшчыны; пад 1537 г. згадваецца як святар (пазней – архісвятар) у Элку (Elk) у Прусіі (сёння – у Польшчы). У 1567 г. разам з іншымі падпісаў сваё імя пад тэалагічным сачыненнем «*Repetitio corporis doctrinae Prutenicae*» («Новы выклад асноўных палажэнняў [хрысціянскага вера]вучэння для прусаў»). Першапачаткова напісаў для Георгія Сабіна паведамленне пад назвай «*De sacrificiis et idolatria veterum Livonum et Borussorum*» («Пра набажэнства і ідалапаклонніцтва старажытных лівонцаў і барусаў»; Кёнігсберг 1551). Гэтае сачыненне было пашырана, удасканалена і перавыдадзена ў 1582 г. яго сынам Гіеранімам, святаром у Белай (Падлясцы), які пабудаваў у сваім маёнтку друкарню і выдаў там некалькі польскіх кніг.

Такія біяграфічныя звесткі пра Іагана Мялеція падае чацвёрты том дадатку да энцыклапедычнага выдання вядомага бібліёграфа XIX ст. Х. Г. Ёхера «*Gelehrten-Lexikon*» (Брэмен 1813, с. 493). Трактат І. Мялеція «Пра веру і набажэнства старажытных барусаў», пераклад якога публікуецца ўпершыню, быў надрукаваны разам з трактатам нямецкага лютэранскага святара Паўля Одэрборна «Праўдзівы і грунтоўны аповед пра веру русаў... а таксама пра веру і звычаі татараў» (перакладзены на беларускую мову ў 2005 г., гл.: <http://www.belhistory.eu/ra%D1%9El-oderborn-pra%D1%9Edzivy-i-grunto%D1%9Eny-apoved-pra-veru-rusa%D1%9E/#ftn3>). Абодва сачыненні апублікаваны ў Ростакі ў друкарні Штэфана Міліяндэра ў 1582 г.

У тэксе перакладу прыводзяцца раз-пораз словы і выразы з арыгіналу, важныя для асэнсавання спецыфікі культурнай прасторы.

Нядаўна мой сын Гіеранім, які звычайна захапляецца тваімі сачыненнямі, перадаў мне для прачытання адну тваю элегію. Ты напісаў яе для кардынала П'етра Бемба² і распавядаеш у ёй пра ахвярапрынашэнне казла і пра культ змей, што ўчыняюць некаторыя сармацкія народы. Дык вось і я не змог утрымацца ад таго, каб напісаць табе пра тое, што я даведаўся наконт аблуднага культу гэтых народаў, спадзяваючыся, што табе будзе цікава больш даведацца

¹ Крыніца: *Meletius I. De religione et sacrificiis veterum Borussorum, epistola Io[anni] Meletii ad Georgium Sabinum // De russorum religione, ritibus nuptiarum, funerum, victu, vestitu etc. <...> [Rostochiae]: Excudebat Stephanus Myliander, 1582. F. D 2 r. – [D 6] r. URL: http://digital.onb.ac.at/OnbViewer/viewer.faces?doc=ABO_%2BZ198299004.*

² П'етра Бемба (1470–1547) – дзеяч італьянскага гуманізму Кватрачэнта і Чынквічэнта, вучоны, кардынал, знаўца класічных моў. Яго партрэт – адна з самых вядомых карцін Рафаэля Санці.

пра норавы і куміраслужэнне тых народаў, да якіх ты быў пакліканы паводле прызначэння лёсу і ў суседстве з якімі ты праводзіў сваё жыццё. Сапраўды, многія людзі ў тых рэгіёнах да сённяшняга дня паўсюдна адпраўляюць патаемна забабонныя рытуалы і ідалапаклонніцкія культы. Табе, іншаземцу, магчыма, яны яшчэ не вядомыя. Вось мне і падалося мэтазгодным расказаць табе ўсё, што я ведаю пра іх. Але не буду назаліць доўгім уступам: пачну расповед.

Найперш я раскажу пра богаслужэнні, якімі калісьці барусы, самагіты, літоўцы, русіны і лівонцы (*Borufi, Samogitae, Lithuani et Liuvones*) ушаноўвалі дэманаў замест багоў, а таксама нават цяпер у многіх месцах ушаноўваюць патаемна; потым [раскажу] пра некаторыя забабонныя звычаі, сярод якіх адзначаюцца шлюбы, пахаванні і памінкі ў гэтых народаў.

У дзень [Святога] Георгія яны звычайна адпраўляюць сакральны абрад у гонар Пергрубрыя, які лічыцца богам кветак, раслін і ўсяго, што родзіцца. Гэтаму Пергрубрыю яны пакланяюцца так. Вярхоўны святар, якога называюць Вуршайт (*Vurfchayten appellant*), трымае ў правай руцэ келіх, поўны брагі і, прызываючы імя дэмана, спявае яму ўсхваленні ў наступных словах: «Ты праганяеш зіму, ты вяртаеш прыгажосць вясны; дзякуючы табе квітнеюць палі і сады, дзякуючы табе лугі і лясы зелянеюць». На завяршэнне гэтага спеву, захапіўшы зубамі келіх, ён выпівае брагу, не дакранаючыся [да келіха] рукой. Учапіўшыся зубамі за апустошаны келіх, святар перакідвае яго назад над галавой. Калі келіх, падняты з зямлі, ізноў напаўняецца, усе прысутныя п'юць з яго па чарзе і таксама спяваюць гімн на славу Пергрубрыя (*in laudem Pergrubrij*). Потым яны гуляюць і скачуць цэлы дзень.

Падобным чынам, калі ўжо паспеў хлеб, сяляне збіраюцца ў палях на богаслужэнне, якое на русінскай мове называецца «зажынк[і]» (*lingua Rutenica Zazink vocatur*), гэта значыць, пачатак жніва. Учыняючы гэты рытуал, адзін [чалавек], абраны з грамады, дае прадказанні наконт жніва; жжаўшы сноп, ён прыносіць яго дадому. Потым усе, найперш ягонія хатнія, а потым і ўсе іншыя, хто толькі хоча, учыняюць жніво.

Калі ж жніво скончана, яны ўчыняюць штогоднюю ўрачыстасць, каб скласці падзяку, што на русінскай мове называецца «ожынк[і]» (*Rutenica lingua Ozink*), гэта значыць, заканчэнне жніва. Пад час гэтай урачыстасці судзіны¹ і народы Барусіі, у асяроддзі якіх збіраюць бурштын, прыносяць у ахвяру казла, падобна таму як ты апісваеш гэта ў сваёй элегіі да [кардынала] Бемба.

¹ Назву гэтага племені прыгадвалі антычныя аўтары, у тым ліку Клаўдзій Пталамей. Традыцыйна іх атаясамлівалі са жмудзінамі.

Абрад ахвярапрынашэння наступны. Народ збіраецца разам у свіране, і туды прыводзяць казла, на якога іх святар Вуршайт (*Vurſchaytes*), збіраючыся прынесці яго ў ахвяру, накладае абедзве рукі. Ён прызывае па чарзе [розных] духаў, якіх яны лічаць багамі, а менавіта: Акапірна (*Occopirnum*), бога неба і зямлі; Антрымпа (*Antrimpum*), марскога бога; Гардокста (*Gardoxten*), бога маракоў (калісьці ў рымлян такім жа [богам] быў Партун[ус] – *Portunnus*); Патрымпа (*Potrympum*), бога рэк і крыніц; Пільвіта (*Piluitum*), бога багацця, якога лаціны называлі Плутасам (*Plutum vocant*); Пергрубрыя (*Pergrubrium*), бога вясны; Паргна (*Pargnum*), бога грому і навальніцы; Покла (*Pocclum*), бога апраметнай і цемры; Покала (*Poccollum*), бога злых духаў; Путсцэта (*Putſcaetum*), бога, які ахоўвае лясы; Аўсцэўта (*Aufſceutum*), бога здароўя і хваробы; Маркопала (*Marcoppolum*), бога магнатаў і арыстакратаў; Барстукаў (*Barſtuccas*), якіх германцы называюць *Erdmenſen*¹, гэта значыць, «падземнымі».

Прызваўшы гэтых духаў, усе, хто прысутнічае на сходзе, супольна падымаюць казла і, трымаючы яго высока паднятым, спяваюць урачыстую песню. Скончыўшы яе, ізноў апускаюць казла і ставяць яго на зямлю. Тады святар звяртаецца да людзей, каб яны з найвялікшай урачыстасцю ўчынілі гэтую штогадовую ахвяру, набожна ўсталяваную продкамі, і каб набожна захавалі памяць пра яе для нашчадкаў. Звярнуўшыся з гэтай прапановай да народа, ён сам забівае ахвярную жывёлу, а кроў збірае ў міску, каб потым распырсакаць. Мясца ён аддае жанчынам, каб тыя прыгатавалі яго ў гэтым самым свіране. Пакуль мяса гатуецца, яны рыхтуюць з цеста пшанічныя пірагі, якія не ставяць у печку, а мужчыны, стоячы навокал вогнішча, вельмі хутка перакідваюць [іх] туды-сюды праз агонь, аж пакуль яны не зацвярдзеюць і не спякуцца. Учыніўшы гэта, яны балююць і ядуць цэлы дзень і ноч аж да ванітавання. Потым назаўтра, моцна п'яныя, яны ідуць за вёску, дзе ў пэўным месцы хаваюць у зямлі рэшткі страваў, якія засталіся, каб іх не парасцягвалі ані птушкі, ані дзікія звяры. Потым, пакінуўшы сход, кожны вяртаецца дадому.

Дарэчы, многія з ліку ўсіх вышэй названых народаў Сарматыі аж да сёння ўшаноўваюць асаблівым культам Путсцэта, які ахоўвае святых дрэвы і лясы. Лічыцца, што ён жыве пад дрэвам бузіны. Забавонныя людзі ў розных месцах прыносяць яму ў ахвяру хлеб, піва або іншую ежу. Выкладаючы гэта ўсё пад дрэвам бузіны, яны моляцца Путсцэту і спадзяюцца, што той, у сваю чаргу, зробіць прыхільным да іх Маркопала, бога магнатаў і арыстакратаў, каб гаспадары не прыгняталі іх цяжкай паднявольнай працай; яшчэ яны просяць

¹ Паводле сучаснай арфаграфіі нямецкай мовы, *Erdmenschen* ('падземныя людзі').

паслаць да іх Барстукаў, якіх (як вышэй было сказана) называюць падземнымі. Яны вераць, што калі гэтыя духі водзяцца ў хаце, то ад гэтага будзе больш шанцу. Вечарам для гэтых духаў у свіране ставяць хлеб, сыр, масла і піва на стол, засцелены абрусам. Яны не сумняваюцца, што ў іх будзе больш шанцу, калі назаўтра яны ўбачаць, што ежа адтуль была ўзятая. А калі раптам ежа застанецца некранутай, то гэта нагода для вялікай трывогі, і страшней за гэта для іх няма нічога.

Тыя ж самыя народы пакланяюцца нейкім відочным духам, якія на русінскай мове называюцца «колткі», па-грэчаску «кобалы», па-нямецку «кобалды» (*lingua Rutenica Coltky, Graeca Coboli, Germanica Coboldi vocantur*). Яны вераць, што гэтыя духі водзяцца ў патаемных месцах дамоў або ў кучы драўніны. Іх добра кормяць ежаю ўсялякага кшталту, бо яны звычайна прыносяць сваім карміцелям збожжа з іншых свіранаў, здабытае праз крадзеж.

Лічыцца, што калі гэтыя духі хочуць дзе-небудзь жыць і атрымліваць пракорм, яны выказваюць сваю волю гаспадару дома наступным чынам. У хаце ноччу яны збіраюць [у стосік] драўняныя шчэпкі, а ў падойнікі, поўныя малака, кідаюць жывёльны кал рознага кшталту. Калі гаспадар дома гэта заўважыць, ён не рассыпае шчэпкі і не выкідае кал з падойнікаў, але каштуе гэтага забруджанага малака разам з усёй сваёй сям'ёй: тады, кажуць яны, гэтыя духі прыходзяць і пасяляюцца ў доме.

Акрамя таго, літоўцы і самагіты ў дамах пад печкаю або ў куце каля печкі, дзе стаіць стол з ежаю, даглядаюць змеяў. Яны пакланяюцца ім як боствам і ў пэўную пару года праз малітвы святара клічуць да стала. Змеі выходзяць, запаўзаюць на чысты льяны рушнік і сядзяць каля стала. Пакаштаваўшы ад кожнай стравы, яны вяртаюцца назад і хаваюцца ў шчылінах. Калі змеі адыходзяць, людзі ў радасці спажываюць гэтыя загадзя пакаштаваныя стравы і спадзяюцца, што сёлета ўсе справы ў іх пойдучь паспяхова. Калі ж на малітвы святара змеі не выходзяць або калі яны не пакаштуюць страваў, пастаўленых на стале, тады людзі думаюць, што сёлета напаткае іх вялікае няшчасце.

Апроч таго, сярод гэтых народаў ёсць прадказальнікі лёсу, якія на русінскай мове называюцца «бурты» (*lingua Rutenica burty vocantur*). Яны прызываюць Патрымпа, ліюць воск у вадку і па знаках або выявах, што фармуюцца ў працэсе налівання, праракуюць і прадказваюць будучыню адносна любых рэчаў, пра што б іх толькі не спыталі. Я сам ведаў адну жанчыну, якая доўга і дарэмна чакала вяртання свайго сына, які з'ехаў; а сын яе выправіўся з Барусіі ў Данію. Яна звярнулася за парадаю да прадказальніка і ад яго даведлася,

што сын яе загінуў у марскоў навалі. Бо калі воск быў выліты ў ваду, ён прыняў форму разбітага карабля і набыў абрыс чалавека, які захлынуўся і плаваў паблізу карабля.

У самагітаў ёсць гара, што знаходзіцца каля ракі Навасы (*Nauuassa*)¹. На яе вяршыні калісьці святаром падтрымліваўся вечны агонь ў гонар самога Паргна, якога да сённяшняга дня забабонны народ лічыць уладаром грому і навальніцы. Гэта тое, што адносіцца да богаслужэнняў.

Цяпер раскажу тое-сёе настолькі ж смешнае, наколькі і забабоннае пра абрады шлюбу, пахавання і памінак. У судзінаў, куро́наў², самагітаў і літоўцаў (*Apud Sudinos, Curonenses, Samogitas et Lithuanos*) паўналетнія дзяўчаты ў многіх мясцовасцях носяць званочак, які, прывязаны за шнурок, звісае з пояса аж да каленяў. Іх не аддаюць замуж, а выкрадаюць у шлюб, накшталт старажытнага звычайу спартанцаў, устаноўленага Лікургам. Аднак дзяўчаты выкрадаюцца не самім жаніхом, а двума знаёмымі жаніха. І пасля таго, як яны выкрадзены, спачатку дабіваюцца згоды бацькоў, а потым заключаецца шлюб.

Калі ўжо святкуюцца вяселле, нявесту тройчы абводзяць вакол печкі. Потым яе садзяць на крэсла. Пакуль яна сядзіць на крэсле, ёй мыюць ногі. Потым той вадой, якой нявесце мылі ногі, апырскваюць шлюбнае ложа і ўсё хатняе абсталяванне. Апырскваюць таксама і гасцей, якія запрошаны на вяселле. Пасля гэтага вусны маладой намазваюць мёдам, а вочы пакрываюць вэлюмам. З прыкрытымі вачыма яе вядуць да ўсіх дзвярэй дома, да якіх ёй належыць дакрануцца і піхнуць правай нагой. Каля кожных дзвярэй рассыпаюць навокал пшаніцу, пшано, авёс, ячмень, гарох, боб і мак. Той, хто ідзе следам за маладой, нясе торбу, поўную разнастайных пладоў; ён рассыпае гэтыя плады вакол яе і гаворыць, што нічога з гэтага не будзе бракаваць маладой, калі яна будзе набожна захоўваць веру і будзе дбаць пра хатнюю гаспадарку з той старанасцю, з якой павінна. Учыніўшы гэта, маладой здымаюць вэлюм з вачэй, і пачынаецца вясельнае баляванне.

Вечарам, калі маладую належыць адвесці да ложа, то ёй у танцах адразаюць валасы; адрэзаўшы іх, жанчыны ўскладаюць на галаву маладой вянок, упрыгожаны льняною стужкай, які жанчына павінна насіць, пакуль не народзіць дзіця. На працягу гэтага часу замужнія жанчыны нічым не адрозніваюцца ад дзяўчат. Нарэшце маладую заводзяць у спальню, дзе яе, штурхануўшы і піхнуўшы, кідаюць на ложа, пасля чаго перадаюць жаніху. На вяселлі ў якасці дэсерту

¹ Праўдападобна, рака Нявежыс, правы прыток Нёмана.

² Куронамі называлі жыхароў гістарычнай вобласці Курляндыя.

падаюць яйцы казла або мядзведзя: іх спажываюць непасрэдна ў дзень вяселля і спадзяюцца, што тады маладыя будуць мець патомства. З гэтай прычыны для вясельнай пачосткі не забіваецца аніводная выкастраваная жывёла.

Пад час пахаванняў сяляне выконваюць наступны рытуал. Целы памерлых апранаюць, на ногі ўскладаюць абутак, а потым, падняўшы, ставяць целы [у труне] на козлах, вакол якіх сядзяць яго блізкія, шмат п'юць і балююць. Калі брага выпіта, пачынаецца пахавальнае лямантаванне, якое так гучыць на русінскай мове: *Ha le le, le le, u procz tij mene vmarl? ij za tij nie miel szto yesty, albo pity? u procz tij vmarl? Ha le le, le le ij za tij nie miel krafs ije mlodzice? ij procz tij vmarl?* Гэта значыць: «Гора, гора мне! Навошта ты памёр? Няўжо табе не хапала ежы або пітва? Дык навошта ж ты памёр? Гора, гора мне! Ці ж не меў ты прыгожай жонкі? Дык навошта ж ты памёр?» і г. д. Лямантуючы такім чынам, людзі пералічаюць па парадку ўсе зямныя багацці таго, смерць каго яны аплакваюць, а менавіта: дзяцей, авечак, кароў, коней, гусей, курэй і г. д. Называючы (ўсё) гэта паасобку, яны спяваюць гэтую жалобную песню: «Навошта ж ты памёр? Ты ж усё гэта меў!»

Пасля лямантавання памерламу даюць падарункі, а менавіта: жанчыне – ніткі з іголкай, мужчыне – палатняную хустку, прычым завязваюць яе на шыі памерлага. Калі памерлага нясуць на могілкі, многія конна суправаджаюць пахавальнае шэсце і едуць коннымі экіпажамі там, дзе праносяць памерлага; выцягнуўшы мячы, рассякаюць паветра і ўсклікаюць: *Gey geythe begayte peckelle!*, гэта значыць: «Уцякайце вы, дэмань, у пекла». Тыя, хто хаваюць памерлага, кідаюць манеты ў магілу як грошы на дарогу, што даюцца нябожчыку. Кладуць таксама ў магілу хлеб і бутэльку, поўную брагі, каля галавы пахаванага памерлага, каб душа яго не адчувала голаду ці смагі.

Жонка раніцай і вечарам, на досвітку і на змярканні, сядзячы або лежучы на магіле памерлага мужа, лямантуе трыццаць дзён. Знаёмыя спраўляюць застолле на трэці, шосты, дзвяты і саракавы дзень пасля пахавання. На гэтыя застоллі запрашаюць душу памерлага, молячыся перад дзвярыма. Пад час гэтых застолляў, якія лічацца ахвярапрынашэннем для памерлага, моўчкі сядзяць за сталом быццам нямыя і не карыстаюцца нажамі. Каля стала прыслужваюць дзве жанчыны, якія падносяць гасцям ежу, не ўжываючы пры гэтым аніводнага нават найменшага ножыка. Невялікія кавалачкі ад кожнай стравы ўсе кідаюць пад стол, дзе, як лічаць гэтыя людзі, корміцца душа; ліюць ёй таксама пітво. Калі раптам што-небудзь упадзе са стала на зямлю, таго не падымаюць, а пакідаюць (як самі яны кажуць) паесці самотным душам, якія не маюць ані

знаёмых, ані сяброў жывых, для якіх не наладжваюць памінальнага застолля. Калі пачостка скончана, святар падымаецца з-за стала і падмятае ў хаце: разам з пылам ён выганяе душы памерлых, быццам блох, і, каб яны выйшлі з дому, моліцца ў такіх словах: *Ielij pilij dušice: ni wen, ni wen!*, гэта значыць: «Вы паелі, папілі, дарагія душы, – ідзіце прэч, ідзіце прэч». Пасля гэтага ўдзельнікі застолля пачынаюць гаманіць і спаборнічаць паміж сабою у падыманні чарак. Жанчыны п’юць першымі за здароўе мужчын, а мужчыны, у сваю чаргу, за жанчын і ўзаемна абменьваюцца пацалункамі.

Пра гэтае паднашэнне ежы на пахаванні памерлых успамінае нават Аўгусцін у 15-й пропаведзі «Пра святых» (*De sanctis*)¹. Выказванне яго [на гэты конт] наступнае: «Дзіўлюся я, чаму ў некаторых бязверных [людзей] сёння ўзмацняецца гэтка пагібельная аблуда, што над магіламі памерлых яны ўжываюць ежу і віно, быццам бы душы, якія выйшлі з целаў, маюць патрэбу ў цялеснай ежы. Аднак жа застолляў і пасілкаў патрабуе толькі цела. А дух і душа не маюць у гэтым патрэбы. Нехта загадвае прыгатаваць свае хары², паколькі сам іх спажывае, такім чынам аддаючы перавагу жывату і не зважаючы на набожнасць» і г. д. Так гаварыў Аўгусцін.

Тое, што я раскажаў пра забабонныя богаслужэнні і цырымоніі гэтых народаў, часткова я сам бачыў, часткова чуў ад людзей, моцных у веры. Ты ж, найвыдатнейшы муж, звычайна захапляешся пазнаннем розных прадметаў і адрозніваешся дасведчанасцю ў гэтым; [таму] прымі, калі ласка, з задавальненнем ад чалавека, надзвычай да цябе прыхільнага, гэтае маё завершанае апісанне, якім бы яно ні было.

Пераклад з лацінскай мовы Ж. Некрашэвіч-Кароткай³

¹ Або: «Пра святасць».

² Хара – від караняплода.

³ **Жанна Вацлаваўна Некрашэвіч-Кароткая** – доктар філалагічных навук, прафесар кафедры гісторыі беларускай літаратуры БДУ (Korotkaja@bsu.by).

Олимпия Одуар
ПУТЕШЕСТВИЕ В СТРАНУ БОЯР
ОЧЕРКИ О РОССИИ XIX В.

Предисловие переводчика

В конце XIX в. Франция, потерпев поражение в франко-прусской войне 1870 года, оказывается перед лицом реального уничтожения. Единственным шансом, способным спасти Францию, становится ее союз с Россией. Потребовалось создание позитивного образа России во Франции того времени. Франция не знала своего нового союзника. Воспоминания о разгроме армии Наполеона в снегах под Москвой, невероятные слухи и анекдоты складывались в искаженную картину о России. Поэтому путевые заметки французской аристократки Олимпии Одуар (Olympe Audouard; 1832–1890) «Путешествие в стану бояр. Очерки о России наших дней» («Voyage au pays des boyards. Étude sur la Russie actuelle»), увидевшие свет в Париже в издательстве Dentu в 1881 г., явились своеобразным руководством, содержащим сведения по истории, литературе и современной ситуации в России конца XIX в. В целом эта книга – исторический труд, содержащий, с одной стороны, достаточно резкие выпады в адрес российского государственного управления, полиции, религии, но, с другой, – живописные описания белых ночей Петербурга, снежной русской зимы, церковного пения и охоты на волков.

В книге «Путешествие в стану бояр...» хорошо прослеживаются передовые взгляды автора, осведомленность в вопросах политики, юриспруденции, знание европейской литературы. В четвертой главе, которая занимает почти половину всей книги, О. Одуар приводит краткие, но очень точные сведения о русской литературе, начиная со славянской языческой мифологии и заканчивая характеристикой трудов Герцена и Бакунина.

Особо следует отметить, что О. Одуар называет писателей, внесших значительный вклад в российскую и мировую литературу, например, А. П. Сумарокова, В. К. Тредиаковского, А. С. Хомякова, труды которых не изучаются сегодня ни в школьном, ни в университетском курсе русской литературы.

Произведение Олимпии Одуар «Путешествие в стану бояр. Очерки о России наших дней» на языке оригинала находится в свободном доступе на сайте Национальной библиотеки Франции Gallica, bibliothèque numérique de la Bibliothèque nationale de France (<https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k371339x.image>) (скан-копия), и на сайте Библиотеки русской и славянской литературы La bibliothèque russe et slave (документ в формате PDF) https://bibliotheque-russe-et-slave.com/Livres/Audouard_-_Voyage_au_pays_des_Boyards.pdf.

Глава IV
Славянская литература

Литература – это душа народа; через литературу мы узнаем, честна ли, чиста и отважна у народа душа, или же она глупая, подлая и развращенная.

То, что мы узнаем из литературы, – надежно, можно даже сказать «математически» точно.

Жизнь человека есть драма, которая завязывается на Земле, а развязка драмы происходит на небесах.

Но жизнь народов – это драма, которая зарождается и завершается на земле; мы видим людей при их рождении, в зените славы, и мы наблюдаем их упадок, мы узнаем их промахи и наказания. Мы можем, изучая историю народов, распознавать знамения провидения. Но любое изучение будет бесполезным для человека, который не понимает, что он создан, чтобы жить по божьим законам.

Предание, комедия, томик стихов нам часто лучше раскроют прошлое народа, чем историки, которые слишком часто из всего народа выделяют только правителя и войны, развязанные им. Историки нам говорят только о том, что произошло при дворе, о скандалах и бесчестиях, совершенных государственными лицами.

Любознательные люди, которые хотят узнать моральные ценности народа, должны внимательно изучить его литературные произведения, не пренебрегая легендами, своеобразными голосами предков, идущими к нам из глубины веков. Некоторые ученые пытаются донести до читателя древние поэтические произведения в таком виде, чтобы они были приятны для чтения, но тогда древние книги становятся бесполезными.

Вот что сказал совершенно точно по этому поводу великий шотландский философ Дэвид Юм: «Поэзия оказывает большое влияние на мышление человека. Именно в мозгу человека Бог посеял семена всех наук и всех секретов мироздания. Под влиянием гармоничных вибраций поэтических строк, мозг получает электрический толчок, который заставляет эти семена созреть. Мысль формируется, становится свободной, активной и созидательной, выполняя, таким образом, важную миссию, которая заключается в содействии прогрессу человечества».

Шотландский философ Джон Лесли вновь занялся изучением воображения, которым некоторые лжеученые несколько излишне побрезговали. «Воображение называют безудержной фантазией, – говорит он, – но воображение – это мудрость, которую нужно высказать, это даже ученость. Воображение созидательно, изобретательно и искрометно. Воображение – это божественная искра, которую Бог вложил в нас. Те, кто взращивают науки, должны внимательно вглядываться в свое воображение и стараться его развивать, так как

оно украшает и расширяет границы наблюдений, а также исследований научных. А поэты являются искусными наблюдателями, их совместные творения образуют сокровищницу истины, которая ни в чем не уступает научной истине, и наука должна извлекать из этого пользу».

Не только литература дает представление о моральном и физическом состоянии народа, но также все произведения, для создания которых требуется воображение, представляют научную значимость, как считают вышеназванные философы.

Я не могу представить вам полный отчет о России, не рассказав подробно о славянской литературе. Славянские писатели, если разобраться, являются собой элиту народа, и все они – мыслители и историки. Некоторые обыватели, не способные понять миссии, которую выполняют писатели России, склонны осуждать их. Не только Мольер бичевал пороки и недостатки людей своего столетия. Мольер – великолепный историк, исполнил важную миссию, возможно непреднамеренно – он передал грядущим столетиям то, чем славились люди его эпохи.

В России все, кроме деспотизма, отстает от Европы: журналистика, критика, история, театр и литература. Отметим, однако, заслуги русских, насколько они решительно стремятся наверстать упущенное время. В России создаются замечательные произведения различных литературных жанров, способные сравниться с литературными шедеврами цивилизованных народов Европы, что доказывает могущество сокрытой в России умственной силы.

Славяне по своей натуре народ мечтательный и склонный ждать чуда, на них влияют природные условия их дикой страны, они боготворят природу больше, чем человека. Мифология славян тоже пришлая, многие мифы славяне позаимствовали у германцев. Вурдалак¹ – не кто иной, как вампир, который появляется темными и холодными зимними ночами и пьет кровь спящих людей. Для того, чтобы утолить свою жажду, он способен насыпать на людей особенно глубокий сон.

Русалки – это прекрасные светловолосые водяные девы, танцующие летними ночами при свете звезд. Происхождение русалок более оригинальное, чем история Соловья-убийцы, который воет как дикий зверь и шипит как змея. Соловей-убийца играет важную роль в сказаниях и легендах славян.

¹ Вурдалак или волколак – мертвец, который, через 40 дней после смерти, встает из могилы и высасывает кровь у сонных людей. Аналогичный фольклорный персонаж восточных славян – упырь.

И горе путешественнику, заблудившемуся ночью в лесу, если он услышит вой Соловья-разбойника¹. В славянской мифологии говорится о бесконечном числе ужасных ведьм, строящих людям страшные козни. Баба-Яга – самая ужасная их них, она одна сделала больше злодеяний, чем Люцифер.

Леший в славянской мифологии – это что-то вроде сатира или фавна. Незакрепленная в письменных источниках устная народная традиция сохранила память об этих сказочных существах, пронеся ее через двадцать столетий. Вера в колдунов и ведьм, несмотря на христианство и влияние западной цивилизации, осталась настолько яркой в душе славян, что и сегодня в России нет ремесла более прибыльного, чем ремесло знахаря-ведуна или ведуньи.

Главными богами древних славян были Дажьбог, или бог Солнца, Лада, его жена, которую славяне почитали так же, как греки Венеру; Перун – повелитель грома и молний – почитается, как Юпитер у римлян, и Морана – бледная богиня смерти.

До конца X века для записи своих мыслей русские пользовались своего рода иероглифическими знаками, которые они выцарапывали на гладких деревянных дощечках. Став в X веке христианами, они захотели обладать переводами священных книг. Дунайские славяне, ставшие христианами раньше, уже перевели эти книги на славянский язык. Священники привезли их в Россию, и в течение нескольких столетий язык священных книг – церковно-славянский – использовался для богослужений, как у нас латынь. Церковно-славянский язык стал также литературным языком, и до начала восемнадцатого века он был единственным письменным языком; алфавит получил название *кириллица* по имени Святого Кирилла, который изобрел его в IX веке.

Все книги были написаны на языке, неизвестном большинству людей, поэтому распространение книг становилось невозможным; их могли читать только священники и некоторые ученые люди; эта литература была полностью византийской.

Первые русские литературные произведения обязаны своим появлением религиозным писателям. Эти произведения состоят из нравоучений, притч, проповедей и религиозной полемики. Первым русским летописцем следует считать Нестора – монаха знаменитого Печерского монастыря. Именно ему

¹ Соловей-разбойник в восточнославянской мифологии антропоморфный чудовищный противник героя, поражающий врагов страшным посвистом, О. Одуар называет его *rossignol meurtrier* (досл. ‘соловей-убийца’) и *solovei-rasboïnik*.

принадлежит прекрасная идея объединить все легенды, летописи и даже народные песни предыдущих столетий, что позволило восстановить историю, начиная с первобытных времен, и узнать жизнь и деяния первых людей из рода Рюриков.

Печерский монастырь, который дал России много высокообразованных монахов, расположен в Киеве, в горной местности со множеством пещер и склепов, называемой Печера, отсюда и название, данное монастырю. В XII веке великий князь Мономах написал книгу под названием «Поучение детям», замечательную как в плане содержания, так и в плане стиля.

«Кодекс Ярослава» и «Слово о полку Игореве»¹ составляют весь литературный багаж следующего века. «Слово о полку Игореве» – это своего рода эпическая поэма неизвестного автора, в которой рассказывается о неудавшемся военном походе великого князя Игоря Святославовича против племени половцев, опустошавшего южные земли Руси.

Эти сказания или песни имеют гордый национальный и воинственный характер. Их автором был, несомненно, один из тех поэтов-сказителей, почетных охранников великих князей, которые были частью дружины.

Как мы видим, первый литературный опыт не был блестящим; татарское иго, которое тяготило Русь более двух столетий, начиная с 1222 года, прекратило все литературные начинания, и два века порабощения отмечены только появлением некоторых летописей, написанных монахами: «Жизнь Александра Невского», «Рассказ о Куликовской битве», «Сказание о Мамаевом побоище», «Убийство князя Михаила Ярославича в Орде» и т. д.

Наконец, в XVI веке монах Максим Грек, изучавший классическую и современную литературу в Италии, вернулся в Россию и получил от великого князя Василия IV поручение – привести в порядок древнегреческие и славянские манускрипты, которые хранились в библиотеках великих князей. Максим Грек не только выполнил эту миссию, но также написал сто тридцать восемь произведений религиозной полемики, морали и социальных идей, в которых он указал на плохие склонности духовенства, его деморализацию, отсутствие школ и, как следствие, – неграмотность русского народа. К суждениям ученого прислушивались, когда готовился «Стоглав»².

¹ О. Одуар пишет «Песнь об Игоре», вероятно, по аналогии с произведениями французского героического эпоса, например «Песнь о Роланде».

² «Стоглав» – сборник решений Стоглавого собора 1551 года, состоит из 100 глав. Название утвердилось с конца XVI века.

Максим заимствовал идеи из Италии. Эти идеи можно считать очень либеральными, по сравнению с теми, которые преобладали в России. Поэтому священнослужители России ненавидели его. Максим Грек навлек на себя гнев Василия IV, осудив его намерение развестись с женой, поэтому монах был отправлен искупать эти два преступления в мрачном монастыре.

Даже самый совершенный писатель считает Ивана IV Грозного отличительной чертой истории России. Этот монстр, жаждущий крови, имел большой писательский талант. Я уже говорила о его письме к боярам, в котором он писал, что они поступали бестактно, не явившись на костер, приготовленный князем для них. Это письмо бережно хранится в московской библиотеке. Но Иван IV оставил и другие литературные произведения, которые раскрывают его блестящий острый ум и умение излагать свои мысли насмешливо-издевательскими фразами. В форме письма он написал кровавое сатирическое послание настоятелю Белозерского монастыря, в котором с тонкой иронией описал жизнь, полную разврата и глупостей, которая привела монахов в этот богатый монастырь. Некоторые отрывки напоминают «Налой» Никола Буало.

Нерон¹ был музыкантом и актером. У жестокого зверя, каковым являлся Иван IV, были литературные способности. Это печально... Хотелось бы знать, что легендарные монстры, которые своими преступлениями обесчестили человеческий род, имели ограниченный интеллект и звериный характер. Но история сообщает нам о том, что они, наоборот, имели выдающийся разум.

Князь Курбский², описывая жизнь Ивана IV, предоставил нам доказательства этого позорного для человечества факта... Иван Грозным был умен и образован... Он даже повелел устроить первые типографии в России. Еще один священник оставил очень любопытную рукопись тем, кто хочет изучить историю русской жизни вплоть до шестнадцатого века, – монах Сильвестр написал «Домострой или организацию домашней жизни».

«Домострой» показывает нам главу семьи как неустанного тирана, его железную волю. Никакие препятствия не останавливают его, он имеет право даровать жизнь и смерть своей жене и детям своим. Дети его до сорока лет не могут вступить в брак без его согласия; в двадцать пять лет они все еще

¹ Нерон Клавдий Цезарь Август Германик (лат. Nero Claudius Caesar Augustus Germanicus; 37–68), римский император, известный своей любовью к искусству и жестокостью в отношении своих противников.

² Во французском тексте – *Le prince Kourski*, скорее всего, ошибочно. Здесь речь идет о князе Андрее Михайловиче Курбском – русском полковнике, политике, писателе, переводчике и меценате, приближенном Ивана Грозного.

могут быть избиты палками отцом или по его приказу. Женщина – раба своего мужа, она живет как в заточении в своих покоях, а мужчины между собой предаются бесконечным оргиям; она не появляется на людях ни в праздники, ни во время церемоний, можно сказать, что она главная служанка в доме.

С суровостью византийских богословов монах Сильвестр осуждает музыку, изобразительное искусство, представления. Он называет эти благородные развлечения сатанинскими, и выступает против всего, что является чужеземным.

Другой монах, Симеон Полоцкий, написал первые комедии: одна называлась «Блудный сын», а другая – «Навуходоносор». Этот священослужитель, как мы видим, выступал против идей монаха Сильвестра. Если даже ученые не всегда могут прийти к единому мнению, то один священник очень часто утверждает прямо противоположное тому, что говорит другой.

Южная Россия потеряла свое политическое влияние, как только столица империи была перенесена на Север. Но она сохранила свое духовное влияние; расположенная ближе к греческой империи, она была озарена лучами этого центра света... Именно в Киеве были созданы первые русские литературные творения.

Петр I, приехав во Францию, оценил французскую литературу, познакомившись с шедеврами Корнеля, Расина, Мольера и всей плеяды великих писателей, ставших нашей классикой. Петр понял, что нация без литературы – это нация, душа которой все еще погружена в сон, и он пригласил ученых в свою страну, основал школы, стал защитником новых идей, он объявил смертельную войну старым предрассудкам, которые противодействовали науке. Принцессы, придворные и возлюбленные царя развлекались, сочиняя комедии, которые они играли при дворе, к великому негодованию православного духовенства.

Человек редкого ума, Ломоносов отправился в Германию, чтобы учиться, и, возвратившись в свою страну, направил свои способности и свой талант на службу европейской цивилизации. Сначала он сочинил замечательные оды, одна из которых, «Бог»¹, имела честь быть переведенной на все языки, даже на китайский. Переходя от панегириков и од к более значимой работе, Ломоносов стремился очистить язык и освободить его от церковного славянского языка; он написал грамматику и риторику, в конце концов, он внес такой же вклад в русский язык, как и Буало внес во французский язык.

¹ Ода «Бог» принадлежит Г. Р. Державину.

Ломоносов родился в 1711 году, а умер в 1765 году.

Сумароков познакомил своих соотечественников с работами Корнеля, Расина и Вольтера, и он сам написал несколько трагедий, обладающих прекрасными характеристиками, остроумных и вдохновенных, но, к сожалению, не подходящих для сцены.

Тредиаковский перевел «Поэтическое искусство» Буало, ставшее для русских, как и для нас, правилом хорошего вкуса и тона.

Екатерину II можно назвать первым сатирическим писателем России, и это, несомненно, заслуженно, так как, чтобы позволить себе быть сатириком в этой стране, нужно... обладать властью. Рассказы Екатерины, повествующие о реальных и воображаемых событиях, обладали остроумием, язвительностью, тонкой насмешкой, соединенной с суровой критикой. Получив в качестве примера сочинения столь высокопоставленной особы, несколько авторов посвятили себя критическим исследованиям. Щербатов написал резкий памфлет под названием «О повреждении нравов в России». Он основал несколько периодических журналов – «Петербургский вестник» и «Руководство для почитателей литературы». Последний журнал возглавляла знаменитая княгиня Дашкова¹, которая была президентом Академии наук. Эти журналы популяризировали французские идеи XVIII века в России и знакомили ее с теориями наших энциклопедистов. Две женщины – Екатерина II и княгиня Дашкова – внесли существенный вклад в эту работу. Они первые превозносили великие идеи французских философов, но Екатерина была очень либеральна в мыслях и очень деспотична в своих действиях. Такое отсутствие логики простительно, в конце концов, самодержцу, в отличие от республиканца, и каждый день мы видим либералов, которые, становясь правителями, превращаются в сторонников сильной власти.

Таким образом, с середины восемнадцатого века до наших дней, в течение столетия, Россия породила выдающихся людей, которые создали замечательные произведения, сравнимые с лучшими творениями великих народов Европы.

Ломоносов, как уже было сказано, оказал на русский язык такое же влияние, что и Буало – на французский язык. Благодаря превосходной грамматике и хорошей риторике он освободил русский язык от церковной лексики, усовершенствовал его и составил правила хорошего вкуса.

¹ Княгиня Екатерина Романовна Дашкова (1743–1810), считалась близкой подругой и сподвижницей будущей императрицы Екатерины II, одна из заметных личностей Российского Просвещения. О. Одуар ее фамилия написана – d'Aschkof.

Ломоносов имел выдающийся талант, его острый ум оказался способным создать Северный Парнас¹, применительно к естественным наукам. Этот писатель доказывает силу и мощь человеческого таланта. Когда Бог вложил божественную искру в человеческий мозг, только избранный, чтобы выполнить свою миссию, смог преодолеть все препятствия и сотворил чудо. Ломоносов доказал это. Сын бедного рыбака из Архангельской губернии, он едва мог читать, он жил среди невежественных и грубых людей. Однажды ему на глаза попала Библия. Он с жадностью прочитал ее страницы, написанные в высоком стиле. Он хотел учиться, но науки были для него запретным плодом. С отчаянной настойчивостью он постиг тайны многих наук. Для этого он покинул свою родину и поехал в Германию.

Не имея средств, он должен был зарабатывать на жизнь и одновременно учиться. Он так стремился к знаниям, что изучал все: поэзию, философию, физику, химию, изобразительное искусство и металлургию. Затем он вернулся на родину, и написал выдающиеся произведения в этих столь разных науках. Он первый изучил системы стихосложения в русском языке, который является одним из самых богатых и гармоничных в мире. Он сочинил очень красивые оды, несколько стихов, посвященных возвышенным чувствам, среди прочих ода «Размышления о величии Бога»². Эти оды переведены на все языки.

Сумароков оказал России большую услугу, познакомив ее с работами Расина, Корнеля и Вольтера; он попробовал себя также в драматической литературе: он написал трагедии под названием «Хореф», «Синав» и «Трувор», несравненные по стилю и сюжету и со счастливым концом.

Славянский язык, как известно, подвергается суровой критике за то, что его ирония оскорбительна. Трагедии Сумарокова чуть менее насмешливы, чем памфлеты.

Тредиаковский не оставил нам ничего, кроме превосходного перевода на русский язык «Поэтического искусства» Буало.

Случайно или нет, но эти три выдающихся человека родились примерно в одно время, с разницей в четыре или пять лет. Ломоносов родился в 1711 году,

¹ Парнас – гора в Греции; в мифологии – место пребывания муз, в античной и европейской культуре – символ поэзии, поэтического признания. Северный Парнас в тексте О. Одуар – Петербург как центр науки и искусств России.

² Вероятно, речь идет об одах М. В. Ломоносова «Утреннее размышление о Божием величестве» и «Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния».

Сумароков – в 1714 году, и Тредиаковский – в 1708 году. XVIII век, ускоряясь и бурля, породил настоящую плеяду великих людей.

Сначала был Державин, который использовал русский язык с восхитительным изяществом, он сумел сделать его гибким, мягким и приятным на слух, и в то же время энергичным и сильным. Благодаря знаменитой «Табели о рангах», созданной Петром I, великий поэт должен был сначала служить в армии в течение десяти лет. Он начал службу простым солдатом, потом стал сержантом; затем он вошел в правительство, был государственным секретарем при Екатерине II и министром при Александре I.

Будучи успешным военным и государственным деятелем, Державин занимается литературой. Как хороший придворный, он сочинил оду «Фелица» в честь государыни. Ода «Фелица» принесла ему прозвище «поэт Екатерины».

Две его самые популярные оды – это «Бог» и та, которая была составлена на смерть князя Мещерского.

Уделяя большое внимание религиозной поэзии, Державин сделал для поэзии больше, чем просто любитель. Именно Державин создал в России анакреонтический жанр.

Карамзин пробовал себя в различных жанрах. «Персидские письма» Монтескье вдохновили его на «Письма русского путешественника», которые я считаю менее утомительными, чем письма Монтескье. Затем он написал несколько новых очерков в духе немецкого сентиментализма. Наконец, он нашел свой истинный путь, он изучил все разрозненные документы о прошлом России, и наделил свою родину отличной историей, в которой он высказывает независимые суждения. Ему повезло в том, что он писал «Историю» при Александре I, взгляды которого были достаточно либеральными.

Карамзин некоторое время принадлежал мартинизму¹ или Обществу Посвященных. Это Общество было сформировано для того, чтобы отреагировать на идеи религиозного скептицизма, введенные в высшее общество при Екатерине II под влиянием Вольтера и Дидро. Мартинисты хотели распространить в народе религиозное образование и привить людям интерес к национальной истории. Президентом этого Общества был Новиков. В 1778 году Новиков получил разрешение на создание педагогической семинарии, а в 1783 году

¹ Мартинизм (фр. Martinisme) – направление мистического и эзотерического христианства, чья доктрина описывает падение первого человека из Божественного в материальное, а также способ его возвращения в Божественное.

создал типографию исключительно для печати религиозных книг, учебной литературы и книг, посвященных истории.

Большое количество молодых людей вступили в мартинизм. Тогда власти испугались, думая, что мартинисты выступают против самодержавия. Общество было распущено, а Новиков был заключен в тюрьму Шлиссельбурга.

Россия – преисподняя мыслителей, а самодержавие превосходно исполняет роль Люцифера, которому поручено мучить этих распространителей наук.

Жуковский начал с перевода греческих авторов, а потом перевел Аристотеля, Петрарку и Боккаччо. Он создал патриотические произведения, его «Песнь барда над гробом славян-победителей» и «Певец во стане русских воинов» – оды высокого стиля, полные воодушевления, гармонии и блеска.

Жуковский задавал высокий тон в стремлении славян ко всему сверхъестественному и чудесному. Его мечтательная натура сформировалась в глубине этой страны, утонувшей во льду и снегах. Он любил Шиллера, Гете, восхищался Байроном. Жуковский написал балладу «Людмила», где фантастическое и сверхъестественное играют важную роль.

Батюшков был также антологическим поэтом. Его поэтическое творчество отличается редким совершенством стихосложения. Батюшков был скорее поклонником формы, а не великим мыслителем.

Один скромный служащий восьмой категории, согласно «Табели о рангах», некто Крылов, долгое время изучал человека с его пороками и недостатками. Как говорится, для камердинера нет великих людей. Камердинер видит знаменитостей в весьма обыденных ситуациях, и если у него наблюдательный ум, то он становится знатоком в изучении человечества. У Крылова были большие способности, наблюдательный ум и изящный сатирический слог. С трудом поднявшись по служебной лестнице, в один прекрасный день он по счастливой случайности оказался в библиотеке Петербурга; там у него были книги и достаточно свободного времени, чтобы прочитать их. Именно в этот период жизни он подготовил свой сборник басен. Некоторые критики намекнули, что он подражал басням Эзопа и Лафонтена, но я думаю, он никому не подражал; он оставался самим собой, так как его басни имеют русский колорит. В произведениях Лафонтена присутствовали тонкая ирония и добродушие, в то время как Крылов изъясняется просторечным языком, но язык его обладает редкой силой. Можно сказать, что Крылов был первым, кто показал пороки россиян.

Его фразы и выражения стали популярными, и русский народ имеет полное право гордиться дедушкой Крыловым.

Борьба между сторонниками классицизма и романтизма в России, как и во Франции, была жестокой. Державин, Крылов, Шаховской и Шишков принадлежали к первой школе. Они основали журнал под названием «Беседы любителей русского языка», который был их ареной для нападков на романтизм, главными лидерами которого были Блудов, Дашков, Уваров, Жуковский, Тургенев и Пушкин. Они основали сообщество, называемое «Арзамас», и они отвечали на нападки классиков обжигающе острой сатирой и точными эпиграммами. Каждый член этого сообщества получили титул *Ваше Превосходительство гений Арзамаса*.

Чтобы быть принятым в это веселое сообщество, нужно было пройти множество испытаний, которые являлись пародией на испытания, принятые в среде франко-масонов.

Жуковский писал гекзаметром отчеты о заседаниях «Арзамаса», и данные отчеты доказывают нам, что в ходе заседаний он усердствовал больше, нежели другие писатели, входившие в это Общество.

В конце XVII века на свет появились два величайших писателя России: Грибоедов, который родился в 1794 году, и Пушкин, родившийся в 1799 году.

Грибоедов принадлежал к высшему обществу Москвы. Как было принято в России, Грибоедов начал карьеру в армии; он был корнетом в знаменитом полку Салтыкова. Какая жалость, если человек рожден писателем и мыслителем, а вынужден быть солдатом и подчиняться железной дисциплине! Наш будущий великий писатель плохо переносил гусарскую службу. Тщетно он пытался изменить свое положение. Только после шести лет службы ему было разрешено уйти в отставку. Оставив армию, он поступил в Министерство иностранных дел. Грибоедов имел высокие моральные качества, прекрасное образование, был хорошим музыкантом, посему пользовался большим успехом в салонах Петербурга. Целиком посвящая себя страстям и радостям светской жизни, он дал выход своим литературным наклонностям и сочинил две маленькие театральные пьесы. Но, в глазах самодержавия, осмелиться писать – значит быть виновным, если не преступником. Однако, поскольку Грибоедов был талантливым дипломатом, вместо того, чтобы отправить его к Новикову, его послали в Персию в качестве секретаря русской дипломатической миссии.

До этого момента у Александра Грибоедова был пылкий нрав, стремящийся к развлечениям, он смотрел на жизнь сквозь розовые очки. Но после долгого пребывания в Персии, мы увидим, он станет угрюмым, озлобленным и скептическим.

Письмо, которое он написал своему другу Бегичеву, дает нам представление о настроении Грибоедова перед отъездом в Тегеран. «Как ты думаешь, куда меня хотят отправить?.. куда? ты не знаешь? Ну же! В Персию! Напрасно я отказываюсь... нужно повиноваться... Вчера я указал министру со всем красноречием, которое позволяет мне знание французского, что жестоко заставлял меня провести молодость среди азиатских дикарей, жестоко заставлял бросить родителей и друзей, отказаться от литературного успеха, который неизбежно ждет меня, а также от общения с литераторами и привлекательными женщинами, которым я мог бы понравиться. Не смейся; я молод, музыкален, я легко влюбляюсь. Я часто говорю глупости; а что можно было еще сказать ему? «Изоляция поможет Вам развить свой талант», – сказал он. Отнюдь, Ваше Превосходительство, поэты и авторы нуждаются в слушателях, которых в Персии у меня не будет. Мы говорили несколько минут. Забавно то, что я ему настойчиво повторял об отсутствии у меня честолюбивых стремлений. Однако это не помешало мне спросить, не являются ли мои литературные успехи причиной моего отъезда. Мой дорогой Степан, ты умен, несмотря на то, что ты офицер-кавалергард, что ты об этом думаешь?»

Грибоедов сохраняет самообладание, но видно, он сожалеет, что его литературная карьера сломана в самом начале. В Персии его охватывает смертельная скука, он изучает персидский, чтобы развлечься, он пробует писать. Но, как он справедливо сказал, автору нужен интеллектуальный контакт, а вокруг него были только неграмотные дикари.

В Персии, в среде, где процветало азиатское варварство, Грибоедов стал молчаливым и угрюмым, он сбежал из этой ссылки только потому, что был переведен в Грузию, где он мог, по крайней мере, находиться рядом с Ермоловым, общаться с образованным человеком, делиться с ним своими идеями. В Грузии его дух проснулся; страсть к литературе обрела новые вершины. Он написал несколько выдающихся стихотворений.

В 1823 году он, наконец, получил отпуск, и отправился в Москву. Теперь это был человек зрелого ума, трезвый наблюдатель, он замечал все, что происходило вокруг. Он изучил общество святого города, хранящего старую веру, и мастерски описал все пороки, недостатки и причуды, которые были наиболее шокирующими или смешными.

Так же, как и наш великий Мольер, Грибоедов отдал жизнь своим героям; он создал персонажи, которые останутся бессмертными в России, как бессмертны «Тартюф», «Гарпогон», «Целимена» и «Жорж Данден» во Франции.

Он предвидел, что своей острой сатирической пьесой, которую он назвал «Горе от ума», он наживет множество врагов и множество неприятностей. Эта замечательная комедия отличается юмором, правдоподобием и талантом. Мишель Загуляев, русский редактор «Голоса», который прекрасно писал на французском, как и на своем родном языке, опубликовал перевод пьесы в стихах на французском языке в «Современном журнале».

Я советую своим читателям раздобыть эту публикацию, здесь же я приведу несколько отрывков для тех, кто не хочет утруждать себя поисками журнала.

В тот момент, когда Грибоедов писал свое произведение, двор Петербурга, уже забывший 1812 и 1815 годы, был еще увлечен иностранными нравами и обычаями. В высшем свете говорил только по-французски, выказывали большое пренебрежение ко всему, что было русским, называли себя либералами. Но Москва помнила и питала огромную ненависть ко всему иностранному. Москвичей называли ретроgrадами, но некоторые чиновники и некоторые дворяне привносили в высший свет Москвы так называемые либеральные идеи, город был разделен на два вражеских лагеря: либералы и ретроgrады.

В своих произведениях Грибоедов показывает чрезмерную ненависть к ретроgrадам и нелепость космополитизма, с избытком демонстрируемого либералами. Грибоедов обнажает скрываемое малодушие, жадность судей и чиновников, тщеславие дворянства, которому недостает добропорядочности и образованности. Его перо может ужалить, его слог резкий и суровый. Как «Тартюф» Мольера, произведения Грибоедова вызывали в московских гостиных ужас и гнев, в то время как в петербургских салонах журналы с его пьесами разрывали на части и читали с нескрываемой радостью.

Однако существует цензура. В Санкт-Петербурге или Париже иметь остроумие – это преступление, которое цензура не может простить, она пропускает, по взаимному расположению, вероятно, только скучные работы. Однажды цензура отказала «в визе» «Тартюфу». И до настоящего времени она запрещает многие замечательные комедии, которые без высочайшего позволения так и останутся неизвестными для общественности. В 1823 году российские цензоры запретили постановку «Горя от ума». Правительство даже запретило Грибоедову напечатать его. Я часто задавалась вопросом о пользе цензуры, и я думаю, что именно посредственность заинтересована в сохранении этого института, чтобы предотвратить появление действительно ценных произведений.

Я позаимствовала у господина Курьера¹ некоторые отрывки из комедии Грибоедова. Вот сюжет пьесы: высокопоставленный и богатый московский чиновник Фамусов хочет выдать свою дочь Софи за полковника Скалозуба, подготовка к свадьбе идет полным ходом. Но Софи, избалованная и капризная девушка, влюблена в секретаря своего отца, Молчалина. Тем временем ее друг детства, Чацкий, возвращается в Москву после длительного пребывания за границей. Он застаёт Софи, в которую он влюблен, на свидании с Молчалиным. Упреки, которые он высказывает Софи, разбудили ее отца, который принимает Чацкого за соблазнителя, и отправляет свою дочь к старой тетке в провинцию. Сюжет банальный, но образы, созданные Грибоедовым, – шедевры. Фамусов – это типичный богатый московский чиновник, измеряющий ценность человека его положением в обществе, возможностью продвижения по службе и количеством наград. Вот небольшая речь, которую он адресует Чацкому:

«Вы не такие, вы полны гордости! Но знаете ли вы, как жили ваши отцы? Учитесь на примере старших. Смотрите, например, мой дядя. Он ел не из серебряной посуды, а из золотой. У него была сотня камердинеров. Он был увешан орденами и жил на широкую ногу. Он провел свою жизнь при дворе! Тогда все было не так, как сегодня! Это было время императрицы Екатерины! Все были тогда по сорока пудов² (пуд весил сорок фунтов). Он знал, как поклониться, он также знал, как стать знатным господином! Он выглядел серьезным и важным. Но когда он был на службе, он не переставая раскланивался. Однажды, отступая с поклоном, он чуть не упал и не сломал себе шею. Ее Величество вознаградила его улыбкой, да, она соизволила улыбнуться! Что он сделал? Он встал и хотел откланяться, но упал во второй раз. Он сделал это нарочно. Она засмеялась громче. Тогда он упал в третий раз. Что Вы скажете? На ваш взгляд, это было смешно. На мой взгляд, это было разумно. Его первое падение было неуклюжестью, но два других – лестью. Поэтому с этого дня его стали чаще приглашать для игры в вист с Ее Величеством. А кто при дворе слышал самые лестные слова? Мой дядя Максим Петрович».

Это дает нам точное представление о низкопоклонстве русских: смириться, быть незаметным, научиться с самого раннего возраста «отвешивать поклоны».

¹ Селест Курьер (Céleste Courrière; 1843–19??) – французский писатель, автор книги «История современной литературы в России» («Histoire de la littérature contemporaine en Russie»), изданной в Париже в 1875 году.

² Пуд – устаревшая единица измерения массы русской системы мер. Пуд равен 16,3804964 кг.

Портрет Молчалина Грибоедов изобразил с мастерством Бальзака. Молчалин беден, но амбициозен. По его мнению, чтобы преуспеть, все средства хороши. Молчалин становится любимцем старых женщин, сравнивает их с блестящими цветами, носит их собак, он всегда рядом с ними, подает им руку, он обременяет их своей заботой и вниманием. Чтобы добиться успеха, говорит он, нужно угождать всем, хозяину дома, начальнику, у которого вы служите, лакеям, чистящим платье, швейцару, дворнику, и даже собаке дворника. Общаться, по мнению Молчалина, нужно только с теми людьми, которые нам нужны. Его девиз: умеренность и точность.

Любовь, которую он смог вызвать у прекрасной Софи, для него только возможность выгодно жениться. «Если бы она была бедна, – говорит он, – я бы прошел мимо нее, даже не заметив».

Образ госпожи Тугоуховской, у которой есть «коллекция» из шести дочерей «на выданье» и которая охотится за мужьями для них, достаточно забавный и правдивый. Она следит за глазами молодых людей, и как только один из них на мгновение задерживает взгляд на одной из ее дочерей... «Князь... Князь, – говорит она мужу, – быстро пойд и пригласи его на наши вечера». Приглашение сделано и принято. Внезапно мать узнает, что у молодого человека нет ни состояния, ни доходного места. С горячностью она восклицает: «Это бесполезно ... быстро, быстро, напиши ему, что по той или иной причине мы его не принимаем».

Старая тетка юной Софи тоже являет собой довольно удачный образ старушки с маленькой собачкой. Кроме того, у тетушки есть негритянка, которую она повсюду таскает с собой и выставляет напоказ.

Репетилов – первый среди московских франтов, которых называют «золотой молодежью». У этих молодых сумасбродов есть страсть к либерализму и ко всему английскому, они говорят с английским акцентом, глотают половину слогов и со свистом проговаривают остальные. Борода всегда была отличительной деталью портрета русского человека, эти же франты всегда свежесвыбриты. Ума им достает только на то, чтобы издеваться над всем русским, и преувеличенно хвалить все, что является чужеземным.

Один из них – карикатурный образ человека, считающего, что он обладает гениальностью Гомера, все также молодого через четыре тысячи лет. Он опубликовал статью под названием «Обзор неких вещей», которая содержит только пустые предложения истин, но он сам превозносит себя и пытается заставить других также восхвалять его.

Другой персонаж, превознося все американское, называет себя «человеком практичным». Но вместо того, чтобы достичь положения в обществе трудом и интеллектом, как это делают люди нового мира, он по ночам промышляет грабежом на плохо освещенных улицах Москвы, он мошенничает в игре, он, наконец, ворует, постоянно говоря о чести и честности.

Молодые люди сформировали английский клуб, где они обсуждают все, не имея в голове никаких мыслей... «Прежде всего, – говорит Репетилов, давайте устроим шум, шум приводит ко всему, даже к славе».

Чацкий – положительный персонаж, оставшийся в дураках. Его главные черты – насмешливый дух и сарказм. Автор поручает ему обличить лицемерное и нелепое общество, Чацкий выполняет это задание, высказывая глубоко ранящие упреки, его манера – «рубить с плеча».

Когда Фамусов произносит свою знаменитую тираду о полезности и необходимости низкопоклонства, Чацкий ему отвечает: «Да, вы можете сказать, вздыхая, что мир становится глупее, когда вы сравниваете текущий век с прошлым веком. Свежо предание, но, однако, трудно в это поверить, что каждый старался согнуть спину, и пасть ниц с наслаждением. Когда нужно было, они лежали в пыли, а человек с положением был покрыт лестью. Прошлый век был веком страха и рабства. Я не хочу говорить с вами о вашем дяде. Что трогать его прах! Но сегодня кто посмел бы, в своем желании выслужиться, рискнуть шеей, чтобы выставить себя смешным? В то время завистливые старики, дрожащие в своей старой шкуре, говорили про ловкачей: «Ах! если бы я мог сделать то же самое!» Но сейчас, хотя есть люди, способные устроить подлое дело, они боятся быть нелепыми, и стыд удерживает их».

– О! Боже мой! – воскликнул Фамусов, – это карбонарий.

– Нет, – продолжает Чацкий, – текущий век меняется.

– Он опасный человек, – пробормотал Фамусов.

– Каждый, – сказал либерал, – дышит более свободно и не торопится становиться шутком, разглядывая потолок своих покровителей, помалкивать, приходя к ним с визитом, кланяться, отобедать, подставить стул, поднять носовой платок.

– О, небо! – восклицает Фамусов. Несчастный, вы собираетесь проповедовать независимость!

Чацкий воодушевляясь, произносит превосходную тираду:

«Где отцы Отечества, которые явили бы нам образцы добродетели? Разве не они, обогатившись грабежом, нашли родственников и друзей, чтобы защитить

себя? Они построили великолепные дворцы и осквернили их развратом и расточительностью? Кому в Москве обеды, ужины, балы не закрывали рот? Разве это не тот господин, к которому вы водили нас по неизвестным причинам? К этому Нестору прославленных негодяев, окруженному толпой слуг? В час разврата и драки слуги часто спасали ему жизнь и честь; а он обменивает их на трех охотничьих собак? Разве не он привез на подводах толпу детей, оторвав их у родителей, и мечтая о балете с Амурами и Зефирами, заставил Москву любоваться их красотой? Но кредиторы не предоставили отсрочку, а Амуры и Зефиры были проданы. Вот этих стариков мы должны уважать?»

«Это они – наши суровые цензоры? Но вот появляется молодой человек, который не просит места или продвижения, который учится и который жаждет науки, который любит все, что красиво и возвышенно! Цензоры сразу кричат: «Пожар! Охрана!» И его считают опасным мечтателем! Мундир! Только мундир скрывает их слабости и нищету ума! Их жены и дочери в восторге от мундира! Когда к ним приходит офицер караула или придворный, женщины кричат: «Ура!» и бросают свои шапки в воздух!»

Как мы видим, Грибоедов суров к порокам и недостаткам своих соотечественников. Князь Голицын, тогдашний губернатор Москвы, с гневом воскликнул, что эта комедия есть ни что иное, как насмешка в адрес старой столицы... В аплодисментах публики он слышал скрежет зубов тех, кто узнал себя в персонажах пьесы, и их немую ненависть.

Грибоедов мечтает о славе, но ему не разрешают постановку его главного произведения, мрачное отчаяние охватывает его, и он пишет своему другу Бегичеву:

«Мне скучно, мне грустно, я хотел отвлечься, взяв перо; но для чего? Пришло время умереть. Я уже прожил половину своей жизни. Я скоро буду выставлен дураком, как мои благородные соотечественники... Не знаю, почему это тянется так долго? Тоска, скажи, что ты хочешь, если это еще продлится, я больше не хочу быть терпеливым. Терпение – это добродетель, которую я оставляю для тяглового скота. Прошу вас, скажите, что я должен сделать, чтобы спастись от безумия или выстрела револьвера?»

Чтобы излечить его от желания бороться с пороками русских людей и высмеивать их и чтобы преподать ему урок, что в этой империи нет места свободной мысли, его отправляют сражаться на Кавказе, а затем ссылают в Персию.

В 1829 году Грибоедов был убит религиозными фанатиками.

Самодержавие, сделав поэта солдатом, заставило замолчать гения, который создал бы великие творения.

Пример того, как грубая сила сокрушает силу разума, вызывает печаль и волнение.

Вот что написал о смерти Грибоедова Пушкин, сосланный в это время на Кавказ:

«Перейдя реку, я встретил повозку, запряженную парой волов и сопровождаемую несколькими грузинами.

– Откуда вы? – я спросил их.

– Из Тегерана.

– Кого вы везете?

– Грибоедова.

Я не ожидал, что, оставив его, встречу с ним снова».

Из-за самодержавия, не терпящего мыслителей, Грибоедов написал только одну гениальную пьесу «Горе от ума». Если бы он жил в свободной стране, как Мольер, он оставил бы замечательные и многочисленные работы.

Жизнь Грибоедова была невеселой. В нем были задатки великого гения, но ему даже не выпало радости увидеть свою комедию. Его финал печален, он был убит в Персии варварами.

Еще одно плохое деяние в актив самодержавия. Деяние достойное варварских времен, но не соответствующее цивилизации девятнадцатого века.

Перевод с французского языка, предисловие и комментарии Л. Ильиной¹

¹ **Лариса Евгеньевна Ильина** – кандидат педагогических наук, доцент кафедры романской филологии и методики преподавания французского языка Оренбургского государственного университета, Оренбург, Россия (nerol2620@mail.ru).

РЭЦЭНЗИИ

**Ørberg H. H. *Lingua Latīna per sē illūstrāta. Pars I: Familia Rōmāna.*
Indianapolis: Hackett Publishing, 2011. 328 p.**

Преподавание латинского языка на начальном этапе в вузах традиционно предполагает детальное изучение грамматики и ее отработку на примерах отдельных предложений, а также изучение общеизвестных крылатых фраз на латинском языке. Иной подход предлагает учебник «*Lingua Latīna per sē illūstrāta. Pars I: Familia Rōmāna*» датского лингвиста Ханса Хеннинга Эрберга (Hans Henning Ørberg, 1920–2010). Впервые учебник был опубликован в 1955 году и довольно быстро стал сенсацией: Эрберг показал, как на практике можно реализовать теорию контекстного погружения. В учебнике нет ни одного слова на каком-либо другом языке, кроме латинского. Другими словами, латинский язык изучается посредством латинского языка.

Дидактические приемы, позволившие реализовать Эрбергу его издательский образовательный проект, – это вспомогательные изображения (*imāginēs*), заметки на полях (*marginālia*), а также фабульная история (*fābula*) вымышленной семьи периода расцвета Римской империи конца II в. н. э., которая проживает на вилле близ древнего города Тускулум. Глава семейства – свободный гражданин Юлий (*Lūcius Iūlius Balbus*), у которого есть жена, трое детей и около сотни рабов. Студент – неофит в латинском языке – становится свидетелем жизни этой римской семьи на протяжении трехсот страниц учебника. История семьи – это фон, на котором студенты знакомятся как с грамматикой латинского языка, так и с культурой Древнего Рима: римские дома, быт, дороги, образование, армия, медицина, календарь и летоисчисление. Примечательно, что культурно-исторический материал подается не в виде одностороннего комментария в конце главы, как это характерно для большинства учебников, но посредством своеобразных сюжетных повествований. Например, в шестой главе Юлий возвращается из Рима по Латинской дороге (*via Latīna*) в свою виллу на специальных носилках (*lectīca*), которые вручную тащат уставшие рабы (*servī*). В то же самое время его раб Медус по этой же дороге убегает в Рим к своей возлюбленной Лидии, такой же рабыне, как и он. Или, например, в одиннадцатой главе

сын Юлия Квинтус становится пациентом пришедшего к ним домой врача, который в лечебных целях делает Квинтусу кровопускание – нередкую процедуру в Древнем Риме.

Учебник содержит 35 глав, каждая из которых разделена на три части для детальной проработки грамматики. По мере того, как студенты осваивают грамматику, лексику и синтаксис латинского языка, эти главы заполняются все большим объемом учебного материала. Первая глава состоит из 60 строк латинского текста (в среднем по 7–8 слов в строке), а в последней главе – 287 строк. В общей сложности студенты усваивают около 1800 слов. Заметки на полях, а также иллюстрации сопровождают учебные тексты и помогают обучаемым разобраться в новых словах или грамматических явлениях. Выше упомянутые заметки размещаются как подписи к изображениям, при этом указываются синонимы и синонимичные конструкции (знак =) либо антонимы (знак ↔), схематично изображается правило (например, употребление конкретного падежа с определенным предлогом или глагольная парадигма неправильного глагола).

В качестве примера рассмотрим предложение из главы 16 «Буря» («*Tempestās*»): «*Ventō secundō nāvēs ē portū ēgrediuntur: vēla ventō implentur ac nāvēs plēnīs vēlīs per mare vehuntur*» (с. 120). На полях к этому предложению прилагаются следующие два комментария: (1) «*ventō secundō (abl) = dum ventus secundus est*» и (2) «*ē-gredī = exīre; ēgrediuntur = exeunt*». Так вводится новая для студентов конструкция *ablātīvus absolūtus* и закрепляется

CAP. VI

lectīca

oppidum → villa
ab oppidō ad villam

ad (+ acc) ↔ ab (+ abl)

Iūlius it (sing)
servi eunt (plūr)

umerus

quī quōs:
servi quī saccōs portant
saccī quōs servi portant

Lēander -drī (gen)

vehunt = portant (ab... ad...)

ante ↔ post

ā = ab
ab ante a, e, i, o, u, h
ālab ante ceterās litterās

quō? ↔ unde?

Villa Iūlii est prope Tūsculum. Ab oppidō Tūsculō ad villam Iūlii nōn longa via est. Ecce Iūlius et quattuor servi in viā. Iūlius ab oppidō ad villam suam it. Dominus et servi ab oppidō ad villam eunt. Dominus in lecticā est. Duo servi lecticam cum dominō portant. Servi quī lecticam portant sunt Ursus et Dāvus. Iūlius nōn in viā ambulat, servi eum portant. Syrus et Lēander ambulant. Syrus saccum portat et Lēander quoque saccum portat: Syrus et Lēander duōs saccōs in umeris portant. Saccī quōs Syrus et Lēander portant magnī sunt, sed saccus quem Syrus portat nōn tam magnus est quam saccus Lēandri. Quattuor servi dominum et duōs saccōs ab oppidō ad villam vehunt.

Iūlius in lecticā est inter Ursum et Dāvum. Ursus est ante Iūlium, Dāvus post eum est. Syrus et Lēander nōn ante lecticam, sed post lecticam ambulant. Venitne Iūlius ā villā? Nōn ā villā venit. Unde venit Iūlius? Ab oppidō venit. Quō it Iūlius? Ad villam it. Post eum Tūsculum est, ante eum est villa.

42

тема «Отложительные глаголы (*verba dēpōnentia*)». Предложение дословно означает: «*При благоприятном ветре корабли покидают порт: парус наполняется ветром, и корабли с полными парусами плывут по морю*». Разумеется, весь необходимый для изучения этой конструкции грамматический материал был предварительно представлен и отработан в предыдущих главах.

Наконец, каждая глава заканчивается кратким грамматическим справочником (*grammatica Latīna*), в котором на латинском языке освещаются грамматические явления, отрабатываемые в той или иной главе. Кроме того, приводится список новых слов на полях (*vocābula nova*), а также предлагаются три упражнения (*pēnsa*): подобрать нужное окончание, вставить пропущенное слово и ответить на вопросы по тексту. В конце книги размещаются схематичные грамматические таблицы типов склонения существительных, склонения местоимений и числительных, спряжения глаголов, римский календарь и предметный указатель. Текст учебника написан классической латынью, в графике отсутствует буква «j» (*eius, Iuppiter*), на сопровождающем учебник аудиодиске предпочтение отдается восстановленному («кикеровскому») произношению. Учебные тексты составлены с использованием общепотребительной лексики латинского языка классического периода с присущим ему гибким синтаксисом. Взаимозаменяемые служебные части речи вводятся в связанном контексте, что облегчает когнитивную нагрузку для студента.

Для преподавателя латинского языка, не освоившего методику Эрберга, данный учебник может показаться непоследовательным или даже неполным. Действительно, на страницах учебника нет развернутых таблиц с парадигмами (склонения или спряжения), с восклицательными знаками *notā bene*, указывающими на исключения из правил. К примеру, макроны используются в словах без объяснения понятия долготы, а страдательный залог впервые вводится в шестой главе – раньше, чем формы спряжения глагола в действительном залоге настоящего времени. Однако в этом преимущество учебника Эрберга: он вводит грамматические конструкции по мере их необходимости в контексте основного повествования. Более того, использование учебника предоставляет преподавателю свободу в использовании любых дополнительных ресурсов для работы со студентами. Например, в США на уроках латинского языка наряду с учебником Эрберга нередко используется издание-компаньон филолога-классика Джинн Нойманн¹, в котором размещается

¹ Neumann J. M. *Lingua Latīna: A companion to Familia Rōmāna* / 2nd ed. Indianapolis: Hackett Publishing, 2016. 405 p.

культурный комментарий к главам учебника и подробнее рассматриваются грамматические явления. Существуют приложения к учебнику, разработанные самим Эрбергом: аудиодиск с начитанными текстами глав («Familia Rōmāna: Latīnē Audiō»), книга с грамматическими упражнениями («Exercitia Latīna I»), а также книга для чтения («Colloquia persōnārum»). Цель учебника Эрберга – подготовить студентов к работе с оригинальными текстами на латинском языке, и текстовую базу для реализации этой цели он создает во втором своем учебнике («Rōma Aeterna»).

Главное отличие учебника Эрберга от уже имеющихся заключается в том, что он позволяет студентам изучать латинский язык как живой. Это значит, что студенты могут обсуждать те вопросы, которые приводятся в учебнике либо в книге с упражнениями, в процессе моделирования устного дискурса друг с другом или с учителем. Таким образом, занятия требуют большей студенческой вовлеченности. При этом повышается мотивация студентов, словарный запас формируется более прочно через коммуникативные стратегии обучения. Со временем студенты могут создавать собственные небольшие тексты на латинском языке: например, писать письма по электронной почте или готовить краткие устные презентации. Иными словами, в дополнение к глубокому пониманию лингвистической и культурно-исторической уникальности латинского языка студенты убеждаются в возможности (и даже целесообразности) применения его для удовлетворения своих когнитивно-коммуникативных потребностей в условиях современности. Все отмеченные выше характеристики данного учебника позволяют рекомендовать его к использованию на занятиях латинского языка в высших учебных заведениях.

Ю. Павлов¹

¹ **Юрий Александрович Павлов** – докторант кафедры педагогического дизайна, разработки и оценки эффективности учебной деятельности Школы образования Сиракузского университета, США (ypavlov@syr.edu).

ЗМЕСТ

Кафедры класічнай філалогіі БДУ – 25 гадоў	3
Асноўныя працы кафедры класічнай філалогіі БДУ	6
Кафедра класічнай філалогіі БДУ ў сродках масавай інфармацыі	13
<i>A. Borghini.</i> «Narpatatum est» e il nome di Lyconides: nota all’Aulularia plautina	15
<i>A. В. Гарник.</i> Гібридныя кампозиты в латынском языке	18
<i>A. У. Кірычэнка.</i> Дзеяслоўна-іменныя апісальныя звароты ў Дзеяннях Святых апосталаў: асаблівасці беларускіх перакладаў	25
<i>Е. Л. Кузнецова.</i> Фитонимы, отражающие количественную характеристику лекарственных растений	32
<i>Н. Б. Мечковская.</i> Античное понятие «стиль» и его континуанты в европейской культуре Нового времени	38
<i>Ж. В. Некрашэвіч-Кароткая.</i> Ідэнтыфікацыйныя дыспазіцыі ў старажытных наратывах як гетэрагеннае культурнае ядро: беларускі гісторыка-літаратурны дыскурс	56
<i>Н. Г. Нечипуренко, Е. В. Грищенко, Л. П. Чумакова.</i> Латинская лексика в словаре права	80
<i>Е. А. Пупко.</i> Латинские филологические термины греческого происхождения: время и механизмы терминологизации	85
<i>А. Д. Писарук.</i> Семантический диапазон латинских, русских и английских континуантов греческой лексемы <i>κλίνη</i> : насколько необычны векторы производных обозначений?	92
<i>О. Г. Прокопчук.</i> Терминология статьи «Образъхъ» (Изборник Святослава 1073 г.): характерные черты и причины несоответствий с греческим оригиналом	99
<i>Я. У. Прыстаўка.</i> Пеэратывы ў тэксце Новага Запавету: праблема перакладу	112
<i>М. Рутц.</i> «Carmen de bisonte» Мікалая Гусоўскага як падвойны акт камунікацыі: працэс стварэння іміджу і трансфармацыйны дыскурс	118
<i>А. А. Скоропадская.</i> Античный лингвокультурный контекст семейного воспитания Ф. М. Достоевского	155
<i>М. Н. Славятинская.</i> А где же греческий? (К проблеме интеллектуальной глобализации)	163
<i>Е. В. Стриго.</i> Количественная характеристика словообразовательного потенциала непроизводных имен прилагательных с латинской корневой морфемой	175
<i>А. З. Цисык, А. В. Гарник.</i> Профессионализм и дилетанство в информации об античном мире (по поводу книги А. Г. Ильяхова «Этимологический словарь. Античные корни в русском языке»)	185
<i>А. В. Шилова.</i> Концепция метафоры у эллинистических и византийских риториков: Трифон и Аноним	202

Пераклады

<i>Арыстоцель. Рыторыка (фрагмент). Пераклад Д. Г. Мінкевіча</i>	208
<i>Публій Авідзій Назон. Гераіды. Ліст І. Пенелопа – Улісу (1–80). Пераклад Я. У. Прыстаўкі</i>	213
<i>Іаган Мялецій. Пра веру і набажэнства старажытных барусаў, ліст Іа[гана] Мялеція Георгію Сабіну. Пераклад Ж. В. Некрашэвіч-Кароткай</i>	216
<i>Олимпия Одуар. Путешествие в страну бояр. Очерки о России XIX в. Глава IV. Славянская литература. Перевод Л. Е. Ильиной</i>	223

Рэцэнзіі

<i>Ю. А. Павлов. Ørberg Н. Н. Lingua Latīna per sē illūstrāta</i>	242
---	-----